



ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ
ST. PETERSBURG INSTITUTE OF JEWISH STUDIES

ТРУДЫ ПО ИУДАИКЕ
ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Выпуск 15

TRANSACTIONS
ON JEWISH STUDIES
HISTORY AND ETHNOGRAPHY
Issue 15

**JEWS OF RUSSIA, EUROPE
AND THE MIDDLE EAST:
HISTORY, CULTURE
AND LITERATURE**

**International
Academic Conference Proceedings
April 14, 2019**

St. Petersburg
2019

ЕВРЕИ РОССИИ, ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СЛОВЕСНОСТЬ

**Материалы
Международной научной конференции
14 апреля 2019 г.**

Санкт-Петербург
2019

УДК [80/81+94](063)(4/5)(=411.16)

ББК 63.521(611.215)-7я431

Е22

*Издано при поддержке Регионального еврейского конгресса
в Санкт-Петербурге*

Ответственные редакторы:

В. Г. Вовина (СПБНИИ РАН), М. О. Мельцин (ПНИИ)

Редакционная коллегия:

*А. В. Сиренов (сопредседатель), Д. А. Эльяшевич (сопредседатель),
В. Г. Вовина, А. А. Кобринский, М. О. Мельцин, А. Ольман*

Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история,
Е22 культура и словесность: материалы международной науч-
ной конференции 14 апреля 2019 г. / Отв. ред. В. Г. Вовина,
М. О. Мельцин; Петербургский ин-т иудаики. – Санкт-Пе-
тербург, 2019. – 395 с.: ил. – (Труды по иудаике. Сер. «Исто-
рия и этнография». Вып. 15).

ISBN 978-5-905966-91-0

В сборник вошли материалы Международной научной конференции «Евреи России, Европы и Ближнего Востока: история, культура и словесность», история, культура и словесность», организованной совместно Петербургским институтом иудаики и Санкт-Петербургским институтом истории РАН и проходившей в Санкт-Петербурге 14 апреля 2019 г. Материалы сборника адресованы научным работникам, преподавателям и студентам, а также могут представлять интерес для широкого круга читателей.

УДК [80/81+94](063)(4/5)(=411.16)

ББК 63.521(611.215)-7я431

ISBN 978-5-905966-91-0

© Авторы статей, 2019
© АНО ВПО «Петербургский
институт иудаики», 2019

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
-------------------	----

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СТРЕМЛЕНИИ К НЕМУ

11

С. Н. Давидоглу (г. Москва, Российская Федерация) НЕБЕСНЫЙ ХРАМ В ИУДЕЙСКОЙ АПОКАЛИПТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ III в. до н. э. – II в. н. э.	12
С. А. Французов (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) НОВЕЙШЕЕ ЭПИГРАФИЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ОБ ИУДЕЯХ В ДОИСЛАМСКОМ ЙЕМЕНЕ	18
М. С. Шаповалов (г. Омск, Российская Федерация) СИБИРСКИЙ ИУДЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв. НА ПУТИ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ	24
Е. М. Белкина (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ ЕВРЕЙСКО-ПЕРСИДСКИХ РУКОПИСЕЙ В СОБРАНИЯХ РНБ И ИВР РАН	30
В. Месамед (г. Иерусалим, Израиль) РЕАЛЬНО ЛИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ИРАНЕ: КРУПНЕЙШАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В УСЛОВИЯХ ИСЛАМСКОГО РЕЖИМА	37

ИСТОРИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСПАДА ОБЩИН

44

Е. В. Гусарова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЭФИОПСКИЕ БЕТА ЭСРАЕЛЬ: МИФЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИЯ	45
Р. Марчинковски (г. Варшава, Республика Польша) ЕВРЕИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОВА БЕРА ИЗ БОЛЕХОВА	51
А. А. Кружалина (г. Иркутск, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ 80–90-х гг. XIX в. ПО МАТЕРИАЛАМ «ОТЧЕТА О ЗАГРАНИЧНОЙ ПОЕЗДКЕ ПО ВОПРОСУ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ» В. Л. БЕРМАНА	57

И. Н. Литвинова (г. Волгоград, Российская Федерация) ЕВРЕИ-ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ Г. ЦАРИЦЫНА НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	63
Б. Н. Казаченко (г. Москва, Российская Федерация) КЪААЛ – МОЛИТВЕННЫЙ ДОМ КРЫМЧАКОВ	69
К. Г. Карпекин (г. Витебск, Республика Беларусь) ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН БЕШЕНКОВИЧСКОГО РАЙОНА В 1918–1930-е гг.	76
Е. А. Якимова (г. Москва, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА СОВРЕМЕННОЙ ЛИТВЫ: ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКУЮ СРЕДУ	84

ЕВРЕИ И СЛОВЕСНОСТЬ

91

А. Polonskaya (Jerusalem, Israel) MIKITKA: INTERPRETATION OF A SONG (OR A NIGGUN)	92
Е. В. Хаздан (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) «ХАД ГАДЬЯ»: ПЕСНЯ-ЗАГАДКА И ЕЕ ИЗУЧЕНИЕ	102
Б. Вальдман (г. Беер-Шева, Израиль) И. С. ТУРГЕНЕВ И РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ПЕРИОДИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.	113
Г. Н. Боева (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ НАЧАЛА XX в.: СЕМЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА	125
Ю. А. Волохова (г. Москва, Российская Федерация) «СТАРЫЙ УЧИТЕЛЬ» – ЗАБЫТАЯ ПЬЕСА В. ГРОССМАНА	132
В. В. Кириченко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ЖОРЖА ПЕРЕКА «W, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЕ ДЕТСТВА»	139

ЕВРЕИ И ОБРАЗОВАНИЕ

145

А. А. Журавлёв (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) К ВОПРОСУ ОБ УЧЕБЕ В ПЕТРОВСКОМ КОММЕРЧЕСКОМ УЧИЛИЩЕ ДЕТЕЙ КУПЦОВ-ИУДЕЕВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.	146
--	-----

Е. Г. Певзнер (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОБСТВЕННЫХ УЧИЛИЩАХ ОПЕ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ И РИГЕ	151
Б. Б. Дубенцов (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) З. Г. ГРИНБЕРГ И ПЕТРОГРАДСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО: ДЕЛА И СЛОВА (1918–1919 гг.)	157
Г. Н. Яковлева (г. Витебск, Республика Беларусь) СОВЕТСКИЕ ЕВРЕЙСКИЕ ДЕТСКИЕ САДЫ 1920-х гг. НА ВИТЕБЩИНЕ И ИХ РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ	167

УЧЕНЫЕ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

175

В. В. Левченко (г. Одесса, Украина) «АВРААМ РОДИЛ ИСААКА; ИСААК РОДИЛ ИАКОВА...»: ЕВРЕЙСКАЯ ВЕТВЬ РОДОСЛОВНОЙ П. М. БИЦИЛЛИ	176
В. В. Онощенко (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) Л. Б. Эрштейн (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЭТНОГРАФ Л. Я. ШТЕРНБЕРГ И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ	189
О. Б. Вахромеева (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) НАУЧНАЯ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Л. ГЕРШУНА (1868–1915): К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАТОРА РОССИЙСКОЙ ОПТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	196
Н. О. Чехович (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) СУДЬБА АССИРИОЛОГА МИХАИЛА АСТУРА (MICHAEL S. ASTOUR) И ЕГО СЕМЬИ. ВИЛЬНА, СССР (ГУЛАГ И КАЗАХСТАН), ПОЛЬША, ФРАНЦИЯ, США	205

В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

212

А. И. Богомолов (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) О РАССЛЕДОВАНИИ ЕВРЕЙСКОГО ПОГРОМА В ЧЕЛЯБИНСКЕ (ОКТАБРЬ 1905 г.)	213
А. И. Хаеш (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) НАВЕТ 1915 ГОДА НА ЕВРЕЕВ МЕСТЕЧКА КУЖЫ	220

М. А. Златина (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ ЕВРЕЙСКИМ БЕЖЕНЦАМ В ГОРОДАХ – ТРАНЗИТНЫХ ПУНКТАХ НА ПРИМЕРЕ г. РИГИ (МАЙ–ИЮНЬ 1915 г.)	227
И. Э. Сивопляс (г. Ульяновск, Российская Федерация) СИМБИРСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ РАВВИН ГИРШ КЛЕЙН.....	233
П. Г. Rogozный (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕИ, НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ.....	241
И. В. Чубыкин (г. Москва, Российская Федерация) МАРК ВЕНИАМИНОВИЧ ВИШНЯК – ЮРИСТ И ПОЛИТИК	251

ЕВРЕИ И ПОЛИТИКА

261

Л. И. Ивонина (г. Смоленск, Российская Федерация) СТАНИСЛАВ ЛЕЩИНСКИЙ И ЕВРЕИ: ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ.....	262
Е. А. Смирнова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА МАТВЕЕВИЧА ГЕССЕНА	267
М. С. Тарасова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ, ЭТНИЧЕСКОЕ, ЛОКАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО АНАРХИЗМА В ФИЛАДЕЛЬФИИ, США В НАЧАЛЕ XX в.	271
М. Ю. Крапивин (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) «ОЗНАКОМИВШИСЬ С ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКОЙ тов. БРЕННЕРА ПО ДЕЛУ СИОНИСТОВ, ПОЗВОЛЯЮ СЕБЕ СДЕЛАТЬ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ»: НАРКОМ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ РСФСР Г. В. ЧИЧЕРИН О НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ СИОНИСТОВ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТИЖА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА, 28 ИЮНЯ 1920 г.	277
Г. Н. Кондратюк (г. Симферополь, Российская Федерация) ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРЕЙСКОЙ СЕКЦИИ КРЫМСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) (1920-е гг.)	288
Т. М. Смирнова (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЛЕНОЗЕТ КОНЦА 1920-х гг. В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ	295
И. В. Масюкова (г. Москва, Российская Федерация) ЕВРЕИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (В 1950-х – 1960-х гг.).....	302

К. В. Ермишина (г. Москва, Российская Федерация) К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СССР И ИЗРАИЛЯ НАКАНУНЕ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ.....	308
--	-----

В ВОСПРИЯТИИ ОКРУЖАЮЩИХ

315

М. М. Юнусов (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) МОНТЕНЬ ОБ ОДНОМ ИУДЕЙСКОМ ОБРЯДЕ (ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ В ИТАЛИЮ»).....	316
---	-----

Н. Ю. Николаев (г. Волжский Волгоградской обл., Российская Федерация) Р. Ш. Ибрагимов (г. Волжский Волгоградской обл., Российская Федерация) «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» НА СТРАНИЦАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В КОНЦЕ XIX в.: ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» И «РУССКОЙ МЫСЛИ»	323
---	-----

В. А. Герасимова (г. Омск, Российская Федерация) АНТИСЕМИТИЗМ В СИБИРСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ ВПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	330
--	-----

Т. И. Кузнецова (г. Даугавпилс, Республика Латвия) ЕВРЕИ В ВОСПРИЯТИИ ЛАТЫШЕЙ: ЦИТАТА В АНТИСЕМИТСКОЙ ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (20-е гг. XX в.)	337
--	-----

Т. К. Никольская (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация) ЕВРЕИ В МЕМУАРАХ РУССКИХ ПРОТЕСТАНТОВ	344
--	-----

Аннотации	351
-----------------	-----

Summaries.....	366
----------------	-----

Коротко об авторах.....	380
-------------------------	-----

Authors	384
---------------	-----

Список основных сокращений	388
----------------------------------	-----

Предисловие

В 2019 г. традиционная ежегодная конференция по истории и культуре евреев подготовлена Петербургским институтом иудаики и Санкт-Петербургским институтом истории РАН. В данном сборнике помещены статьи, в основу которых положены доклады, заявленные на эту конференцию. В сборник вошло 45 статей, написанных 47-ю авторами, представляющими, кроме России, Беларусь, Украину, Латвию, Польшу и Израиль. Большинство иностранных авторов представляют именно Израиль. Благодарим доктора Арье Ольмана (Иерусалим, Израиль) за то, что он согласился войти в состав редколлегии. Российские участники сборника прислали тексты из разных концов страны — начиная от Иркутска и Омска на востоке и заканчивая Смоленском и Симферополем на западе и юге, хотя, что вполне естественно, почти половина авторов — петербуржцы.

Одной из задач конференций по иудаике всегда было привлечение научной молодежи, и этот год не стал исключением: среди участников сборника немало молодых исследователей.

Статьи посвящены самым разным проблемам. Больше всего исследований касаются истории евреев бывшей Российской империи (или выходцев из нее), но несколько статей посвящены также истории еврейских общин Эфиопии, Йемена и Ирана. Несколько авторов исследуют историю отдельных еврейских общин или отдельные аспекты этой истории. Традиционно привлекают внимание ученых судьбы евреев в целом и отдельных представителей народа в связи с политическими событиями, имевшими место при разных властях, особенно в трагические (военные, революционные) моменты истории. Как и ранее, большое число статей в сборнике посвящено отдельным судьбам. Евреи традиционно называются народом Книги, и работ, посвященных книгам, литературе, а также музыке, тоже немало. Особенностью конференции этого года стало значительно количество участников, которые поставили целью исследовать восприятие евреев окружающими: мыслителями, литераторами, простыми обывателями, настроенными как либерально, так и консервативно.

В целом, как конференция 2019 г., так и сборник статей охватывают широкий круг проблем жизни, творчества и борьбы за существование евреев России, Европы и Ближнего Востока разных эпох.

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СТРЕМЛЕНИИ К НЕМУ



УДК 229

С. Н. Давидоглу*(г. Москва, Российская Федерация)*

Небесный храм в иудейской апокалиптической литературе III в. до н. э. — II в. н. э.

В иудейской культуре в эллинистический период возникает совершенно уникальное явление — иудейская апокалиптическая литература, как правило псевдоэпиграфического характера. Эти тексты, будучи совершенно разными по жанровым характеристикам, структуре и содержащимся в них идеям, претендовали на то, что передают откровение Бога о событиях последнего времени или о неких невидимых (трансцендентных) реалиях. Несмотря на наличие множества мнений о причинах возникновения апокалиптической литературы, в целом исследователи соглашались с тем, что появление апокалиптических текстов вызвано осмыслением какого-либо кризиса, среди которых Коллинзом выделяются культурный шок, преследование, неотвратимость смерти, несправедливость истории и другие.

Идея святилища начиная с самого зарождения израильской нации была крайне важна для религиозного сознания и культуры. Храм был центром религии иудеев как в период монархии, так и в эпоху Второго Храма. Мотив небесного храма, на наш взгляд, является одной из форм переосмысления идеи храма как такового в контексте происходивших в этот период событий и изменений в религиозном мировоззрении, связанных с разочарованием в Иерусалимском храме и в священническом служении.

Ниже предлагается краткий анализ представлений о небесном храме в апокалиптических текстах. Для рассмотрения нами были взяты тексты, относящиеся исследователями к жанру апокалипсиса или к схожему с ним жанру завещания, относящиеся к периоду III в. до н. э. — II в. н. э., и содержащие прямо или имплицитно идею небесного храма. К этим текстам относятся: 1 Еноха, Завещание Левия, 2 Еноха, Апокалипсис Авраама, 3 Ездры, 2 Варуха и 3 Варуха. Также для сопоставления был взят один текст из Кумранских рукописей — Песни субботнего всесожжения, который формально не относится к апокалиптическому жанру, однако очень близок по ряду признаков к ново-

заветному Откровению Иоанна¹, и в нем хорошо представлен концепт небесного храма, с использованием многочисленных терминов из храмовой лексики, и устроенный так же, как иерусалимский храм².

Тексты 1 Еноха, Завещание Левия, 2 Еноха и Песни субботнего всесожжения были написаны в период III в. до н. э. – сер. I в. н. э., и отражают разного рода кризисы, связанные с восприятием храма, когда храм в Иерусалиме еще стоял. Апокалипсис Авраама, 3 Ездры, 2 Варуха и 3 Варуха были написаны после разрушения храма, в кон. I – нач. II в. н. э., отражая взгляды того периода, когда храма в Иерусалиме уже не было, однако надежда на вмешательство Божье и установление мессианского царства еще была жива.

1 Еноха

В Первой книге Еноха, состоящей из пяти независимых частей³, образ небесного храма эксплицитно представлен в Книге Стражей (1 Ен 1–36), и намек на идею небесного города-храма, спускающегося на землю есть в Книге Видений (1 Ен 83–90). Эсхатологически направленная и сконцентрированная на идее последнего суда⁴ Книга Стражей описывает восхождение Еноха на небо и здание, структура которого повторяет Иерусалимский храм⁵, тем самым показывая, что само небо понимается как храм⁶. В описании небесного храма видно стремление автора показать недоступность и непознаваемость Бога, приблизиться к которому дано одному лишь Еноху для совершения посреднической миссии⁷, храм связан с призванием пророка и с Божественным судом (см. также Ис 6; Пс 10; 72:17)⁸. Тем самым идея небесного храма помогает сохранить уверенность в справедливости Божьего суда и в Божественном управлении историей, несмотря на все происходящие в истории кризисы. Книга Видений, описывающая израильскую историю до эпохи Маккавеев через образы животных, явно негативно относится ко Второму храму, считая его изначально нечистым (89:73; 90:30)⁹. При этом показана завершающая трансформация в Израиле, намекающей на нисхождение небесного города-храма на землю¹⁰. Для автора текста он является гарантом завета Бога с Израилем.

Завещание Левия

Завещание Левия, которое является частью «Завещаний двенадцати патриархов»¹¹, уделяет особое внимание вопросу священства. В нем содержится рассуждение о семи небесах, высшее из которых описывается как Святое Святых (ἅγιον ἅγιον) в 3:4 и храм (ναός) в 18:6. Небесный храм в тексте является местом обитания Бога, его тронным

залом, местом, откуда исходят суды Божьи и где посвящаются священники. Именно существование небесного святилища делает сам институт священства незыблемым и легитимным¹². Бог показан как отделенный от мира людей и недоступный¹³. Тем самым текст демонстрирует уверенность в невозможности осквернения истинного храма и истинного священства, несмотря на все события, происходящие с земными храмом и священниками.

2 Еноха

Вторая книга Еноха¹⁴ описывает восхождение Еноха через семь небес. Здесь само небо понимается как храм и является местом совершения литургии в форме песен и хвалы. Енох также становится частью этой литургии, поскольку его помазывают на священство, и он обретает статус даже выше ангела¹⁵. Подразумеваемый в тексте небесный храм призван показать стабильность института священства, незыблемость Божественного правления в мире и возможность человека жить праведно.

Песнь субботнего всесожжения

Кумранский текст Песнь субботнего всесожжения¹⁶ содержит рассуждения о небесном храме в контексте ангельской литургии. Описанный храм состоит из семи святилищ, или же речь идет об одном храме, описанном с помощью множественного числа величия¹⁷. Небесный храм представлен как отражение храма в Иерусалиме, но в нем приносятся только жертвы хвалы ангелов. Основной упор в тексте делается на доступность богопоклонения через хвалу без кровных жертв в храме и на соучастие членов общины в ангельской литургии. Тем самым небесный храм служит залогом того, что богопоклонение истинно верующих принимается, даже когда земной храм осквернен.

Апокалипсис Авраама

В Апокалипсисе Авраама¹⁸ описано восхождение патриарха на небо, где он получает возможность стоять перед Божественным троном, который описан подобно колеснице из Иез 1. Текст описывает небесную литургию, в которой участвует сам Авраам¹⁹, его проводником является первосвященник Яхоэль, тем самым видно, что небо понимается как храм²⁰. Текст избегает любого антропоморфизма в отношении Бога, характеризуя его в терминах голоса или имени (Апок. Авр 8:1)²¹. В храме же Аврааму показывается судьба мира и его потомков. Таким образом, небесный храм служит для передачи идеи выс-

шей власти над миром и историей неопишуемого и непознаваемого Бога, который остается верен своему завету с Авраамом и его детьми несмотря ни на какие катаклизмы.

3 Ездры

Третья книга Ездры²² полностью посвящена плачу о разрушенном Сионе и богословскому осмыслению этого события. В 9:26–10:59 Ездра встречает женщину, символизирующую Сион, плачущую о потерянном сыне, которая затем превращается в город-храм (10:25–28). Через это видение ангел показывает провидцу, что существует истинный Сион, в котором будут жить верные в эсхатологическом будущем. Это видение и призыв ангела перестать скорбеть о потере храм побуждают верующих перенести центр своей религии и веры с здания храма на более прочные ценности. Незыблемость небесных реалий утверждает верность Бога, справедливость его последнего суда, актуальность богоизбранного статуса народа и уверенность в грядущем царстве Бога²³.

2 Варуха

Вторая книга Варуха²⁴ говорит о небесном храме прямо, в какой-то степени отождествляя его с раем²⁵ и говоря о нем как о существовавшем «от начала» (2 Вар 4:1–6)²⁶ и предназначенном для явления людям в эсхатологическом будущем. В то же время есть указания и на восстановление земного храма²⁷. В целом же текст ориентирован не столько на небесные незыблемые реалии или восстановление храма в будущем, сколько на Закон и его роль в духовном возрождении народа²⁸. Таким образом, небесный храм служит гарантом стабильности Бога и его завета в периоды потрясений, но обращает внимание не сам на себя, а на важность закона, следование которому и делает возможным пребывание с Богом в эсхатологическом храме по завершении земной истории.

3 Варуха

Третья книга Варуха²⁹ описывает восхождение провидца на небо, структура которого повторяет структуру храма³⁰. На храмовую природу неба указывает и описание действий архангела Михаила, играющего роль первосвященника. Путешествие Варуха не достигает Святого Святых, он даже мельком не видит тронный зал Бога, а только слышит голос, и наблюдает посредническую деятельность Михаила³¹. Таким образом, через идею реального, но недоступного небесного храма

книга показывает незыблемость Божьего правления, его необъяснимость. Через служение же Михаила показано, что молитвы и добрые дела верующих достигают Бога³², а потому акцент религиозной жизни должен быть именно на них, а не на какой-либо форме храмового поклонения.

В рассмотренных выше текстах можно наблюдать определенную динамику изменения представлений о небесном храме и его роли в текстах в зависимости от времени их написания и кризисов, ответом на которые эти тексты стали. Если в более ранних текстах эллинистического и начала римского периодов (до разрушения храма) человек видит храм и входит в личное присутствие Божье во Святое Святых, а также серьезный акцент сделан на институте священства и небесной литургии, то в текстах, написанных после разрушения храма, небесный храм либо достаточно абстрактен (3 Езд), либо скрыт от людей (2 Вар), либо недоступен для входа человека (3 Вар), а идея священства и литургия уже не занимают столь важного места, уступая главную роль закону и морали.

Однако, несмотря на то, что эти тексты были написаны в разное время, как в Палестине, так и в диаспоре, являются ответом на разные кризисы, и были написаны людьми из разных религиозных течений иудаизма, все они отражают представление о некоей небесной реальности, которая понималась в терминах, структуре или идеях храма и храмового служения. Небесный храм всегда непосредственно связывается с личным присутствием Бога, воспринимается как гарант незыблемости Божественного правления в мире, подчиненности мировой истории Божьему замыслу, как основа верности Бога завету с Израилем и сохранения избранного статуса народа³³. Само наличие небесного храма воспринимается большинством текстов как залог того, что поклонение истинно верующих принимается Богом, их молитвы услышаны, и добрые дела не забыты, независимо от того, есть ли на земле храм, и в каком состоянии находится он и служение в нем³⁴. Через образ небесного храма многие тексты также демонстрируют непознаваемость Бога, его отделенность от мира людей, тем самым оставляя за ним суверенное право вершить в истории события, значение которых может быть непонятно людям.

Примечания

¹ *Shea W. H. Sabbath Hymns for the Heavenly Sanctuary (Qumran) // Symposium on Revelation. Exegetical and General Studies. Book 2 / Ed. Frank B. Holbrook. Silver springs, MD : Biblical Research Institute, 1992. P. 391.*

- ² *Angel J. L.* Otherworldly and Eschatological Priesthood in the Dead Sea Scrolls. Leiden : Brill, 2010. P. 83; *Spatafora A.* From the temple of God to God as the temple — a biblical theological study of the temple in the book of Revelation. Roma : Gregorian University Press, 1997. P. 80–82.
- ³ Подробнее см. *Сомов А. Б., Ткаченко А. А.* Еноха Первая Книга // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 18. М. : ЦНЦ ПЭ, 2008. С. 468–475.
- ⁴ *Collins J. J.* The Apocalyptic Imagination. An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature. Second edition. Grand Rapids, MI : William B. Eerdmans Publishing Company, 1998. P. 48.
- ⁵ *Himmelfarb M.* Ascent to Heaven in Jewish and Christian Apocalypses. Oxford : Oxford University press, 1993. P. 14.
- ⁶ *Collins J. J.* Op. cit. P. 54.
- ⁷ *Spatafora A.* Op. cit. P. 72–73. Сам Енох в тексте 12:6, однако, идентифицируется не со священником, а с писцом (*Collins J. J.* Op. cit. P. 54).
- ⁸ *Spatafora A.* Op. cit. P. 73–74.
- ⁹ *Stevenson G.* Power and Place. Temple and Identity in the Book of Revelation. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. P. 187–189.
- ¹⁰ *Collins J. J.* Op. cit. P. 70.
- ¹¹ Подробнее см. *Ткаченко А. А., Жуков С. Ю.* Двенадцати патриархов завещания // Православная энциклопедия. Т. 14. М. : ЦНЦ ПЭ, 2006. С. 226–232.
- ¹² *Stevenson G.* Op. cit. P. 192–194.
- ¹³ *Spatafora A.* Op. cit. P. 76–78.
- ¹⁴ Подробнее см. *Сомов А. Б., Ткаченко А. А.* Еноха Вторая Книга // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 18. С. 475–480.
- ¹⁵ *Himmelfarb M.* The Apocalypse: a Brief History. West Sussex : Wiley-Blackwell, 2010. P. 76–78; *Сомов А. Б., Ткаченко А. А.* Еноха Вторая Книга. С. 478.
- ¹⁶ Подробнее см. *Vermees G.* The Complete Dead Sea Scrolls in English. London : Penguin Books, 2004. P. 329.
- ¹⁷ *Shea W. H.* Op. cit. P. 400–401.
- ¹⁸ Подробнее см. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1: Apocalyptic Literature and Testaments / ed. by J. H. Charlesworth, Duke University. Garden City, New York : Doubleday & Company, 1983. P. 681–683.
- ¹⁹ *Himmelfarb M.* The Apocalypse... P. 79–80; *Stevenson G.* Op. cit. P. 206.
- ²⁰ *Orlov A.* Heavenly priesthood in the Apocalypse of Abraham. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. P. 5.
- ²¹ *Ibid.* P. 45–51.
- ²² Подробнее см. *Collins J. J.* Op. cit. P. 195–199.
- ²³ *Daschke D.* City of Ruins. Mourning the Destruction of Jerusalem through Jewish Apocalypse. Leiden : Brill, 2010. P. 105, 128, 131–135; *Stevenson G.* Op. cit. P. 197, 199.
- ²⁴ Подробнее см. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1. P. 615–617, 620.
- ²⁵ Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы: Апокрифические псалмы Давида, Апокалипсис Баруха, Сентенции Менандра / Пер. с сирийского, вводные статьи и комментарии Ю. А. Аржанова. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2011. С. 78–79.
- ²⁶ *Collins J. J.* Op. cit. P. 216.
- ²⁷ *Ibid.* Автор не считает, что в тексте есть противоречащие друг другу концепции, но полагает, что апокалипсис говорит о будущей надежде в виде символов, не пытаясь сформулировать четкую доктрину.
- ²⁸ *Daschke D.* Op. cit. P. 167; *Collins J. J.* Op. cit. P. 222.
- ²⁹ Подробнее см. The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1. P. 653–656.
- ³⁰ *Himmelfarb M.* Ascent to Heaven... P. 90.
- ³¹ *Spatafora A.* Op. cit. P. 78–80; *Daschke D.* Op. cit. P. 179.

³² The Old Testament Pseudepigrapha. Vol. 1. P. 659.³³ Stevenson G. Op. cit. P. 200, 209.³⁴ Orlov A. Op. cit. P. 3.

УДК 296.6

С. А. Французов

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новейшее эпиграфическое свидетельство об иудеях в доисламском Йемене

В начале четвертого тысячелетия своей письменной истории Йемен, подаривший миру одну из самобытных древневосточных цивилизаций, столкнулся с одним из самых серьезных вызовов за все время существования. Неспровоцированная саудовская агрессия, вызвавшая дезинтеграцию страны и колоссальную деградацию всех социальных институтов, сопровождается не только разрушением жилых построек и инфраструктуры, но и сознательным уничтожением памятников древности. Как это нередко бывало в прошлом, военным преступникам противостоят истинные подвижники, не щадящие сил и самой жизни для спасения шедевров архитектуры и образцов эпиграфики и, более того, продолжающие под бомбежками их изучение. Среди них выделяется Сара Рейзигер из Нидерландов, журналистка и независимый исследователь, по сей день живущая в Санае и, по мере возможности, обследующая Йеменское нагорье в поисках доисламских писем. Серия ее репортажей составила книгу, в которой она знакомит своих соотечественников с катастрофической ситуацией на юго-западе Аравии¹. Следом вышло несколько ее статей, посвященных эпиграфическим открытиям². Среди обследованных ею объектов выделяется селение На'д, расположенное в 35 км к юго-востоку от Саны у подножия горы Канйн. Ранее оно было изучено в археолого-эпиграфическом отношении в числе прочих населенных пунктов этой местности западногерманской экспедицией, в состав которой входил ведущий немецкий сабеист Вальтер Мюллер, в сентябре–октябре 1970 г. и французской археологической миссией в 1972 г.³ Однако находка С. Рейзигер по своему научному значению многократно превзошла все то, что прежде было обнаружено в На'де.

Речь идет не просто об очередной монотеистической надписи, а о явно иудейском тексте, на что указывает упоминание в нем Бога Изра[иля]. Такое сочетание впервые встречается в южноаравийской эпиграфике. Что до этноконфессонима Израиль, то он засвидетельствован в трех позднесабейских надписях конца IV–V вв. в выражении «община (*šʿb*) Израиля» и один раз в надписи, относящейся к монотеистическому периоду (точнее не датируемой)⁴, в формуле благословения, где вслед за ним назван «их Бог» (СН 543/1-2: *w-|ʿlh-hmw*)⁵.

Недавно обнаруженная надпись из На'да, изданная под сиглом SR-Na'ḏ 9, представляет собой фрагмент пяти строк, сохранившийся на известняковом блоке длиной около полуметра, обломанном сверху, справа и снизу. Знаки разборчивы, но высечены неумело⁶. Судя по тому, что датировочная формула, конец которой уцелел на стк. 5, в этот период обычно включала в себя ссылку не только на год, но и на месяц, размеры лакуны в каждой из строк довольно значительны⁷. Ниже приведены текст и перевод этой фрагментарной позднесабейской надписи, составленной иудеями.

SR-Na'ḏ 9

Текст

1.*mr w-Ywśf/w-ʿb(d)ʿl-n/w-Y(h)=*
2.*w-hqšb-n/w-hšq(r)-n/byt-h=*
3. [*mw/*].....*bʿ(l)/smʿ-n/ʿlh/Yśr=*
4. [*ʿl/*].....*d/mlk-n/w-b-rd(ʿ)/mrʿ-(h)=*
5. [*mw/*].....*[s/ʿr](b)ʿy/w-ḥms/mʿt-m**

Перевод

1. и Иосиф и 'Абд'илан и ...
2. и возвели и завершили дом и[x]
3. Владыка неба, Бог Изра-
4. [иля] царя и с помощью господина и[x]
5. [семьдесят / сорок] и пятьсот.

Что касается комментария к ней, то здесь возникает целый ряд вопросов. Вряд ли стоило указывать, что *Ywśf* передано в данном тексте в соответствии с хорошо известными семитологам регулярными звуковыми соответствиями между северо- и южносемитскими языками, в частности между ивритом (и, добавим от себя, арамейским) и сабей-

ским⁸. Нелепо предполагать, что носители этих языков могли осознавать подобные фонологические закономерности, открытые лишь на рубеже XVIII–XIX вв. Кроме того, тут же сообщается, что в надписях 20-х гг. VI в. иудейское имя химйаритского царя Йосефа Ас'ара Йас'ара⁹ передается с другим сибилантом — *Ywsf*. И немудрено: ведь в позднесабейском два сибиланта, *s* и *š*, слились в одну фонему, для передачи которой могли использоваться оба символа¹⁰.

Правда, тогда трудно объяснить, почему во всех приведенных выше пяти случаях упоминания Израиля в южноаравийской эпиграфике это имя затранскрибировано исключительно через *š*. Можно осторожно предположить, что местные иудеи для передачи гораздо реже встречающегося по сравнению с *самехом* (ס) *сина* (ש) использовали столь же малочастотный сибилант *š*.

В этой связи стоит отметить, что в древнейеменской эпиграфике засвидетельствован этимологический эквивалент имени Израиль. Речь идет о параллелях между южноаравийскими и западносемитскими антропонимами, на которые впервые обратил внимание Франсуа Брон¹¹. Автор этих строк в процессе изучения ономастики Райбўна, крупного храмового центра на западе Внутреннего Хадрамаута, частично раскопанного отечественными археологами в 1983–1991, 2003–2005 и 2007 гг., увеличил его список из 39 имен до 42, в том числе за счет впервые обнаруженного в Аравии мужского антропонима *Ysr'l*, которое является полным соответствием библейского ישראֵל — Израиль¹². Оно встретилось единственный раз в архаичной надписи на керамике, датируемой не позднее, чем VII в. до н. э.¹³

Не привлек должного внимания издателей SR-Na'd 9 второй полнотью сохранившийся в ней антропоним — *'bd'l-n*, означающий «раб Бога». Они лишь указали, что второй элемент в нем, *'l-n*, представляет собой одно из обозначений Бога у иудеев, и привели еще три мужских имени собственных с этим элементом¹⁴. Между тем, имя нарицательное *'l* «бог, божество» с сабейским постпозитивным артиклем *-n* полностью соответствует арабскому Аллāх и, следовательно, у самого распространенного мусульманского имени 'Абдаллāх «раб Бога», которое некоторые исследователи склонны были рассматривать едва ли не как придуманное Мухаммадом, обнаруживаются йеменско-иудейские корни. Следует отметить, что элемент *'bd* «раб» довольно редок в южноаравийских теофорных именах. Так, среди 468 антропонимов, выявленных в хадрамаутских надписях с Райбўна, он не засвидетельствован ни разу¹⁵. В катабанском ономастиконе он встречается исключительно в имени *'bd'l*, обнаруженном лишь в семи надписях¹⁶.

Единичные случаи употребления этого языческого имени, буквально означающего «раб божества» (без уточнения какого именно), отмечены в сабейском¹⁷. В североаравийских сафаитских надписях оно встречается чаще: три десятка раз¹⁸. Впрочем, сомнительно, чтобы иудеи заимствовали языческий антропоним, добавив к его второму элементу определенный артикль. Куда более вероятно, что имя «раб Божий» они образовали заново по очевидной модели и именно его основатель ислама воспринял от аравийских единобожников.

Относительно датировки надписи следует констатировать, что, на первый взгляд, вывод издателей о том, что в ней в равной степени можно восстановить либо 57[.], либо 54[.] г. химйаритской эры, т. е. 46[.] или 43[.] г. н. э.¹⁹, представляется верным, однако, если учесть, что из На'да происходит еще одна фрагментарная иудейская надпись Gl 1194, содержащая упоминание царя Химйара [Шу]рахби'ила Йакку[ф]а и посвященная, по всей видимости, возведению синагоги (*mkrb-n*) Ба[рйк], то с большой долей вероятности SR-Na'd 9 стоит отнести к правлению этого монарха, которое пришлось приблизительно на 468–480 гг. н. э., и восстановить в соответствующей формуле 57[8] либо 57[9] г.

Вызывает сомнение вывод издателей о том, что раз в надписи упоминается *mr'-(h)[mʁ]* «их господин» (царь или местный властитель), то ее авторы были встроены в местную социальную иерархию и, следовательно, являлись обращенными в иудаизм химйаритами (т. е. прозелитами), а не эмигрировавшими в Йемен исконными иудеями (*exiled Judeans*). Во-первых, между иудеями по рождению и прозелитами не было жесткого барьера, поскольку те, кто обращался в иудаизм, вступали в уже существующие общины. Во-вторых, даже общины, целиком состоявшие из переселенцев, оказавшись в Химйаритском царстве, должны были искать себе покровителей в лице монарха или представителей знати, которые обеспечили бы им особый статус, как в случае с устройством иудейского кладбища, о котором сообщается в MAFRAY–Ḥaṣī 1²⁰. Так что в SR-Na'd 9 и, вероятно, в Gl 1194 упоминается одна из тех иудейских общин, о которых писал А.Г. Лундин²¹ и которые заметно выделялись на фоне склонявшейся к иудаизму, но не обратившейся в него основной массы химйаритского населения.

И, наконец, нельзя обойти вниманием неожиданный вывод, сделанный издателями SR-Na'd 9 в приложении к статье, где они подвергли анализу все те имена, под которыми Бог упоминается в южноаравийских монотеистических надписях. По их мнению, Рахмānān

(*Rḥm̄n-n*) «Милостивый» и Рабб-хūd (*Rb-h(w)d*) «Господь иудеев» обозначали две различные религиозные сущности: Бога химйаритов и Бога исконных иудеев (“the God of the originally Judean Jews”)²². Для обоснования такого более чем спорного положения они сослались на монографию Алана Сегалья²³, в которой рассматривается полемика раввинов против тех, кто верил в «две силы на небесах». Однако эта широко известная работа, вызвавшая немало критических откликов²⁴, относится к первым двум–трем векам н. э., и, кроме того, в ней помимо взглядов гностиков и христиан (в том числе иудео-христиан) внимание автора привлекли, в частности, такие религиозно-философские концепции эллинизированных иудеев, как учение Филона Александрийского о Логосе²⁵. Ничего подобного в эпиграфике Южной Аравии не прослеживается. Да и А. Сегаль ни в малейшей степени не пытался противопоставить Бога, которому поклонялись иудеи по рождению, и Бога прозелитов. Таким образом, столь радикальный подход к южноаравийскому иудаизму не может быть принят.

Примечания

¹ *Rijziger S.* Bommen op Jemen. Een ooggetuigenverslag van een weinig begrepen oorlog. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2016. 190 s.

² *Eadem.* The Kānīṭ Museum Collection // *Arabian Epigraphic Notes.* 2016. 2. P. 1–32; *Eadem.* The first Epigraphic Evidence of the Existence of Thulā in Antiquity // *Arabian Archaeology and Epigraphy.* 28. 2017. P. 67–74; *Eadem.* Two new Inscriptions Mentioning Rabbūm Akḥṭar, a Military Commander of the Sabaean King in the 3rd Century AD // *Ibid.* 29. 2017. P. 238–245.

³ *Грязневич П. А.* Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена. Полевые исследования 1970–1971 гг. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1994 (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Вып. 2: Материалы экспедиции П. А. Грязневича 1970–1971 гг. Ч. 1). С. 15, 18, примеч. 27.

⁴ Об этих контекстах и надписях см. подробнее в *Robin Ch. J., Rijziger S.* “The Owner of the Sky, God of Israel” in a new Jewish Ḥimyaritic Inscription Dating from the Fifth Century CE // *Der Islam.* 2018. 95 (2). P. 284–285.

⁵ По всей видимости, притяжательное местоимение относится к Израилу, а не к авторам надписи.

⁶ *Robin Ch. J., Rijziger S.* Op. cit. P. 272–273.

⁷ *Ibid.* P. 275.

⁸ *Ibid.* P. 273.

⁹ См. о нем (с учетом недавних исследований): *Французов С. А.* Йосеф Асар Ясар // Православная энциклопедия. Т. XXVIII: Исторический музей – Йэкуно Амлак. М. : ЦНЦ ПЭ, 2012. С. 738–739.

¹⁰ *Beeston A. F. L.* Sabaic Grammar. [Manchester] : University of Manchester, 1984 (*Journal of Semitic Studies Monograph.* No. 6). P. 8–9 (§ 2:2), 10 (§ 2:3). За рамками данной статьи остается вопрос о возможном произношении сабейского *s* как [š], неясно с какой целью поднятый издателями SR-Na’d 9 (*Robin Ch.J., Rijziger S.* Op. cit. P. 274). Эта гипотеза А. Ф. Л. Бистона (*Beeston A. F. L.* Op. cit. P. 8–9 (§ 2:2)) признается далеко не всеми сабеистами (например, представители немецкой школы ее отвергают) и противоречит, в частности, передаче имени 𐩦𐩣𐩪𐩬 как *Ywsf*.

- ¹¹ *Bron Fr.* Les noms propres sudarabiques du type «*ʿyfʿl* + NOM DIVIN» // *Études sud-arabes. Recueil offert à Jacques Ryckmans.* Louvain-la-Neuve : Peeters Press, 1991 (Publications de l'Institut orientaliste de Louvain, 39). P. 85–91.
- ¹² Французов С. А. К востоку от Адена. Оазис Райбун в I тысячелетии до н. э. Эпиграфические памятники, религиозная жизнь и социальное устройство культового центра древнего Хадрамаута / 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 126.
- ¹³ См. ее прорисовку в Французов С. А. К востоку от Адена... Ил. 61.
- ¹⁴ *Robin Ch. J., Rijziger S.* Op. cit. P. 274.
- ¹⁵ Французов С. А. К востоку от Адена... С. 194.
- ¹⁶ *Hayajneh H.* Die Personennamen in den qatabānischen Inschriften. Lexikalische und grammatische Analyse im Kontext der semitischen Anthroponomastik. Hildesheim; Zürich; New York : Georg Olms Verlag, 1998 (Texte und Studien zur Orientalistik, Bd 10). S. 186, 326–327.
- ¹⁷ *Harding G. L.* An Index and Concordance of Pre-Islamic Arabian Names and Inscriptions. Toronto & Buffalo : University of Toronto Press, 1971 (Near and Middle Eastern Series, 8). P. 397; *Arbach M.* Les noms propres du *Corpus Inscriptionum Semiticarum, Pars IV Inscriptiones himyariticas et sabæas continens.* Paris : Diffusion de Bocard; Rome: Diffusion Herder, 2002 (Inventaire des inscriptions sudarabiques, 7). P. 158.
- ¹⁸ *Harding G. L.* Op. cit. P. 397.
- ¹⁹ *Robin Ch. J., Rijziger S.* Op. cit. P. 274–275.
- ²⁰ Французов С. А. «Иудео-монотеизм» Йемена в свете последних эпиграфических открытий // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература. Материалы международной научной конференции 22 апреля 2018 г. СПб. : Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018 (Труды по иудаике. Серия «История и этнография». Вып. 14). С. 192–193.
- ²¹ *Lundin A. G.* The Jewish Communities in Yemen during the 4th–6th Centuries (according to epigraphic material) / [Transl. by S. Frantsouzzoff] // *Judaeo-Yemenite Studies. Proceedings of the Second International Congress* / Ed. by E. Isaac and Y. Tobi. Princeton; Haifa : Institute of Semitic Studies, Princeton University, 1999. P. 17–25.
- ²² *Robin Ch. J., Rijziger S.* Op. cit. P. 287.
- ²³ *Segal A. F.* Two Powers in Heaven. Early Rabbanic Reports about Christianity and Gnosticism. Leiden; Boston : Brill Academic Publishers, 2002. 313 p.
- ²⁴ Пожалуй, наиболее подробный ее разбор осуществлен в *McGrath J. F.* 'Two Powers' and Early Jewish and Christian Monotheism // *Journal of Biblical Studies.* 2004. 4.1. P. 43–71.
- ²⁵ Причем критики А. Сегал указывают, что в такого рода учениях речь идет о Едином Боге и его наместнике или посреднике и тем самым монотеизм не ставится под вопрос (см., например, *McGrath J. F.* Op. cit. P. 68–71).

УДК 94

М. С. Шаповалов*(г. Омск, Российская Федерация)***Сибирский иудей конца XIX – начала XX вв.
на пути в Святую землю***

Святая земля всегда привлекала жителей России, независимо от их вероисповедания. Иерусалим как центр мировых религий (иудаизма, христианства, ислама), историческая привлекательность библейских земель, совершенствование транспортной инфраструктуры (строительство Транссиба) усиливали поток приезжих из самых отдаленных уголков Российской империи. В конце XIX в. в Палестину устремились паломники¹, путешественники и еврейские переселенцы. Усилился поток российских подданных на Святую землю и из Сибири. На сегодняшний момент полная информация о количественном и качественном составе этого потока отсутствует. Большая часть материалов остается скрытой в фондах региональных сибирских архивов, прежде всего в фондах по выдаче заграничных паспортов. При этом предварительные данные не позволяют говорить об ограниченности контактов сибиряков со Святой землей. Можно с уверенностью утверждать, что к концу XIX в. Сибирь и Палестина были связаны коммуникационным мостом, важнейшей частью которого были не только православные паломники, но и сибирские евреи.

На сегодняшний день наиболее полными являются данные о численности сибирских православных паломников, отправлявшихся в Палестину. По подсчетам нижегородских исследователей В. В. Цысь и О. П. Цысь, занимавшихся скрупулезным сбором данных по Тобольской и Томской губерниям, паломнические паспорта в Тобольской губернии на выезд в Палестину в 1911 г. получили 37, в 1912 г. — 26, в 1913 г. — 28, в 1914 г. — 20 жителей. В среднем в 1893–1899 гг. Томскую губернию представляли 37 чел. в год, Тобольскую — 18 чел. в год². Известно также о четырех паломниках в 1880 г.³ и двух в 1887 г.⁴ из Акмолинской области.

Данные по числу паломников на Святую землю из Восточной Сибири практически отсутствуют; сегодня, как и в случае с Акмо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.» (№ 18 78 10062).

линской областью, мы располагаем лишь сведениями о единичных случаях выезда православных священников в Палестину⁵: в 1862 г. и 1887 г.⁶ Подтверждали отсутствие массового потока паломников из Восточной Сибири и современники. Иркутский священник⁷, совершивший паломничество в Палестину в 1900–1902 гг., писал: «Когда мы вернулись в Н, то узнали, что прибыли новые Богомольцы и среди них, между прочим, батюшка Якутской епархии. А я думал, что единолично являюсь паломником из самых отдаленных мест России»⁸. Помимо иркутского священника сибирские епархиальные ведомости (Тобольские, Омские, Томские, Иркутские, Енисейские) сохранили дневниковые записки двух сибирских паломников: воспитанника Никона Уставщикова, который вместе с учащимися Красноярской духовной семинарии в 1908 г. совершил «экскурсию» во Святую землю⁹, и туринского священника И. А. Селихова, находящегося в «паломническом странствии» по Ближнему Востоку в 1906 г.¹⁰ Каждая из этих поездок была знаковой и представлялась на страницах главных церковных периодических изданий в Сибири событием скорее уникальным, чем обыденным.

Дополняют сведения епархиальных ведомостей о паломниках из Сибири данные о захоронениях русской больницы в Иерусалиме: за 1864–1891 гг. были похоронены три паломника из Иркутской и два из Енисейской губерний¹¹. По данным М. С. Крутовой, всего в Архиве Русской духовной миссии содержатся сведения о «21 православном сибирском паломнике»¹², которые умерли в 1864–1912 гг. на Святой земле, прибыв туда из различных областей и губерний Западной и Восточной Сибири»¹³.

Социальный портрет сибирского паломника соответствовал общерусским тенденциям¹⁴. Как резюмировал данные отчетов ИППО за 1888–1890 гг. А. Г. Грушевой: «самым распространенным типом среди русских паломников была женщина-крестьянка в возрасте от 50 до 60 лет. Наиболее редкими среди них были мужчины-дворяне»¹⁵.

Особенным, однако, следует признать конфессиональный состав сибирских странников. Данные региональных архивов позволяют сделать выводы, что из Сибири в Палестину совершали паломничества не только православные христиане, но также и иудеи.

1 марта 1905 г. Томскому губернатору было подано прошение Ново-грудского мещанина, еврея Гершона Аарона Хацкелева Израилевича на получение заграничного паспорта, проситель писал: «Желая съездить на поклонение в святые места, я, прилагая при сем свидетельство полиции от 22 февраля за № 297, паспортная книжка за № 1102 и две

гербовые марки по 60 коп. достоинством, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне свидетельство на право получения заграничного паспорта для проследования в Иерусалим и прочие места Палестины для паломничества»¹⁶.

На основе анализа паспорта просителя можно составить социальный портрет иудейского паломника: это мужчина, пожилого возраста (старше 60), женатый, имеющий детей, горожанин, мещанского сословия (в данном случае проситель был мастером точильного ремесла), ранее выезжавший за границу (первый паспорт был получен просителем в 1900 г. в Минской губернии)¹⁷. Безусловно, на основе одного паспорта невозможно построить объективное представление об иудейских паломниках в целом, однако, можно предположить, что портрет иудейского паломника отличался от портрета христианского поклонника.

Анализ комплекса дел о выдаче паспортов в Томской губернии показывает, что сибирские евреи обладали достаточной мобильностью, в деле содержатся множество прошений о разрешении выезда за границу (в Швейцарию, Италию, Германию) для разных целей (чаще учеба и лечение). Однако прошений на паломнические цели в фондах томского архива больше не встречается, за исключением приведенного выше¹⁸. Современные исследователи при этом склоняются к мнению, что это был не единичный случай и еврейских сибирских паломников было больше. Любопытно, что, описывая информацию из газеты «Голос Томска» о столкновениях евреев и мусульман в Иерусалиме, нижевартовские исследователи называли евреев именно «еврейскими паломниками из России»¹⁹, в оригинале же информационного сообщения в газете евреи назывались только «русскими подданными» и слово «паломники» даже не упоминалось²⁰. В данном случае мы имеем дело не с ошибкой или опечаткой, а с указанием на факт восприятия еврейского паломничества как такового.

В иудейской традиции, как справедливо отмечает Д. М. Зайцев, паломничество (алия) восходит к обязанностям правоверного иудея (Исх 23:17; Исх 34:23; Втор 16:16), например: «Три раза в году весь мужской пол должен являться пред лице Господа, Бога твоего, на место, которое изберет Он: в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кушей; и никто не должен являться пред лице Господа с пустыми руками» (Втор 16:16)²¹. Однако обряд посещения Храма, а затем Храмовой горы в Иерусалиме соблюдался в период античности и средневековья, уже в Новое время посещение иудеями Иерусалима перестало восприниматься евреями как обязательная паломническая практика. С появлением идей сионизма, особенно к концу XIX в.,

посещение Палестины могло заканчиваться тем, что еврей-путешественник оставался на Святой земле. В этом контексте иудейские паломники скорее оказывались или еврейскими путешественниками, или переселенцами.

Однако, несмотря на цели путешествия, путь на Святую землю из Сибири и для паломников, и для путешественников, и для переселенцев был очень затратным. Священник Василий Федюшин из Тобольской губернии оценивал путешествие одного сибирского паломника в 200–250 рублей, хотя отмечал, что «в компании двух–трех человек путешествие обойдется, конечно, дешевле»²². Путешествие из Красноярска или Иркутска обходилось еще дороже²³. Помимо денежных затрат, паломникам следовало соблюсти целую бюрократическую процедуру: оформить внутренний паспорт, получить «свидетельство о неимении препятствий на выезд за границу»²⁴, мужчинам нужно было иметь свидетельство об отбытии воинской повинности или «о зачислении в ратники ополчения», замужней женщине — письменное разрешение мужа на выезд за границу. Указанные документы следовало отправить вместе с прошением на имя губернатора для выписки «паломнического билета»²⁵. В прошении томского еврея-паломника также были указаны собранные им документы: «свидетельство полиции от 22 февраля за № 297, паспортная книжка за № 1102 и две гербовые марки по 60 коп. достоинством».

Таким образом, подготовить свое путешествие в Палестину было непросто и практически невозможно в одиночку, требовалось содействие, если не финансовое, то бюрократическое. Поэтому, в отношении еврейских паломников исследователи выделяют два варианта этого содействия. В. Юшковский указывал, что «когда дело касалось вопросов веры, величина кошелька не имела значения: евреям, пожелавшим совершить паломничество в Палестину, помогали всей общиной»²⁶. А В. В. Цысь и О. П. Цысь подчеркивали помощь структур ИППО в случаях паломничества в Палестину томских евреев²⁷. Последний факт, безусловно, является интересным, когда православная правительственная организация в не самый простой, с точки зрения антисемитизма, период истории осуществляла прямую помощь иудейским паломникам. С одной стороны, эту помощь трудно рассматривать вне контекста высокой степени аккультурации евреев в Сибири, максимальной вписанности в палестинский контекст. В своей монографии В. В. Цысь и О. П. Цысь приводят интересные примеры участия евреев в сибирских палестинских делах, например, в 1900 г. еврейские дети присутствовали на Палестинских чтениях в «Доме

трудолюбия» в Тобольске, крещенные евреи братья А. Е. и В. Е. Ельденштейн были пожизненными сотрудниками и членами ИППО в Томске и др.²⁸

С другой стороны, ИППО была единственной структурой, организовывающей паломнические поездки на Святую землю, поэтому независимо от вероисповедания паломник был вынужден контактировать с ним, а структура должна была принять паломника. Российский еврей, врач Л. Я. Штейнберг, путешествовавший по Палестине в 1908 г., писал: «Сидя в лодке со стариком-немцем, я все время думал о житейских неожиданностях. Представитель России, где евреев громят, везет трех евреев под русским флагом и избавляет их от назойливых турецких таможенных чиновников»²⁹. Следует обратить внимание, что томский еврей Гершон Аарон использовал в своем прошении к губернатору общую формулу паломнического прошения, сама фраза «проследования в Иерусалим и прочие места Палестины для пономничества» отсылает нас к стандартной формуле православного просителя. Путь иудейского паломника в Палестину из Сибири лежал через общие для всех паломников логистические пункты. Сначала по Транссибу нужно было добраться до Челябинска, далее снова по железной дороге через Воронеж и Киев в Одессу. Несмотря на наличие сухопутного пути в Иерусалим, морской путь через еврейскую Одессу, Босфор и Дарданеллы в палестинскую Яффу был комфортным и быстрым для сибирских иудеев. Все паломничество в целом составляло несколько месяцев.

Усиливающийся поток еврейских переселенцев, замещавший паломников, не обрывал связей Сибири с Палестиной. Напротив, для сибирских евреев связь с Палестиной проявлялась в других формах, в том числе пожертвований в Эрец-Исраэль³⁰ и в активном участии в сионистском движении³¹. Сибирские евреи, оказавшиеся на значительном расстоянии от Иерусалима, строили свой сибирский Иерусалим (Каинск, Мариинск, Томск, Иркутск), воссоздавали в Сибири особую библейскую топонимику, однако это предмет отдельного разговора.

Примечания

¹ В текстах XIX – начала XX вв. одновременно использовались два термина: паломник и поклонник. Термин «паломник» происходит от латинского *palmarium*, то есть пальмовник, — человек, несущий пальмовую ветвь. Термин «поклонник» восходит к греческой традиции и является буквальным переводом греческого слова «просквинитис».

² Цысь В. В., Цысь О. П. Отделы Императорского православного палестинского общества в Западной Сибири. Нижневартовск : НВГУ, 2014. С. 134–135.

- ³ Прощение об увольнении в Иерусалим отставных казаков Герасимова, Никулина // ГИАОО. Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири). Оп. 10. Д. 16608 (По представлению военного губернатора Акмолинской области об увольнении в Иерусалим отставных казаков Герасимова, Никулина и др.). Л. 1.
- ⁴ Свидетельства о неимении препятствий на выезд за границу // Там же. Ф. 67 (Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска). Оп. 1. Д. 1576 Переписка об исходатайствовании разрешения казакам станиц казачьего войска поездки в Иерусалим для богомолья и поклонения святым местам 1887–88 гг.). Л. 2.
- ⁵ См. подробнее: Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск : ИГУ, МИОН, 2006. Ч. 1–2.
- ⁶ Новейшие монастырские события // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 29. С. 482; Распоряжение епархиального начальства // Енисейские епархиальные ведомости. 1887. № 10. С. 131.
- ⁷ Подписывался М. И. П.
- ⁸ Ко Гробу Господню // Иркутские епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 93.
- ⁹ Из дневника семинариста. Экскурсия воспитанников Красноярской духовной семинарии во Святую землю летом 1908 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 11. С. 27–35.
- ¹⁰ О паломническом странствовании моем на ближний Восток в Турции // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 16. С. 422–425.
- ¹¹ Иду в незнаемый я путь. Русская больница в Иерусалиме и судьбы русских паломников на Святой Земле. Иерусалим : Б. и., 2017. С. 175–176.
- ¹² По нашим подсчетам на основе данных Русской больницы в Иерусалиме, таких паломников было всего 20: Акмолинская область — 1, Иркутская губерния — 3, Енисейская губерния — 2, Тобольская губерния — 4, Томская губерния — 10.
- ¹³ Крутова М. С. Новые архивные материалы о сибирских православных паломниках, погребенных на Святой земле в 1864–1912 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24. № 3. С. 95–99.
- ¹⁴ По данным нижевартоских исследователей В. В. Цысь и О. П. Цысь, из Томской и Тобольской губерний на Святую землю чаще отправлялись крестьяне (около 75–79 %) в возрасте старше 50 лет (более 70 %). (Цысь В. В., Цысь О. П. Указ. соч. С. 138–139). Данные по социальному составу паломников из губерний Восточной Сибири на данный момент не были собраны. Следует, однако, предположить, что их социальный портрет мало отличался от представителей Западной Сибири.
- ¹⁵ Грушевой А. Г. Материалы к истории деятельности Императорского православного палестинского общества в начале XX века // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 2 (18). С. 157.
- ¹⁶ Прощение Новоградского мещанина Гершона Аарона Хацкелева Израилевича 1 марта 1905 г. // ГАТО. Ф. 2 (Канцелярия Томского губернатора). Оп. 2. Д. 134 (Документы о выдаче заграничных паспортов частным лицам (переписка, прошения)). Л. 269. Грамматика источника сохранена.
- ¹⁷ Паспорт Гершона Аарона Хацкелева Израилевича // Там же. Л. 272–277.
- ¹⁸ Это не означает, что в других региональных архивах, особенно Восточной Сибири, мы не найдем похожих случаев еврейского паломничества.
- ¹⁹ Цысь В. В., Цысь О. П. Указ. соч. С. 105.
- ²⁰ Голос Томска. 1908. 22 марта. № 67. С. 3.
- ²¹ Зайцев Д. М. Паломничество в иудаизме: истоки, традиция, особенности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. 2018. № 7. С. 115.
- ²² Из дневника священника-паломника // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 7. С. 69.
- ²³ Расстояние от Красноярска до Иерусалима составляет около 6900 км, а от Иркутска до Иерусалима примерно 7900 км.

²⁴ Текст «свидетельства о неимении препятствий на выезд за границу» выглядел следующим образом: «Мы нижеподписавшиеся жители Акмолинской области Омского уезда станицы Николаевской поселка Кангоховского дали сие в том, что на увольнение в город Иерусалим казака одного с нами поселка Василия Макарова, с нашей стороны препятствий не встречается и что за Гавриловым никаких ни частных, казенных и общественных долгов не состоит». (ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 1576. Л. 2.).

²⁵ Цысь В. В., Цысь О. П. Указ. соч. С. 125.

²⁶ Юшковский В. Соломон и другие. Томские евреи: лица на полотне. Красноярск : Б. и., 2005. С. 18.

²⁷ Цысь В. В., Цысь О. П. Указ. соч. С. 140.

²⁸ Цысь В. В., Цысь О. П. Указ. соч. С. 90, 165.

²⁹ Штейнберг Л. Я. По Палестине. Письма с дороги. Одесса : Типо-лит. кн-ва М. С. Козмана, 1911. С. 17.

³⁰ Антропова И. Е. Пожертвования евреев в Эрец-Исраэль в третьей четверти XIX в. Взгляд изнутри и отношение властей (на примере Тобольской губернии) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги. Тюмень : ТюмГУ, 2013. С. 42–55.

³¹ См., например, Кальмина Л. В. Сионизм в Сибири в 1914–1920 годах: эволюция идеи // Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства. М. : Росспэн, 2005. С. 203–214.

УДК 930.253

Е. М. Белкина

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Формирование коллекций еврейско-персидских рукописей в собраниях РНБ и ИВР РАН

...Этот мыслитель заметил, что все книги, как бы различны они ни были, состоят из одних и тех же элементов: расстояния между строками и буквами, точки, запятой, двадцати двух букв алфавита. Он же обосновал явление, отмечавшееся всеми странниками: во всей огромной Библиотеке нет двух одинаковых книг...

Х. Л. Борхес. «Вавилонская библиотека»

Одним из эпитетов, которые закрепились за еврейским народом в истории, является эпитет «евреи — народ книги». Безусловно, у этого определения есть различные коннотации, от терминологического до философского; мы же употребляем его здесь, чтобы обратиться к многовековой письменной традиции, сложившейся в среде еврейских

общин во всем мире. Одним из основных районов ее развития является территория так называемого Большого Ирана — региона в Центральной Азии, объединяющего земли, которые находились ранее или находятся до сих пор под значительным иранским и/или персоязычным влиянием¹. Географически в него полностью попадают территории современных Ирана, Афганистана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана и частично — западного Пакистана, восточных Ирака и Турции, а также стран Кавказа. Еврейские диаспоры начали возникать здесь еще с древних времен, и при тесном соседстве с другими народами, их обычаями и религиями веками происходили процессы культурной трансформации внутри самих иудейских общин. Так возник еврейско-персидский язык, а со временем на нем начала создаваться литература.

В настоящей статье под еврейско-персидскими рукописями подразумеваются те письменные памятники, которые были зафиксированы в еврейской графике² и тексты которых были созданы на персидском языке³. Время и место их создания не являются критерием внесения или исключения источника из общего перечня.

Всего в собраниях Санкт-Петербурга — в ОР РНБ и в ИВР РАН — было обнаружено 74 рукописи с содержанием какого-либо текста на еврейско-персидском языке⁴: 18 и 56 соответственно. Почти все источники, хранящиеся в РНБ, являются средневековыми списками (приблизительно можно датировать XII–XVII вв.⁵), тогда как источники из ИВР РАН относятся в основном к XIX в.

В фонды Петербурга почти все исследуемые рукописи попали в составе крупных коллекций, переданных в дар либо купленных Императорской публичной библиотекой или Азиатским музеем Академии наук в конце XIX — начале XX вв. Так, 14 еврейско-персидских кодексов относятся к двум собраниям караимского деятеля Авраама Самуиловича Фирковича. Первое собрание было приобретено Библиотекой в 1862 г.⁶, и вместе с ним на хранение поступили четыре библейских кодекса с построчным переводом на еврейско-персидский язык и две рукописи *еврейско-халдейско-персидского* словаря «Сэфер ха-мелица» (можно перевести как «Словарь изящных выражений») Шломо из Ургенча (город в Туркменистане, он же Гургандж)⁷. Все шесть рукописей по своим кодикологическим и палеографическим данным восходят к XIV в., библейские рукописи пока что не локализованы. В «*Katalog der hebräischen und samaritanischen Handschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg*», составленном А. Я. Гаркави и Г. Л. Штраком в 1875 г., описаны подробно упомяну-

тые выше библейские кодексы, и отдельно указано, что Фиркович привез эти материалы из Кафы (нынешняя Феодосия)⁸.

Как пишет В. Л. Вихнович, «[вторая] коллекция [Фирковича] много превосходила первую коллекцию, справедливо считавшуюся самой значительной в Европе»⁹. Именно в ее состав входило большое количество еврейско-арабских рукописей, которые позднее были выделены в отдельный раздел фонда (опись 4 фонда № 946). Сюда же были и инвентаризированы семь рукописных фрагментов караимского комментария на книги Священного Писания на еврейско-персидском языке¹⁰. Это уникальные памятники, привлекающие сегодня внимание исследователей со всего мира. По-видимому, они относятся к наиболее древним рукописям, т. е. домонгольского периода, и датируются косвенно концом XI – началом XII вв. Сегодня неизвестно, где конкретно были найдены эти фрагменты самим Фирковичем. Последние его поездки проходили по территориям современных Сирии и Палестины, но, вероятно, рукописи могли быть приобретены им до этого времени. Со вторым собранием в Публичную библиотеку поступил еще один рукописный фрагмент, созданный, скорее всего, в XIII в. Это рукопись с шифром Евр.-ар. I 4606¹¹, и, хотя она отличается от остальных частей караимского комментария визуально, она была внесена в общий «реестр» комментария хранителями фонда¹².

Остальные четыре рукописи были получены Библиотекой позднее. Особое место занимает рукопись, привезенная в 1975 г. из Бухары В. В. Лебедевым. Она представляет собой один из наиболее ранних сохранившихся списков художественного произведения «Муса-наме» (на наш взгляд, ее можно косвенно датировать первой половиной XVII в.) еврейского поэта из Шираза по прозвищу «Шахин» (середина XIV в.). Рукопись состоит из 219 листов, была частично отреставрирована и заново переплетена еще в XIX в. В библиотеке ей был присвоен шифр «Новая Серия 150»: все единичные поступления еврейских рукописей относятся к другому фонду (№ 913) и составляют так называемую «новую серию»¹³. Сразу отметим, что условного «близнеца» этой рукописи Лебедев обнаружил в Институте востоковедения РАН (ныне ИВР РАН), где он и хранится по сей день¹⁴.

Оставшиеся три рукописи поступили в собрание Библиотеки в конце XX в. Две из них представляют собой памятники, созданные в первой половине XIX в. в Центральной Азии: молитвенник 1820 г. из Самарканда и «Рассказ об Аврааме и Ицхаке» приблизительно того же времени. Они были получены из рук некоего Мейлаха, достовер-

ной информации об этом человеке мы не обнаружили¹⁵. Его коллекции принадлежат несколько рукописей, сегодня они с шифрами 169–171 Новой серии. Последняя рукопись, тетрадь стихотворений поэта Якуба Ильева, написанная в сентябре 1888 г. (указано на Л. 12а), появилась в отделе рукописей ровно столетие спустя, в 1988 г., и является на данный момент самым поздним поступлением в фонд еврейских рукописей. Как и предыдущие два сочинения, эти стихи написаны на таджикском языке¹⁶, но в еврейской графике. Они были привезены А. Е. Шеламаевым из Ташкента. Ильев Якуб Бобоевич жил и был похоронен в Ташкенте, поэтому можно предположить, что рукопись была «вынута» из его домашнего архива.

Другой крупный фонд с коллекцией еврейско-персидских рукописей — это собрание в ИВР РАН. Как уже было указано выше, речь идет о 56 памятниках. В отличие от рукописей из РНБ, по еврейской коллекции ИВР РАН был создан и опубликован каталог И. И. Гинцбурга¹⁷. Во введении он кратко описывает историю формирования настоящего собрания, в том числе упоминает некоторое число памятников на еврейско-персидском языке. К последним относятся: тегеранская еврейско-персидская коллекция, приобретенная в 1898 г., бухарская еврейско-персидская коллекция, приобретенная в 1915 г. и рукописи из библиотеки профессора Д. А. Хвольсона. Указанные выше собрания не основаны исключительно на еврейско-персидских источниках, среди них встречаются материалы на арамейском языке, иврите и некоторых других. Поэтому нельзя считать, например, бухарскую коллекцию полностью персоязычной.

Мы попытаемся разделить здесь все рукописные материалы не по времени поступления, а по имени их первоначального владельца:

— В. А. Иванов¹⁸, 23 рукописи: шифры в ИВР РАН А1, А6, А11, А26, А49, А105, А111, А121, А124, А133, А136, А159, А192, А194/1-2, В157, В196/1, В196/2, В196/3, В196/4, В197, В198, В207, В209. Эта коллекция появилась благодаря личным экспедициям В. А. Иванова в Центральную Азию в 1915 г. Помимо перечисленных памятников, есть еще небольшое количество рукописей на иврите и арамейском языке, а также большое количество мусульманских рукописей (на арабском и персидском языках), которые были подарены им Азиатскому музею. В основном все указанные еврейско-персидские рукописи были созданы в XIX в. Перед нами небольшие сборники поэтических произведений, в среднем по 80–100 листов каждый. Это самая большая коллекция еврейско-персидских рукописных материалов, собранная одним человеком и хранящаяся сейчас в Петербурге.

— Л. Ф. Богданов¹⁹, две рукописи: шифры в ИВР РАН В161, В189. Поступили вместе с большой коллекцией персидских манускриптов в 1907 г. из Тегерана, где служил выпускник Восточного факультета Богданов. Обе рукописи частично повреждены, первая представляет собой сборник рифмованных текстов (не атрибутированы до сих пор), вторая же — фрагмент тафсира, т. е. переложения с комментарием, на персидский язык трактата «Авот» Вавилонского Талмуда, предположительно также XIX в.

— Из библиотеки проф. Д. А. Хвольсона, три рукописи: шифры в ИВР РАН В583/а, В583/б, В583/с. Перед нами начало комментария на Плач Иеремии, фрагмент книги Бен-Сиры и сочинение «Деяния Рамбама». Все три рукописи недатированы, значительно отличаются друг от друга визуально. Исследований по ним пока что не проводилось. Неизвестно, как эти памятники оказались у Хвольсона, изучение его архива должно пролить свет на происхождение книг. В фонд Азиатского музея они поступили в 1909 г.

— Книготорговец Яхуда (в описи Dr. Yahuda) из Дармштадта, три рукописи: шифры в ИВР РАН А98, А129, С40. Все три книги представляют собой особый интерес для исследователей: первый памятник — это конволют различных текстов теологического характера, второй — крупное неатрибутированное сочинение в 204 листа, созданное предположительно в XVIII в., и последний — тот самый «близнец» рукописи из РНБ. Сегодня исследование ведется только по третьей рукописи израильскими учеными²⁰. Все три кодекса были куплены Азиатским музеем в 1904 г.

Рукописи С40 из ИВР РАН и 150Н.С. в РНБ, скорее всего, были созданы одним переписчиком в XVII в. и позднее частично отреставрированы в XIX в. В. В. Лебедев датирует обе рукописи серединой XVI в., но этот вариант представляется маловероятным по палеографическим данным²¹. Вторая рукопись из ИВР РАН также содержит список текста «Муса-наме» Шахина.

— в описи фонда указаны две рукописи, которые, по-видимому, передал в Музей С. Е. Винар: шифры в ИВР РАН В442/1, В442/2. Обе рукописи не указаны в каталоге Гинцбурга. Вероятно, это два фрагмента одного сочинения на еврейско-персидском языке. Тексты рукописей пока что не отождествлены с имеющимися в других библиотеках списками.

Есть ряд памятников, происхождение которых не указано в инвентарной книге. Всего их 23 источника разного содержания, размера и времени происхождения²². То же касается и времени поступления

памятников в фонд Азиатского музея или позднее в Институт востоковедения. Самая ранняя инвентаризированная книга из последних относится к 1906 г. (шифр в ИВР РАН В152), далее за ней хронологически следует рукопись с шифром В586 от 1918 г., В89 — от 1924 г. и А7 — от 1935 г. В этот отдел нашего перечня попадают и рукописи, которые были созданы после 1901 г. Таким образом, можно сделать вывод, что вплоть до начала XX в. в собрании Азиатского музея не было ни одной еврейско-персидской рукописи. Отметим, что здесь мы не выделили памятников среди вышеупомянутой тегеранской еврейско-персидской коллекции: они либо относятся к последнему разделу «безымянных рукописей», либо в названии коллекции слово *еврейско-персидский* относится к территориальному происхождению исследуемых манускриптов (из региона Большого Ирана), а не к языковому делению рукописей при поступлении в фонд.

Итак, в Санкт-Петербурге за последние 150 лет появилось две коллекции еврейско-персидских рукописей. В РНБ они поступили вместе с большими собраниями Фирковича, и только несколько книг были добавлены позднее отдельно. В ИВР РАН же собрание формировалось в «несколько потоков», по несколько рукописей или даже в несколько десятков. До сегодняшнего дня только несколько рукописей привлекали внимание исследователей, остальные же остаются неизученными и ждут своего часа.

Примечания

¹ В работе термин «Большой Иран» иногда заменяется терминами «Иран» и «Персия» без какой-либо особой коннотации, если не указано иначе.

² Вернее сказать, буквами арамейского консонантного алфавита. Подробнее см. *Якерсон С. М.* Еврейская средневековая книга: кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М. : РГГУ, 2003. С. 14–18.

³ В текстах рукописей могут встречаться диалектальные особенности того или иного региона Персии и/или Центральной Азии. Они обусловлены временем и местом создания памятника и не существенны для языкового плана типологизации описываемых рукописей.

⁴ Д-р Вера Баш Морин (Vera Bash Moreen) работала в этих фондах в 1990-е гг. По ее подсчетам, в РНБ хранится 17 еврейско-персидских рукописей, в ИВР РАН — 31. Составленные ею списки источников вплоть до сегодняшнего дня не были опубликованы. Тем не менее, автору статьи известно со слов коллег д-ра В. Б. Морин о ее намерении опубликовать их в ближайшем будущем (предположительно на английском языке). Подробнее об исследовании д-ра В.Б. Морин еврейско-персидских рукописей в мире см. *Moreen V. B.* Catalogue of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America. Leiden; Boston : Brill, 2014. 488 p. (Études sur le judaïsme médiéval, Vol. 63).

⁵ Колофоны присутствуют только в рукописях шифров Евр. I 75–76 — это словарь «Сэфер ха-мелица» Шломо из Ургенча. Обе рукописи являются фрагментами некогда единого памятника и восходят к 1340 г. (в колофоне Л.87а: «...בשנת אהרנ"א למנין שררות», т. е.

1651 год по эре контрактов Александра Македонского). Речь о них пойдет ниже в тексте статьи.

⁶ Подробнее о собраниях Фирковича см. *Вихнович В. Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Академия исследования культуры, 2012. 365 с.

⁷ Шифры рукописей: Евр. I В 139–142 и Евр. I 75–76, ОР РНБ. Ф. № 946 (I Собрание А. С. Фирковича). Оп. 2 (Раздел Евр. I).

⁸ *Harkavy A., Strack H. L.* Katalog der hebräischen und samaritanischen Handschriften der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. St. Petersburg : Erster und Zweiter Theil, 1875. S. 165–167.

⁹ *Вихнович В. Л.* Указ. соч. С. 219.

¹⁰ Шифры рукописей: Евр.-ар. I 1682, 4605, 4607–4611, ОР РНБ. Ф. № 946 (А. С. Фиркович. Второе собрание). Оп. 4. (Еврейско-арабские рукописи. Первая серия).

¹¹ Караимский комментарий к книге Второзакония. Шифр: Евр.-ар. I 4606, ОР РНБ. Ф. 946 (А. С. Фиркович. Второе собрание). Оп. 4.

¹² Это было сделано еще в Российской империи, т. к. рукописи № 4605–4611 одеты в переплет с золотым тиснением, указывающим на название рукописей и/или на их содержание с соблюдением дореволюционных норм правописания.

¹³ По отношению к остальным еврейским коллекциям в РНБ. Это не означает, что в состав фонда № 913 входят рукописи Нового времени.

¹⁴ Речь об этой рукописи пойдет ниже.

¹⁵ Это имя встречается только в рукописном каталоге Равребе-Старковой (инвентарная опись фонда 913, сегодня рукопись 213 Новой серии, ф. №913) и в описи «Новая серия» фонда № 913. Опись является печатной версией, идентичной рукописи.

¹⁶ Мы включаем в наш перечень памятники и на таджикском языке, т. к. он является частью большого языковой семьи, входит в иранские языки. Выделение этих рукописей в отдельный блок, на наш взгляд, не существенно.

¹⁷ Подробнее см. *Гинцбург И. И.* Каталог еврейских рукописей в СПбФ ИВ РАН. Memorial Edition. New York : Norman Ross Publishing Inc., 2003. 201 с.

¹⁸ По воспоминаниям В. А. Иванова и его сохранившемуся архиву издана книга, см. *Иванов В. А.* Воспоминания о Востоке 1918–1968 / подгот. к публ., предисл. (с. 4–8) и коммент. Б. В. Норика. СПб. : Контраст, 2015. 158, [1] с.

¹⁹ *Акимущкин О. Ф.* К истории формирования фонда мусульманских рукописей // Институт восточных рукописей РАН. [Электронный ресурс]. URL: www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=content&task=view&id=1406 (дата обращения: 31.01.19).

²⁰ Например, иранистом д-ром Юлией Рубанович, ст. преподавателем Еврейского университета в Иерусалиме.

²¹ По этим двум рукописям автор в ближайшее время намерен издать несколько статей.

²² Некоторые рукописи датируются XIX в., однако большинство из них еще не было исследовано.

УДК 297.1

В. Месамед*(г. Иерусалим, Израиль)***Реально ли межконфессиональное согласие в Иране:
крупнейшая еврейская община Ближнего Востока
в условиях исламского режима**

Еврейская община Ирана является сегодня крупнейшей на Ближнем Востоке. Многие другие еврейские общины этого региона завершают свое существование, будучи в течение многих веков символом сосуществования мусульман и иудеев. Однако, к счастью, еврейское присутствие в Исламской республике Иран отнюдь не иссякает и насчитывает ныне, по приблизительным оценкам, 22–24 тысячи человек. История общины начинается 28 веков назад, в VIII в. до н. э., когда в результате ассирийского пленения жители Галилеи оказались на территории Мидии — первого крупного государства на территории современного Ирана. Двумя веками позже, в 550 г. до н. э., иранский царь Кир (перс. Курош) основал империю Ахеменидов, в границах которой проживали все евреи того времени. В 538 г. Кир обнародовал историческую декларацию, позволившую евреям вернуться в Иерусалим и приступить к восстановлению разрушенного Храма. Однако значительная часть евреев, почти полностью ассимилированная и достигшая социального и экономического благополучия, предпочла остаться на чужбине. Так образовалось ядро еврейской диаспоры к востоку от Евфрата.

Перед исламизацией Ближнего Востока Иран стал одним из важнейших центров еврейской жизни. Династия Сасанидов являла достаточно много примеров толерантности по отношению к еврейской общине, выражавшейся, например, в том, что евреи находились и во властных структурах, достигая самых вершин. С приходом в VII в. ислама положение немусульманских меньшинств стало определяться общемусульманскими правовыми нормами. Еще при жизни пророка Мухаммада евреи, вместе с христианами, были признаны «людьми Книги» и тем самым противопоставлены другим неверным. Это давало им защиту жизни и имущества и право исповедовать свою религию. В то же время они не имели никаких политических прав и были значительно ущемлены в гражданских правах.

Значительно ухудшение положения иранских евреев зафиксировано с объявлением шиизма государственной религией Ирана в прав-

ление Сефевидов (1502–1736 гг.), что связано с сущностью этого течения в исламе, характеризующегося обостренной нетерпимостью к «неверным». В последующие периоды ненависть к евреям достигла своего апогея, стали привычными массовое изгнание евреев из своих домов, разрушение жилищ и синагог, резкое усиление налогового бремени. Невиданные масштабы приняла насильственная исламизация¹. В тяжелую для иранского еврейства эпоху Сефевидов были насильственно прерваны связи местного еврейства с еврейским миром и самой важной его частью — *Эрец-Исраэль*².

В эпоху правления Каджаров (1796–1925 гг.) повседневной реальностью оставались бесчисленные религиозные и социальные ограничения. Местные евреи считались низшими существами — «наджес»³. Вот мнение о жизни евреев среди мусульманского населения Ирана: «Им ...не только не покровительствуют, но относятся с самым ужасным презрением и при удобных случаях стараются коварным образом высказать свое недоброжелательство»⁴.

Подлинно революционным для иранских евреев оказался XX в. Численность еврейского населения в начале века определяется исследователями в 83 тыс. человек⁵. Основными сферами деятельности евреев являлись разные виды мелкой разносной торговли, ремесла, среди зажиточных — ростовщичество, табачный промысел, торговля коврами и антиквариатом. Конституционалистская революция 1905–1911 гг. учредила парламент, отменила отсталые феодальные институты. В стране было провозглашено равенство всех конфессий, в том числе — иудеев, получивших право на представительство в парламенте. Начался выход евреев из гетто. Политика иранского национализма в 1930–1970 гг. была с одобрением воспринята большинством евреев, ощутивших себя частью культурного наследия страны и ее древней истории.

В годы «Белой революции» (1963–1978 гг.) еврейская община в Иране претерпела невиданное развитие и стала реально пользоваться абсолютной культурно-религиозной автономией. Появились *ешивы*, возросло количество школ, где преподавались еврейские дисциплины. Повышению престижа и роли иранских евреев в жизни способствовал рост международного авторитета Израиля, успехи в развитии передовых технологий, экономики, культуры, науки. Перед Исламской революцией февраля 1979 г. достигли пика двусторонние связи между Ираном и Израилем, носившие взаимовыгодный характер и отвечавшие интересам двух стран.

Накануне исламской революции 1979 г. в Иране проживала самая большая на Ближнем Востоке вне Израиля, еврейская община — при-

мерно 80 тыс. евреев, что составляло 0,25 % населения страны. При этом евреями в стране были 6 % врачей, 4 % студентов вузов. Экономическое положение подавляющего большинства евреев было удовлетворительным, а часть принадлежала к классу крупных промышленников и коммерсантов.

Однако в жизни общины ощущались и негативные явления. Выход евреев из гетто ослабил связи между членами общины, осложнил проведение традиционных национально-религиозных праздников. Стал заметным отход значительной части молодежи от религии. Появились и более серьезные вызовы. Они были связаны с подъемом антишахского движения, во главе которого стояло традиционное духовенство, сохранившее культивировавшуюся веками неприязнь к евреям и считавшее их шахской «пятой колонной». Отношение к изменившейся реальности внутри еврейской общины не было единым. Образованная часть молодежи противопоставила себя позиции традиционной части общины, видевшей в грядущих событиях реальную угрозу. В сложившихся условиях руководство еврейской общины посчитало разумным отмежеваться от шаха и выразило поддержку надвигавшейся исламской революции. Но несмотря на явно проявившийся конформизм основной массы иранских евреев, очень скоро выяснилось, что евреям Ирана будет трудно вписаться в новые условия, которые регламентировались проводимой в стране политикой всесторонней исламизации иранского общества, радикальной перестройки всех сфер жизни.

Действующая в Иране Конституция декларирует, что «правительство ИРИ и мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права». Ныне действующие иранские законы демонстрируют правовое предпочтение мусульман по отношению к проживающим в стране религиозным меньшинствам. Для немусульман все еще никак не урегулированы вопросы гражданского состояния, возмещения ущерба, социального страхования. Уголовный кодекс страны до сих пор дифференцированно оценивает те или иные противоправные действия, и за одно и то же преступление мусульмане получают более мягкое наказание, чем немусульмане. Несмотря на декларации, нельзя говорить о торжестве конфессионального равноправия. Политика установившегося в стране исламского режима в отношении еврейского религиозного меньшинства исходит из следующего постулата: проводится четкая дифференциация между евреями, с одной стороны, и Израилем и сионизмом — с другой. Однако из деклараций исламских

лидеров страны видно, что они часто идентифицируют иранских евреев с Израилем и сионизмом, иногда облекая это в изощренные словесные формы, из которых выглядывает примитивный антисемитизм. Несмотря на уверения разных иранских религиозных деятелей, что они оппонируют сионизму, Израилю, контролю евреев над миром, а не против иудаизма и еврейского народа, на деле их идеологическая доктрина представляет собой сочетание мусульманских антииудейских идей с европейским антисемитизмом.

Значительную опасность для еврейской общины Ирана представляла немедленно проявившаяся антиизраильская направленность внешней политики режима. Это, естественно, обуславливалось политической ориентацией Хомейни, занимавшего крайне экстремистские позиции по отношению к еврейскому государству, что вполне логично вытекало из его враждебности ко всем силам, поддерживавшим последнего иранского шаха. Вместе с тем, на встрече Хомейни с лидерами иранского еврейства, состоявшейся в мае 1979 г., им было обещана безопасность для евреев при условии «их дистанцирования от сионизма и Израиля»⁶. Сам Хомейни, а в дальнейшем — его преемник на посту духовного лидера страны аятолла Али Хаменеи, неоднократно позволяли себе резко враждебные высказывания по отношению к евреям и иудаизму. Как следствие, исламская революция положила начало исходу еврейской общины из Ирана. В течение двадцати лет после установления в стране исламского режима Иран покинуло более 55 тыс. евреев. По оценкам на 2018 г., в Иране осталось примерно 22 тыс. евреев.

Гипертрофированно враждебное отношение в сионизму как глобальной угрозе, нагнетавшееся в Иране с начала существования нового режима, привело к тому, что в стране была развязана кампания террора, жертвами которой пали десятки евреев. В их числе — глава еврейской общины бизнесмен Хабиб Элганиан, казненный по обвинению в сионистской деятельности в 1979 г. Вскоре такая же участь постигла другого крупного бизнесмена — Альберта Даниэльпура, затем — владельца сети гостиниц Берухима Аврахами. До середины 1983 г. было казнено еще десять руководителей иранского еврейства и конфисковано их имущество. В последующие годы репрессии были продолжены.

Вместе с тем, к середине 1980-х гг. еврейская община вернулась к прежнему существованию, восстановив все свои духовные, образовательные, культурные и прочие институты. За годы исламского режима 6 евреев избирались депутатами Собрания исламского со-

вета (парламента). В целом еврейские депутаты занимают коллаборационистские позиции. Из их уст нередко раздаются обвинения в адрес Израиля как главного врага Ирана и всего исламского мира. Однако они пытаются и реально отстоять права общины. Так, в октябре 1999 г. тогдашний еврейский депутат Манучехр Эльяси выступил в парламенте за соблюдение прав группы арестованных евреев-«шпионов». Властям не всегда нравится такая позиция еврейских депутатов, и депутат Морис Мотамед, чересчур активно отстаивавший права своих единоверцев, был досрочно отозван из законодательного органа.

За годы исламского режима в Иране не раз регистрировался всплеск антисемитизма на бытовом уровне, элементами которого были увольнения среди местных евреев или принуждение к переходу в ислам с целью сохранения своего положения в обществе. Такие тенденции обострялись и в кризисные для страны годы, когда на базе экономических трудностей и финансового кризиса возникала необходимость в поиске цементирующего нацию внешнего врага. Это неминуемо приводило к нагнетанию антиамериканской истерии и, естественно, обвинению во всех смертных грехах его союзника Израиля, сионизма, и, как продолжение этой цепочки, имело следствием репрессии против еврейской общины Ирана, для многих в ИРИ по-прежнему ассоциировавшейся с Израилем. Имеется достаточно оснований утверждать, что антисемитская пропаганда является спланированной кампанией, рассчитанной на конкретные слои иранского общества. Она опирается на определенные правовые ограничения, показывающие противопоставление евреев Ирана мусульманскому населению страны. Это касается вводимых время от времени ограничений на выезд из страны, получения выездных виз, специальных штампов в паспорте и вывесок на магазинах о принадлежности к еврейскому религиозному меньшинству. Существуют и другие виды откровенной дискриминации — препятствия, чинимые властями в области трудоустройства, получения высшего образования, судопроизводства, где до сих пор существуют ограничения для евреев. В стране на официальном уровне раздуваются антиеврейские настроения. В их числе — использование принадлежности к евреям как унижающей характеристики по отношению к высокопоставленным деятелям исламского режима. Так, в октябре 2009 г. в иранских СМИ появились статьи, указывающие на еврейские корни тогдашнего президента ИРИ М. Ахмадинежада. В декабре 2016 г. отмечена подобная кампания против известного клана Лариджани. Утверждалось, что он имеет

еврейские корни, но перешел в ислам, «для того, чтобы изнутри подорвать основы исламского режима и обрушить его»⁷. Это влияет на антисемитские настроения в иранском обществе, зачастую выливаются в прямые погромы еврейских культовых учреждений, как в декабре 2017 г., когда были атакованы две синагоги в Ширазе, уничтожены свитки Торы, молитвенники и ритуальные предметы⁸. Что касается инфраструктуры иранской еврейской общины, то сейчас в Тегеране работает специальный компьютерный центр для еврейской молодежи, имеется трехязычный интернет-портал местной еврейской общины, действуют четыре еврейских частных образовательных учреждения в формате школ, причем все — в столице. В других городах функционируют лишь воскресные школы. В столице сконцентрировано более половины иранских евреев. Именно там доступны все услуги, предоставляемые общиной — кошерная пища, услуги резников, специальные молодежные клубы, служба знакомств, работают 20 из 40 действующих в Иране синагог. Отметим, что община ныне более религиозна, чем в дореволюционный период, а местные синагоги более заполнены, чем тогда.

Разумеется, на положении еврейской общины сказывается изменение политической конъюнктуры в стране. По сути, община живет в состоянии хрупкого равновесия, которое в любой момент может нарушиться. Либерализация, отмеченная с приходом к власти президентов-либералов Хатами в 1997–2005 гг. и Рухани в 2013 г., благоприятно сказались на положении общины. Так, при М. Хатами были облегчены условия выезда евреев за границу, стало возможным восстановить отношения с родственниками и друзьями, проживающими за границей, в том числе в Израиле.

Режим исламской республики никогда официально не одобряет систематическое преследование своих еврейских граждан, но антисемитские высказывания регулярно озвучиваются государственными СМИ. В то же время руководство страны регулярно поздравляет своих «еврейских соотечественников» с официальными иудейскими праздниками. 15 декабря 2014 г. в Тегеране открыли памятник еврейским воинам, павшим в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Лидер тегеранской еврейской общины Хомаюн Наджафабади сказал, что тем самым Иран демонстрирует всему миру, что является мультиконфессиональным государством, в котором реализована свобода вероисповедания адептами всех религий. В конце 2013 г. в Тегеране состоялось торжественное собрание, почтившее память легендарного иранского лексикографа из среды местных евреев Со-

леймана Хаима. На нем прошла презентация детища всей его жизни — полного персидско-ивритского словаря. Отметим, что словарь представил видный политик, глава Иранской Академии языка и литературы, в прошлом — спикер парламента страны Голам-Хоссейн Хаддад-Адель.

Несмотря на это, продолжающееся противостояние Ирана и Израиля, перманентное увеличение изоляции Ирана, вытекающее из поощрения им агрессии и терроризма «против Израиля и евреев повсюду в мире»⁹ отнюдь не способствуют безопасному проживанию еврейской общины в Иране и межконфессиональному согласию.

Примечания

¹ Хафизов Я. Евреи и прозелиты // Бухарские евреи: иудаизм, традиции, история культура. Вчера, сегодня, завтра. Тель-Авив : Всемирный Конгресс бухарских евреев, 2005. С. 99.

² Нецер А. История евреев в новое время. Тель-Авив : б. и., 1982. С. 226–231 (на фарси).

³ Тер-Оганов Н. К. Евреи Персии на рубеже XIX–XX веков // Корни. № 24, октябрь–декабрь 2004. С. 120.

⁴ Риттих П. А. Политико-статистический очерк Персии. СПб. : Типография Н. Финдейзена, 1896. С. 49.

⁵ Смирнов К. Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы (с приложениями). Вступительное слово, комментарии, примечания, указатели и фотографии Н. К. Тер-Оганова. Тель-Авив : «Иврус», 2002. С. 118–119.

⁶ Менаири Д. Иран в революции. Тель-Авив : «Ха-Кибуц Ха-меухад», 1995. С. 143 (на ивр.).

⁷ Месамед В. Новый рецидив «еврейского» фактора в политической борьбе в Иране. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=31392>, 17 декабря 2016 г. (дата обращения: 28.01.2019).

⁸ Еще одна синагога Ирана подверглась нападению вандалов // Лехайм. 28 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://lechaim.ru/news/eshhe-odna-sinagoga-irana-podverglas-napadeniyu-vandalov> (дата обращения: 28.01.2019).

⁹ Lipner Sh. The Jewish People in 2017: Fault Lines, Threats, and Opportunities // The Israel Journal of Foreign Affairs. 2017/5777. Vol. 11. No. 2. P. 173.

ИСТОРИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСПАДА ОБЩИН



УДК 433

Е. В. Гусарова*(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)***Эфиопские Бета Эсраель:
мифы о происхождении и история**

Источники по истории народа фалаша¹, эфиопских Бета Эсраель («Дом Израилев», самоназвание) или эфиопских иудеев, разнообразны. Среди них центральное место занимают хроники эфиопских царей и записки европейских и арабских путешественников, которым довелось побывать на Африканском Роге. Информация, содержащаяся в этих источниках, имеет фрагментарный характер, т. к. ни один из них не был посвящен, даже отчасти, обстоятельному рассмотрению какого-либо аспекта истории или культуры этого народа. Существует единственная в своем роде историческая хроника, хотя и достаточно небольшая по объему, написанная представителем народа фалаша². Эфиопские фалаша обладают и собственной богатой литературной традицией, в основном религиозного содержания, большая часть которой имеет общие корни с эфиопской христианской книжной традицией. Религиозная литература эфиопских иудеев достаточно хорошо изучена, а ее лаконичное описание можно найти, в частности, в соответствующем исследовании С. Каплана³. Она переводилась на язык геэз в составе корпуса религиозной литературы начиная со времени крещения Аксума. До этого периода (IV в.) присутствие Библейских книг на территории Африканского Рога не прослеживается. Логичнее всего было бы предположить, что эфиопские иудеи познакомились со Священными книгами уже в переводе на геэз. В этой связи заявления о наличии в богослужебных книгах фалаша свидетельств (лексического характера) того, что некогда они говорили и писали на древнееврейском языке, легко оспариваются фактом повсеместного использования в геэзе заимствованных еврейских слов, транслитерированных в эфиопской графике⁴. Такое рассуждение идет вразрез с убеждением фалаша о их происхождении от первородных сынов Израиля и о переселении в Эфиопию во времена царя Соломона и царицы Савской (Македы). Как бы то ни было, а исконная вера в «миф о происхождении», рассуждения о соотношении которого с реальностью не входят в задачи данного исследования, сыграла центральную роль в сохранении идентично-

сти фалаша и оказала прямое влияние на их современное положение (в частности, и географическое).

Предвзятое и зачастую негативное отношение со стороны амхаро-тиграйской (правящей) элиты⁵ на протяжении всей истории их совместного проживания с фалаша проистекает не только из их разной религиозной принадлежности, но и из рода деятельности (основных родов занятости) эфиопских иудеев. Дело в том, что иудеи на Африканском Роге в силу стечения обстоятельств стали заниматься теми ремеслами, которые считались «нечистыми» у остального населения страны (христиан и мусульман). В частности, фалаша фактически монополизировали гончарное и кузнечное дело. Именно причастность к этим ремеслам лежит в основе возникновения многочисленных фантастических историй и поверий, связанных с эфиопскими иудеями. Например, люди верили, что фалаша по ночам превращаются в гиен и нападают на людей (это при том, что гиена сама по себе распространенный в местных лесах и горах зверь). Дело в том, что эфиопы исторически с осторожностью относились к людям, имеющим дело с огнем, тем более если с его помощью им удавалось трансформировать, менять природу материалов, таких как металлы и глина.

Мусульмане и христиане более тысячелетия представляли абсолютное большинство населения Африканского Рога. Исконно христианское государство уже к XVIII в. ощущало значительное мусульманское присутствие на всех социальных уровнях, а к середине XX в. число представителей этих двух религий сравнялось. Иудеи же продолжали представлять скромную по количеству составляющую населения Эфиопии. Иудеи фалаша в основном, на протяжении большей части исторического развития Эфиопии предпочитали маргинализироваться, сохранять обособленность от остального населения Эфиопии. Это делалось по личным убеждениям. В ответ эфиопская элита «подливала масло в огонь», гласно и негласно поддерживая такую изоляцию. Эта ситуация подкреплялась и общим отношением к фалаша со стороны простого народа.

Вышесказанное подтверждается историческими реалиями. В XIV–XV вв. у народа фалаша не существовало какой-либо политической структуры, а важную роль играла этническая и, главное, религиозная идентичность. К XVI–XVII вв. их правители из локальных вождей превратились в политических и религиозных лидеров всей общины, основанной на осознании своей этнической и конфессиональной уникальности.

Постепенный перенос политического и экономического центра христианского государства во вновь основанную столицу Гондар оказал сильное влияние на судьбу фалаша. Цари Сарса Дэнгэль (1563–1597) и Сисиний (1607–1632) строили в области Дамбия, ставшей к этому времени доменом эфиопских монархов, прекрасные замки и изначально вели вооруженную борьбу с этим народом, который населял соседние территории. Отношения фалаша с эфиопскими царями были сложными. Еще при царе Сарса Дэнгэле царское войско подвергало их деревни разгрому, несмотря на труднодоступность районов их обитания, отличавшихся преобладанием низких температур, непривычных для основной массы населения Эфиопии.

Тем не менее, ремесленники из фалаша принимали активное участие в строительстве царской резиденции. Это и не удивительно. Эфиопские иудеи всегда были талантливыми ремесленниками, чего нельзя сказать о всем населении Эфиопии.

Но положение фалаша, пожалуй, никогда не было в полной мере благополучным. Основные причины этого состояли в обособленности этого народа от остального населения региона по ряду причин, в частности религиозных (правила ритуальной чистоты, пищевые запреты и прочее), и, как следствие, нежелание входить в контакт с окружающими, подчиняться христианскому монарху (фалаша предпочитали заплатить налог и полагали, что этим они «откупаются» от дальнейших притязаний *царя царей*). Фалаша редко ассимилировались, поскольку воспринимали себя избранным народом, более высоким по положению, чем местные семитские и кушитские народы, не связанные происхождением со Святым Градом Иерусалимом.

В результате и их не рассматривали как полноправных «граждан» Эфиопии. Царь Сисиний конфисковывал их земли и разрешал продавать в рабство наравне с язычниками, а некоторых насильно обращал в христианство⁶. Войны Сисиния с народом фалаша живо описаны в его царской хронике⁷ и в соответствующем разделе краткой хроники⁸. Обычно этот народ предпочитал не провоцировать христианского царя, дабы не навлечь на себя беду, и старался жить в мире, но во времена правления царя Сисиния на передний план выдвинулся Гедеон, выдающийся правитель фалаша. Он сумел организовать своих подданных, недовольных агрессивной политикой царя, что привело в 1614 г. к организации широкомасштабного военного похода в область Самен. Царь одержал победу, а Гедеон и фалаша попросили пощады и поклялись жить там, где укажет им эфиопский царь. И это далеко не единственный пример, когда фалаша просили монарха указать им ме-

сто для проживания, желательно наиболее удаленное и труднодоступное, чтобы «уйти с глаз». Тем не менее, по прошествии двух лет царь организовал новый военный поход против раздражавших его иноверцев. Именно Сисиний запретил всем народам Эфиопии праздновать ветхозаветную субботу⁹ и настаивал на переходе фалаша в христианскую веру.

Царь Эфиопии Василид (1632–1667), сын царя Сисиния, решил основать в Гондаре столицу, что требовало полного подчинения местных жителей, среди которых было немало Бета Эсраель. Для эфиопских иудеев это имело как отрицательные, так и положительные последствия. С одной стороны, некоторые фалаша все же стали служить в царском войске (что сулило добычу от военных походов; как такового жалования эфиопские солдаты не получали, но им позволялось грабить завоеванные территории), находили работу в городе в качестве ремесленников, каменщиков и плотников, трудились на строительстве новой столицы и тем самым заняли особую нишу в государстве. С другой стороны, фалаша стали более уязвимыми перед лицом христианского царя и должны были вступать в социальные связи с христианским населением страны, что часто приводило к отдалению от собственных традиций.

В 1668 г. царь Иоанн I (1667–1682), сын и преемник Василида, издал указ об отдельном проживании франков (белых людей), мусульман, турок и фалаша, представители которых к этому времени, в результате своей деятельности, стали даже получать почетные государственные и военные титулы. Подобного уважения и значения в государстве у представителей этого народа, пожалуй, не было никогда прежде. Традиционно остальные жители Эфиопии, а особенно амхаро-тиграйская «верхушка» государства, относились к ним со значительным предубеждением. Их считали колдунами, с ними крайне редко вступали в брачные союзы. В результате и сами фалаша предпочитали жить отдельно от христиан Эфиопии компактными группами, отмежевываясь от них в полном смысле слова, как физически и географически, так и духовно.

После революции 1974 г. многие народы Эфиопии с разной степенью активности начали бороться за свои интересы и самоопределение в новом государстве и приспосабливаться к новой реальности. Фалаша же, наоборот, не были замечены в предприятии сколь-либо серьезных попыток по включению себя в государственную структуру и в общий механизм совместного проживания в целом. Это было связано с исконным восприятием себя избранным народом и нежеланием сме-

шиваться с остальным, «нечистым», населением Эфиопии. В то время как народ оромо массово вступал в ряды царской армии начиная с XVII–XVIII вв. (армия христианского царя давно была мультинациональной и мультирелигиозной и говорила на ряде разнообразных семито-хамитских языков), а некоторые добивались вознесения своих кланов и семей до уровня элиты, фалаша сознательно «отмежевывались» от остального населения и уходили в добровольную изоляцию. Периоды их относительной открытости внешнему миру и изоляции сменяли друг друга с течением времени, шли волнами.

Миф о происхождении фалаша, основанный на ветхозаветной истории, сформулирован в династическом трактате «Кэбра нагаст»¹⁰. Этот трактат изначально получил распространение в христианской среде, а впоследствии прочно укоренился в умах эфиопских иудеев как основа их общего прошлого, как идеалистическое представление о своих предках и истории своего прибытия на Африканский континент. Этот миф не ставится под сомнение и не подвергается критике в среде фалаша до сегодняшнего времени. Он лег в основание идеи возвращения в землю отцов и, как результат, привел к массовому переселению в Израиль в последней четверти XX столетия.

Очевидно, что борьба за самоопределение неотделима от общего прошлого народа и практически невозможна в «историческом вакууме»¹¹. Желание самоопределения может возникнуть именно под влиянием агрессивной среды, часто представленной более сильным, более многочисленным и агрессивно настроенным окружением. Сохранение иудейства фалаша стало возможным исключительно благодаря коллективной памяти. В свою очередь, единство народа было основано на вероисповедании.

Несмотря на многовековые притеснения, Бета Эсраель смогли в определенные периоды истории обогащаться, поскольку не гнушались занятий и ремесел, считавшихся среди эфиопов «нечистыми», извлечь и из этого своеобразную пользу. Обособленность от остального населения и правящей верхушки Эфиопии при этом сохранялась, это была условная интеграция в общество, которая вовсе не означала ассимиляцию. Фалаша продолжали именовать себя иудеями, «домом Израилевым», но не эфиопами, а постоянные притеснения способствовали сохранению своей религии и культурной идентичности.

Примечания

¹ Так этот народ именовали в эфиопских литературных источниках и, видимо, среди простонародья. Этноним фалаша имеет до некоторой степени негативную коннотацию, отражающую отношение местного населения Эфиопии к этому народу. Хотя, эфио-семитский

- корень *фаласа*, от которого образован этот этноним, «безобиден» и означает «переселяться». Т. е. фалаша — это те, кто переселился, чужак. См. о них: *Kaplan S. Betä ʿĪsraʾel. Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 1 / Ed. by S. Uhlig. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2003. P. 552–559.*
- ² Подробности содержания и бытования этой хроники освещены в: *Leslau W. A Falasha Religious Dispute // Proceedings of the American Academy for Jewish Research. Vol. 16. 1946–1947. P. 71–95; Гусарова Е. В. Хроника эфиопских фалаша как уникальный источник, отражающий самосознание этого народа // Иудаика и библеистика. Материалы Второй ежегодной конференции по иудаике и востоковедению 17 декабря 2013 г. СПб. : АНОО «Петербургский институт иудаики», 2014. (Труды по иудаике. Серия «Филология и культурология». Вып. 2). С. 324–335; *Kaplan S. The Literature of the Beta Israel (Falasha): a Survey of a Biblical-Hebraic Tradition // Христианский Восток. Новая серия, 1 (VII). 1999. P. 99–123.**
- ³ *Kaplan S. Betä ʿĪsraʾel. Encyclopaedia Aethiopica. P. 552–559.*
- ⁴ *Ullendorff E. Ethiopia and The Bible. London : Oxford University Press, 1968. P. 119.*
- ⁵ Династия Соломонов, которая правила с 1270 до революции 1974 г., когда в результате государственного переворота был свергнут Хайле Селассе I. Правящая династия и большая часть придворных и их приближенных по большей части принадлежали (этнически) к этно-социальной группе амхара и тиграйцам. После революции власть перешла к правительству Дерга (Координационный комитет вооруженных сил, полиции и территориальных армий), которое с одной стороны объявило о равенстве всех народов Эфиопии, а с другой по своему составу практически полностью было представлено выходцами из двух вышеупомянутых народов. Попытки других этнических составляющих войти в государственный аппарат пресекались и вскоре привели к преследованиям на почве этнической принадлежности (геноциду).
- ⁶ Христианство как общая универсальная религия в Эфиопии была основным инструментом объединения страны в руках монархов и религиозных деятелей. Сама Эфиопия приобрела свое современное положение благодаря христианизации окрестных земель.
- ⁷ *Pereira E. Chronica de Susenyos, rei de Ethiopia, Lisboa : Imprensa Nacional, 1892, 1900* (издание эфиопского текста хроники с переводом на португальский язык). См. русский перевод в: Эфиопские хроники XVI–XVII вв. / Вступление и заключение, пер. с эфиопск. и коммент. С. Б. Чернецова. М. : Наука, 1984. С. 153–348.
- ⁸ *Basset R. Etude sur l’histoire d’Ethiopie // Journal Asiatique. 7 série. Vol. 18. 1881. P. 122–124.*
- ⁹ Что, впрочем, не было напрямую связано с иудеями, т. к. и христиане Эфиопии чтят Субботу наравне с Воскресеньем под влиянием прочно укоренившейся в Эфиопской Церкви ветхозаветной традиции. См. *Gusarova E. Little Known Aspects of Veneration of the Old Testament Sabbath in Medieval Ethiopia // Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography. 2017. Vol. 13. P. 154–158.*
- ¹⁰ *Kebrā Nagast: Die Herrlichkeit der Könige / Hrsg. und mit deutscher Übersetzung versehen von C. Bezold. München : G. Franz, 1905. (Abhandlungen der K. Bayerlichen Akademie der Wissenschaften, I. Klasse, XXIII. Bd. I. Abt.).*
- ¹¹ Об этом, в частности, сообщается в работах ряда историков, применительно к разным народам. См., например, *Mekuria Bulcha. The survival and reconstruction of Oromo National Identity // Being and becoming Oromo / ed. by P. T. W. Baxter, J. Hultin, A. Triulzi. Uppsala : Nordiska Afrikainstitutet, 1996. P. 49; Gudrun D. Sources of Life and Identity // Being and becoming Oromo. P. 162–177.*
-
-

УДК 94(=411.16)(474.5-21Болехов)“17”:821.411.16-94

Р. Марчинковски

(г. Варшава, Республика Польша)

Евреи в Восточной Галиции в воспоминаниях Дова Бера из Болехова

Дов Бер из Болехова (1723–1805), еврейский торговец вином и полиглот, оставил две основные рукописные работы *זכרונות ר' דוב מבוлахוב* («Воспоминания Дова Бера из Болехова»)¹ и *דברי בינה* («Слова Разума»)². Первая рукопись носит биографический характер. Автор описывает в ней не только свою историю и историю своей семьи, но и историю евреев в Восточной Галиции, учитывая также значительные события в истории Польши. Его описание, как стороннего наблюдателя, кажется достоверным. Вторая работа полемическая. Автор защищает в ней раввинский иудаизм, особенно ключевую для него книгу Талмуд, главными частями которого являются Мишна и Гемара. Он обвиняет христиан в том, что они ограничиваются только Письменной Торой и игнорируют Устную Тору, которая является толкованием письменного закона в иудаизме. «Воспоминания Дова Бера из Болехова» как и «Слова Разума» являются значительными рукописными памятниками восемнадцатого века на иврите (еще до оживления этого языка) и неоценимым историческим источником, особенно по истории евреев в Польше, а *דברי בינה* — и по истории религии и взаимоотношений между христианством и иудаизмом в восемнадцатом веке. Обе рукописи содержат много информации об их авторе, его семье и евреях Восточной Галиции. Первая рукопись была общедоступна, поэтому я подготовил ее к новому изданию³ и опубликовал перевод на польский язык⁴. Я написал также несколько статей⁵, посвященных рукописи *זכרונות ר' דוב מבוлахוב*. Вторая рукопись в течение многих лет считалась утраченной и была найдена только в XXI в.

Город Болехов и еврейская община были основаны одновременно. Городские права Болехов получил в 1612 г. благодаря владельцу болеховских поместий Николаю Гедзинскому, который установил равные права как для христиан, так и для евреев. Последние могли селиться в центре города, где они получили площадь под постройку синагоги, а также вторую площадь в предместье, предназначенную под кладбище. Они принимали также участие в выборах мэра, который обязался под присягой относиться одинаково ко всем жителям, независимо от

религии и богатства. Город не пострадал от казацких погромов в 1648 и 1649 гг. Однако, в результате татарского нашествия в 1669 г., значительная его часть сгорела, а вместе с ней и городские документы. Тогдашний владелец Болехова, львовский епископ, помог восстановить город. Он дал также кредит еврейской общине на реконструкцию сгоревшей синагоги⁶.

В 1764 г. фактическая численность жителей болеховской общины, по данным Дова Бера, составляла свыше 1300 человек:

Однако по поводу наших многочисленных грехов, когда в 523 году согласен короткому счету [1763] на престол Польши сел новый король, а это был князь Понятовский, он сам с разрешения Великого Сейма ввел подсчет всех еврейских голов необрезанными комиссарами во всех провинциях Польши. [Он также приказал] евреям платить ежегодно от каждой еврейской души по два польских злотых подушной подати в двух частях: один злотый в марте, то есть в адар, и один в августе, то есть в элюль. Когда эти комиссары приехали, чтобы подсчитать жителей нашей общины (пусть Господь ее хранит), а их начальником был господин Громницкий, который был мне хорошо знаком, тогда я предотвратил беду и предостерег общинных чиновников, чтобы уговорили всех в общине утаить их настоящее количество, насколько это будет возможно. Подобным образом я посоветовал старшим в общине, гарантируя, что ничего плохого на нас не свалится, даже если они затаят действительное число всех бедняг. Поступили согласно моему совету. Тогда наша община насчитывала свыше 1300 человек, а этим комиссарам дано было количество 883, которое было записано в их регистрах как число еврейского населения в Болехове и окружающих селах⁷.

Тут надо уточнить, что в состав общины, кроме города Болехова, входили тринадцать сел⁸. В то время еврейских жителей Бродов или Львова насчитываются в каждом городе примерно по 7000 человек. Но ведь Львов — это столица Галиции, а Броды — это торговый центр, который имел контакты с многими городами Европы. Так об этом докладывает Дов Бер:

Еврейские купцы из Тысменицы были в это время известнее, чем купцы из Бродов. [И такими остались] до первого пожара, который произошел в Бродах в 513 году [1752/3]. [после которого] владелец [Бродов, граф] Потоцкий внес сумму миллион польских злотых наличными деньгами евреям и жителям своего города Броды. И когда купцы из святой общины в Бродах получили наличные деньги, немедленно отправились во все эти города и страны той части Европы, где они смогли найти прекрасные товары разного вида и [подходящих] торговцев. Они прибыли также в портовые города центров иностранной торговли и там вложили [деньги, взятые

в долг от князя,] в торговлю, от которой платили ежегодно семь злотых со ста. А капитал оставался в их руках без ущерба много лет. Таким образом люди из святой общины в Бродах завладели действительно всяким видом торговли и в любом месте полно их было вместе с их товарами. А слава их продолжается по сей день и никогда не пройдет и не уменьшится⁹.

В вышеприведенном фрагменте Дов Бер указывает, что успехи купцов из Бродов были заслугой главным образом владельца города.

Чем занимались жители Болехова? Некоторые члены общины доставляли в копи дерево из окрестных лесов. Другие покупали соль, а затем продавали ее (или меняли на зерно) на месте в Болехове, или на рынках в разных городках. Местные крестьяне, например, покупали соль в кредит и возвращали долги лишь после сбора урожая.

Важным источником доходов евреев в Болехове была продажа венгерских вин, чем занималась также семья Дова Бера. Автор рукописи вспоминает, что его отец сумел соединить два самых главных занятия жителей Болехова, т. е. торговлю солью и вином. Он поставлял в соляные копи дерево, которое менял на соль. Соль обменивал на зерно, из которого вырабатывал горилку. Горилку возил в Венгрию, откуда привозил вино. Большой спрос на вино среди польской шляхты привел к тому, что евреи из Галиции, особенно из приграничных местностей, но не только, заметили в этом выгодное дело. Они ездили в Венгрию, известную превосходными виноградниками и отличным вином, привозили его и продавали шляхте, неоднократно также храня, как это было в случае Дова Бера, в монастырских подвалах. Общие интересы помогали устанавливать контакты. Текст мемуаров указывает, что обе общины, христианская и еврейская, жили в дружбе.

Эта ситуация стала ухудшаться с началом упадка Польши, безвластием, анархией, потерей еврейской автономии, инфляцией и обнищанием. Но даже в трудное время было взаимопонимание. Дов Бер описывает, как он ходатайствовал за бедняков, как еврейских, так и христианских:

Я написал просьбу нашему хозяину, как от имени управления города и прихода необрезанных, так и от управления кагала и еврейской общины, да сохрани ее Господь. Просьба была в таком стиле, что нижайше просят милостивого пана, Его Сиятельство, о помиловании для бедняков, как необрезанных, так и евреев, которые были вынуждены взять в этом году с мельницы большое количество дорогого зерна ржи и пшеницы, а также других продуктов, необходимых для содержания их голодающих семей. Из-за трудных времен эти бедные люди не смогут оплатить свои долги за лето еще до сбора урожая. Поэтому старейшины обеих общин просят

любезного господина выдать распоряжение об отсрочке платежа аренды до дня святого Михаила. Мэр и члены городского совета подписали собственноручно эту просьбу и запечатали ее печатью города. Также старейшина еврейской общины и некоторые ее члены подписали это прошение¹⁰.

Случались и проявления нетерпимости. Автор рукописей описывает, например, нападения учеников на еврейский район во Львове, которые стали порочной традицией:

В святой общине во Львове тогда произошло последнее нападение студентов. Это было время ученического погрома. Его причиной была мелкая распря, которая произошла между евреем и каким-то учеником. Тотчас собрались ученики из благородных и хороших семей, побежали в еврейский район, чтобы бить, убивать и воровать всякое еврейское имущество. А евреям пришлось бежать из своих домов, спасая жизнь. В то время ученики грабили и воровали все, что смогли с собой унести¹¹.

Болеховские евреи занимались также обменом денег. Они давали деньги под залог, но, когда пришли худые времена, сами были вынуждены брать займы у шляхты или духовенства. Купцы занимались своими делами сами или с родственниками или знакомыми. Случались и еврейско-христианские товарищества.

Давайте теперь рассмотрим, какие духовные тенденции формировали сознание еврейского общества в то время. Дов Бер вспоминает сторонников Шабтая Цви, особенно последователей его учения — Якуба Франка и его секту. Как мы помним, в 1759 г. во Львове произошли дебаты между евреями и сектой Якуба Франка, в которых принял участие и автор рукописи.

Через год после этой дискуссии, в 1760 г., умер Израиль Бааль Шем Тов, основатель хасидизма, направления, которое насчитывало тогда около сорока тысяч сторонников на Подолье, Волыни и в Галиции. Свое негативное отношение к хасидизму Дов Бер представил в своем втором произведении *דברי בינה*¹². Из других источников известно, что хасидизм развился в Болехове¹³.

Дов Бер вспоминает также знаменитых специалистов по древнееврейскому языку, например, р. Иосифа и других из Тысменицы, которые своей главной целью сделали изучение древнееврейского:

...знаменитые писатели на святом языке, которых там было немало. А первый среди них был молодой мужчина, наш учитель и мастер Иосиф, сын судьи, н. у. и м. Якоба Коппеля бл. п., называемого Толстяком и зять раввина, н. у. и м. Исаака бл. п., председателя суда святой общины в Монастерисках. Он был прекрасным писателем на святом языке, а я завидовал ему больше, чем другим писателям. Он передал мне на сохранение много

своих бумаг, но все они сгорели во время пожара в 519 году, согласно сокращенному счету (1759)¹⁴.

Это может указывать на начало просвещения в Галиции, т. к. стремление к употреблению исключительно библейского языка было типичным для периода, предшествующего Гаскале.

По словам автора рукописей, должность раввина в болоховской общине исполняли люди образованные и пользующиеся большим уважением. Случалось, что члены одной семьи исполняли должность раввина в нескольких соседних местностях. В раввинских семьях мы можем встретить также образованных женщин, которые отлично знали Библию и ее толкование. Знаменитые знатоки Писания иногда учились за границей. Автор мемуаров вспоминает своего шурина, брата второй жены Леи, Иссахара Бера из Тысменицы, который изучал Тору в Амстердаме у раввина Хагиза, председателя суда амстердамской сефардской общины.

Община переживала иногда очень тяжелые моменты. В беспокойные времена внутри страны трудно было обеспечить безопасность. Опасными были дороги, особенно для купцов. Имели место также нападения на поселки. Поэтому ставили ночную стражу, чтобы караулила и охраняла жителей. Дов Бер описывает такое нападение банды разбойников, в котором погибли девять человек и сгорело много домов. Ограбили не только городских, но и сельских жителей общины, а преступники уехали без препятствий. Автор рукописи пребывал тогда во Львове. Его жена с трудом спаслась. Служанке удалось сохранить от пожара некоторые предметы, особенно книги:

В тот самый момент пришли в мой дом два разбойника и нашли мою жену, госпожу Лею бл. п., лежавшую в своей кровати и не знавшую, что творилось в городе. Потребовали с нее большую сумму денег. Дала им один червонный золотой и двадцать польских злотых. И объяснялась, что не имеет больше ни гроша. Тогда один разбойник нанес ей удар в плечо и в спину обухом топора, который держал в руке. Ее тело в этом месте оставалось почерневшим долгое время. И требовали с нее драгоценностей, золота и жемчуга. И было сказано, что необрезанные жители нашего города сообщили грабителям, что в этом доме они найдут драгоценности, золото и жемчуг. И ей пришлось отдать им все свои сокровища, прекрасный и ценный жемчуг в двух разновидностях: пять ожерелий и четыре ожерелья, а также четыре очень красивых платка. Отдала им еще десять золотых колец, усеянных драгоценными камнями и бриллиантами. Стоимостью этих драгоценностей была в то время около трех тысяч польских злотых, не считая предметов домашнего обихода да и самого дома, который сгорел, стоимостью примерно около четырех тысяч польских злотых.

Сумма всех моих затрат составила семь тысяч польских злотых. И тогда разбойники услышали, что пожар усиливается, и покинули мою жену, которая убежала на берег реки. Осталась только служанка нееврейка из Сколе, и вынесла сама все вещи, которые смогла унести, и спасла их от пожара. А над моими книгами, которых было почти сто, в большинстве древних авторов, жалилась, говоря: "Мой хозяин — любитель книг, поэтому я спасу их и положу в мешок". Она носила их два раза, не оставила ни одной, и все уцелели¹⁵.

Дов Бер прибыл в Болехов после этого события. Составили опись причиненного ущерба. В этом деле членам болеховского кагала помогали окрестные дворяне и другие христиане, в основном чиновники и правление города.

Читая его воспоминания, мы видим человека, который не принадлежал к элите, но пытался ей соответствовать. Поэтому часто преувеличивал достоинства своей семьи¹⁶. Тем не менее, не стоит преуменьшать историческую ценность его повествования. Судьба его семьи убедительно свидетельствует о социальном и материальном продвижении лиц, не принадлежащих к традиционной элите местной еврейской общины. В заключение следует отметить, что из-за ограниченно-го объема статьи, тема не была полностью исчерпана.

Примечания

¹ Jews' College, London. Hebrew Manuscript No. 42.

² NLI. Ms Heb 8 7507 Ber Birkenthal of Bolechów, Sefer Divrei Binah.

³ Marcinkowski R. Critical Edition of the Hebrew Manuscript No. 42 from Jews' College London. Kraków : b. n. w., 2006.

⁴ Idem. Pamiętniki reba Dowa z Bolechowa. Warszawa : Formica, 1994.

⁵ Ibid.; Idem. Critical Edition...; Idem. Dow Ber z Bolechowa — prekursor żydowskiego oświecenia na ziemiach polskich // Przegląd Orientalistyczny. 1993. No. 3–4. S. 214–220; Idem. Żydzi w Galicji Wschodniej w świetle Pamiętników reba Dowa z Bolechowa // Przegląd Orientalistyczny. 1994. No. 3–4. S. 153–167; Idem. ב. העברית על אדמת פולין בתקופת ההשכלה, ירושלים 1997, 59–62; Idem. Dow Ber z Bolechowa: "Uzupełniać Torę wiedzą światową" // Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich: Materiały z konferencji, Kraków 21–23 listopada 1995, Idem. Księgarnia Akademicka. Kraków : Wydawnictwo Naukowe, 1997. S. 183–190; Idem. המאה השמונה עשרה ובתחילת העברית על אדמת פולין בסוף המאה השמונה עשרה // REEH. 1998. Nr 3. P. 62–67; Idem. היהודית על אדמת פולין. המאה התשע עשרה // REEH. 2001. Nr 5. P. 30–39; Idem. Jews in Eastern Galicia in the light of The Memoirs of Dov Ber of Bolechow // Studia Judaica. V.: 2002. nr 1 (9). S. 41–58; Idem. The Precursor of the Jewish Enlightenment in the Polish Lands? // Rocznik Orientalistyczny. T. LV. Z. 1. 2003. S. 45–56.

⁶ Ср.: פנקס הקהילות, פולין. Т. II, גאליציה המזרחית, Иерусалим, 1980. С. 72.

⁷ Рукопись. C. 76A–77B; Marcinkowski R. Critical Edition... P. 231–232.

⁸ Ср. Книга памяти Болехова). Иерусалим, 1957. С. 12, где численность еврейского населения оценивают примерно в тысячу.

⁹ Рукопись. C. 42A; Marcinkowski R. Critical Edition... P. 95.

¹⁰ Рукопись. C. 86A; Marcinkowski R. Critical Edition... P. 271.

¹¹ Рукопись. C. 89B; Marcinkowski R. Critical Edition... P. 281.

¹² Рукопись דברי בינה. С. 22–29.

¹³ Ср. ספר הזכרון לקדושי בולחוב (Книга памяти Болехова). С. 19.

¹⁴ Рукопись זכרונות. С. 41В; *Marcinkowski R. Critical Edition...* P. 93.

¹⁵ Рукопись זכרונות. С. 51А–51В; *Marcinkowski R. Critical Edition...* P. 131–133.

¹⁶ Ср. *Bartal I. Dow m'Bolechów — pamiętnikarz czasów kryzysu Sejmu Czterech Ziem w XVIII stuleciu // Żydzi w dawnej Rzeczypospolitej. Wrocław-Warszawa-Kraków : Ossolineum, 1991. S. 84.*

УДК 325.2(=411.16)(470)(091)(001)

А. А. Кружалина

(г. Иркутск, Российская Федерация)

**Еврейская эмиграция из России 80–90-х гг. XIX в.
по материалам «Отчета о заграничной поездке
по вопросу об урегулировании еврейской эмиграции»
В. Л. Бермана**

Российская империя во все времена оставалась одним из крупнейших многонациональных государств мира. Евреи не были исключены в перечне наций, населявших ее. Более того, имперская политика в отношении представителей этой нации, выразившаяся в «черте оседлости», квоте на получение образования и т. п., спровоцировала серию еврейских погромов, прокатившихся по империи в 80-е гг. XIX в.

С 1881 г. при попустительстве местной коронной администрации стали совершаться еврейские погромы, хотя большая часть правящей бюрократии была против антисемитизма, видя в нем опасность для общественного порядка.

Гораздо более активным в попытках минимизировать остроту «еврейского вопроса» оказалось интеллектуальное сообщество империи, по-разному смотревшее на перспективы присутствия еврейского населения в империи, плюсы и минусы политики антисемитизма и последствия неконтролируемой еврейской эмиграции.

Как отмечает В. Л. Берман¹ в своем отчете, «помощь нашим единокровным эмигрантам не противоречит требованиям русского патриотизма. Занимаясь этим делом, мы не разрешаем еврейского вопроса в России, но мы делаем доброе и великое дело, и быть может, самое плодотворное, что в эту минуту можно сделать для русского еврейства»².

В данной статье рассматриваются особенности регулирования еврейской эмиграции из России и содействия ей в конце XIX в. на материалах «Отчета по заграничной поездке по вопросу об урегулировании русско-еврейской эмиграции» (1893–1894 гг.) В. Л. Бермана.

Погромы 80–90-х гг. XIX в. дали мощный, невиданный до этого толчок для формирования и развития русско-еврейской эмиграции. Новый эмигрантский поток направился по обычному пути — в Северо-Американские Соединенные Штаты. Как свидетельствует статистика русской эмиграции в Соединенные Штаты, за 1881–1882 гг. количество эмигрирующих в эту страну резко поднимается с нормы в 3–4 тысячи человек до 8193 в 1881 г. и 17 497 в 1882 г.³

Русско-еврейские эмигранты первой волны 1881–1882 гг., прибывшие в Соединенные Штаты, в большинстве случаев устроились довольно хорошо, т. к. были встречены там с большим сочувствием еврейским и нееврейским обществом, возмущенным жестокостями грубой толпы в отношении этих беглецов из их Родины. Во многих городах Штатов стали образовываться еврейские комитеты для помощи русским евреям и учреждения для них земельных колоний⁴.

Однако не все эмигранты имели возможность и средства беспрепятственно добраться до Штатов, немало нищих оседало в Бродях — галицийском городишке, ближайшем к русской границе, где бегущие из России эмигранты находили первую возможность передышки. Надо отметить, что Броды стал неким пересыльным пунктом для еврейской эмиграции из России на многие годы.

В условиях все нарастающего и трудно контролируемого потока еврейских эмигрантов в Европу и Америку, на повестку дня встал вопрос о «разработке и осуществлении планов содействия делу эмиграции на коммерческих началах, <...> разрешение вопроса о том, куда будет направляться эмиграция, а также установление связей с евреями подлежащих стран»⁵.

Европейская общественность мгновенно отреагировала на произошедшие в России события. Европейские Еврейские комитеты активно содействовали русским евреям — эмигрантам 1880-х гг. Парижская Мiансе первая явилась с помощью. Открытая ею, в пользу эмигрантов, подписка дала 415 067 франков⁶.

Прирост числа евреев — эмигрантов из России с каждым месяцем становился все больше, к январю 1882 г. Alliance издержал на русско-еврейских эмигрантов 1 000 000 франков, его фонды были истощены. Соединенные Штаты, в свою очередь, все громче заявляли о невоз-

возможности принять новые партии эмигрантов. Однако новая серия погромов, прокатившихся по империи, способствовала увеличению числа спасавшихся бегством.

Среди Еврейских комитетов, а также у западной общественности нееврейского происхождения, наличествовало желание оказать максимально возможную поддержку бежавшим из России евреям. С этой целью 1 февраля 1882 г. в Лондоне по инициативе еврейской среды был проведен митинг сочувствия русским евреям в Mansion-House, собравший под председательством лорд-мэра самых выдающихся лиц Англии. По итогам митинга был образован фонд, насчитывающий 120 000 фунтов стерлингов (около 1 200 000 рублей). Собранные средства были направлены на устройство 30 000 евреев на территории Штатов и Канады⁷.

Широкий порыв лондонской общественности не был единичным случаем. Например, на средства специально организованного Парижского комитета были устроены 700 евреев; активно действовали аналогичные комитеты в Берлине, Гамбурге, Амстердаме, Копенгагене, Женеве, Франкфурте и т. п.

С целью координации действий среди Еврейских Комитетов, 23 и 24 апреля 1882 г. в Берлине состоялся съезд представителей всех комитетов для обсуждения плана совместных действий, на котором было решено направить беглецов, собравшихся в Галиции, исключительно в Соединенные Штаты и другие заатлантические страны, а также передать общее заведывание делом в специально созданный в Берлине комитет и Венский Allianу. Первый трансферт евреев состоялся уже 23 мая через Берлин.

Активное содействие западной общественности евреям-эмигрантам из России поспособствовало консолидации евреев в империи. Так, в апреле 1882 г. в Санкт-Петербурге, с разрешения министра внутренних дел гр. Н. П. Игнатьева состоялся съезд русских евреев. Наряду с внутренними вопросами планировалось обсудить также русско-еврейскую эмиграцию; а именно: причины эмиграции, следует ли ожидать ослабления или усиления движения при предоставлении его самому себе, какими мерами правительство и Еврейские общины могут его ослабить.

Следует заметить, что мнение самого министра внутренних дел по «еврейскому вопросу» было достаточно однозначно. Так, немногим ранее Игнатьев подготовил проект разрешения «еврейского вопроса», по которому западная граница оставалась открытой для евреев, однако касаясь вопроса о переселении евреев во внутренние губернии

сохранялась нерушимость черты оседлости; предполагалось, однако, открыть для колонизации евреями территории Средней Азии и тундры Сибири. С присущим Игнатьеву цинизмом он однажды высказал одному еврейскому деятелю немногословную фразу, смысл которой сводился к следующему: как только евреи поднимут в культурном отношении далекую окраину, их можно будет передвинуть на другие вновь завоеванные земли; а также заметил: «В Палестине евреи нам послужат еще большую службу... Они явятся нашим форпостом и смогут нам добыть ключи от гроба Господня...»⁸.

Выступавшие на съезде представители еврейских общин высказывали, прямо сказать, неоднозначные точки зрения. Однако на зачитанный С. С. Поляковым проект колонизации евреями Ташкента и Ахаль-Теке для развития торговли и промышленности в Азии и создания противовеса Англии, врученный последнему гр. Игнатьевым, собравшиеся почти единодушно оживленно протестовали.

Н. И. Бакст, присутствовавший на съезде, метко заметил, что лучше иммигрировать в Европу и Америку, где тепло, чем в Азию, где холодно⁹.

По поводу регулирования еврейской эмиграции высказывались различные точки зрения. И. И. Кауфман, например, внес предложение о ходатайстве перед правительством о разрешении упорядочить стремление евреев к бегству за границу. Предлагалось также испросить у правительства 70-летний срок для выселения евреев (М. Шполянский).

К тому времени в Бродях скопилось около 16 000 евреев. Для разрешения обострившейся ситуации Венский Allianу направил в Броды Зингера и Штерна, а также предоставил на эту миссию 300 000 франков¹⁰. Но этого было недостаточно. И вновь европейская общественность пришла на помощь русско-еврейской эмиграции. Так, по опубликованному в Париже воззванию было собрано 420 000 франков; организовывались благотворительные представления в театрах в пользу эмигрантов, устанавливали кружки для пожертвований в частных домах.

Специально для нужд евреев-эмигрантов в Амстердаме был учрежден Комитет под председательством бургомистра, сам король Нидерландов принял активное участие в подписке, а кроме того, принял на себя патронат над благотворительным вечером в пользу эмигрантов¹¹. В Италии были учреждены Комитеты в Риме, Флоренции с участием лиц высшей итальянской аристократии, отсюда в Париж было послано 20 000 рублей.

В рамках специальной миссии по разрешению острой ситуации в Бродях в Галицию был командирован некто Венициани. Вся сложность сложившейся ситуации заключалась в том, что заатлантические страны отказывались принимать новые потоки эмигрантов, будучи и без того переполненными евреями-эмигрантами; а Россия, в свою очередь, не соглашалась принять осевших в Галиции евреев, которые, прежде всего, сами не желали возвращаться в Россию.

Проработав длительное время в Бродях, Венициани предоставил проект, согласно которому наибольшее число эмигрантов предполагалось разместить в Европе, Африке и Азии; 3000 не способных к труду необходимо во что бы то ни стало репатриировать; 1000 трудоспособных пока оставить в Бродях с целью в дальнейшем переправить их в Америку. По расчетам автора проекта, на это требовалось 4 000 000 франков. Однако реализовать данный проект не удалось, т. к. размещение эмигрантов по разным городам Европы встретило, по словам В. Л. Бермана, непреодолимые препятствия¹².

Ситуация оставалась острой, когда в августе 1882 г. был проведен съезд европейских Комитетов, на котором был принят ряд важнейших решений. А именно: посылать из Брод ежемесячно 400 эмигрантов в Нью-Йорк, где Jociety согласилось их принять; кого удастся — вернуть в Россию; поместить в Париже на попечение местного Комитета 500 эмигрантов; посылать пособие еврейским общинам в России, пострадавшим от погромов; а самое главное — создать для этого дела фонд в 1 000 000 франков, в счет которого каждый из Комитетов, представленных на съезде, кроме Нью-Йоркского, внесет 200 000 франков. Все принятые решения были в ближайшее время исполнены под умелым руководством Венского Allianu, а также при содействии Венициани и Бродского Комитета; в результате чего к концу августа 1882 г. в Бродях находилось уже лишь 5275 евреев¹³.

Вступление в должность министра внутренних дел гр. Толстого также немного облегчило положение дел, в результате чего количество еврейских погромов в России резко сократилось. Часть бродских беглецов решились вернуться на Родину, а в Бродях осталось лишь около 400 человек, не под каким предлогом не желавших вернуться в Россию. Этих беглецов разместили по Европе и Северной Америке соединенными усилиями европейских Еврейских комитетов. А уже в начале 1883 г. Бродский комитет был закрыт за ненадобностью, т. к., по свидетельству В. Л. Бермана, «считали свою задачу по отношению к русско-еврейским эмигрантам в главной части исполненной»¹⁴.

Однако статистика свидетельствует о том, что за период с 1883 по 1890 гг. число русско-еврейских эмигрантов не сократилось, а, наоборот, возросло. Возникает вопрос, почему многие европейские Еврейские комитеты были либо расформированы, либо отказались оказывать помощь русско-еврейским эмигрантам. Берман В. Л. объясняет это качественным изменением русско-еврейской эмиграции: «поток эмигрантов был такой, что не требовал в таких размерах, как раньше, помощи и денежной поддержки»¹⁵.

Оценить масштабы роста объемов еврейской эмиграции из России в 80-е – 90-е гг. XIX в. позволяет неуклонно растущая численность эмигрантов, например, в США: 1883 г. — около 9000 чел., 1887 — 28 000 чел., 1890 г. — около 33 000 чел.¹⁶.

И даже в этот, относительно спокойный, период в деятельности европейских Еврейских комитетов в отношении русско-еврейской эмиграции случались периоды активности. Так, в 1884 г. еще одно дело, по свидетельству В. Л. Бермана, потребовало вмешательства европейских Комитетов. А именно: вследствие введенных ограничений на прием евреев в учебные заведения России, значительное число молодых евреев из России эмигрировало в Европу и США с целью продолжить свое образование¹⁷. В том числе, этим фактом можно объяснить увеличение числа эмигрантов с 1884 г.

Таким образом, в 80-е гг. XIX столетия эмиграция стала важнейшим фактором в жизни евреев Российской империи. Русско-еврейская эмиграция получила активное развитие и в два последующие десятилетия. Так, по данным О. В. Будницкого, в 1881–1914 гг. Россию покинули 1 980 000 евреев, из них 1 557 000 (а это 78,6 %) эмигрировали в США¹⁸.

В целом же, русско-еврейская эмиграция и ее содержание являются важным индикатором развития «еврейского вопроса» в Российской империи XIX столетия. Шок от погромов, разочарование в позиции русского общества — все это подтолкнуло евреев Империи к эмиграции, однако все эти факторы способствовали также активизации евреев внутри Российской империи, что представляет гораздо больший интерес в контексте исследования «еврейского вопроса» в Российской империи.

В результате вышесказанного, в конце XIX – начале XX вв. шло разложение традиционного еврейского общества: эмиграция, стремление молодых людей получить светское образование, пролетаризация еврейского населения, — все это подрывало веками сложившуюся систему ценностей, считавшуюся незыблемой.

Примечания

- ¹ Василий (Зеев Вольф) Лазаревич Берман (1862–1896) — известный российский общественный деятель, палестинофил. Являлся секретарем ЦК ЕКО, по поручению которого совершил в 1893 г. продолжительное путешествие по Европе для изучения эмиграционного вопроса. Результаты его наблюдений, изложенные в указанном докладе, послужили основанием для создания специального отделения комитета (руководство которым было поручено Берману), целенаправленно занимавшегося эмиграцией.
- ² РГИА. Ф. 458 (Еврейское колонизационное общество). Оп. 1. Д. 1 (Отчет по заграничной поездке по вопросу об урегулировании русско-еврейской эмиграции, 1893–1894 гг.). (Рукопись, написанная на одной стороне листа). Л. 120.
- ³ Там же. Л. 13.
- ⁴ Там же. Л. 14.
- ⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶ Там же. Л. 14.
- ⁷ Там же. Л. 16.
- ⁸ Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы: справочник персоналий. СПб. : Алетей, 2007. С. 147.
- ⁹ РГИА. Ф. 458. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
- ¹⁰ Там же. Л. 21.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 25.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Л. 26.
- ¹⁵ Там же. Л. 29.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 28.
- ¹⁸ Будницкий О. В. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // Западные окраины Российской империи. М. : НЛЮ, 2007. С. 331.

УДК 908(470)

И. Н. Литвинова

(г. Волгоград, Российская Федерация)

Евреи-предприниматели г. Царицына на рубеже XIX–XX вв.*

Евреи, деловые и предприимчивые люди, появились в Царицыне главным образом после проведения двух железных дорог: Волго-Донской (1862 г.) и Грязе-Царицынской (1871 г.), связавших город с центральными районами и Балтикой. В конце XIX в. была построена

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 18-49-340005 p_a.

еще одна ветвь железной дороги до станции Тихорецкой, связавшая город с Кавказом. Включение Царицына в общероссийскую железнодорожную систему, с учетом речного порта на Волге, способствовало его быстрому превращению в крупный транспортный узел. К 1913 г. здесь действовали 145 промышленных и 300 торговых предприятий¹. Местную промышленность представляли крупные паровые мельницы, лесопильные (45 ед.), металлообрабатывающие, кожевенные, маслوبيйные, пивоваренные, рыбокопильные и другие предприятия.

Стремительные темпы торгово-промышленного роста Царицына стали привлекательным фактором для деловых людей и многих фирм. Вместе с тем, именно люди, обладавшие деловыми качествами — экономической активностью, целеустремленностью, расчетом, основательностью, умением быстро решать поставленные задачи и «чувствовать» конъюнктуру рынка, во многом способствовали превращению провинциального Царицына в самый развитый торгово-промышленный центр Нижнего Поволжья. В город на временное и постоянное жительство с целью коммерческой деятельности приезжали люди из еврейских общин Минской, Екатеринославской, Ставропольской губерний, также из Ростова-на-Дону, известного влиятельным еврейским торгово-промышленным сообществом. На постоянное проживание в Саратовской губернии, к которой относился тогда Царицын, имели право евреи-купцы первой гильдии, а также лица, закончившие университетский курс. Основной сословный статус прибывавших мигрантов — мещане, ремесленники, в среде которых взаимообмен с еврейским населением черты оседлости происходил постоянно.

Интересы еврейской деловой элиты Царицына распространялись, прежде всего, на торговлю, но также и на сферы промышленной деятельности: лесопильное и мукомольное производство, металлообработку, рыбокопильные заведения и др. Мещане быстро освоили слабо развитую нишу по услугам населению: изготовление одежды (портные, модистки), ремонтные мастерские (обуви, часов, переплетные), фотографические заведения и др. Все же главным занятием местных евреев была торговля различными товарами, в том числе собственных предприятий. Коммерсанты специализировались на агентурно-комиссионных операциях широкого спектра: закупка и продажа зерновых, муки, рыбно-гастрономической и маслوبيйной продукции, галантерейных, колониальных, москательных товаров, керосина, скобяных изделий и пр. Наиболее известны были комиссионно-агентурные конторы купцов 1 гильдии Ехиеля Зильбермана, Лейба Тараховского², мещан Гирша Зинзбурга, Иосифа Цейхановича.

В этой же сфере работали торговые дома «И. Ольшанского и К^о»³ и «Наследники Ф. Басьяса»⁴. Первое место по количеству подобных контор в крае принадлежало коммерсантам еврейского происхождения, вторую позицию занимали поволжские немцы⁵.

Местные деловые круги имели тесные коммерческие, иногда и родственные, связи с ростовским еврейским сообществом. В частности, фирма царицынского купца 1 гильдии Лазаря Хацкилевича Рысса была организована при участии владельцев крупного ростовского торгово-промышленного товарищества «Б. и Х. Рысс», производившего торговлю спиртом и разными русскими и иностранными винами с 1863 г. Годовой оборот спиртом составлял около 120 тыс. руб., вином — до 50 тыс. руб.⁶ Сын совладельца ростовской фирмы Лазарь Рысс в поисках нового рынка сбыта перебрался в Царицын, открыл собственное торговое дело, вступив в купеческую корпорацию.

Официальные данные по количеству жителей иудейского исповедания в конце XIX в. составляют: в 1892 г. — 725 душ мужского и женского пола, в 1897 г. их число увеличилось до 1000 чел. при населении 56 456 жителей⁷. В это время «в Царицыне евреев проживает более чем в прочих населенных местах губернии, даже вместе с городом Саратовом на 52 чел.» — таковы сведения члена Саратовской ученой архивной комиссии А. Н. Минха⁸. В летний период количество евреев, стремившихся в город за фортуной и прибылью, значительно возрастало. В фонде № 2 Саратовского госархива хранятся десятки прошений губернатору от лиц еврейской национальности по вопросу разрешения временного или постоянного проживания в Царицыне⁹.

Запреты на проживание вне черты оседлости, ограничения в получении образования представляли собой жесткие формы ущемления гражданских прав еврейского населения в имперской России, ставшие синонимом политики государственного антисемитизма. Льготы же на повсеместное жительство за чертой оседлости предоставлялись купцам первой гильдии и лицам с высшим образованием. В списке постоянных царицынских купцов 1 гильдии на 1912 г. значилось 18 человек, причем 13 из них — евреи: Л. Х. Рысс, Е. П. Зильберман, С. Л. Танхилевич, С. Е. Ратнер, Д. З. Эпштейн (вдова), Ш. Х. Оратовский, Д. З. Кругман и др.¹⁰ Во 2 гильдии из 61 купцов значилось 6 евреев, 3 немца, 1 армянин и 1 татарин, т. е. 24 % от состава купцов (без членов семьи) были представителями еврейского народа¹¹.

Для проживания на территории Саратовской губернии еврей-предпринимателю необходимо было пройти регистрацию у полицей-

стера или уездного исправника о прибытии и отъезде¹². На отсрочку выезда персоны следовало получить личное разрешение губернатора, что сопровождалось долгой чиновничьей волокитой, связанной с перепиской полицмейстера/исправника с губернским правлением. Тем не менее, анализ некоторых архивных документов показал, что «временное» пребывание коммерсантов в городе иногда длилось десятилетие, с краткими отъездами в родные местечки. За это время предприниматели открывали собственное дело, вступали в правовые и имущественные отношения с местными купцами. Например, холопенический мещанин Цодик Эпштейн занимался в Царицыне продажей продукции местных лесопильных заводов. Разрешительный билет для проживания «по всей России, кроме Сибири и Москвы» был выдан ему сроком на один год, с декабря 1893 г. по декабрь 1894 г.¹³ По истечении допущенного времени полицмейстер начал процесс по выдворению коммерсанта. Владелец лесопильного предприятия купец 2 гильдии Берлин Илья Абрамович обратился с ходатайством к Саратовскому губернатору о разрешении принять Ц. Эпштейна на должность своего приказчика. Купцам, пребывавшим за чертой оседлости, разрешалось иметь при себе двух слуг иудейского исповедания, а у И. Берлина имелась вакансия на место приказчика. Данное обстоятельство значительно облегчило участь будущему крупному предпринимателю Царицына Ц. Эпштейну. В 1903 г. в Царицыне был зарегистрирован торговый дом «Ц. Эпштейн и Сын»¹⁴. К этому времени Эпштейн состоял в 1 гильдии царицынского купечества, а в 1910 г. в собственности купца находились два лесопильных завода и лесопилка в совместном владении с мещанином Н. Рыбиным¹⁵. Одно из предприятий было средней для провинции величины, с годовым оборотом в 158 тыс. руб., количеством 60 рабочих; всего на предприятиях Ц. Эпштейна было задействовано 120 рабочих, более 1,5 десятков служащих¹⁶.

Сам г-н Берлин с 1885 г. проживал постоянно в Царицыне на законном основании, т. к. окончил курс Императорского Московского университета, и владел недвижимым имуществом в городской черте, что давало ему право на участие в городских выборах.

Еврейским детям всегда стремились дать хорошее образование, эта традиция сохраняется и сегодня. Однако до 1917 г. либо отсутствие образования предопределяло местечковую участь еврея, либо его наличие давало перспективу получить право на повсеместное проживание в Российской империи, состояться в профессии, а значит — в жизни. Доктора, дантисты, фельдшеры, аптекарские помощники имели право на повсеместное жительство за чертой оседлости¹⁷. По этой причине

молодые люди и девицы старались изучать в высших учебных заведениях, а также осваивать на практике фармацевтическое, фельдшерское и акушерское дело, хирургию; сдавать экзаменационные испытания на степень аптекарского помощника. В частности, один из владельцев аптеки и аптекарского магазина Генрих Брук получил степень провизора в Императорской Военно-медицинской академии в 1895 г.¹⁸. Работавшие у него фармацевтами Шмоль Дикерман «диплом аптекарского помощника получил в Новороссийском университете», а Вульф Сморгинский — в Киевском университете¹⁹.

Для представителей еврейской интеллигенции обстоятельства в Царицыне складывались удачно, прежде всего для врачей и провизоров. Например, в 1910 г. все 10 практиковавших врачей-дантистов, имевших частные лечебницы, были представителями еврейской национальности: Каган Л. Р., Лозинская А. Н., Перлин-Маневич Р. С., Наймарк А. С. и др.²⁰; из 41 доктора — 22 еврея, 3 немца (учитывались венерологи, терапевты, педиатры, офтальмологи, также владевшие частными лечебницами для взрослых и детей)²¹. Этнический состав владельцев аптек и аптекарских магазинов, т. е. провизоров и фармацевтов был распределен в равных частях между евреями и немцами и составлял: 5 к 5.

Центрами духовной жизни и общественного богослужения царицынских иудеев являлись молитвенные дома. В 1888 г. после многократных обращений с прошениями еврейской общины к губернатору в городе был открыт молебельный дом, причем первый в губернии²². В 1911 г. в центральной части Царицына открылась синагога. Оба здания были каменной постройки, при молебном доме действовала еврейская школа; для культурного развития сограждан — свой театр.

Осенью 1915 г. после неудач русской армии на фронте в Саратовскую губернию и, в частности, в Царицын увеличился поток беженцев и переселенцев из Западных областей. Вместе с поляками и латышами прибыло много евреев, которых в сентябре 1915 г. насчитывалось до 13 тыс. человек²³. Организаторские качества еврейского народа проявлялись и в общественной деятельности, направленной на поддержку сограждан. Первой официально зарегистрированной местной национальной беженской организацией стало «Царицынское еврейское общество помощи жертвам войны», оказывавшее благотворительную помощь раненым воинам еврейской национальности, переселенцам и беженцам²⁴; позднее в городе организовано «Общество пособия бедным евреям». Бескорыстная помощь нуждающимся — тот эталон нравственности и социальной справедливости, без которого не

может существовать еврейское общество. Местная община тщательно следила за состоянием здоровья не только еврейских мигрантов, но и поляков, латышей, армян и других. Финансирование одной из амбулаторий, оснащение ее новым оборудованием, лекарствами происходило, в том числе, за счет средств Московского отделения «Общества охраны здоровья еврейского населения». Предприниматели также оказывали существенную помощь мигрантам одеждой, бельем, продуктами, деньгами, содействовали в открытии пошивочных и сапожных мастерских для трудоустройства беженцев.

Провинциальное общество Царицына в этническом отношении было неоднородным, о чем свидетельствует наличие различных культовых сооружений в начале XX в.: 16 православных храмов, костел, кирха, синагога и молельный дом для иудеев, армяно-григорианская церковь, 2 мечети. По мере роста населения города, росла и еврейская община, в основном пополнявшаяся за счет мигрантов. Провинциальная община не была однородной и в сословном отношении, но ее основу составляли коммерсанты, промышленники и их семьи, чтившие и хранившие традиции материально-бытовой и духовной еврейской культуры. Тщание, целеустремленность, труд коммерсантов — выходцев из местечек черты оседлости способствовали не только увеличению личных капиталов и торговых оборотов, но в целом позитивно влияли на торгово-промышленное развитие города и уезда.

Примечания

- ¹ *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда 1589–1967. М. : Наука, 1968. С. 92.
- ² Список о числе купцов г. Царицына 1-ой и 2-ой гильдии, состоявших в этом звании на 1912 год // ГАСО. Ф. 28 (Саратовская губернская казенная палата). Оп. 1. Д. 9925 (Сведения о купцах Саратовской губернии на 1912 г.). Л. 86, 88.
- ³ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере). Пг. : Отд. торговли М-ва торговли и пром-ти, 1915. С. 208.
- ⁴ «Весь Царицын». Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду [на 1911 год]. Справочник по гор. Царицыну и Царицынскому уезду. Царицын: Т-во «Царицынская мысль», 1911. С.[VII] перед с. 1.
- ⁵ *Литвинова И. Н., Карагодина О. А.* Поволжские немцы: известные и влиятельные персоны в Саратовском крае начала XX века // Былые годы: Российский исторический журнал. 2018. Т. 49. Вып. 3. С. 1242.
- ⁶ Общины донских евреев в Области войска Донского (1888–1919 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <http://holocaust.su/rubric10/article17> (дата обращения: 14.01.19).
- ⁷ *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Аткарск: Аткарская типография, 1902. Вып. 4. С. 1154.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Рапорт Царицынского уездного исправника его превосходительству г-ну губернатору // ГАСО. Ф. 2 (Саратовское губернское правление). Оп. 1. Д. 11042 (Дело о выдаче разрешения евреям на жительство в г. Царицыне). Л. 51; Постановление губернского правления о разрешении открыть молельный дом для иудеев в Царицыне // Там же. Л. 53; Рапорт

- Царицынского уездного исправника г-ну губернатору о прощении евреев А. Мошковича, З. Старошведского, Ф. Балалевского, мещанина З. Лейбовича о временном пребывании в Царицыне // Там же. Д. 6857 (Прошения А. Мошковича, З. Старошведского, Ф. Балалевского, мещанина З. Лейбовича). Л. 9.
- ¹⁰ Список о числе купцов г. Царицына 1-ой и 2-ой гильдии, состоявших в этом звании на 1912 год // ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 9925. Л. 86–88.
- ¹¹ Там же. Посчитано по л. 86–93.
- ¹² Положение о видах на жительство, с приведением дополняющих его узаконений, а также остающихся в действии постановлений Устава о паспортах (изд. 1890 г.). СПб. : А. Н. Морозов, 1894. С. 23.
- ¹³ Прошение Царицынского купца 2-ой гильдии Ильи Абрамова Берлина // ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7397 (Дело о выдаче разрешения И. А. Берлину приказником Ц. Ц. Эпштейна). Л. 5.
- ¹⁴ Сборник сведений о действующих в России торговых домах... С. 597.
- ¹⁵ «Весь Царицын»... С. 102.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ ПСЗ. Собрание второе. Т. LIV. Отд. 1. СПб. : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1881. С. 26–27. № 59236.
- ¹⁸ Регистрационная карточка провизора Брука Г. С. // ГАСО. Ф. 421 (Саратовский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 4336 (Сведения об аптеках с вольной продажей лекарств и о служащих в них фармацевтах по г. Саратову и Царицыну на 1917 г.). Л. 25.
- ¹⁹ Регистрационная карточка помощника аптекаря Дикермана Ш. А. // Там же. Л. 22; Регистрационная карточка помощника аптекаря Сморгинского В. Г. // Там же. Л. 24.
- ²⁰ «Весь Царицын»... С. 91–92.
- ²¹ Там же. С. 90–91.
- ²² ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 3. Д. 6857 (Дело о выдаче разрешения на постройку молельни евреям, проживающим в Царицыне).
- ²³ Царицынский вестник. 1915, 30 сентября.
- ²⁴ Устав Царицынского Еврейского Общества Помощи Жертвам Войны // ГАСО. Ф. 176 (Саратовское губернское по делам об обществах и союзах присутствие МВД). Оп. 1. Д. 506 (Об утверждении устава Царицынского Еврейского общества помощи жертвам войны). Л. 1; Прошение Х. А. Белкина, Я. Д. Биленского, Н. К. Машкиллейсона, А. З. Наймарка, Б. Ц. Рабиновича, М. А. Холмянского утвердить Устав Царицынского Еврейского Общества Жертвам Войны // Там же. Л. 11.

УДК 726.3(726.04)

Б. Н. Казаченко

(г. Москва, Российская Федерация)

Къаал¹ — молитвенный дом крымчаков

Крымчаки — это немногочисленный тюркоязычный народ (иудейский религиозный изолят Крыма). Сформировался он как этническая группа в раннем средневековье. Его религиозные воззрения прошли

путь от язычества до ортодоксального иудаизма сефардской традиции². До середины XIX в. крымчаки проживали в городах Крыма — Карасубазар (ныне Белогорск), Солхат (Старый Крым) и Кафа (Феодосия), занимаясь преимущественно ремеслом и мелкой торговлей, по вероисповеданию они исповедовали талмудический иудаизм. По материалам первой общинной переписи крымчаков 1913 г. их численность немногим превышала 10 тысяч человек. Зимой 1941–1942 гг. они были полностью истреблены во время оккупации Крыма³. В 1945 г. на полуостров вернулись немногочисленные выжившие фронтовики и несколько семей из эвакуации⁴. Сегодня в Крыму проживают всего 182 человека.

В советское время трагедия крымчаков так и не стала достоянием общественности⁵. Их богатое архитектурное наследие не привлекало внимания искусствоведов и органов по охране памятников культуры.

Зодчество и быт крымчаков мало изучены. Лишь недавно появились первые описания внутреннего убранства жилищ⁶. Был собран материал о самом древнем крымчацком молитвенном доме, построенном в 1309 г. и разрушенном во время бомбардировки Феодосии в 1942 г.⁷ В последние годы стали появляться работы, посвященные культовой архитектуре крымчаков⁸.

Изучение единственного сохранившегося исторического памятника иудейской культовой архитектуры крымчаков (молитвенного дома и символов, содержащихся в его декоре), является насущной необходимостью, поскольку жилые дома крымчаков ничем не отличались от характера основной городской застройки Симферополя, сформировавшейся в конце XIX — начале XX вв.

Молитвенный дом крымчаков (согласно традиции) не имел прямого выхода на улицу и находился в глубине обширного двора. Для строительства *къаала* в XIX в. надо было получить специальное разрешение от строительно-технического комитета Министерства внутренних дел и согласовать его с губернатором. Заказчиком строительства выступило общество крымчаков.

В конце XIX в. место, отведенное под строительство крымчацкого молитвенного дома, находилось на территории бывшего христианского кладбища в квадрате улиц Крылова (Кладбищенской) — Каримской — Козлова (Новосадовой) — Севастопольской (Кантарной). В начале 1930-х гг. здание *къаала* было наспех переоборудовано и передано в жилой фонд города. В нем до сих пор проживают люди. За это время его интерьеру был нанесен непоправимый урон. Элементы изначального декора, каждый из которых имел сакральный смысл,



Ил. 1. Здание молитвенного дома крымчаков в Симферополе, по Краснознамённой улице, название которой менялось несколько раз (ул. Мечетная, 14, ул. Восточная, 29), дом 33. Здесь проводились богослужебные требы с 1896 по 1930 гг.⁹

сохранились фрагментарно. Обществом «Кърымчахлар» в 2009 г. на доме была установлена Мемориальная доска (Ил. 1).

Симферопольский молитвенный дом был построен на деньги крымчаков — братьев Анджело. Старший из братьев — Михаил Давидович Анджело — филантроп и меценат, крупный землевладелец и садовладелец в Крыму, председатель правления Симферопольского городского кредитного общества. Вместе со своими братьями владел целым рядом предприятий и доходных домов. В 1912 г. построил «Пассаж Анджело» (теперь на этом месте магазин «Ассорти», бывший «Сільпо»). Средний брат, Лев Давидович Анджело, был директором-распорядителем Симферопольской сельскохозяйственной артели, а младший, Абрам Давидович, — членом правления этой артели. Готовое здание получило название «торгового къаала».

На южном фасаде здания имелся барочный картуш, на котором был указан год постройки здания «1896». В основу внутреннего устройства къаала были положены синагогальные традиции. Постройка представляла собой каменное здание зального типа с галереей на уровне второго яруса (двухъярусная базилика с пятью нефами). Перед входом в къаал размещался фонтан с водой и семинарский садик. Над входом находилось большое круглое окно с изображением шестиконечной звезды. Зальное помещение къаала освещалось с помощью окон первого и второго ярусов. На длинной стороне двухэтажного здания было по 6 окон (всего 12 окон — по числу 12 израилевых колен; притом, что рама каждого окна нижнего яруса состояла из 12 фрагментов более мелких цветных окошек), крышу венчал

глухой аттик с мутулами. Окна второго яруса на западной стороне выполнены в готическом стиле. Мозаичные окна обоих ярусов были прямоугольными (первого — квадратное полтора на полтора аршина, второго — полтора на аршин). Под домом находилось просторное подвальное помещение с арочно-купольной системой перекрытия. Внутри подвала был ритуальный бассейн (миква), под потолком подвала имелись окна.

В средневековом Крыму и вплоть до конца XIX в. существовала своя (региональная) система торговых, в основном османских, мер (тягости, протяженности и вместимости), восходящая к размерам тела человека, например, крымский капустный батман был равен 6 ока или весу отрубленной головы, тогда как церковное винное ведро крымского кагора соответствовало «вместимости утробы» (весу внутренних органов), а мерой протяженности была плотницкая сажень, соотносимая с римским паршагом или длиной тела человека до подбородка (без головы) и т. д.

Внешние размеры здания синагоги составляли «8 саженьей длины, 6 саженьей ширины и 5 саженьей вышины», размеры «одной служебной комнаты... 6 саженьей длины, 3 сажени вышины, 4 сажени ширины». Рядом со зданием находилась еще «одна полукаменная постройка для печения мацы на Пасху»¹⁰ (имелось в виду на Пейсах). В современной системе метрических мер, где казенная сажень равна 2,13 м, внешние размеры здания примерно соответствовали 12,78 м на 17,04 м при высоте в 10,65 м.

Здание было построено в господствующем тогда стиле эклектики. Архитектурные элементы фасада, украшавшие здание, возможно, испытали на себе влияние неовизантийской архитектурной традиции. Сохранившиеся декоративные элементы позволяют разглядеть фасадные украшения, например: бросающиеся в глаза рустованные пилястры и полуколонны (частично выступающие из плоскости стены здания). Простые (плоские) пилястры чередовались с полукруглыми колоннами, обрамлявшими вход в здание. Эти элементы декора, выполненные в стиле барокко, имели энтазис (утолщения ствола) в центральной части колонны. При этом балки и колонны гармонично переплетались между собой.

Фасадный декор здания содержал элементы готики и псевдо-мавританского стиля эпохи раннего ренессанса. Вслед за ордерной архитектурой, на нижней стороне карниза по всему периметру здания располагались повторяющиеся декоративные элементы — мутулы. Со времен римских триумфальных арок известен аттик (вытянутая

по горизонтали часть стены над карнизом, украшенная декоративными элементами). В храмовой архитектуре аттик служил уникальным определителем принадлежности иудейской общины к тому или иному течению иудаизма. Декор аттика на крымчаком кѡаале свидетельствовал о принадлежности верующих к средневековой сефардской традиции иудеев. Следовательно, аттик играл роль указания на принадлежность общины к талмудическому иудаизму.

Простой геометрический орнамент на фасаде — пилястры типа «витейки», используемый архитектором для членения стены в чисто декоративных целях (для симметрии), позволяет давать различные трактовки. Здесь можно увидеть и шалаш, который строят в праздник, и тюркскую тамгу.

Между тем шевроны как знак отличия в виде ломаной ленты с ритмическим чередованием узора можно встретить в романском искусстве. Зигзаг — еще один элемент орнаментальной композиции геометрического мотива, присутствовавший на фасаде здания. Он предназначался для разграничения двух плоскостей: окон первого и второго ярусов и встречался в орнаментах многих народов.

Архитектурные элементы внутреннего устройства *кѡаала* сегодня сложно разглядеть, но вполне можно представить некоторые детали, без которых нельзя было обойтись. В молельном зале центром композиции была звезда Давида в круглом окне (Ил. 2). У культовых зданий не существовало традиционных орнаментов, но обязательным атрибутом крымчакомского кѡаала было изображение трех (возможно, священных) животных: лани, петуха и собаки, а также растительных виноградных мотивов, ассоциирующихся с Древом жизни в Эдемском саду.

Входы в бытовые помещения и женскую галерею находились со стороны бокового фасада, на котором размещались два яруса



Ил. 2. Вход на второй этаж, ведущий на балкон — место для женщин

окон: в нижнем ряду — небольшие готические, в верхнем — круглые. Немаловажный архитектурно-конструктивный элемент культового здания представлял собой балкон — место за сетчатой ширмой, отводившееся женщинам во время молитвы. Три входными дверями обеспечивался вход во внутренние помещения, отделенные друг от друга колоннадами двухрядных металлических столбов. На восточной стороне у больших окон располагалась крымчакская иешива, а в центре — моельный зал къяала. Места, на которых сидели старейшины во время молитвы, находились подальше от центра, а первые ряды предназначались для подрастающего поколения. Мужчины средних лет обычно стояли в проходах, места почетных людей были у восточной стены.

Обязательными элементами храмовой архитектуры крымчаков были иудейские символы, несущие в себе сакральный смысл. Так, круглые и ажурные окна располагались на западной стене фасада. Перед вечерней молитвой во время захода солнца последний луч света, проникающий через такое окно, пронизывая здание насквозь, символизировал верующим о божественной власти, сопровождавшей их на протяжении всей земной жизни.

Другим сакральным элементом внутри помещения, который мы сейчас не можем видеть, но без которого нельзя представить этот моельный дом, было «дерево жизни». Его можно встретить в декоративно-прикладном искусстве разных народов. В мусульманской религии этот символ (Заккум) подобен дереву, растущему посреди Ада, плодами которого питаются голодные грешники¹¹. Согласно традициям иудаизма «дерево жизни» находится в раю. В его тени располагаются праведники, изучающие Тору и Талмуд. Крымчаки, придерживаясь сефардской традиции, «деревом жизни» именовали деревянный валик с резными ручками, на который наматывался пергаментный свиток Торы¹². К дереву относились как к символу высшей ступени познания нашего мира¹³. Эти валики с Торой хранились в деревянном футляре, обтянутом шелком и расшитым серебряным орнаментом. Об этом нам стало известно из рассказа Филиппа Авраамовича (Александровича) Ачкинадзе — сына последнего ребы, перед его отъездом в Израиль на ПМЖ. Эта запись находится в фондах народного Музея крымчаков и была сделана в конце 1990-х гг. первой его заведующей Н. Ю. Бакши.

Итак, обследование сохранившихся элементов декора Симферопольского молитвенного дома позволяет сделать предположение, что он представлял собой типичное для эклектики смешение архитектур-

ных стилей с добавлением абстрактного (геометрического) рисунка, созданного на базе иудейских представлений.

Наличие во внутреннем убранстве молитвенного дома крымчаков сочетаний традиционных элементов иудаизма (звезда Давида, 12 круглых окон) и необычных архитектурных особенностей (абстрактные геометрические рисунки) указывает на уникальность архитектурного декора в этом культовом здании.

По-видимому, сакральная информация симферопольского кьяала, выраженная с помощью архитектурного декора, служит этно-конфессиональным маркером его принадлежности к крымчакской культуре.

Примечания

¹ Кьяал — название молитвенного дома у крымчаков, так же как у евреев — синагога, а у мусульман — мечеть. Это сложносоставное, образованное в результате усечения двух простых слов кьяйда (там, где) + аллах (бог), т. е. божья обитель.

² Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь : «Дар», 2000. 191 с.

³ Казаченко Б. Н. Крымчаки. Книга памяти расстрелянного народа. М. : «Буки Веди», 2015. 516 с.

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Там же. С. 426.

⁶ Ачкинази И. В. Указ. соч., с. 147 – 148.

⁷ Кизилов М. Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней. Симферополь : «Доля», 2011. 226, 336 с.

⁸ Котляр Е. Р. Символика и семантика декора ашкеназских, караимских и крымчакских алтарей // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика: сборник научных трудов по материалам международной заочной научно-практической конференции. 2015. Т. 3. № 1. С. 27–35.

⁹ Все фотографии в данной статье сделаны Н. И. Зенгиной в 2012 г.

¹⁰ Опись недвижимого имущества, принадлежащего специально для богослужения крымчакской синагоги г. Симферополя по Мечетной ул. № 14 // ГАРК. Ф. Р-663 (ЦИК Крымской АССР). Оп. 10 (КрымЦИК). Ед. хр. 209 (Материалы о ликвидации крымчакского молитвенного дома 2-го прихода в г. Симферополе (выписки из протоколов заседаний... описи движимого и недвижимого имущества с 16.10.1922 по 14.03.1929)). Л. 47.

¹¹ Коран / пер. с арабского и комментарии М.-Н. Османова. М. : «Ладомир, Восточная литература», 1995. Сура № 44. Ад-Духан. – Аят 43–49.

¹² Опись недвижимого имущества, принадлежащего специально для богослужения крымчакской синагоге г. Симферополя по ул. Мало-Фонтанной, 15 // ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Ед. хр. 209. Л. 27.

¹³ Котляр Е. Р. Образ Древа жизни в декоративно-прикладном искусстве крымских татар, караимов, крымчаков и крымских армян // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1. С. 661–676.

УДК 94(476)“1918/193”

К. Г. Карпекин

(г. Витебск, Республика Беларусь)

Документы Государственного архива Витебской области по истории еврейских религиозных общин Бешенковичского района в 1918–1930-е гг.

Наличие в первые послереволюционные десятилетия на территории советской Беларуси значительного количества еврейского населения обусловило деятельность здесь различных национальных институтов — как государственных, общественных, так и религиозных. Данное явление нашло свое отражение в объемном комплексе архивных документов. Несмотря на то, что в 1990-е – 2000-е гг. издается достаточно большое количество различных путеводителей и сборников документальных материалов¹, в них не всегда содержатся сведения о наличии источников по какой-либо конкретной тематике, по тем или иным населенным пунктам.

Цель данного исследования — проанализировать документы по истории еврейских религиозных общин, действовавших на территории современного Бешенковичского района в 1918 – 1930-е гг., хранящиеся в Государственном архиве Витебской области. В изучаемый период на территории этого региона находились такие местечки, как Бешенковичи, Бочейково, Островно, Прудины, Слобода, Соржица, Улла, Цураки и Черкасы. Изучение близлежащих населенных пунктов позволяет установить, насколько равномерно они упоминаются в различных видах источников.

Религиозная история евреев послереволюционного времени отразилась в протокольной документации. В частности, в протоколах заседаний местных органов власти при рассмотрении вопросов о закрытии еврейских молитвенных зданий, как правило, указывалось, что именно сами евреи выступили с таким ходатайством, приводилась информация, какая синагога или молитвенный дом закрывается (либо только их количество), и как они будут использоваться в будущем, а также иногда указывалось количество оставшихся действующих молитвенных зданий. В протоколах 1929 г. имеются сведения о закрытии одной синагоги в Улле², 1930 г. — ульской синагоги «Штибл»³, 1934 г. — о закрытии синагоги в Бешенковичах (по Слободской улице)⁴, в протоколах 1936 г. — о передаче для культурных целей одной синагоги в Бешенковичах и одной — в Улле⁵.

Немногочисленными являются протоколы заседаний, на которых рассматривались различные ходатайства от верующих-иудеев. К примеру, в архиве сохранился протокол 1927 г., в котором упоминается просьба членов религиозной общины Уллы о передаче в их пользование местечковой бани⁶.

В некоторых протоколах заседаний комитетов РКП(б) и КП(б)Б имеются сведения о предполагаемых антирелигиозных мероприятиях. Так, весной 1926 г. в Улле в первую ночь Пейсаха планировалось провести атеистическую рабочую конференцию для кустарей местечка⁷.

Плановая документация представлена планами атеистических кампаний, в которых указаны сроки и место проведения антирелигиозных мероприятий и их основные формы (например, буффонады, доклады, спектакли, декламации и др.). В качестве примера можно привести план кампании, разработанный еврейским бюро Витебского окружкома ЛКСМБ в 1924 г. в связи с приближением иудейских осенних праздников. Среди прочих городов и местечек в документе упоминаются Бешенковичи⁸.

Отчеты о деятельности местных органов советской власти и комитетов РКП(б), КП(б)Б также малочисленны. В выявленных документах имеются краткие сведения о состоянии архива метрических книг, которые велись раввином Островно⁹, об антирелигиозной работе среди евреев Бешенковичского района¹⁰.

Некоторая информация о состоянии иудейских общин в регионе содержится в переписке между местными органами советской власти, комитетами РКП(б) и верующими-евреями. К примеру, из этого вида документов становится известно, что в феврале 1919 г. члены Островенской ячейки РКП(б) постановили национализировать здание еврейского молитвенного дома в Соржице, переоборудовать его в библиотеку и торговый склад, а также конфисковать часть имущества у проживающего в одной из комнат этого здания Ш. Г. Гуревича (председателя правления общины). Для молитвенных нужд верующих была оставлена одна комната, а вторую необходимо было освободить в течение трех дней. Из переписки также следует, что этот молитвенный дом действовал примерно с 1890-х гг. В результате, благодаря прошению Ш. Г. Гуревича, направленному в президиум Сенненского уездного исполкома, решение ячейки РКП(б) было отменено¹¹.

Также имеется немногочисленная переписка о количестве еврейских культовых зданий: в частности, в 1919 г. на территории Островенской волости насчитывалось три молитвенных дома¹².

Среди всех выявленных документов самым массовым видом являются различные списки. В частности, списки общин и молитвенных зданий позволяют установить количество действующих иудейских общин и культовых сооружений в том или ином населенном пункте в разные годы, а также варианты их наименований. В списках 1922 г. указаны еврейские молитвенные здания в Черкасах, Прудинах и два — в Островно¹³. В одном из списков 1924 г. по Витебскому уезду указаны Любавичская община и община «Иоффе» в Островно¹⁴. В другой список 1924 г., составленный несколько позже, внесены две островенские синагоги, три бешенковичские и одна бочейковская¹⁵. В списке 1928 г., касаемо исследуемого региона, указаны только две общины в Островно (Островенская и Любавичская), а также три в Бешенковичах (Ново-Рыночная, «Хабад» и Стрелковская)¹⁶, в документе 1929 г. — две синагоги в Улле¹⁷.

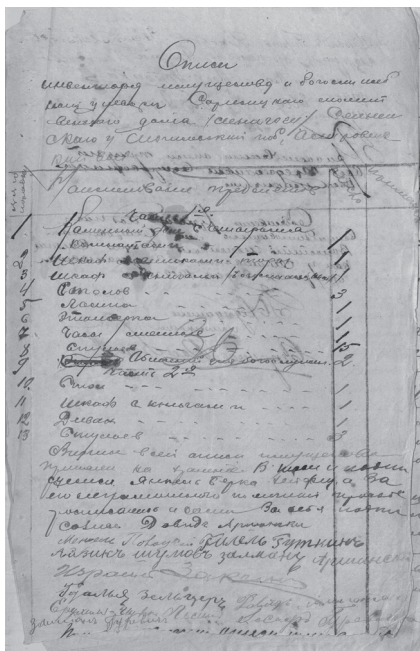
Из этой категории источников выделяются списки 1926 г., в которых указано время строительства еврейских культовых зданий. В частности, в них содержатся сведения о том, что молитвенный дом в Соржице существовал «с давних лет», Любавичская школа и школа «Иоффе» в Островно были возведены в 1825 г. и 1885 г. соответственно, все три бешенковичские синагоги («Хабад», Нью-Йоркская и Ново-Рыночная) — в 1923 г. (вероятно, восстановлены после пожара), а синагога в Бочейково — в 1712 г.¹⁸

В связи с регистрацией религиозных общин в 1923 г. были составлены списки членов их правлений, а также списки верующих. В них указывались имена евреев, их возраст, профессия (или имущественное положение). В частности, правления обеих общин Островно состояли из четырех человек, в Любавичской общине было зарегистрировано 50 верующих, а в «Иоффе» — 55¹⁹.

Большой интерес для изучения истории иудейских общин представляют списки лиц, лишенных избирательных прав, поскольку к этой категории относились раввины, резники и меламеды. Кроме имени и места проживания, некоторые из указанных документов позволяют получить информацию о возрасте религиозных служителей и времени лишения прав. Тем не менее, к данной группе источников следует относиться достаточно осторожно, так как нередко в них используются различные варианты написания фамилий, указаны противоречивые сведения о времени рождения лиц. В частности, в 1925 г. по Островенскому сельскому совету упоминаются резник Рабинович Михель (1876 г. р.), меламед Шамес Моисей Ицкович (1867 г. р.) и раввин Брейрин Хаим-Гиля Моделевич (1867 г. р.)²⁰, по

Ульскому району — резники Ирзак Мовша (1864 г. р.) и Монус Берка (1897 г. р.), а также раввин Асман (1865 г. р.; в списке указана только его фамилия)²¹. В документе, составленном в 1927 г., упоминаются резники Монусов Берка Довидович (1896 г. р.), Ивзак Мовша Беркович и раввин Асман Гдалья Мовшевич (1855 г. р.) из Уллы²². В 1928 г. в Бешенковичах прав был лишен резник Раяк Янкель-Лейба Донович, в Островно — резник Рабинович Михель Айзикович²³.

Еще одним видом архивных источников, в которых нашла свое отражение история иудейских общин Бешенковичского района, являются описи имущества еврейских молитвенных зданий. Их возникновение связано с тем, что в первые послереволюционные годы, чтобы пользоваться богослужебным имуществом, общины должны были заключить соответствующие договоры (соглашения) с местными органами советской власти, к которым и прилагались описи передаваемого общинам имущества. В них указывались названия предметов и вещей, их количество, иногда — состояние (исправные или сломанные). В некоторых описях также приводилось краткое описание самого здания: из какого материала оно было построено, имелась ли женская галерея, указывалось количество дверей и окон. Как правило, в описях упоминалась богослужебная литература (свитки Торы и книги), мебель (арон-кодеши, шкафы, столы, скамейки, стулья, диваны), а также предметы интерьера (лампы, люстры, рукомойники, зеркала, часы). Сохранились описи имущества двух островенских молитвенных домов за 1918 г., молитвенного дома в Соржице за 1919 г. (см. ил. 1)²⁴, молитвенных домов в Соржице и Островно за 1922 г.²⁵, синагог в Слободе и Цураках, трех синагог в Улле (Большой «Бейс-Медреш», «Штибл» и Малой) за 1923 г.²⁶



Ил. 1. Опись инвентаря, имущества и богослужебной утвари соржизкого молитвенного дома от 25 февраля 1919 г.

Тематически близкими к описям имущества являются приемо-сдаточные описи еврейских метрических книг. В документах указывались годы передаваемых книг, количество листов в них, а также состояние (например, отмечалось, если какие-либо листы были вырваны). В некоторых описях указаны книги одновременно по целому ряду населенных пунктов без пометки, из какого конкретно они были вывезены. Например, в описи метрических книг 1865–1914 гг. по Лепельскому уезду за 1921 г. среди 11 местечек упоминаются Бешенковичи, Улла и Бочейково²⁷. В 1924 г. в связи с изменением административно-территориального деления Белорусской ССР проходила кампания по передаче книг из волисполкомов в райисполкомы. Сохранилась такая ведомость по Бешенковичам, когда передавались книги за 1896–1916 гг. (см. ил. 2)²⁸.

Как упоминалось выше, в 1923 г. в РСФСР прошла массовая регистрация религиозных общин. Результаты этого мероприятия отразились в специальных книгах, в которых записывались даты регистрации

12	Франко	За 1893-1900 г.г.	1	100	1	1893-1900	92	73
13	—	1900-1912 г.	1	200	1	1900-1912	93	
14	—	1912-1918 г.	1	100	1	1912-1918	94	
<u>Книжки метрические Франко Бешенковичской общ.</u>								
15	О бракосмат.	За 1896 г.	1	55	1	1896 г.	95	
16	—	1897	1	21	1	1897	96	13 вып. книг
17	—	1898 г.	1	10	1	1898 г.	97	миссия
18	—	1899 г.	1	29	1	1899	98	25 л. и 19 вып. книг
19	—	1902 г.	1	26	1	1902	99	8 вып. книг
20	—	1903	1	12	1	1903	100	6 вып. книг
21	—	1905	1	18	1	1905	100	15 вып. книг
22	—	1906	1	19	1	1906	101	
23	—	1907	1	15	1	1907	102	
24	—	1910	1	12	1	1910	103	
25	—	1916	1	13	1	1916	104	
<u>О бракосмат.</u>								
106	За 1896 г.	1	13	1	1896	106		
107	—	1899	1	9	1	1899	107	
108	—	1901	1	8	1	1901	108	
109	—	1903	1	2	1	1903	109	
110	—	1904	1	7	1	1904	110	
111	—	1905	1	7	1	1905	111	
112	—	1906	1	8	1	1906	112	
113	—	1908	1	29	1	1908	113	
114	—	1909	1	8	1	1909	113	
115	Франко	За 1909 г.	1	9	1	1909	115	73
116	За 1915 г.	1	6	1	1915	116		
<u>Франко</u>								
117	За 1898 г.	1	17	1	1898	117		
118	—	1901 г.	1	18	1	1901	119	
119	—	1902 г.	1	13	1	1902	120	
<u>Франко</u>								
120	О бракосмат.	За 1901 г.	1	22	1	1901	120	
121	За 1902 г.	1	22	1	1902	120		
122	Франко за 1901	1	25	1	1901	117		
123	Франко за 1901	1	14	1	1901	121		
124	За 1902 г.	1	5	1	1902	122		
<u>Регистрационные книги Франко Франко</u>								
125	О бракосмат.	За 1902 г.	1	4	1	1902	123	
126	Франко за 1902 г.	1	5	1	1902	124		
127	Франко за 1902 г.	1	5	1	1902	125		
<u>Регистрационные книги Франко Франко</u>								
128	О бракосмат.	За 1913 и 1914 г.г.	1	18	1	1913-1914	126	
129	За 1913 г.	1	26	1	1913	126		
130	За 1912 г.	1	49	1	1912	129		
131	За 1911 г.	2	30	2	1911	128		

Ил. 2. Приемо-сдаточная ведомость метрических книг Бешенковичской еврейской общины, находящихся в Бешенковичском волисполкоме и переданных Бешенковичскому райисполкому 21 августа 1924 г.

обществ, их названия, место расположения, имя руководителя и другие сведения. В такой книге по Витебской губернии указаны только две островенские общины²⁹, хотя как свидетельствуют остальные документы, в исследуемом регионе в это время действовали и другие общины.

Таким образом, история еврейских религиозных общин бешенковичского региона в 1918 – 1930-е гг. отразилась в протоколах, планах, отчетах, переписке, разнообразных списках, описях имущества и регистрационных книгах. При этом следует отметить, что нет такого вида документов, в котором бы упоминались все без исключения местечки. Самыми содержательными являются списки общин, молитвенных зданий, религиозных служителей и описи имущества молитвенных зданий — в этих источниках упоминается по семь населенных пунктов из исследуемых девяти. В остальных же видах документов содержится информация только об одном или двух местечках. В документах Государственного архива Витебской области выявлено разное количество информации о разных населенных пунктах. Например, наиболее богатые сведения удалось обнаружить о Бешенковичах и Островно, которые упоминаются в пяти видах документов. В свою очередь информация о Прудинах, Слободе, Цураках и Черкасах — очень малочисленна.

Примечания

- ¹ Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга: Путеводитель. Т. 1. Федеральные архивы. СПб. : Издательский дом «Мирь», 2011. — 640 с.; Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.) : док. и материалы. Минск : НАРБ, 2013. — 388 с.
- ² Протокол № 5 заседания президиума Ульского РИК Полоцкого округа от 26 февраля 1929 г. // ГАВт. Ф. 589 (Ульский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 76 (Протоколы президиума Ульского райисполкома). Л. 21.
- ³ Протокол № 10 заседания президиума Ульского райисполкома Полоцкого округа от 18 апреля 1930 г. // Там же. Д. 105 (Протоколы заседаний президиума райисполкома. Копии). Л. 54.
- ⁴ Протокол № 18 заседания президиума Бешенковичского районного исполнительного комитета от 21 февраля 1934 г. // ГАВт. Ф. 1745 (Бешенковичский районный Совет депутатов. Бешенковичский районный исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 3 (Протоколы заседаний президиума райисполкома. Копии). Л. 47.
- ⁵ Протокол № 91 заседания президиума Бешенковичского райисполкома от 3 декабря 1936 г. // Там же. Д. 5 (Протоколы заседаний президиума райисполкома. Копии). Л. 203–204.
- ⁶ Протокол № 27 заседания президиума Ульского РИК от 19 июля 1927 г. // ГАВт. Ф. 589. Оп. 1. Д. 21 (Протоколы заседаний президиума райисполкома). Л. 252.
- ⁷ Протокол заседания ебюро при Полоцком окружком КП(б)Б от 6 марта 1926 г. // Там же. Ф. 10061-п (Полоцкий окружком КП(б)Б). Оп. 1. Д. 440 (Протоколы заседаний латбюро, ебюро и польбюро при Полоцком окружком партии). Л. 11.
- ⁸ План проведения антирелигиозной кампании в связи с еврейскими религиозными праздниками // Там же. Ф. 10051-п (Витебский окружком КП(б)Б). Оп. 1. Д. 188 (Протоколы

- плenumов, заседаний бюро и собраний актива угорисполкома и окружкома КСМБ. Отчеты о работе угоркома и окружкома). Л. 209.
- ⁹ Отчет о деятельности Островенского волостного исполнительного комитета Витебского уезда за январь месяц 1924 г. // Там же. Ф. 104 (Витебский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет и комиссии). Оп. 1. Д. 99 (Протоколы беспартийной конференции Островенской волости, заседаний и отчетов о работе Островенского волисполкома Витебского уезда за декабрь 1923 – март 1924 г.). Л. 34.
- ¹⁰ Отчет о евработе по Бешенковичскому району с октября 1925 г. по 1 мая 1926 г. // Там же. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 429 (Директивные письма окружкома райкомам партии. Протоколы заседаний евбюро и объединенных общих собраний). Л. 94.
- ¹¹ Письмо членов Островенской ячейки РКП(б) от 25 февраля 1919 г. // Там же. Ф. 89 (Островенский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 138 (Дело о закреплении церковного имущества за церквями). Л. 2–3; прошение Ш. Г. Гуревича от 24 марта 1919 г. // Там же. Л. 39.
- ¹² Письмо Островенского волисполкома от 2 октября 1919 г. // ГАВт. Ф. 476 (Витебское губернское статистическое бюро Центрального статистического управления РСФСР и его уездные статистические отделения). Оп. 1. Д. 32 (Сведения и переписка с волисполкомами о наличии православных, римско-католических, еврейско-лютеранских приходов, старообрядческих и других общин). Л. 19.
- ¹³ Список синагог и молитвенных домов иудейского культа, находящихся в пределах гор. Полоцка и его уезда Витебской губернии от 6 ноября 1922 г. // Там же. Ф. 1821 (Отдел управления исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 142 (Списки синагог и других религиозных учреждений по Витебской губернии). Л. 16; сведения о синагогах и молитвенных домах, находящихся в Витебском уезде, от 8 декабря 1922 г. // Там же. Л. 180б.
- ¹⁴ Список всех религиозных обществ, общин и групп всех вероисповеданий Витебского уезда от 1 марта 1924 г. // ГАВт. Ф. 56 (Витебский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет и его структурные подразделения). Оп. 9. Д. 4 (Уставы религиозных обществ, сведения о числе храмов, молитвенных домов, групп верующих, списки религиозных обществ по Витебскому, Велижскому и Невельскому уездам за 1924 г.). Л. 89об.–90.
- ¹⁵ Список церквей и молитвенных домов, сообщенных райисполкомами, от 28 октября 1924 г. // Там же. Ф. 118 (Витебский окружной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполнительный комитет и его структурные подразделения). Оп. 4. Д. 11 (Переписка о регистрации религиозных обществ и сведения о них). Л. 94–94об.
- ¹⁶ Список церквей и молитвенных домов всех религий по Витебскому округу за 1928 г. // Там же. Ф. 289 (Учреждение «Государственный архив Витебской области» главного управления юстиции Витебского областного исполнительного комитета). Оп. 1. Д. 76 (План работы исторического архива на март–сентябрь 1928 г., переписка с ЦАУ БССР, учреждениями г. Витебска об обработке и сохранности архивных документов. Список церквей, костелов и молитвенных домов г. Витебска и Витебского округа за 1928 г.). Л. 15.
- ¹⁷ Список религиозных культов Улльского района Полоцкого округа за 1929 г. // Там же. Ф. 589. Оп. 1. Д. 128 (Акты обследования архива Мартиновской церкви и других религиозных обществ). Л. 32.
- ¹⁸ Списки церквей, костелов и других молитвенных домов по Витебскому району от 6 апреля 1926 г. // Там же. Ф. 2356 (Административный отдел исполнительного комитета Витебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 31 (Списки церквей, синагог, молитвенных домов по районам Витебского округа за 1926 г.). Л. 31–32; то же по Бешенковичскому району от 10 января 1926 г. // Там же. Л. 39.
- ¹⁹ Список членов исполнительного правления островенской «Любавичской» синагоги за

- 1923 г. // ГАВт. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 193 (Уставы церковно-приходских советов, списки служителей волостных религиозных общин). Л. 724; Список членов островенской «Любавичской» синагоги за 1923 г. // Там же. Л. 723–723об.; Список членов исполнительного правления островенской синагоги «Июффе» за 1923 г. // Там же. Л. 727; Список членов островенской синагоги «Июффе» за 1923 г. // Там же. Л. 728–729.
- ²⁰ Список лиц, не имеющих права избирать и быть избираемыми в Островенский сельсовет от 11 января 1925 г. // ГАВт. Ф. 571 (Витебский районный Совет депутатов. Витебский районный исполнительный комитет). Оп. 1. Д. 47 (Списки лиц, лишенных избирательного права). Л. 2–2об.
- ²¹ Список граждан Улььского района Полоцкого округа, бывших лишенными избирательных прав от [?] сентября 1925 г. // Там же. Ф. 589. Оп. 3. Д. 4 (Списки лиц, лишенных избирательных прав). Л. 20об.
- ²² Список лиц религиозного культа Улло-Ушачского районов от 23 ноября 1927 г. // Там же. Д. 7 (Списки служителей религиозного культа и по обложению граждан подоходным налогом за 1927–1928 гг.). Л. 3, 17, 111.
- ²³ Списки служителей религиозных культов по Сенненскому, Чашникскому, Бешенковичскому, Витебскому районам, зарегистрированных в Витебском Административном Отделе на 1 октября 1928 г. // ГАВт. Ф. 449 (Финансовый отдел исполнительного комитета Витебского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 2639 (Постановления ЦИК и СНК СССР, Наркомата финансов СССР, циркуляры Наркомата финансов БССР, переписка с учреждениями и организациями округа о взимании подоходного налога, списки служителей религиозных культов). Л. 98об., 100об.
- ²⁴ Опись имущества островенского молитвенного дома под названием «Школа Июффе» от 17 декабря 1918 г. // Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 138. Л. 8, соглашение между верующими и волостным Советом на использование имущества // Там же. Л. 6; Опись имущества островенского еврейского молитвенного дома под названием «Любавичская школа» от 11 декабря 1918 г. // Там же. Л. 12, соглашение между верующими и волостным Советом на использование имущества // Там же. Л. 9; Описи инвентаря, имущества и богослужебной утвари соржичского молитвенного дома от 25 февраля 1919 г. // Там же. Л. 36, соглашение между верующими и волостным Советом на использование имущества // Там же. Л. 35.
- ²⁵ Опись инвентаря, имущества и богослужебной утвари Соржичского молитвенного дома от 25 апреля 1922 г. // ГАВт. Ф. 104. Оп. 3. Д. 8 (Постановление ВЦИК от 26 февраля 1922 г., инструкции, протоколы заседаний Витгубкомиссии по изъятию церковных ценностей. Переписка с волостными и уездными исполкомами по вопросу текущей работы и описи инвентаря церковных имуществ). Л. 184; описи островенских еврейских молитвенных домов под названием школы Июффе и Любавичская школа за 1922 г. // Там же. Л. 201–202.
- ²⁶ Описи имущества синагог в д. Слободе от 31 января 1923 г., д. Цураки от 24 января 1923 г., м. Улле от 2 и 6 июня 1923 г. // ГАВт. Ф. 2282 (Отдел управления исполнительного комитета Бочейковского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 120 (Договоры о передаче в пользование отдельным группам верующих Бочейковского уезда церквей, костелов и материалы к ним). Л. 295об., 297, 309, 312, 315.
- ²⁷ Опись метрических тетрадей о родившихся, браках и умерших еврейских обществ Лепельского уезда от [?] сентября 1921 г. // Там же. Д. 108 (Описи принятых метрических книг от Лепельского собора, костела и раввина, акты приемки). Л. 12.
- ²⁸ Приемно-сдаточная ведомость нарядов, дел, книг и журналов стола ЗАГСа Бешенковичского волысполкома, переданных Бешенковичскому райисполкому от 21 августа 1924 г. // ГАВт. Ф. 118. Оп. 1. Д. 573 (Протоколы пленумов, заседаний президиума, отчеты о работе, приемно-сдаточные ведомости райисполкома и сельсоветов Бешенковичского района за 1924–1925 гг.). Л. 73–74.
- ²⁹ Книга регистрации обществ за 1923 г. // Там же. Ф. 1821. Оп. 1. Д. 693 (Книга регистрации обществ и кружков. Список религиозных обществ Витебской губернии). Л. 63об.

УДК 061.2(=411.16)(474.2)

Е. А. Якимова

(г. Москва, Российская Федерация)

Еврейская община современной Литвы: проблемы возрождения и интеграции в европейскую среду

Современная еврейская община Литовской Республики в своем становлении и развитии прошла схожий путь с двумя другими странами Балтии в том, что касается динамики численности еврейского населения и институционализации общинной жизни. Первый показатель на протяжении XX в. существенно снизился. Так, в Литовской республике (1918–1940 гг.) на разных этапах проживало от 150 до 250 тыс. чел.¹ В Холокосте погибло от 94 %² до 96 %³ довоенного еврейского населения, что делает территорию Литвы первой по количеству жертв Катастрофы среди стран Балтии. В 1979 г. община включала около 15 тыс. чел.⁴, а в 2001 г. — лишь чуть более 4 тыс. чел.⁵ Перепись населения 2011 г. указывает, что численность евреев в Литве не превышает 3100 чел.⁶ В настоящий момент сохранилась как тенденция к выезду в Израиль, актуальная с конца 1980-х гг. (с 2011 по 2016 гг. репатриировалось порядка 120 чел.), так и трудовая миграция в государства Евросоюза, ставшая следствием вступления в ЕС в 2004 г. Отдельной статистики по этому сегменту населения не ведется, однако по общим данным, характеризующим выезд из республики с начала 2000-х гг., наиболее предпочтительными направлениями для нового места жительства становятся Великобритания, Ирландия, Норвегия и Германия.

С 1987 г. началось постепенное оформление Общества культуры евреев Литвы, учредительный съезд которого состоялся в марте 1989 г. В 1991 г. организация была преобразована в Еврейскую общину Литвы (ЕОЛ). Центрами проживания евреев остаются города Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Паневежис и Шауляй. Институциональная составляющая процесса восстановления общинной жизни в целом не столкнулась с серьезными трудностями. Однако в отличие от соседней Латвии, сеть местных еврейских организаций является менее разветвленной и существенно более замкнутой.

Отличительной особенностью республики в сравнении с соседями можно считать и тенденцию к поддержанию связей не только в

пределах общины и групп выходцев из нее за рубежом, но и в рамках евреев-литваков в целом. Здесь необходимо сделать оговорку о том, что понимается под последними. С территориально-лингвистической точки зрения, как указывает Энциклопедия евреев Восточной Европы, термин означает евреев-ашкеназов Великого княжества Литовского, чья государственная принадлежность на протяжении истории неоднократно менялась⁷. С точки зрения иудаизма, под литваками понимают т. н. «миснагдим» (протестующих), т. е. последователей Виленского Гаона, не разделяющих идеи хасидизма. При этом собственно еврейская община, проживающая в границах современной Литвы, которую часто приравнивают к литвакам, неоднородна по своему составу. Значительная часть евреев переехала сюда в период СССР. Это объясняет тот факт, что для порядка 66 % ее представителей русский язык является родным⁸. В Клайпеде часть местного еврейства имеет немецкие корни.

Стремление к объединению литваков и построению в республике центра их притяжения проявляется на различных уровнях. В 2011 г. была создана некоммерческая организация «Litvak World», ставящая своей целью сохранение культурного наследия евреев Великого княжества Литовского, разбросанных по всему миру. Появление ее кажется неслучайным не только с точки зрения институционального выражения крепнущих связей. Несмотря на активное присутствие ЕОЛ в СМИ, нередко посещающие Вильнюс евреи, выехавшие из Литвы, или их потомки жалуются, что организация не отвечает их needs и не ориентирована на тех, кто хотел бы больше узнать о своих корнях. Критика общинных институтов существует и внутри них самих. Бывший заместитель председателя ЕОЛ, а затем член Совета еврейской общины Вильнюса Й. Парасонис в 2017 г. отмечал, что официальными членами общины являются не более 2200 человек, а некоторые, включая ее главу, имеют несколько голосов, что делает решения нерепрезентативными и зачастую ставит их в зависимость от личной симпатии руководства⁹.

В контексте влияния общины литваков и сохранения их связей с Литвой интерес представляют поправки к закону о гражданстве, подписанные президентом Д. Грибаускайте в июне 2016 г. В соответствии с ними евреи-литваки, покинувшие республику в межвоенный период, получили право на гражданство, хотя прежде такая возможность существовала только при условии доказательства факта влияния на выезд гонений, связанных с советской властью. Более того, министерство внутренних дел даже выступило с предложением рас-

сылать уведомления об изменении законодательства тем, кто ранее получил отказ. По данным Департамента миграции, в 2015 г. таковых было 76 литваков, в первом квартале 2016 — более 90¹⁰. Важность поправок определялась исключительно возможностью усилить культурно-историческую связь, в то время как, к примеру, вопрос реституции еврейской собственности они не затронули¹¹. Вместе с тем данное обстоятельство позволило литвакам приблизиться к тому, что сегодня принято называть транснациональной общиной¹². Аналогичную общность сегодня представляют собой все евреи бывшего СССР/СНГ, проживающие в различных странах и объединенные, прежде всего, языком. Евреи-литваки в данном случае получают возможность усилить связи за счет формальной государственной принадлежности, а республика фактически становится центром их интеграции.

Есть и другие признаки попыток закрепить на государственном уровне прежние связи, исходящие от лица представителей местной еврейской общины. Эти шаги не только способствуют сближению еврейских общин Литвы, Польши и Беларуси, а также евреев-литваков, проживающих по всему миру, но и подкрепляют общие европейские ценности, разделяемые Вильнюсом и Варшавой, одновременно пытаясь склонить к европейскому выбору Минск. К примеру, депутат Сейма Литвы Э. Зингерис, возглавивший Общество культуры евреев Литвы после учредительного съезда, в 2007 г. был инициатором празднования совместно с парламентом Польши дня Конституции Речи Посполитой, а также неоднократно критиковал политику президента Беларуси А. Лукашенко, полагая, что она губительна с точки зрения перспектив сотрудничества Минска с Брюсселем¹³. Пример Э. Зингериса иллюстрирует еще один важный факт, характеризующий возрождение современной общины, а именно его совпадение с интеграцией евреев в политическую среду на стороне сторонников независимости республики. Так, сам Э. Зингерис начал политическую карьеру в рамках движения «Саюдис», выступавшего за самостоятельность Литвы.

Во многом схожий с соседями путь Литва прошла в том, что касается формирования восприятия Холокоста. На государственном уровне влияние на этот процесс оказало выстраивание отношений с Израилем. Еще в 1995 г. тогдашний президент А. Бразаускас в Кнессете принес извинения за участие литовцев в Катастрофе. Однако вопрос о разграничении вины и ответственности по-прежнему остался спорным. Так, первый посол Израиля в Москве А. Левин, занимавшийся установлением отношений и со странами Балтии, отмечал в

мемуарах, что выбор Риги для открытия посольства в странах Балтии был обусловлен не только ее географическим положением. Помимо этого председатель Верховного Совета Латвии А. Горбунов во время личной встречи дал А. Левину обещание привлечь виновных в убийствах евреев к ответственности, в то время как тогдашние власти Литвы такой же инициативы не высказали¹⁴. Последующее вступление страны в ЕС усилило лишь формальную составляющую признания ответственности, что вылилось в новые заявления государственных деятелей о сохранении памяти о Холокосте.

В результате в обществе дискуссия продолжается и сейчас, отражая споры о возможности героизации тех, кто принимал участие в борьбе за независимость, несмотря на их возможную причастность к преступлениям против евреев. Литовский историк, профессор американского Университета Миллерсвилля С. Сужиеделис полагает, что основанием является факт участия в массовых убийствах. Выступая против героизации всех спорных фигур того периода, он все же разграничивает, к примеру, расстреливавшего евреев в Литве и Беларуси Ю. Крикштапониса и К. Шкирпу, в начале войны руководившего Литовским фронтом активистов (ЛФА), распространявшим информацию о связи евреев с советской властью¹⁵. Кроме того, историк отмечает, что особый резонанс вокруг Катастрофы в Литве был создан литваками, проживающими за рубежом, прежде всего в США.

В таком контексте своего рода взрывом для общественности стала книга Р. Ванагайте, написанная при участии Э. Зуроффа «Свои. Путешествие с врагом», вышедшая в 2016 г. на литовском языке¹⁶ и переведенная на русский в 2018 г.¹⁷ В ней рассказывается об участии литовского населения в Холокосте. При этом виновниками Катастрофы там названы не только фактические исполнители убийств, но и те, кто всему происходящему попустительствовал, к примеру, скупая вещи, оставшиеся от евреев. Отдельно авторы остановились на спорных исторических личностях, среди которых вновь был К. Шкирпа. В работе он представлен как активный сторонник антиеврейской пропаганды, надевавшийся, что, если литовцы будут разделять с немцами их подход, то получат независимость¹⁸. С такой оценкой личности К. Шкирпа соглашается и глава ЕОЛ Ф. Куклянки. В интервью русской службе ВВС она отметила, что частично Холокост стал следствием внушения идей о необходимости избавления республики от евреев¹⁹. Соответственно, в такой трактовке идеология — тоже инструмент уничтожения евреев, а все, кто стоял за ее разработкой — виновники Катастрофы.

Развитие европейской идентичности повлияло на отношение современных литовских евреев к Израилю. Воспринимая себя не как диаспору, а как община, они не считают нужным поддерживать ближневосточную страну во всем безоговорочно, чем близки к еврейской общине Латвии. Такой подход предполагает, что не оспариваются базовые принципы, такие как право Израиля на существование и государственность, в то время как деятельность конкретного правительства получает одобрение далеко не всегда. В этом значительная часть литовских евреев схожа с либеральной европейской интеллигенцией в целом. При этом внутри ближневосточной страны евреи — выходцы из Литвы тяготеют к двум разным группам репатриантов. Часть из них объединяются в рамках организаций евреев-литваков, поддержку которым оказывают и власти республики. Так, в 2015 г. президент Д. Грибаускайте обратилась к первому израильскому форуму литваков, отметив, что евреи — выходцы из республики внесли существенный вклад как в создание Израиля, так и в независимость Литвы²⁰. В свою очередь евреи, переселившиеся в республику в период СССР из других частей страны, а после репатриировавшиеся, могут склоняться к объединениям репатриантов, основанных на общности русского языка.

Европейский дух, свойственный современным литовским евреям, отчетливо заметен в деятельности Государственного еврейского музея Виленского Гаона, провозгласившего своей целью поиск «подлинного литовского еврейского мира»²¹. Он включает в себя несколько подразделений, среди которых Центр толерантности, Мемориальный музей Вильнюсского гетто, Музей культуры и идентичности литваков, Музей американо-литовского художника, пережившего Холокост, С. Бака, а также региональные представительства в виде мемориального музея скульптора Ж. Липшица в Друскининкае и мемориал в Понарах. В результате в Литве, единственной из трех стран Балтии, сохранение памяти о местной еврейской общине выходит далеко за пределы узких этнографических рамок, позволяя учесть и особенности еврейской жизни современной страны, и специфику литваков²². Впрочем, внутри общины далеко не у всех такая деятельность находит понимание.

Таким образом, современная еврейская община Литвы во многом представляет собой уникальный пример для региона и для Европы в целом, будучи ориентированной на европеизацию и укрепление связей в более широких рамках евреев-литваков, проживающих по всему миру. Данная тенденция отвечает как собственным интересам общи-

ны, актуальной для которой остается нерешенность ряда внутренних проблем, включая табуированность вопросов Холокоста на территории республики, так и позиции государства, стремящегося развивать интеграционные механизмы внутри ЕС, а также поддерживать контакты с Израилем. Обеспечивается решение этой задачи частично посредством активности представителей общины в политической жизни. Вместе с тем имеет место заметная внутренняя разобщенность в сравнении с соседями, что снижает эффективность деятельности общинных институтов.

Примечания

- ¹ Литва // ЭЭЭ. [Электронный ресурс]. URL: www.eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/12474/ (дата обращения: 13.12.2018).
- ² Katz D. History of Lithuanian Jewish Culture // Encyclopedia of the Jewish Diaspora. Origins, experiences and culture. S. B.: ABC-CLIO, 2008. P. 1045.
- ³ Литва // ЭЭЭ.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Lithuania 2011 Population Census in Brief // Lietuvos Statistikos Departamentas. 2011. P. 20.
- ⁶ Population and Housing Census in Estonia, Latvia and Lithuania, 2011 // Statistical office of Estonia, Central Statistical bureau of Latvia, Statistics Lithuania. 2015. P. 24.
- ⁷ Litvak // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. [Electronic resource]. URL: www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Litvak (дата обращения: 06.12.2018).
- ⁸ Jews // True Lithuania. [Electronic resource]. URL: www.true.lithuania.com/jews-128 (дата обращения: 06.12.2018).
- ⁹ Parasonis J. Whom does “Lithuanian Jewish Community” Board really represent? // Defending History. 20.09.2017. [Electronic resource]. URL: www.defendinghistory.com/whom-does-the-lithuanian-jewish-community-board-really-represent/90157 (дата обращения: 13.12.2018).
- ¹⁰ Сейм принял поправки, которые обеспечат литвакам гражданство Литвы // RU.DELFI. [Electronic resource]. URL: www.ru.delfi.lt/news/live/sejm-prinyal-popravki-kotorye-obespechat-litvakam-grazhdanstvo-litvy.d?id=71640340 (дата обращения: 13.12.2018).
- ¹¹ Ф. Куклянки: почему вопрос о восстановлении гражданства Литвы так важен литвакам? // Lietuvos žydų bendruomenė. 10.07.2016. [Electronic resource]. URL: <http://www.lzb.lt/ru/2016/07/10/f-куклянки-почему-вопрос-о-восстанов/> (дата обращения: 13.12.2018).
- ¹² Носенко-Штейн Е. Э. Доктрина «кибуц галауйот» и еврейская диаспора: что дальше? // Становление еврейской государственности в XX веке: ключевые события. Т. 1. М. : Научно-политическая книга, 2018. С. 59.
- ¹³ Зингерис: Евросоюз может попроситься с послами Беларуси // UDF.BY. 28.03.2012. [Электронный ресурс]. URL: www.udf.by/news/politics/57565-zingeris-evrosoyuz-mozhet-poproschatsya-s-poslami-belarusi.html (дата обращения: 13.12.2018).
- ¹⁴ Levin A. Envoy to Moscow: Memories of an Israeli Ambassador, 1998–1992. London : Taylor & Francis Ltd, 1996. P. 337.
- ¹⁵ Jackevicius M. Saulis Suziedelis Interview on Lithuanian Holocaust Collaboration // Jewish community of Lithuania. 29.11.2018. [Electronic resource]. URL: www.lzb.lt/en/2017/11/209/saulis-suziedelis-interview-on-lithuanian-holocaust-collaboration/ (дата обращения: 06.12.2018).
- ¹⁶ Vanagaite R. Mušiškaiai. Vilnius : Alma littera, 2016. 296 p.
- ¹⁷ Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом / пер. с лит. А. Васильковой. М. : Corpus АСТ, 2018. 413, [1] с. (Серия Памяти XX века).
- ¹⁸ Там же. С. 31–33.

- ¹⁹ Антоненко О. «Я “оголливудила” Холокост в Литве». Как заставить общество задать себе сложные вопросы? // BBC. 18.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com/russian/features-44863218 (дата обращения: 06.12.2018).
- ²⁰ Публичная дипломатия литваков важна для Литвы // Президент Литовской Республики. 21.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: www.lrp.lt/ru/press-centr/soobsenija-dlja-pressy/publichnaja-diplomatija-litvakov-vazna-dlja-litvy/23982 (дата обращения: 30.01.2019).
- ²¹ Vilna Gaon State Jewish Museum. [Electronic resource]. URL: www.jmuseum.lt/en/ (дата обращения: 13.12.2018).
- ²² По материалам визита в Государственный еврейский музей Виленского Гаона 30.04.2018.
-

ЕВРЕИ И СЛОВЕСНОСТЬ



UDC 78.08(=262 =80)

A. Polonskaya
(Jerusalem, Israel)

Mikitka: Interpretation of a Song (or a Niggun)¹

1. Versions of the song, performers, language and music

“Mikitka” is published as a Jewish “folk song” in several song collections of Menakhem Kipnis (first in 1918) Shlomo Bastomsky (1923) and Dmitro Revutzky (1925)². One more unpublished version by Zusman Kiselgof (1923) has been found in the Vernadsky Library archive in Kiev by Ekaterina Malakhova and send to me in a private letter³.

Mikitke

Oy ti, Mikitke, Mikitke, shcho s tobi bude
 Yak ti budesh khvorati
 I yak doktor k tobi bude prikhoditi
 I refues tobi Mikitke on bude davati
 A tebe Mikitke to ne bude pomogati
 Akh, valyay ne valyay treba Mikitke umirati
 Velifney Melekh Malkhey Hamlokhim khezhbn tzedek
 Treba Mikitke otдавati
 Oy ti Mikitke Mikitke sho s tobi bude?
 Yak ti budesh umirati i tri solominki pid tobi bude podkladati
 I ditki malenki i zhinka po tobi bude plakati
 Oy af a levaye tebe budut vinositi
 Oy a khevre kadishe tebe budut zakopati
 I der malekh hadoymo tebe budet spitati
 “Ma shmekho”: Yak zvati?
 Oy a ti Mikitke oy Mikitke ti budesh sobi lezhati
 Lezhati lezhati lezhati

The Kipnis’ version has been republished many times in the USA as part of the popular repertoire of the famous cantor Mordechai Hershman with light changes⁴. In the sound archive of the National Library of Israel the Kipnis’ version is also performed by American actor and popular singer Aaron Lebedeff and by American actor and operetta star Mikhal Mikhalesku (Vaysblat)⁵. The Kiselgof’s version is performed by a Soviet popular singer Michael Epelbaum⁶. The song is sung with much humor by

all of the performers except Hershman who stages it as a cantor piece for the Day of Atonement which may attribute to a stronger comic effect.

Although no folklorist refers to the song as a niggun (that is, as having a deep religious meaning for Hasids) we have reason to believe that it could be one. We will give proof of that in the course of this article. Our first argument will be that Kipnis', Bastomsky's and Revutzky's versions originate respectively from Ushitza (Volyn)⁷, governance of Chernigov and Uman and those were the regions with flourishing Hasidic communities.

The singer addresses to a "Mikitka" (a very common Ukrainian name), asking him "What will happen to you when..." and enumerates different stages of illness, dying, burial and punishment in hell. In the table below I relate these stages as mentioned in all the versions in the English translation. The song is mostly written in broken Ukrainian and contains lexical and grammar mistakes that are partly corrected in the performances. A characteristic grammar mistake is forming the future tense with an auxiliary verb and infinitive "budesh khvorati" (will be ill). All Yiddish words in the song are of Hebrew and Aramaic component and we write them all out. Such mixture language songs are called "macaronic" and they are often comical ones⁸.

		Kipnis	Kiselgof	Bastomsky	Revutzky
Kip Kis Bas Rev	Mikitka, what will become of you?	+	+	+	+
Bas	Bad, bad will be your business	–	–	+	–
Bas	You have lived seventy years and did not serve the Lord	–	–	+	–
Kip Kis Bas Rev	When you will be ill and doctors will come to you	+	+	You were lying and ailing and died like a fool	doctor royfe
Kip Kis Rev	And will give medicine refues to you	+	+	–	medicine likarstvo

		Kipnis	Kiselgof	Bastomsky	Revutzky
Kip Kis Bas Rev	And this won't help you	+	+	Your money, your millions won't help	+
Kip Kis	If you want ⁹ it or not – one should die	+	+	–	–
Kip Kis Bas	And give account before the King of the Kings lifney melekhn malkhey hamlokhim	account din vekhezhbm	honest account khezhbm tzedek	You were lying and ailing the whole year and did not say viduy (confession)	–
Kip Kis Rev	What will happen to you when you will die	+	+	–	+
Kip Kis Rev	And they will put three straws under you	+	+	–	+
Kip Kis Rev	And your small children and your wife will weep for you	+	+	–	+
Kip Kis Rev	The burial party khevre levaye will carry you out	+	They will carry you out for the funeral levaye	–	khevre kedoy-shem sic.
Kip Kis	Memorial service khevre kadishe will bury you	+	+	–	–
Kip Kis Bas Rev	And the Silent Angel malekh hadoymo will ask you	+	+	+	melekh doyme sic.
Kip Kis	Ma shmekho	+	+	–	–

		Kipnis	Kiselgof	Bastomsky	Revutzky
Kip Kis Bas Rev	What is your name ¹⁰	+	+	+	+
Bas Rev	And you will be silent	–	–	like a table	+
Kip Kis Rev	And you will lie	+	+	–	+
Kip Rev	And you won't know what to answer...	+	–	–	What will you say then?

As we can see from the table, Kipnis' and Kiselgof's versions are almost identical. The Revutzky's version was heard by the Ukrainian folklorist in a Moscow-Kiev train from a young Uman business-man Josef Grigoryevich Kotlyar in 1925. It contains less Hebrew words and those present are spelled incorrectly, though it may be a fault of the collector or the young performer did not receive any Jewish education. The Bastomsky's version differs much from the rest of the versions, it contains a more detailed description of Mikitka's life, wealth and illness, of his punishment in the grave. At the end there is an addition that promotes the Jewish faith translated below:

They will call you to the justice of Heaven **bezdñ shel mayle**

And you will say "I am guilty" **hatosi**

They will chase you in the purgatory **kaf hakele** and give you sixty strokes of fire **shitin pulsey denuro**

And we, Israel, don't live like you

We drink vodka on such holidays

Drink, drink, drink and enjoy ourselves **pyom i gulyayem**

And don't forget the Lord

And we, Israel **veanakhnu Isroel** we don't live like this

We will go to **Yerusholaym** with the just **Moshiekh tzidkeynu** our tsar Mikitka, Mikitka, what will become of you?

Bad, bad, will be your business.

Chava Shmulevich connects this addition with the song cycle "piv ya u nidilyu" (I drank on Sunday), songs of confession before the Lord (*din vekhezhbm*) in the context of drinking (*a my pyem da pyem, da my gulyayem*)¹¹. These songs as well as Bastomsky's version of *Mikitka* are sung on the holiday of Simkhat Torah¹². The message of the addition, that

is boasting to a goy about the merits of Jewish religion in his language is connected with macaronic songs of “national boldness”, as Joseph Goldberg calls them¹³. They often have a line “slavnaya vera evreyskaya” (Jewish faith is glorious) which is absent here.

The melody of the song and the rhythmic structure of the verses remind a Ukrainian Duma (heroic epic ballad). This has even led the Ukrainian folklorist Dmitro Revutzky to believe it to be a parody of a Duma¹⁴. The Yiddish folklorist Moses Beregovsky doesn't agree with him stating that a Ukrainian melody of a Yiddish song is too trivial a fact to lead to any conclusions¹⁵. Anyway, a Ukrainian source of the text has not been found yet, if it ever existed. As Abraham Idelsohn remarks a niggun that looks like a borrowing can often be a conscious imitation of foreign music¹⁶.

2. A gentile or a Jew?

As Kipnis explained at the back cover of his music sheet with the song, “the Jew absolutely annihilates the uncircumcised Mikitka because he won't know how to give his true name to the Angel of Death in the World-to-Come”¹⁷. This explanation does not seem quite logical, although all is permitted in a joke. Every Jew is given a Jewish name when circumcised and there is a strong belief that a name influences the person's destiny¹⁸. The Jewish name is asked by the Silent Angel after one's death and it is extremely important to remember it¹⁹. For that purpose in some communities they recite a verse from the Bible that begins and ends with the same letters as one's Jewish name at the end of the principal prayer Amidah²⁰. But since Mikitka is a gentile he is not supposed to have any Jewish (“true”) name.

Another explanation of the song is given in the American reprint of Kipnis' version:

A pious Hebrew, believing in an exclusively Jewish paradise, questions the peasant Mikitka's chances of attaining Heaven²¹.

There are different opinions on the question if gentiles are liable to go to Heaven²² in rabbinical Judaism²³. Maimonides, one of the most authoritative decision makers of the Jewish Law, thinks that those, who follow the seven commandments of the sons of Noah²⁴, go to Paradise²⁵. There are testimonies that this idea was shared by the Jewish population of the pale of settlement²⁶.

It seems strange to us that the niggun implies that the gentile Mikitka should follow the prescriptions of the Jewish law: know his Jewish name, deal with Jewish angels, confess in Jewish terms (*viduy, din vekhezhbm, khezshm tzedek*). Why does the Jewish memorial service burry him?²⁷ If the

author of the song believed that Paradise is exclusively for the Jews, we can interpret the text as a sort of joke we would make about an animal, that can't wear and buy fancy clothes, read books and talk foreign languages. The author scorns and pities the goy at the same time.

Another possibility to solve the problem would be to regard Mikitka as a simple uneducated Jew, probably living among the gentiles and nicknamed Mikitka as one of them²⁸. This is the opinion of Chava Shmulevich. At the same time she writes that Bastomsky's version is about a gentile, as is evident from its second part. But Bastomsky's version contains even more mentions of Jewish customs Mikitka is supposed to comply with! She answers this by supposing that this version is a parody of both the original Mikitka and "piv ya u nedilyu"²⁹.

Or, if Mikitka is a goy, maybe the author wants to convert him to Judaism? This also seems strange. Rabbinical Judaism generally doesn't have messianic aim, it is quite enough that the gentiles should follow the seven commandments of Noah³⁰. There are however, different views on the subject. Reb Nachman of Bratslav thought that all the gentiles should convert to welcome the Messiah³¹.

3. A niggun or a song?

We will provide some more arguments in favor of Mikitka's being a Jew. The structure of "Mikitka" is identical to the cycle of songs about death and burial. The hero of such songs usually falls ill, is visited by doctors, takes useless medicines, is wept over by wife and children, buried by memorial service, he fears the Angel of Death, trembles to give an account (*din vekhezhbm, khezhbm un khoyv*), is conscious that his life has not been pious enough and is afraid to go to hell³². But the funeral songs are in Yiddish, not macaronic, and they are by no means comic. They are performed by the dying person himself and he invites all the hearers to lament him. Mikitka is addressed by the performer in the second person and his death looks rather humorous, though not absolutely unregretted.

Bastomsky writes that they sang *Mikitka* on the occasion of Simkhat Torah. This holyday marks the beginning of a new cycle of yearly Torah portion reading. As Michael Lukin writes this was a special time after the hardships of the Day of Atonement, when drinking alcohol was permitted and encouraged during the service, children were permitted to smoke, women mixed with men in the Synagogue. This time was especially favorable for the songs in the genre of «parodia sacra» (parody of holiness): macaronic songs that paraphrase sacred Jewish texts, for example the cycle of songs about drinking alcohol "Piv ya u nedilyu", with a motif of account

before the Lord (*din vekhezhibm*), that was one of the sources for the last part of Bastomsky's version, as mentioned above. Michael Lukin writes that these songs were comic and deeply religious at the same time. Chabad Hasids interpret "*Piv ya u nedilyu*" as teaching how to use the "intoxicating wine" to be freed from limitations and attain the level of "exhilarating wine" that leads to contemplation of G-d³³. That is, they are not simple folk songs, but Hasidic nigguns in their eyes. One of the variants of such songs, "Treba znati yak gulyati" is a didactic appeal to the public: "you should know how to enjoy yourself, how to die, how to give a just account *khezhibm tsedek*, and we drink and enjoy ourselves...."³⁴ Another variant, called a "Viduy of Reb Meir from Peremishlyan" is a personal confession of Reb Meir who feels himself unfit for standing before G-d:

Time to go home, what will I answer when the Lord (pan bog) will ask me, simply loose the time, not doing anything, ay, what will I answer, when I will have to give an account (*dinvekhezhibm*), and there you can not lie, you can not bribe, just tell the truth.

It was recorded by Kipnis from his eldest brother, the cantor Pesakh Kipnis in Ushomir, quite near Ushitza, where he recorded Mikitka³⁵. It is remarkable that Jewish listeners of the song "Treba znati yak gulyati" as well as the pious tzaddik have the same problems as Mikitka in view of the last trial. And they express their anxiety in broken Ukrainian. Here the choice of the language has a mystical meaning³⁶, it could be gathering sparks³⁷ (produced by broken vessels that could not contain the divine light at the time of Creation), "mending" (making a *tikkun*)³⁸ or bringing back the language or the melody under the wings of the Shekhina (divine presence)³⁹.

It is necessary for a Hasid to humble and annihilate himself in order to experience the Divine. Maybe *Mikitka* invites the pious listeners to be humble and view themselves as "Mikitkas", not to boast of their piety, but to feel that it is never enough. In that case *Mikitka* would be a niggun with deep religious meaning. We can give an example of similar metaphoric literary approach in a Hasidic fable told by Rabbi Simkha Bunem of Pshiskha about a gentile drunkard that once awoke in the robes of a Catholic priest and assumed his role. The moral of the fable doesn't concern any gentile behavior: it is about a false Tzaddik that acts like one only because of his social role, but withholds no moral authority⁴⁰. *Mikitka* could also serve a metaphor for an outwardly pious Jew, who has inwardly lost any contact with his Jewishness, so he is liable to forget his name after death and be sent to hell. There are a lot of Hasidic tales about nigguns that cause repentance and *Mikitka* could be one of such nigguns, called niggun *hitorerut* (niggun of awakening) in Chabad terminology.

Mikitka won't make an exception when a macaronic niggun is interpreted in a very different way from the meaning of its words. For example, a niggun "Duren Marko" (You foolish Marko, why are you going to the fair? You neither buy, nor sell, but make a row?) is about the evil inclination in man⁴¹, and the niggun "Nye zhurite khloptzi" (don't blame me, guys, what will happen to us? we will go to a tavern and there will be vodka) expresses the "enormous strength of the bond between the Hasids and their master and teacher", the "middle" rebbe, Dov Ber Shneur⁴².

Notes

- ¹ We express our gratitude to the musicologist Michael Lukin for the great help in writing this article.
- ² *Kipnis M.* Folks-lider fun M. Kipnis un Z. Zeligfelds kontsert-repertuar. Varshe : Gitlin, [1918]. Part 1. P. 141. № 61; *Bastomsky S.* Baym Kval. Materialn tzum yidishn folklor. Vilne : Naye yidishe folksschul, 1923. P. 105–106. About Kipnis and his collection see *Turkov M.* Kipnis un Zeligfeld // *Kipnis M.* Hundert Folks-lider. Gezamlt fun M. Turkov. Buenos Ayres : Tzentral farband fun poylishe yidn in Argentine, 1949. P. 9–21; *Revutzky D.* Suchasna parodiya na ukrainsku narodnyu dumu // *Etnografichny visnik*, book 1, 1925. P. 70.
- ³ Collection of Zusman Kiselgof. National Vernadsky Library, Kiev, Department for Manuscripts, Fund 322, Inventory 4, 352 (K432). Music sheet with text in Cyrillic and Latin letters for Hebraisms. About Kiselgof see *Sholokhova L.* Collection of Zinoviy Kiselgof as Source of Research in Jewish Musical Folklore // From the History of Jewish Music. Proceedings of the International Scientific Conference «90 years of the Jewish Folk Music Society in Petersburg-Petrograd». Saint-Petersburg : Evreysky Obshchiny tzent, 2001. P. 67–87 (Russian).
- ⁴ For example, Yidish-Ukrainische folks-lider. As Sung by The Eminent Tenor Cantor M. Hershtman. Ukrainian-Jewish Series. 1. Mikitka. New York : Metro Music Co. Copyright 1924 by Jos. Katz, New York. Copyright assigned 1927 to Henry Lefkowitz.
- ⁵ Polish Jewish Cabaret: a library of wonderful but forgotten Yiddish songs of the 1920s – 1930s (April 24, 2016). [Electronic resource]. URL: <http://www.polishjewishcabaret.com/2013/12/mikitka-what-will-happen-to-you.html#5643642709555849602> (visited 08.02.2019). In the Sound Archive of the National Library of Israel: Jewish folk song US Scala. Jacob Michael Collection of Jewish Music. Cantor Mordechai Hershtman accompanied by orchestra JMR 2587; Schwartz, Abe. US The New Emerson from the Jacob Michael collection of Jewish music. Michalesco accompanied by Rumshinsky orchestra. C. Character song. Side 1 JMR 1425; About Michalesko see: *Zylbercwaig Z.* Lexicon of the Yiddish Theatre, Warsaw : The Hebrew Actors Union of America, 1934, Vol. II. P. 1310–1311; Shabes nuchn kigel. Gilrod Louis. Perez Sandler's Orchestra c. 1921, US Vocalion. Lebedeff Aaron JMR 1470 Side B.
- ⁶ *Sholokhova L.* Phonoarchive of Jewish Musical Heritage. Annotated Catalogue. Kiev : National Science Academy of Ukraine, 2001. Mikitka. № 2600 A 1138 // K 20 5.11.1923 Petrograd. Epelbaum Michael. Recorded to the phonograph of Z. Kiselgof. C. 696 Sholokhova writes that music sheet and text are absent. In the Sound Archive of the National Library of Israel: Materials from the Zinoviy Kiselgof Collection 2004. Jewish folk music and theater sound recording. CD 05538. Paraphrase of Ukrainian Duma in Yiddish. Beregovsky Moshe. Record № 24. Epelbaum Misha. The performance of Epelbaum slightly differs from the written text. Revutzky mentions that his Jewish colleagues told him that Epelbaum sang this song and that he went to his concert, but he did not sing it, although the audience was crying "Mikitka!" *Revutzky D.* Op. cit. P. 71.

- ⁷ There are three “Ushitzas” in Ukraine, but it is very probable that Kipnis heard the song near Ushomir, where he passed his childhood and then returned to visit his elder brother Pesakh, from whom he also collected some songs, as we know. Kipnises folks-lider. Zamlung fun repertuar. Mikitke (An alte kharakteristishe yudish-ukrainishe folks-lid) far eyn shtime mit pyano. Baarbeyt Bensman un Kipnis. Varshe. Num. 24. Collection of Meir Noy. No Year. Music sheet with no pagination. Words and melody recorded from reb Khayim Isroel Perelman from the village Ushitze in Ukraine.
- ⁸ *Prilutzky N.* Yidishe folkslider. Vol. 1. Varshe, bikher far ale, 1910. Introduction. P. 3–14; *An-ski S.* Vegn yudishen folks-lid // *Evreyskaya starina*. Vol. 2. 1910. P. 171–195; *Idem.* Gegenzaytliche kulturelle aynflussn fun kristen tsu yuden // *Gezamlte shriftn*. Vol. 15. Warszawa : Shreberk, 1925. P. 257–268. First published in 1920; *Goldberg Y.* Di yidishe mish-shprakhike un fremd-shprakhike folkslider // *Tsaytshrift*, Minsk 2–3, 1928. P. 589–606; *Beregovsky M.* Chuzhomovni i rizmovni pisni v evreiv Ukraini, Bilorusii i Polshchi // *Etnografichnyy Visnik*. 1930. № 9. P. 1–24, 37–51; *Shmulevich Ch.* Macaronic Songs in Yiddish Folklore: Characteristics, Sources and Parallelisms. Master thesis at Ariel University. 2017.
- ⁹ “valyay” means “roll”, it must be a mistake and it is generally replaced in singing by “gulyay” — “enjoy yourself”.
- ¹⁰ These are the only Hebrew words translated into Ukrainian in the song itself.
- ¹¹ *Shmulevich Ch.* Op. cit. P. 70. Some variants of the song: *Kipnis M.* Folks-lider... P. 131, № 57; P. 145–146, № 67–68; *Ginzburg S., Marek P.* Evreyskiye narodniye pesni v Rossii. Saint-Petersburg, : Matz, 1901. P. 326, № 371–372; *Zalmanov S.* Sefer haNigunim, Brooklyn : Nikhoakh, 1948. P. 245–248, № 260–261.
- ¹² *Zalmanov S.* Op. cit. P. 58. *Bastomski S.* Op. cit. P. 106.
- ¹³ *Goldberg Y.* Op. cit. P. 598.
- ¹⁴ *Revutzky D.* Op. cit. P. 70. He doesn’t refer to any Duma on this occasion, but there are Dumas like “farewell of a Cossack” where the sister admonishes the hero: “Tak zhe trudno na chuzhiy storoni / Bez rodini serdechnoy pomirati” (“It is difficult to die in a foreign land without dear relatives”) *Kolessa Ph.* Ukrainski narodni dumi. Lviv : Prosvit, 1920. P. 25.
- ¹⁵ *Beregovsky M.* Op. cit. P. 46–47.
- ¹⁶ *Idelsohn A.* Hanegina hakhasidit // *Sefer hashana leyehudey amerika*, New York : hahistadru-thaivrit beamerika, 1931. P. 86.
- ¹⁷ Kipnises folks-lider. Zamlung fun repertuar...
- ¹⁸ *Yehudah HeChasid, Rabby.* Sefer Chasidim. The Book of the Pious / Tr. A. Finkel. London : Jason Aronson, 1997. № 244, 246, 247, 321. P. 307–309 A very important medieval religious guide that had powerful influence on the Judaism of Ashkenaz.
- ¹⁹ *Deutsch N.* The Jewish Dark Continent. Life and Death in the Russian Pale of Settlement. Cambridge : HUP, 2011. P. 301 citing and commenting questions 2000–2004 of An-ski’s Jewish Ethnographic Program (a questionnaire prepared by An-ski and his colleagues in 1912–1913).
- ²⁰ *Siddur Tehillat Hashem.* Nusach ha-Ari Zal. According to the text of Rabbi Shneur Zalman of Liadi / Tr. by N. Mangel. Brooklyn : Merkos L’Inyonei Chinuch, 2003. P. 582.
- ²¹ Yidish-Ukrainishe folks-lider. Copyright H. Lefkowitz. P. 21.
- ²² There is also a discussion if Paradise and the World-to-Come is the same thing, but this is not relevant for us now.
- ²³ For example see Babylonian Talmud Sanhedrin 105a: rabbi Yehoshua thinks that god fearing gentiles do have the share in the World-to-Come, but rabbi Eliezer disagrees with him. In Sanhedrin 90b the Mishnah states that Balaam (a gentile prophet) doesn’t have the share in the World-to-Come. Rashi comments upon this that “the rest of the gentiles do have the share” [in the World-to-Come]. For more information on the subject see *Kriv A.* Ahava vesina nifgeshu: yahasey israel veumot haolam beagadah // *Moznayim*, 1974. No. 3/4. P. 186. There is a midrashic (on a popular, less scholarly level) possibility of gentiles having a separate Paradise of their own. “Gan Eden”, second recension in *Jellinek Beyt-Hamidrash*, l. c. iii. 131–140 cited

- by Jewish Encyclopedia «Paradise». The unedited full-text of the 1906 Jewish Encyclopedia Executive Committee. Ed: G. A. Barton [Electronic resource]. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/11900-paradise#anchor7> (visited 08.02.2019).
- ²⁴ See Sanhedrin 56a, the prohibition of idol worship is among them. The problem is that Maimonides believes Christians are idol worshippers. See Mishneh Torah. Sefer haMada. Halakhot avodah zara. 9:4.
- ²⁵ Anyone who accepts upon himself and carefully observes the Seven Commandments is of the Righteous of the Nations of the World [khasidey umot haolam] and that when he died, he would surely enter the heavenly Garden of Eden” (*Selkof D.* In Nokh vegn poylishn doktor // Pinkas Krinki / ed. D. Rabin. Tel Aviv : Behotsaat hairgunim shel yotse Krinki, 1970. P. 212 cited by *Deutsch N.* Op. cit. P. 261 note 506).
- ²⁶ The town’s Polish doctor was so beloved that people “were sure that he was among the righteous gentiles of the world [khasidey umot haolam] and that when he died, he would surely enter the heavenly Garden of Eden” (*Selkof D.* In Nokh vegn poylishn doktor // Pinkas Krinki / ed. D. Rabin. Tel Aviv : Behotsaat hairgunim shel yotse Krinki, 1970. P. 212 cited by *Deutsch N.* Op. cit. P. 261 note 506).
- ²⁷ Only about the “three straws” can we say that the custom of putting a dying person on the straw is shared both by Jews and Christians. For Jews see *Deutsch N.* Op. cit. P. 271, note 551 question of An-ski’s Ethnographic Program № 1710. P. 277 note 575. For Slaves see *Vinogradova L.* Narodnaya demonologiya Polesya. Vol. II. Moscow : Institut Slavyanovedeniya RAN, 2012. P. 136–137.
- ²⁸ The story “S’iz gut” (“This is good”) of Y. L. Peretz could serve an illustration to this hypothesis. As told in the first sentence, it aims to explain us how its hero “remained a Jew”. A Jewish boy Yudl once saw the Shpolyer Tzaddik in the wood and he told him to remember his name whatever would happen to him. Because his name is Yidele, a Jew, he should be a Jew. Soon after the boy is sent to serve in the Russian army where he loses any connection with his origins, but the vision of the Tzaddik and his commandment “be a Jew” help him to overcome the temptation of converting to Christianity. At the end of his term of service he ventures to remember the Passover Aggadah and sees the vision of the Tzaddik. He returns home by the way of the Tzaddik’s residence... *Peretz Y. L.* S’iz gut // Ale verk. Vol. 5. New York, CYCO, 1947. P. 152–156.
- ²⁹ *Shmulevich Ch.* Op. cit. P. 70.
- ³⁰ See for example, *Maimonides*. Mishneh Torah. Laws of Kings and Wars. 8:9–10.
- ³¹ *Green A.* Nahman of Bratslav’s Messianic Strivings // Essential Papers on Messianic Movements and Personalities in Jewish History / ed. M. Saperstein. New York : New York University, 1992. P. 416.
- ³² *Ginzburg S., Marek P.* Op. cit. P. 303–308.
- ³³ *Zalmanov S.* Op. cit. P. 58.
- ³⁴ *Kipnis M.* Folks-lider... P. 131 № 57.
- ³⁵ *Ibid.* P. 145. № 67.
- ³⁶ *An-ski S.* Vegn yudishen folks-lid. P. 179, 183; *Idem.* Gegenzaytige kulturele aynflusn fun kristen tsu yuden. P. 259, 236; *Beregovsky M.* Op. cit. P. 44–45; *Goldberg Y.* Op. cit. P. 591–592.
- ³⁷ *Idelsohn A.* Op. cit. P. 78.
- ³⁸ *Goldberg Y.* Op. cit. P. 601–602.
- ³⁹ *Idelsohn A.* Op. cit. P. 81. There are many Hasidic stories about a tzaddik who had heard a niggun from a gentile, bought it from him and the goy irrevocably forgot it. *Vinaver Ch.* Anthology of Hassidic Music. Jerusalem : The Jewish Music Research Center, 1985. P. 212–213.
- ⁴⁰ *Berger Y.* Simkhat Israel. Jerusalem : Dfus safra, 1958. Part 2. P. 54–55 (Siman 5, cited by *Ross N.* The Tale «If not higher» and its Hasidic Source // Jerusalem studies in Hebrew Literature. 2013. P. 87, note 58).
- ⁴¹ *An-ski S.* Vegn yudishen folks-lid. P. 183.
- ⁴² *Zalmanov S.* Op. cit. № 111, P. 98. Explantation P. 57.

УДК 781.7

Е. В. Хаздан**(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)****«Хад гадыя»: песня-загадка и ее изучение***

Людям, сколько-нибудь знакомым с еврейской традицией, не нужно пояснять, что такое «Хад гадыя»¹, однако это название абсолютно непонятно человеку со стороны. Это история об отце, купившем за две *зузы* (монеты) козочку, которую съела кошка, которую покусала собака, которую побила палка, которую спалил огонь, который залила вода, которую выпил бык, которого зарезал *шойхет*, которого забрал Ангел Смерти, которого низверг Всевышний.

«Хад гадыя» — песня, завершающая пасхальную трапезу (*седер*). Впервые ее текст был напечатан в Пражской Агаде (1590) на двух языках — арамейском и идише². Согласно библиографическим сведениям из трактатов более позднего времени, ее напев впервые зафиксировал Фридрих Христиани в дополнение к «краткому, но полному описанию пасхального праздника» (1677)³.

Наша статья построена на сопоставлении описаний, аналитического разбора и комментариев исследователей, работающих в русле европейской науки (фольклористики, музыковедения, антропологии) со взглядом на песню изнутри традиции. Наша задача выяснить, что *принято видеть* в «Хад гадые» и как на самом деле функционирует песня, что и в какой форме подлежит передаче, а также что из этого знания транслируется через *мидраш* (пояснение, толкование), а что — не вербализуется, но остается понятным, как бы само собой разумеющимся.

Литература, посвященная «Хад гадые», необъятна: ее толкованием занимались авторитетные еврейские комментаторы и христианские герменевты, к ней обращались ученые разных специальностей: этнографы, филологи, литературоведы, фольклористы, музыковеды. В справочных изданиях с некоторым недоумением отмечается, что этой детской потешке (*nursery-rhyme*) уделялось несообразно большое внимание, как будто она философский трактат.

Первая интерпретация «Хад гадыи» на латыни появилась в Лейпциге в 1727 г.⁴, а вскоре вышла с переводом на немецкий у двух авторов почти одновременно⁵.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ: проект № 18 012 00227а «Концептуализация музыки в авраамических традициях. История — Теория — Практика».

Ученые, обращавшиеся к этой песне, сосредотачивали внимание на нескольких основных проблемах. Одна из них — смысл текста. Чаще всего «Хад гадыя» трактуется как аллегория формулы возмездия «око за око» (Шмот 21:24)⁶. В таком случае ее рассматривают как историю гибели народов, преследовавших Израиль (Египет, Ассирия, Вавилония, Персия, Македония, Рим и т. п.). Виленский Гаон прочитывал «Хад Гадью» как противоборство двух начал, впервые проявившееся в соперничестве Яакова и Эйсав за благословение Ицхака. Тогда героями сказки становятся зависть (кошка) и фараон или Египет (собака), посох фараона (палка) и «дурное начало» (огонь) и т. д. Существуют также толкования песни как процесса саморазвития человека, как предостережения от сплетни и др. В этих случаях персонажи — символические носители неких качеств, положительных и отрицательных, и комментатору приходится искать выход из ситуации, в которой Всевышнему выпадает «отрицательная роль».

Еще одна проблема, занимавшая многих исследователей — поиск аналогичных историй у других народов. «Хад гадыя» ставится в один ряд с французскими, немецкими, английскими, греческими, русскими сказками и песенками⁷. Расширение географических границ ведет к умножению типологически сходных явлений. Они обнаруживаются в литовском и сиамском фольклоре, в Индии, Алжире, Занзибаре⁸. Сюда примыкает обширная область литературоведения: варианты этого сюжета находят в Талмуде и санскритской литературе, а также, например, в «Дон Кихоте» и др.

В связи с распространенностью сюжета возникает вопрос о влияниях и заимствованиях. Так, в «Jewish Encyclopedia» и вслед за ней в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона утверждается, что «Хад гадыя» «является подражанием одной германской народной балладе, в свою очередь позаимствованной из древней французской песни»⁹. Наиболее настойчиво эту позицию утверждает У. Ньюэлл¹⁰. В своей статье он несколько раз возвращается к рассуждениям о легкости, с которой «европейские детские рифмы... переходят в фольклор простых рас (simple races), с которыми европейцы вступают в контакт», и о последующем введении ими в заимствованные мелодии собственных «варварских» мотивов. (К «простым» Ньюэлл относит также англичан и немцев.) «В “Хад Гадье”, по сути, нет ничего еврейского», — утверждает автор¹¹, и в дальнейшем эта мысль повторяется достаточно часто. С тем, что песня имеет нееврейское происхождение, согласна Рут Рубин¹². Знаменитый коллекционер Авраам Швардон, собравший более 600 вариантов «Хад Гадьи», по той же причине не включил в пла-

стинку самый распространенный ее ашкеназский вариант¹³. Версия, опубликованная в IX томе «Тезауруса» А.-Ц. Идельсона, не названа в числе «явно еврейских», аутентичных мелодий¹⁴.

В ответ на это появились фольклористы, полагающие, что напротив, европейские народы заимствовали песню у евреев¹⁵. Дан Бен-Амос, комментируя народные сказки из коллекции Дова Ноя, упоминает обе версии происхождения «Хад гады», но все же останавливается на том, что она — вариант английской песенки «The Old Woman and Her Pig»¹⁶.

Не совсем понятна устойчивая маркировка «Хад гады» как песни восточноевропейских евреев вопреки свидетельствам бытования ее вариантов у сефардов, в итальянских, греческих, марокканских еврейских общинах и т. п.¹⁷

Новый взгляд на песню предложил Мейер Зейдлер¹⁸. Ученый сопоставляет три варианта песни, зафиксированные в разное время. Его анализ показывает, что изменение текста «Хад гады», а также размещение его в том или ином контексте отражает различные положения евреев в Восточной Европе. Так, публикация в сборнике «Волшебный рог мальчика» (1808)¹⁹ в ряду немецких народных песен, по мнению исследователя, показывает стремление евреев интегрироваться в европейское сообщество. О том же, считает автор, свидетельствует название песни, данное публикаторами: «Für die Jüngelecher von unsern Leut», в немецком звучании которого, в порядке слов — слышен идиш.

Второй вариант «Хад гады» взят исследователем из неоконченной повести Г. Гейне «Бахаракский раввин» (1840). Действие начинается с обнаружения во время *седера* убитого ребенка, за чем неизбежно должен последовать кровавый навет. Позже в синагогальной службе звучит фрагмент о жертвоприношении Ицхака, — Гейне «ошибается», поскольку названный отрывок читается на Рош-А-Шоне, однако автору важнее насытить пространство повести напряженным ожиданием следующих жертв. В этом конкретном контексте — особенно для человека, живущего, как и Зейдлер, после Второй Мировой войны, — череда уничтожающих друг друга персонажей становится зловещим предзнаменованием или, как минимум, ставит под сомнение возможность интеграции евреев, о которой мечтали представители ранней Гаскалы.

Наконец, третий вариант, проанализированный Зейдлером, — выпущенная в СССР в 1958 г. детская книжка с литографиями А. Каплана²⁰. «Русско-идишская советская адаптация, дышащая революционным духом», — характеризует ее исследователь. История здесь

сокращена, отсутствуют последние куплеты: нет ни Ангела Смерти, ни Всевышнего. *Шойхета* тоже нет, — вместо него появляется крестьянин — «представитель победившего трудящегося класса», — именно на нем завершается повествование. В этом обрыве, в незавершенности сказки Зейдлер видит деконструкцию истории, трансформацию вечного экзистенциального вопроса²¹. В атеистическом обществе эсхатология упразднена. Ученый прочитывает это воплощение «Хад гады» так: после Холокоста не осталось больше евреев, и вопрос об интеграции более не актуален.

Думается, что многие люди, знакомые с устройством советского общества, не согласятся с Зейдлером. Публикация детской книжки с отнюдь не детским подтекстом (Каплан обращается к тем, кто знает толкования песенки) — дерзкий шаг художника. Некоторые из созданных им ярких иллюстраций — знак скорби: на них дерево со сломанной веткой, какие изображали на *мацейвах*. Художник намеренно не досказывает историю, которая знакома всем евреям, и дело не только в советской идеологии, и совсем не в вопросе интеграции. В стране, где одна за другой прокатились погромы, война и революция, репрессии конца 1930-х, еще одна чудовищная война, а затем новая волна репрессий, — где люди воочию видели, как уничтожаются уничтожавшие, — он показывает всем соплеменникам: это не конец. Потому что все знают, чем на самом деле оканчивается история про козленка.

Обратимся теперь к факторам, которые не вызывают вопросов у исследователей.

Вопрос, к какому жанру отнести песню, не дискутируется. Между тем диапазон предлагаемых вариантов чрезвычайно широк. Авторы статьи в Еврейской энциклопедии уверены, что «Хад гады» «по форме и содержанию является народной колыбельной песней»²²; Лебрехт считал ее «загадкой из еврейской восточной литургии»; «народным сказом» называет ее Энциклопедия Иудаизма²³, И. Земцовский упоминает ее в примечании к песне-прибаутке²⁴. Для многих она — кумулятивная сказка и детская потешка. Более сложную атрибуцию предлагает А. Швадрон: «Текст кумулятивный по форме, аллегорический по содержанию и дидактический по функции», а далее определяет ее как «домашнюю застольную песню, относящаяся к жанру *змирот*»²⁵. Достаточно часто встречаются пояснения, что «Хад гады» никак не связана с пасхальным *седером* и была включена в Агаду достаточно поздно. Обычно автор добавляет, что ее пели для того, чтобы развлечь детей, не дать им заснуть до конца пасхальной трапезы. (Само по себе

последнее положение звучит как оксюморон: ребенка развлекают по завершении трапезы, чтобы он дальше не спал. Или же все-таки его укачивают?)²⁶

При этом все исследователи сходятся в том, что «Хад гадыя» устойчиво ассоциируется с Пейсахом. Она завершает ритуальную трапезу, — трудно представить себе, что в финале обряда ставится что-либо малозначимое. Ее основной текст — на арамейском, т. е. на языке Талмуда (но очень распространены двуязычные варианты, где арамейский чередуется с идишем, ладино и т. п. или почти полностью заменен ими). Более того, начало самой Агады также звучит на арамейском языке, так что кажется логичным провести на нем и заключительные ритуальные действия²⁷.

Эти знания априорны, они не проговариваются и не сопоставляются с попытками найти для песни место в жанровой классификации. С одной стороны, ее уверенно относят к «песням фольклорного типа»²⁸. С другой, «Хад гадыя» не встречается в сборниках народных песен З. Кисельгофа, Й.-Л. Кагана, М. Кипниса и др., зато есть в «Музыкальном пинкасе» М. Бернштейна²⁹ и в коллекции А. Идельсона³⁰, обращавшихся к синагогальным и паралитургическим песнопениям (правда, последний поместил ее в IX том, посвященный народным песням).

Еще одна особенность: текст песни закреплен письменно (как минимум с XVI в., причем сразу в двуязычном варианте) и остается неизменным. Даже при смене языка — не меняются персонажи, не добавляются новые, не меняется их порядок или характер их действий. Это совершенно несвойственно фольклору, но естественно для богослужебного песнопения³¹.

Песенный текст имеет характерную структуру: в нем есть возвращающийся, повторяющийся фрагмент, давший название песне. Даже в переведенных вариантах он звучит на арамейском языке: «Хад гадыя, хад гадыя». Эта фраза выделяется мелодически и ритмически, как бы останавливая движение все удлиняющихся куплетов. Как правило, ее подхватывают все присутствующие. Это выделение напоминает оформление листов Талмуда, где крупным шрифтом выписаны начала речений, к которым предлагаются комментарии. Если «Хад гадыя» — своего рода *дибора матхиль* (начало речения), то сама песня — *мидраш*, комментарий³². Она выступает посредником между неким иным, всем известным текстом и теми, кто к нему обращается.

В посвященных песне работах нет никаких указаний на этот текст. Допустим, что исследователи, воспитанные вне традиции, могут

не улавливать отсылки (так не прочитывали цензоры в Советском Союзе дерзкого послания А. Каплана, имеющего вид незамысловатой сказки с картинками). Но почему этот Главный Текст не проговаривается еврейскими комментаторами? — Потому, что он известен и безусловно понятен всем.

«Хад гадыя» переводится как «Один козленок» (или «ягненок»). Ассоциация с жертвенным козлом — «козлом отпущения» — неверна, т. к. уводит нас в отстоящую на семь месяцев точку годового цикла, к празднику Новолетия. Однако связь «козленок — жертва» несомненна: она подчеркивается всем песенным сюжетом. На ритуальном блюде, накрытом для *седера*, лежит *зроа* — мясо на косточке в память о жертве, приносимой на Пейсах каждым евреем. Но все-таки песня не о ней.

В синагогальной службе в Пейсах звучит отрывок из книги Шмот (12:21–51), начинающийся с повеления Моше взять мелкий скот, зарезать и нанести кровь на косяки дверей³³. Пасхальный *седер* — не просто повествование о выходе из Египта, напоминание об истории становления народа. Во многом он организован таким образом, чтобы люди заново пережили Исход³⁴. Трапеза совершается в первый день праздничной недели, в течение которой все едят не хлеб, но мацу — «хлеб бедности», как бы участвуя в скитаниях народа. «Хад гадыя» в этом контексте — тот козленок, чьей кровью были помечены косяки. Тогда она становится песней-оберегом, выполнением заповеди: «И пойдет Господь для поражения Египта, и увидит кровь на притолоке и на обеих косяках, и пройдет Господь мимо дверей, и не даст губителю войти в дома ваши для поражения. Храните сие как закон для себя и для сынов своих навеки» (Шмот 12:23–24)³⁵.

В этом свете публикация «еврейской народной сказки» Каплана обретает новое звучание: она становится коллективным отправлением обряда, который призван оградить дома от «губителей».

Что же тогда комментируют раввины? Почему они предлагают разные толкования, если содержание песни и так ясно? — Потому, что для каждого поколения выход из Египта обретает свой смысл. Люди, считающие себя ответственными за соплеменников, пытаются определить основные опасности, оградить народ от ложного пути, помочь пережить невзгоды. При этом, как часто бывает в еврейской традиции, одна интерпретация не отменяет другую, а лишь показывает возможность иного прочтения текста.

Причина же, по которой не говорится об основном смысле песенки, проста: на многих европейских языках одним и тем же словом мо-

жет быть назван как козленок (ягненок), так и ребенок, дитя: *hædum* (лат.), *kid* (англ.), *bambino* (ит.), *Lammen* (нем.), *vaikas* (лит.) и т. п.³⁶ Посвящение людей, находившихся за пределами традиции, в смысл «детской песенки» могло порождать новые волны кровавого навета: люди «убеждались» в использовании «крови младенца» в пасхальной церемонии.

Наш анализ будет неполон без учета музыкальной составляющей. Ведь не только сюжет, — мелодия песни тоже определяется большинством исследователей как заимствованная. Мы не можем предложить универсального способа анализа многочисленных мелодических воплощений «Хад гады»: как и у любого ашкеназского ритуального текста, ее интонационная сторона может варьироваться достаточно свободно³⁷. Однако во многих версиях песни ключевые слова имеют схожий мелодический рисунок, содержащий нисходящее движение в амбитусе квинты или сексты. Некоторые из вариантов, записанные нотами, омонимичны мажорному звукоряду, другие — минорному (ил. 1–3). Напевы, исполняемые марокканскими и бухарскими евреями, можно зафиксировать, лишь используя специальные знаки для передачи микрохроматики. Тем не менее, при всем многообразии интонационных воплощений абрис мелодии остается узнаваемым. Приведем лишь несколько мелодических вариантов:



Ил. 1.



Ил. 2.

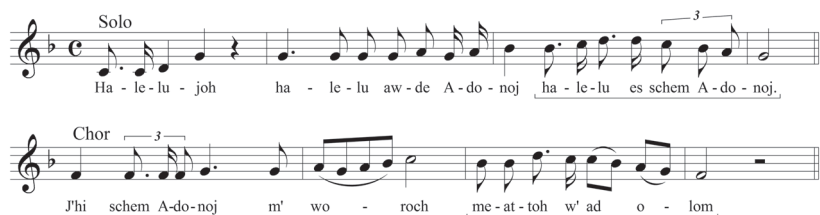


Ил. 3.

Статья в “Jewish Encyclopedia” содержит подсказку: небольшой фрагмент, добавленный к основному тексту Френсисом Когеном, начинается словами: «“Хад гады” обычно поют в традиционном кан-

тиллиационном стиле». То есть, в праздничной службе может быть некое песнопение, отличающее эту службу от других, будничных, и коррелирующее с незатейливой песенкой.

В Пейсах литургия дополняется разделом “Halel” («Славления»), в котором звучат псалмы 113–118, прославляющие Всевышнего. У нас нет возможности сопоставить варианты, которые поют в разных общинах и разных традициях. Однако завершение первого и второго стихов псалма 113 в записи А. Байера (т. е. в традиции ашкеназской общины в Германии во второй половине XIX в.) очень близки ключевой фразе «Хад гады»³⁸, причем в первом ‘европейское ухо’ определяет минорное, а во втором — мажорное наклонение (ил. 4):



Ил. 4. Halel. Псалом 113, стих 1 и 2.

Можно найти аналогию этому мелодическому ходу и среди знаков кантилляции, по которым читается Священное Писание. Например, похожие очертания у знака «зарка», с которого начинается перечень знаков в памятке кантора (так называемая *зарка-табль*). Вот как выглядит его нотация в записях З. Кисельгофа, Д. Маггида, С. Розовского³⁹:



Ил. 5. Знак «зарка» в сб. З. Кисельгофа



Ил. 6. Знак «зарка» в Еврейской энциклопедии (ст. Д. Маггида).



Ил. 7. Знак «зарка» в кн. С. Розовского.

Таким образом, ключевая фраза песни строится на интонациях, укорененных в мелодическом словаре еврейской общины.

«Хад гадыя» — песня-загадка, песня-оберег — звучит во время пасхального *седера*, потому что в Торе сказано: «Храните сие как закон...». По-видимому, песня была частью ритуала со времени его формирования, она символически замещает нанесение охранительных знаков на косяки и притолоки. Как и другие паралитургические песнопения, «Хад гадыя» допускает использование иных языков, может меняться и музыкальный материал. Однако в ней почти во всех случаях сохранялись ключевые слова на арамейском, соотносящие ее с началом пасхального *седера*. У ашкеназов мелодия «Хад гадыя» 'вторит' украшающим синагогальную службу праздничным песнопениям. Возможно, со временем будут выявлены более глубокие музыкальные связи этой песни с литургической традицией.

Примечания

- ¹ Название песни חַד גַּדְיָה (арам. «Один козленок») не имеет устойчивого написания в латинской транслитерации. В разных трудах можно найти варианты: Had Gadyo, Ḥad Gad'ya, Ḥad Gadia, Chad Gadyoh, Chad Gadya, Khad Gadya и т. п.
- ² В энциклопедии Брокгауза и Ефрона он назван немецким переводом, см.: Хад-Гадья // Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: в 16 т. Т. 15. СПб. : О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1913. Стб. 484–485.
- ³ Christiani F. A. Zebach Pesach, Kurtze jedoch voellige Beschreibung des Oster Festes, wie solches so wol die alten Juden zu Jerusalem vor unsern Herrn Christi Zeiten gegeeyert, als auch die heutigen bis dato noch begehien. Leipzig, 1677. Эту работу упоминает Ф. Делич: Delitzsch F. Wissenschaft, Kunst und Judenthum. Grimma : Gebhardt, 1838. S. 301–302. Библиографическое описание приводит Ю. Фюрст: Fürst J. Bibliotheca Judaica: bibliographisches Handbuch der gesammten Jüdischen Literatur. Erster Theil. A–H. Leipzig : Verlag von Wilhelm Engelmann, 1849. S. 178. Более поздние источники дают ссылки, опираясь на данные этих авторов. Ноты нигде не перепечатывались.
- ⁴ von der Hardt H. Amphora, magna Hebraeorum mensura, cum ceteris minoribus, in aridis et liquidis, ex Graecia, septimum augmentum. Leipzig: Academia Julia, 1727.
- ⁵ Lebrecht Ph. חַד גַּדְיָה חַד גַּדְיָה [Chad Gadia, Chad Gadia]. Leipzig : Heinrich Crostoph, 1731; Teuber A. Chad Gadya Le Yisrael — Das ist: Wahrscheinliche Muhtmassung von dem Alten und Dunkeln Jüdischen Oster-Liede: Ein Zicklein, Ein Zicklein. Leipzig : [By the Author], 1832. Подробную библиографию за период с XVI по конец XIX в. см.: Wiener S. Bibliographie der Oster-Haggadah, 1500–1900. St. Petersburg : Commissionaires de l'Académie impériale des sciences, 1902.
- ⁶ Ср. с изречением Гилея: «За то, что ты топил, — утопили тебя; но и тебя утопившие будут, в конце концов, потоплены» (Авот II:6).
- ⁷ Назовем несколько самых известных: “Der Herr, der schickt den Jockel aus”, “Ah! Tu Sortiras, Biquette”, “La Petite Fourmi qui Allait à Jérusalem”, “The House That Jack Built”, «Нет козы с орехами», «Пошел козел в лык-лык» и многие другие.
- ⁸ См.: Newell W. W. The Passover Song of the Kid and an Equivalent from New England // The Journal of American Folklore. Vol. 18. No 68 (Jan. – Mar., 1905). P. 33–48.

- ⁹ G. A. K. [Kohut G. A.] *Chad Gadya* // *The Jewish Encyclopedia: A Descriptive Record of the History, Religion, Literature, and Customs of the Jewish People from the Earliest Times to the Present Day* / Ed. by I. Singer, C. Adler: In 12 Vols. New York; London; Funk and Wagnalls Company. Vol. 6: God — Istria. 1904. P. 27; Хад Гадья // *Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. Т. 15: Трани — Шемины-Аццерет. Стб. 484.*
- ¹⁰ Newell W. W. *Op. cit.* P. 33–48.
- ¹¹ Ibid. P. 43.
- ¹² Rubin R. *Voice of a People: The Story of Yiddish Folksong*. Chicago : University of Illinois Press, 1979. P. 465.
- ¹³ Schwadron A. *Chad gadya* [One Kid]. 1982. (Seriа: “Folklife Archives and Collections”). Пластика содержит 25 вариантов песни (представлены только последние куплеты, в которых перечисляются все персонажи). Собиратель полагает, что источником послужила немецкая песенка «Ein Männlein steht im Walde».
- ¹⁴ *Thesaurus of Hebrew Oriental Melodies* / Collected, classified and ed. by A.-Z. Idelsohn. In X vol. Vol. IX: *The Folk Song of the East-European Jews*. P. XXIX.
- ¹⁵ Например, такое мнение, ссылаясь на исследования коллег, высказывает Б. Хюрлиман: *Hürlimann B. Three centuries of children’s books in Europe* / Transl. and ed. by B. Alderson. London : Oxford University Press, 1967. 297 p. Не вступая в полемику по поводу генезиса песни, отметим, что вопрос о ее принадлежности снимается, если мы перестаем считать все, созданное на территории конкретной страны, принадлежащим исключительно титульной нации этой страны. Методологической опорой в этом случае может стать так называемый (де)колониальный поворот, в рамках которого становится возможным учитывать в том числе и неравное положение народов, проживающих на одной территории.
- ¹⁶ *Folktales of the Jews, Vol. 2: Tales from Eastern Europe* / Eds. by: D. Ben-Amos, D. Noy, E. Frankel. Philadelphia : Jewish Publication Society, 2007. P. 197.
- ¹⁷ См. варианты на упомянутой пластинке, а также: *Thesaurus of Hebrew Oriental Melodies* / Collected, classified and ed. by A.-Z. Idelsohn. In X vol. Vol. II: *Song of the Babilonian Jews*. Berlin : Benjamin Harz, 1923. P. 90, No 26; Vol. IV: *Gesänge der Orientalischen Sefardim*. Wien : Benjamin Harz Verlag, 1923. S. 152, No 76; Vol. V: *Gesänge der marokkanischen Juden*. Wien : Benjamin Harz Verlag, 1929. S. 60, No. 126.
- ¹⁸ Seidler M. *Reading Chad Gadya through the Kaleidoscope of Time* // *Religious Stories in Transformation: Conflict, Revision and Reception* / Eds.: A. Houtman, T. Kadari, M. Poorthuis, V. Tohar. Leiden; Boston : BRILL, 2016. P. 335–352. (Jewish and Christian Perspectives Series, Vol. 31).
- ¹⁹ *Des Knaben Wunderhorn. Alte Deutsche Lieder* / Gesammelt von Achim von Arnim und Clemens Brentano. Berlin : Holzinger, 2014. S. 790–792. «Хад гадья» помещена в третьем томе.
- ²⁰ *Еврейская народная сказка «Козочка»* / Автолитографии художника А. Каплана. [Л. : В эксперимент. литограф. мастерской Ленинградского Союза сов. художников], 1958. Первое издание вышло тиражом 10 (!) нумерованных экземпляров, но впоследствии книжка несколько раз переиздавалась.
- ²¹ Seidler M. *Op. cit.* P. 349.
- ²² *Еврейская энциклопедия...* Т. 15. Стб. 484.
- ²³ *Энциклопедия иудаизма*. Иерусалим; Тель-Авив : МАССАДА; Шломо-Залман Ариэль, 1983.
- ²⁴ *Торопецкие песни. Песни родины М. Мусоргского* / Запись, сост., коммент. И. Земцовского. Л. : Музыка, 1967. См. комментариев к № 102.
- ²⁵ Schwadron A. *Chad Gadya*. [Буклет]. P. 2.
- ²⁶ О путанице в определении жанров ашкеназского песенного фольклора см: Хаздан Е. В. *Жанровая структура песенного фольклора ашкеназов: постановка проблемы* // *Орега muzicologica*. 2015. № 4. С. 31–33.

- ²⁷ См., например: *Tabory J. The JPS Commentary on the Haggadah: Historical Introduction, Translation, and Commentary (JPS Bible Commentary). The Jewish Publication Society, 2008. P. 59.*
- ²⁸ Р. Браннер предлагает трактовать это следующим образом. Арамейский язык считался непригодным для общей молитвы. Мидраш говорит, что ангелы не понимают его, а Шулахан Орух предписывает не использовать арамейский язык в молитвах без миньяна. Различные варианты толкования «Хад гады» сводятся к идее искупления, которое может быть даровано лишь Всевышним. Только он должен услышать молитвы собравшихся за пасхальным седером. См.: *Brander K., Rabbi. An Analysis of Had Gadya // The Journal of Jewish Music and Liturgy. Vol. 17. 1994. P. 35–47.*
- ²⁹ *Muzikalisher pinkas: nigunim-zamlung fun yidishn folks-oytser mit tekst un derklerungen gezamlt fun A. M. Bernshteyn. Vilne : Yidisher histor-etnografisher gez. oyf der nomen fun Sh. An-ski, 1927.*
- ³⁰ *Thesaurus of Hebrew Oriental Melodies. Vol. II. P. 90, No 26; Vol. IV. S. 152, No 76; Vol. V. S. 60, No. 126; Vol. IX. P. 17, № 56.*
- ³¹ Об особенностях взаимоотношения устного и письменного в ашкеназской традиции см.: *Хаздан Е. В. Письменное и бесписьменное в традиционной музыкальной культуре ашкеназов // Научный вестник Московской консерватории. 2013. № 4. С. 132–149.*
- ³² К песням-мидрашам можно отнести также «Ма поymar u ma nedaber», «Khamavdil», «Lomir ale zingen a zemer!» и т. п.
- ³³ Также в этой службе звучит отрывок из книги Иешуа (5:2): окончание сорокалетнего пути, где заново совершается обряд обрезания и приносится *pesach* (жертва). То есть скитание по пустыне обрамлено двумя пасхами. Читается также дополнительный отрывок (*мафтир*) из главы Бемидбар (28:16–25), регламентирующий жертвоприношения. В этом тексте несколько раз упоминается «один овен» (*азль эхад*).
- ³⁴ Подробнее см.: *Хаздан Е. В. Традиционная культура евреев Восточной Европы: механизмы трансмиссии // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования: сб. статей / Отв. ред. А. А. Новик и Н. Г. Голант. СПб. : МАЭ РАН. (В печати).*
- ³⁵ Пять книг Торы / русский перевод Д. Иосифона. Иерусалим : Мосад Арав Кук, 1978.
- ³⁶ Схожие примеры можно найти и в языках других народов. Например, как сообщил Л. Аюпян, «по-армянски малых детей раньше часто называли *gar*, т. е. “ягненок” (сейчас это ушло в прошлое)». У казахов «бота» — «верблюжонок» и «ребенок» (сообщено А. Кунанбаевой).
- ³⁷ См. об этом: *Хаздан Е. В. Письменное и бесписьменное в традиционной музыкальной культуре ашкеназов. С. 139–140.*
- ³⁸ *Baal Tfillah. Vorschriften und Gebräuchen von Abraham Baer. Dritte vermehrte und verbesserte Auflage. Frankfurt : Verlag von J. Kauffmann. 1883. S. 51, no. 168.*
- ³⁹ Примеры взяты из работ: *Маггид Д. Кантилляция // Еврейская энциклопедия... Т. 9. СПб. : О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1911. Ил. 4 «Мотив свитков, читаемых в праздники “Регалим” (Пасха, Пятидесятница [Шавуот] и Куши [Суккот])»; Lider-zamlbukh far der idisher shul un familie / Tsuzamengeshtelt fun Z. Kiselgof. Petersburg; Berlin : Gezelshaft far idische folks-muzik in Peterburg, 1912. Z. 138; Rosowsky S. The Cantillation of the Bible. New York : The Reconstructionist Press, 1957. S. 189–182.*
-
-

УДК 94(47)“188”:323.13(=411.16)

Б. Вальдман

(г. Беер-Шева, Израиль)

И. С. Тургенев и русско-еврейская периодика второй половины XIX – начала XX вв.

В середине XIX в. в России возникла русско-еврейская журналистика. Основными предпосылками для ее появления стало распространение немецкой Гаскалы (Просвещения) среди российских евреев, возникновение русско-еврейской интеллигенции, для которой главным языком был русский, распространение идеи ассимиляции евреев в русской среде, изменение политики царского правительства в отношении еврейского вопроса. Это был период правления Александра II, вошедший в историю как «эпоха великих реформ». Первое еврейское издание на русском языке «Рассвет» вышло 27 мая 1860 г. в Одессе. Позднее там выходили «Сион» и «День». В 1871 г. в Петербурге появился «Вестник русских евреев». С этого времени начинается петербургский период в истории русско-еврейской прессы¹. В числе ее главных целей были защита еврейских интересов, упрочение общественного и гражданского положения евреев в России.

И. С. Тургенев, чей 200-летний юбилей со дня рождения широко отмечали в России и за ее рубежами в 2018 г., был одним из самых читаемых русских писателей в еврейской среде. Статьи о нем чаще всего упоминались в изданиях 80–90-х гг.: «Русский еврей» (СПб., 1879–1884), «Рассвет» (СПб., 1879–1883), «Недельная хроника “Восхода”» (1882–1897) — и касались, прежде всего, отношения Тургенева к еврейскому вопросу.

1 марта 1881 г. народовольцами был убит царь Александр II. Сменивший его Александр III проводил антиеврейскую политику, которая способствовала росту антисемитизма в России. В середине апреля 1881 г. прокатилась волна погромов в Елисаветграде (с 2016 г. Кропивницкий, Украина), в Киеве, в Конотопе, в начале мая — в Одессе, а также в других городах и местечках юга России. Вторая волна погромов вспыхнула в декабре 1881 г. в Варшаве, самый значительный погром в этот период был в Балте (Одесская обл.) весной 1882 г.² После погромов идея национального возрождения захватила еврейское общество. Публицист Г. Я. Аронсон писал об этом периоде: «Если раньше перед русско-еврейской интеллигенцией стояла дилемма: возвращение в

гетто или ассимиляция, то теперь... ее вытеснила формула, которую правильно будет выразить словами: не гетто и не ассимиляция, а национальное самосознание»³. Десятки тысяч евреев покинули Российскую империю, в основном эмигрировав в Америку. Небольшая часть уехала в Эрец-Исраэль, положив начало первой волне репатриации в конце XIX – начале XX вв.

В многочисленных публикациях в русско-еврейской периодике о погромах 1881–82 гг. отмечалась пассивность лучшей части русского общества. И. Д. Сосис в своих воспоминаниях писал: «“Восход” неоднократно возвращался к итогам 1881–82 гг. ...Как известно, только отдельные представители русской интеллигенции: Влад. Соловьев, Щедрин, Мордовцев и некоторые другие — в той или другой форме протестовали против погромов»⁴. В период погромов было несколько обращений к И. С. Тургеневу со стороны представителей еврейской интеллигенции. Несомненный интерес вызывает переписка И. Соркина с И. Тургеневым. Журналист А. Е. Кауфман в своих воспоминаниях «За много лет» писал о знакомстве с И. Соркиным в редакции «Русского еврея»: «Непреодолимые для еврея преграды вынудили его изменить вере отцов, но он остался евреем до мозга костей»⁵. В разгар погромов Соркин решил написать Тургеневу. История переписки была опубликована после смерти писателя первоначально в «Санкт-Петербургских ведомостях», откуда НХВ и привела факты⁶. Соркин в своем страстном письме Тургеневу описывал сложившуюся ситуацию: «Целый край, густо населенный евреями, охвачен этим страшным потоком стихийной разрушительной силы, истребляющей и расхищающей с дикой яростью все достояние десятков тысяч семейств, остающихся без одежды, без крова, без пищи, без малейшего проблеска надежды... Как ни позорна для нашего века самая возможность появления такой кровавой расправы над целым народом в стране европейской, имеющей для всех других граждан прочные охранительные законы, как ни гнусна сама по себе картина избиения евреев среди белого дня, и отвратительный грабеж на глазах всей “почтенной публики” на улицах больших русских городов... но еще несравненно более позорно то равнодушие, то худо скрываемое иезуитское злорадство, которым эти события были встречены большинством нашей периодической печати»⁷. Далее Соркин объясняет, почему он обратился к Тургеневу: «Россия Вас очень любит, Иван Сергеевич, и глубоко Вас уважает... Вот почему я уверен, что одно слово Ваше, одна маленькая статья, сочувственно отнесаясь к безвыходному положению избитых и ограбленных евреев, произвели бы на всех сильное впечатле-

ние»⁸. Прошло несколько дней, но ответа от Тургенева не последовало, тогда Соркин посетил его и беседовал с ним в течение $3\frac{3}{4}$ часа⁹. Во время этой встречи Тургенев сказал, что он беллетрист, а не публицист, и его статья не будет иметь значение, но он отметил, что думал о письме Соркина, обсуждал его с бароном Гинцбургом¹⁰, и они пришли к выводу, что надо просить «Высочайшее разрешение на открытие повсеместной подписки в России в пользу пострадавших евреев. Тогда я первый подпишусь с удовольствием»¹¹. Таким образом, Тургенев был одним из инициаторов подписки в пользу пострадавших от погромов евреев. И он сразу внес крупную сумму — 100 рублей серебром¹². Кроме того, Тургенев сказал Соркину во время встречи, что он договорился с редактором «Порядка» Кавелиным¹³, что тот опубликует письмо о погромах, и тогда Тургенев сможет ему ответить. Как отмечает Соркин, глубоко правдивая статья Кавелина, требующая полной эмансипации евреев, появилась в «Порядке» (№ 141), но она была написана так, что не могла вызвать ответной статьи Тургенева¹⁴. Статьи Тургенева не последовало, что стало причиной второго письма Соркина. Отвечая из Спасского-Лутовинова 1 июля 1881 г. на второе письмо Соркина, Тургенев отмечал, что статья Кавелина не была письмом к нему, поэтому он не ответил. Далее он писал: «Как беллетрист я, весьма вероятно, воспроизведу этот вопрос в отдельном произведении, как публицист я не имею никакого значения, и мое появление не только бы не принесло никакой пользы, но возбудило бы одно недоумение, пожалуй, даже насмешку»¹⁵. Поведение Соркина в период еврейских погромов, его настойчивое обращение к Тургеневу вызывает восхищение.

В период переписки с Соркиным корреспондентом Тургенева был бывший сотрудник «Современника», который в разделе «Петербургская летопись» (НХВ, № 40) обозначен буквой К., а в следующем номере в разделе «Петербургская хроника» (НХВ, № 41–42) указана его полная фамилия Колбасин. В этих публикациях идет речь о брошюре А. Калмыковой «Еврейский вопрос в России»¹⁶. Автор писала об ограничении прав евреев в России, их угнетенном положении. Брошюру Тургеневу в Париж отправил Е. Я. Колбасин, писатель и историк литературы, близкий знакомый Тургенева. В письме от 24 февраля 1882 г. из Парижа Тургенев писал Колбасину о брошюре: «Она написана очень умно, благородно и дельно. Я уже собирался написать о ней небольшую статейку для “Порядка” — как вдруг этот несчастный журнал прихлопнули. Что было делать? Никакой другой журнал подобной статьи не примет. Если хотите, я Вам пришлю эту статейку, быть может, вы найдете возможным поместить ее в одесском журна-

ле»¹⁷. В этот период Тургенев также состоял в переписке с писателем Г. И. Богровым, чьи «Записки еврея» публиковались в течение 1871–73 гг. в «Отечественных записках». В обстоятельном письме от 14 марта 1882 г. из Парижа Тургенев благодарил Богрова за присланные им книги: «Записки еврея» (СПб., 1874) (Тургенев писал, что читал их «с живейшим интересом» еще в журнальном варианте) и «Еврейский манускрипт» (СПб., 1876). Далее Тургенев писал: «Не знаю, известно ли Вам, что я в течение всей своей жизни не только не имел никаких предубеждений против Вашего племени, но, напротив, всегда питал и питаю живое сочувствие к евреям — и прежде имел и теперь имею близких друзей между ними. Очень был бы я рад публично высказать свое мнение о тех вопросах, которые по справедливости волнуют Вас»¹⁸. Тургенев сообщил Богрову о брошюре Калмыковой и о том, что напишет статью о ней. Однако 27 мая 1882 г. Тургенев писал Колбасину из Буживаля, что тяжелая болезнь не дает ему возможности написать статью о брошюре. «И какой бы был из этого толк? — продолжал писатель. — Единственным средством к прекращению всех этих безобразий было бы громкое царское слово, которое народ услышал бы в церквях... но царское слово молчит, и что может значить отдельный голосок какой угодно *интеллигенции*. “Новое время” заплюет и уличит тебя в желании порисоваться или даже намекнет, что тебя евреи подкупили. Остается только краснеть (особенно здесь, в Европе), краснеть за себя, за свою родину, за свой народ — и молчать»¹⁹. Сам факт, что страдающий от болей Тургенев нашел в себе силы в письме Колбасину объяснить, почему не написал статью о брошюре Калмыковой, свидетельствует о том, что положение евреев в России искренне волновало писателя, он думал о том, чтобы действительно выступить в их защиту.

Это подтверждает и переписка Тургенева со скульптором М. Антокольским примерно в то же время. О ее истории подробно рассказал известный литературный критик Аркадий Горнфельд в большой статье в газете «Восход» (СПб. 1905. № 51–52). Но сначала о знакомстве Тургенева со скульптором. Оно произошло 14 февраля 1871 г., когда Тургенев посетил мастерскую Антокольского. Вечером того же дня в письме к Полине Виардо он сообщал: «Я познакомился с молодым русским скульптором из Вильны... Он изваял статую Ивана Грозного... Я нахожу эту статую несомненным шедевром... В этом болезненном юноше есть, несомненно, гениальность»²⁰. Тургенев был восхищен талантом молодого скульптора и пророчил ему великое будущее. Знакомство Тургенева с Антокольским вскоре переросло в дружбу²¹.

Уже 19 февраля 1871 г. в С.-Петербургских ведомостях (№ 50) была опубликована восторженная статья Тургенева о статуе Ивана Грозного и ее авторе. Об этой статье написал Адольф Ландау в русско-еврейском издании «День» 19 марта 1871 г. (№ 12) в 26-ом «Петербургском письме» (подписано псевдонимом Гаммабит), где упрекал Тургенева за то, что писатель не упомянул о том, что Антокольский еврей. Публикация Ландау в «Дне» стала известна Тургеневу, о чем свидетельствует письмо Тургенева А. Ф. Писемскому из Лондона 10 мая 1871 г., где он благодарил Писемского за присланный отрывок из «Дня» и ответил на упрек, что не упомянул национальность Антокольского: «Я это сделал не из нерасположения к еврейскому племени (я скорее пристрастен к нему) — а просто потому, что в сообщенных мне Антокольским биографических сведениях не было сказано ни слова о его происхождении»²². В своей статье об Антокольском Тургенев упоминал его работы, связанные с еврейской тематикой: «Еврей-портной» (1864) и ««Нападение инквизиторов на евреев» (1868)²³.

Однако вернемся к статье А. Горнфельда. Скорее всего, она написана после выхода в 1905 г. книги «Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи» (под ред. В. В. Стасова). В книге были опубликованы многочисленные письма Антокольского, в том числе переписка с Тургеневым и Стасовым. Статья Горнфельда — это практически обзор переписки Антокольского периода погромов 1881–82 гг. Критик, прежде всего, подчеркивает, что скульптор всегда осознавал себя сыном своего народа и остро чувствовал проявления антисемитизма. И когда грянули погромы, он обратился с открытым письмом к писателю, которого боготворил, чтобы тот помог где-либо опубликовать его письмо. Как писал Горнфельд, Антокольский чувствовал «страшную атмосферу равнодушия, которая отделяла трагедию еврейской жизни от тех, кому надлежало бы бороться с этой трагедией»²⁴. Горнфельд цитировал большие фрагменты из достаточно обширного письма. Известно, что Антокольский плохо владел русским языком (в Вильно он говорил на идише), поэтому письмо было написано под диктовку. Антокольский писал: «Тяжело становится, когда подумаешь, что те же люди, которые так недавно возмущались ужасами болгарских бедствий и с порывом великодушия жертвовали всем для освобождения болгар, для доставления им человеческих прав, что они же остаются теперь равнодушными зрителями всех ужасов, совершающихся у нас на юге... Евреи всегда были барометром и вместе с тем временным громоотводом всякой народной грозы»²⁵. В конце Антокольский уже собственноручно на-

писал, что он обращается к Тургеневу «как художник к художнику» с уверенностью, что писатель «чутко прислушается к человеческим стонам и обидам»²⁶. Антокольский просил писателя лишь где-либо опубликовать его, Антокольского, письмо. Ответ скульптор получил через месяц 4 июля 1881 г. Горнфельд, подчеркивая ценность и содержания, и тона ответного письма, цитирует его полностью. Тургенев начал свое письмо с извинений за задержку с ответом: «...Прошу не видеть в моем молчании отсутствие дружбы к Вам или несочувствия к правому делу евреев в России. Напечатать же Ваше письмо, даже со стилистической корректурой, было бы немыслимо, и, навлекши на Вас множество неприятностей, принесло бы только вред. К тому же, ни один журнал (даже “Порядок”) его бы не принял. Притом этот вопрос в настоящее время потерял свой острый характер... Но это письмо останется у меня как документ, свидетельствующий и о силе Вашего патриотизма, и о глубине, и о верности Ваших воззрений. Не теряю надежды, что придет время, когда можно будет обнародовать этот документ, но это время, пока еще далекое, будет временем свободы и справедливости не для одних евреев»²⁷. Горнфельд особенно обратил внимание на фразу из письма о том, что вопрос потерял свой острый характер: «Художник, прославленный чуткостью к нарождающимся явлениям русской общественной жизни, вдруг потерял эту чуткость и не заметил, что острота еврейского “вопроса” растет, а не убавляется»²⁸. Антокольский отправил Тургеневу осенью 1881 г. второе письмо, еще более обширное, еще более эмоциональное. «Продолжать безмолвствовать — это значит поддерживать теперешнее больное положение и дать ему еще более усилиться», — цитирует Горнфельд Антокольского²⁹. Антокольский прямо указывал во втором письме на истинных виновников: «В то же время, когда организованная шайка совершает свой крестовый поход, ходит из города в город, возбуждает народ всякими нечистыми средствами, грабит, разбивает и уничтожает мечом и огнем всякое попадающееся на пути еврейское добро...наши охранители внутреннего порядка и благосостояния со своей стороны тоже принимают ряд серьезных мер, но, увы, не против грабителей, а против тех же несчастных и разграбленных, — созывают комиссии из своих креатур, где обсуждается и решается ограничение прав евреев»³⁰. Антокольский имел в виду комиссии, созданные в августе 1881 г. во всех губерниях черты оседлости. Они должны были определить вред, якобы причиненный коренному населению экономической деятельностью евреев. 3 мая 1882 г. на основе рекомендаций комиссий были изданы «Временные правила», ограничивающие

права евреев³¹. Второе письмо Антокольского, конечно, тоже не было опубликовано. Следует напомнить, что Тургенев был в это время тяжело болен. После его смерти Антокольский писал Е. Г. Мамонтовой, как ему был дорог Тургенев: «Я много нашел в нем, а потому много и потерял»³².

Несколько ранее статьи А. Горнфельда, 12 апреля 1887 г., в передовой статье НХВ была упомянута история переписки Тургенева с Антокольским. Статья в НХВ появилась в связи с публикацией воспоминаний о Тургеневе г-жи А. Л. в «Северном вестнике», где она рассказывала эту историю³³. Автор передовой писал о плачевном состоянии журналистики начала 80-х гг., в которой нет места для защиты правды и справедливости, ...а такие большие писатели, как Тургенев, не высказывались в прессе из-за боязни клеветы. «Неужели положение журналистики и литературы в то время дошло до того, что гениальный писатель должен был бояться клики журнальных клеветников»³⁴. О том, что 80-е гг. в русской прессе — это «жалкое время газетных фигляров, кривляк и пасквильантов», в это же время писал в статье «Прежде и теперь» известный критик А. Волынский (Флексер) в НХВ³⁵. Он вспоминал событие, происшедшее 30 лет назад в 1858 г. Тогда был период прогрессивных реформ и общественного подъема в России, что проявилось и в отношении журналистики к еврейскому вопросу. Волынский рассказал об этом событии по его описанию в журнале «Русский Вестник» (1858 г. Т. XVIII, ноябрь). Там сообщалось о «возмутительном факте» публикации в журнале «Иллюстрация» (1858 г., № 35, редактор Владимир Зотов) анонимной статьи под заглавием «Западно-русские жида и их современное положение», в которой мошенничество некоего еврея г. N переносится на весь народ. Эту историю известный историк еврейства и публицист С. Гинцбург включил в свои историко-литературные очерки «Забывтая эпоха», которые публиковались в журнале «Восход» в течение 1896 г. Он писал: «Поступок “Иллюстрации” возбудил в обществе и в литературных сферах самых различных направлений единодушное негодование, выражением которого скоро явился протест, напечатанный в “Русском Вестнике”»³⁶. Протест подписали 140 литераторов, общественных деятелей, ученых, «единодушно сошедшихся в чувстве негодования против выходки “Иллюстрации”», в том числе И. С. Тургенев³⁷. В 60-е гг. XIX в. даже небольшая заметка стала поводом для протеста литераторов, в 80-е гг., когда во время погромов физически и нравственно пострадали десятки тысяч евреев, обстановка была такой, что даже И. Тургенев не решался выступить со статьей осуждения.

В августе 1883 г. И. С. Тургенев скончался в Буживале. Все русско-еврейские издания откликнулись на это горестное событие. В некрологе в НХВ отмечалось, что произведения Тургенева для еврейского юношества были источником ознакомления с русским языком и литературой, а также русской жизнью. «Эта любовь еврейского юношества к своему обожаемому писателю не могла быть омрачена даже таким резким диссонансом, какой представляет его рассказ “Жид”»³⁸, написанный очевидно с чужого голоса, так как Иван Сергеевич, как он сам впоследствии сознавался, в то время еще совсем не знал евреев. Что это утверждение Тургенева не было лишь простой фразой, лучшим доказательством служит его рассказ «Несчастная», который явился сравнительно лишь недавно и в котором звучит такая заметная струнка теплого участия к «несчастному племени вечных изгнанников»³⁹, — писал автор некролога. О популярности Тургенева в среде еврейской молодежи говорят обзоры о евреях-читателях, которые публиковались в «Восходе» в начале XX в.⁴⁰ Известно, что студент Израиль (Сергей) Цинберг переписал стихотворение в прозе Тургенева «Порог» и приложил его к одному из писем своей невесте⁴¹. Об этом свидетельствует и эпизод из «Из путевых впечатлений» (Восход, 1897. Кн. 1) русского писателя Л. Е. Оболенского, в котором он рассказал о случайном попутчике, молодом еврее. Среди своих любимых писателей молодой человек называет Тургенева, Успенского, Некрасова. Он работал на заводе, мечтал улучшить положение рабочих, но неожиданно получил предписание немедленно покинуть город как не имеющий там права жительства. Одновременно он узнал о погромах на юге России, где находилась его семья, и испытал глубокий душевный кризис, узнав о расправах над евреями: «И это сделал тот самый народ, который меня научили любить наши великие писатели»⁴². Тургенев был образцом для многих русско-еврейских писателей, чьи произведения известны, в основном, по публикациям в русско-еврейской периодике. Влияние Тургенева испытывал вышеупомянутый Г. Богров. Так, в построении романа «Накипь века» (Рассвет, 1879. № 1–16; 1880. № 2–7, 39–52), его образах есть явное влияние «Отцов и детей» Тургенева. Образ героини рассказа Богрова «Книжница» (Рассвет, 1880. № 37–38) перекликается с героиней стихотворения в прозе «Порог»⁴³. Влияние прозы Тургенева заметно в творчестве популярного русско-еврейского писателя С. Ярошевского. Его женские образы напоминают тургеневских девушек⁴⁴.

Тургенев помогал не только молодым писателям и художникам. В Париже он был первым, к кому обращались с разнообразными прось-

бами о помощи. Среди тех эмигрантов, кто обращался к нему, были и еврейские юноши. Так, 26 января 1880 г. Тургенев пишет известному фотографу Феликсу Надару о том, что его соотечественник Евгений Семенов, хочет совершенствоваться у него свое мастерство. «Я знаю господина Семенова как весьма достойного человека, на которого можно совершенно положиться», — заверяет Тургенев⁴⁵. В 1884 г., вскоре после смерти писателя, одновременно в НХВ и в «Русском еврее» были опубликованы корреспонденции о помощи Тургенева Арону Павловскому. Юноша был народовольцем, бежал из России без документов. Об этом эпизоде в «Воспоминаниях об И. С. Тургеневе. (Из записок литератора)»⁴⁶ рассказал его брат И. Я. Павловский. Арону Павловскому было 18 лет. Успешно сдав вступительные экзамены, он поступил в земледельческую школу в Монпелье. Поскольку у него не было метрического свидетельства, директор школы предложил «представить удостоверение от Тургенева, что Z. (имя юноши) родился тогда-то и поручиться в то же время за его нравственность. И. С. немедленно исполнил просьбу юноши и дал ему, таким образом, возможность кончить курс»⁴⁷. Затем юноша приехал в Париж, чтобы учиться дальше по специальности. Так как он находился в тяжелом материальном положении, Тургенев обратился к известному промышленнику и благотворителю С. С. Полякову, который в то время был в Париже. Оба издания цитируют полностью длинное рекомендательное письмо Тургенева. «Податель настоящего письма, — писал Тургенев, — молодой русский еврей, по имени Z., на которого позволил себе обратить Ваше благосклонное внимание. Желая себя посвятить научному изучению агрономии, он провел около трех лет в известной агрономической школе в Монпелье, откуда вышел с блестящим аттестатом и наилучшими рекомендациями. Ныне он заканчивает свое образование в здешнем агрономическом институте». Далее Тургенев писал: «Всей России известна Ваша великодушная готовность помочь делу просвещения и науки... Быть может, Вы найдете возможность уделить небольшое вспомоществование и нашему молодому соотечественнику»⁴⁸. В заключение этого эпизода И. Павловский подчеркивал, что благодаря участию писателя в судьбе Z., он получил хорошее образование, его пригласили в Аргентину инспектором земледелия, затем он стал в Аргентине директором агрономической школы. Есть еще одна публикация, касающаяся помощи Тургенева А. Павловскому в период его учебы в Париже. Она появилась в НХВ (№ 40) в 1883 г. В ней цитируется письмо Тургенева к члену Одесской городской управы Р. Л. Хари, в котором, в частности, говорится: «Г-н Пав-

ловский был очень обрадован и польщен надеждой получить субсидию от городской думы своего родного города Одессы... и обратился ко мне с просьбой засвидетельствовать перед Вами его трудолюбие, способности и примерное поведение, что я и делаю с особенной охотой, т. к. я убежден в них»⁴⁹. Это письмо взято из «Одесского листка» (год и номер не указаны). В предисловии к письму сказано, что оно и адрес на конверте написаны Тургеневым и в распоряжение редакции «Одесского листка» его предоставил Р. Хари. Следует отметить, что это письмо Тургенева не упомянуто в Полном собрании сочинений и писем. Его упоминаний нет и в обширной литературе о Тургеневе. То, что в письме юноша назван своей фамилией, а не буквой Z, как в других рекомендательных письмах Тургенева, вызывает некоторое сомнение в достоверности того, что письмо написано Тургеневым.

В № 3 «Русского еврея» за 1883 г. в большой статье (без указания автора) о Тургеневе, обращается внимание на то, что во время пребывания за границей он познакомился с «представителями еврейского племени», которые вызвали у него глубокую симпатию и уважение. В их числе был Бертольд Ауэрбах, с ним Тургенев познакомился в 1847 г. в Берлине. Он готовился стать раввином, но увлекся литературным творчеством. Вначале у него доминировала еврейская тематика, затем стал писать о немецкой жизни⁵⁰. В упомянутой статье в «Русском еврее» уделено внимание предисловию Тургенева к русскому переводу романа Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» и цитируется та его часть, где подчеркнуты положительные качества евреев, проявившиеся в произведении писателя: «Ауэрбах — еврей, и с детских лет знал нужду... Вместе с поэтическим даром Ауэрбах унаследовал и ту остроту рассудка, ту отчетливую сообразительность, ту выносливую силу терпения — словом те качества, которые составляют отличительные признаки еврейской породы... Поэт, и философ, и еврей в Ауэрбахе сказались в самом выборе первого его научного труда и первого поэтического произведения: предметом того и другого было одно и то же лицо по духу и по происхождению близкое и как бы родственное Ауэрбаху — Спиноза»⁵¹. Людвиг Пич признавался, что, по просьбе Тургенева, предисловие написал он, а Тургенев перевел его на русский язык⁵². Ю. Д. Левин в статье «О предисловии к русскому изданию романа Б. Ауэрбаха “Дача на Рейне”» пришел к выводу, что предисловие — вольный перевод немецкого текста, составленного для Тургенева Пичем⁵³. Главное — Тургенев перевел и подписал текст, в котором проявилось его доброжелательное отношение к Ауэрбаху как представителю еврейства.

В воспоминаниях о Тургеневе Н. А. Островской есть такой эпизод: «Раз зашел разговор о евреях. “Предрассудок относительно их въдается в русских с детства, — сказал Тургенев, — да и не одних русских”»⁵⁴. Этот частный эпизод — еще одно свидетельство, что писатель глубоко чувствовал и понимал русскую действительность. Евреи из разных слоев общества были среди знакомых, корреспондентов, друзей Тургенева. Он с симпатией относился к ним, сочувствовал их проблемам, о чем неоднократно признавался в своих письмах, однако по целому ряду причин, о которых было сказано выше, не выступил открыто с осуждением еврейских погромов начала 80-х гг. XIX в., не написал на эту тему, как обещал, художественного произведения.

Примечания

¹ Подробнее см. Вальдман Б. Русско-еврейская журналистика (1869–1914). Литература и литературная критика. Рига : Центр изучения иудаики Латвийского университета, 2008. 360 с.

² Общество по исследованию еврейских общин // Краткая Еврейская Энциклопедия в 11 т. Т. 6: Обеты – Пять свитков. Иерусалим : Кетер, 1992. Стб. 562–563.

³ Аронсон Г. Я. В борьбе за гражданские и национальные права // Книга о русском еврействе. Нью-Йорк : Союз Русских евреев, 1960. С. 213. Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — публицист, общественный деятель.

⁴ Сосис И. Период кризиса. Общественные течения в литературе 80-х годов // Еврейская старина. 1916. Т. 9. С. 207.

⁵ Еврейская старина. 1913. Т. 6. Вып. 2. С. 336. Кауфман пишет, что Соркин разорился на «своих изданиях, его дом был продан, и он покончил с собою». С. 338.

⁶ Статья И. Соркина «Взгляд И. С. Тургенева на еврейский вопрос и еврейские беспорядки» была опубликована в газете: Санкт-Петербургские ведомости. 1883. № 237, 4 сентября (см. Литературное наследство. Т. 73: Из Парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 2: Из неизданной переписки. М. : Наука, 1964. С. 442).

⁷ НХВ. 1883. № 36. Стб. 486.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Стб. 487. В НХВ не указана дата первого письма Соркина Тургеневу, дата второго — 21 мая. В Собрании сочинений и писем Тургенева сказано, что Тургенев отвечает на письмо Соркина от 29 мая 1881 г. Соркин писал также Тургеневу 6 мая 1881 г. В письмах он просил Тургенева выступить с публичным протестом против еврейских погромов на юге России. Личное свидание состоялось в середине мая 1881 г. См. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Л. : Наука [Ленингр. отд.], 1968. Т. 13: Письма. Кн. 1: 1880–1882. С. 457–458.

¹⁰ Барон Горацкий Осипович Гинцбург (1833–1909) — банкир, меценат, общественный деятель.

¹¹ НХВ. 1883. № 36. Стб. 487.

¹² Там же. 1883. № 34. Стб. 425.

¹³ Редактор газеты «Порядок» (с 1881 до 9 января 1882) — Михаил Матвеевич Стасюлевич. Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) — сотрудник этой газеты.

¹⁴ НХВ. 1883. № 36. Стб. 488.

¹⁵ Там же. 1883. № 35. Стб. 455.

¹⁶ Калмыкова Александра Михайловна (1849–1926) — в 1880–85 гг. сотрудница газеты «Южный край» (Харьков, с декабря 1880 до 1918). Скорее всего, ее брошюра была гото-

ва к печати до начала погромов, и окончание она дописала: «Гроном пролетела над нами весть об "избиении евреев"... Ожесточение, борьба, слезы, попираание всех человеческих прав, тупое упорство — вот что наполнило нашу современную жизнь. Можно ли оставаться равнодушными зрителями при виде всего этого...» (*Калмыкова А.М.* Еврейский вопрос в России. Харьков.1881. С.62-3)

¹⁷ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Т. 13. Кн. 1. С. 205.

¹⁸ Там же. С. 219.

¹⁹ Там же. С. 268–269. Этот фрагмент из письма Тургенева Колбасину цитируется также в разделе «Петербургская хроника» в газете «Русский еврей». 1884. № 41–42. Стб. 6.

²⁰ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Л. : Наука [Ленингр. отд.], 1965. Т. 9: Письма 1871–1872. С. 363.

²¹ Тургенев и Антокольский с 1877 г. сотрудничали в «Обществе взаимного вспоможения и благотворительности художников в Париже». В 1880 г. Антокольский создал скульптурный портрет Тургенева.

²² *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Т.9. С. 95.

²³ *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Л. : Наука [Ленингр. отд.], Т. 14: Воспоминания. Критика и публицистика. 1854–1883. 1967. С. 248. Статья называется «Заметка о статуе Ивана Грозного М. Антокольского». В статье Л. И. Кузьминой «Тургенев и М. М. Антокольский» (Тургеневский сборник "Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л. : Наука, 1969. Т. 5. С. 393–399) отсутствует упоминание о еврейской тематике у Антокольского и о его переписке с Тургеневым по еврейскому вопросу.

²⁴ *Восход.* 1905. № 50–52. Стб. 60.

²⁵ Там же. Стб. 60.

²⁶ Там же. Стб. 61.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Стб. 62.

³¹ Временные правила // Краткая Еврейская Энциклопедия в 11 т. Т. 1: Аарон – Высоцкий. Иерусалим : Кетер, 1976. Стб. 147.

³² М. М. Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи. СПб.; М. : Т-во М. О. Вольфа, 1905. С. 511.

³³ Воспоминания врача и писателя Луканиной Аделаиды (общалась с Тургеневым в Париже в 1877–1883 гг.) публиковались в «Северном вестнике» в 1887 г. (№ 2–3).

³⁴ *НХВ.* 1887. № 15. Стб. 385.

³⁵ *НХВ.* 1888. № 22. Стб. 526.

³⁶ *Гинцбург С.* Забытая эпоха // *Восход.* 1896. Кн. 5–6. С. 131–132. Историю о протесте 1858 г. вспоминал и журналист М. Кулишер (Новый Восход. 1910. № 36).

³⁷ *Гинцбург С.* Забытая эпоха // *Восход.* 1896. Кн. 5–6. С. 132–133.

³⁸ О рассказе «Жид» см. *Вальдман Б.* Тургенев и российское еврейство // *Вестник еврейского университета в Москве.* 1997. № 3 (16). С. 183–188.

³⁹ *НХВ.* 1883. № 34. Стб. 425.

⁴⁰ *Восход.* 1903, июнь. С. 119–125.

⁴¹ См. *Элиасберг Г. Э.* «...Один из прежнего Петербурга»: С. Л. Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. М. : Изд. РГГУ, 2005. С. 42.

⁴² *Восход.* 1897. Кн. 1. С. 153. Подробнее о Леониде Егоровиче Оболенском (1845–1906) и его очерке см. *Вальдман Б.* Русско-еврейская журналистика. С. 213–214.

⁴³ Подробнее см. *Вальдман Б.* Григорий Богров — Бен-Рабби // Еврейский текст в европейской культуре. [Вып.] II. Альманах Института компаративистики. Т. 26. Даугавпилс : Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 2012. С. 170–183.

- ⁴⁴ Подробнее о Сергее Осиповиче Ярошевском (1861–1907) см. *Вальдман Б.* Из истории русско-еврейской прозы: Сергей Ярошевский // *Лехаим*. 2007. № 11. С. 43–47.
- ⁴⁵ *Заборов П. Р.* Из новонайденных писем Тургенева к французским корреспондентам // Тургенев и его современники. Л. : Наука [Ленингр. отд.], 1977. С. 12–13. Семенов Евгений Петрович (Коган Соломон Моисеевич, 1858–1944) — народоволец, журналист.
- ⁴⁶ Опубликованы в «Русском курьере» в 1884. № 199, 21 июля, подписаны инициалами И. П.
- ⁴⁷ НХВ. 1884. № 33. Стб. 936; Русский еврей. 1884. № 33. Стб. 4. Это цитата из воспоминаний И. Павловского. В газетных публикациях вместо его фамилии — «автор воспоминаний», имя А. Павловского обозначено буквой Z. Исаак Яковлевич Павловский (1852–1924) — журналист, проходил по политическому «процессу 193-х». Эмигрировал в Париж. Тургенев написал предисловие к его очерку «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста» (парижская газета “Le Temps”. 1879. 12 novembre. См. *Лавров П. Л.* И. С. Тургенев и русское общество // Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятичников. М.; Л. : Academia, 1930. С. 56. Арон Яковлевич Павловский (1856–1918) — агроном.
- ⁴⁸ Там же. 1884. № 33. Стб. 935–936; Русский еврей. 1884. № 33. Стб. 5. Текст этого письма Тургенева есть в Полном собрании сочинений и писем: *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Т. 13. Кн. 1. С. 153–154 с указанием, что подлинник неизвестен, а печатается по тексту первой публикации: *Павловский*. Русский курьер. 1884. 15 августа. № 224. С. 485. Есть указание, что письмо написано в сентябре-октябре 1881 г.
- ⁴⁹ Там же. 1883. № 40. Стб. 610. Рафаэль Львович Хари (1842(43?)–1910) — одесский купец, с 1877 г. несколько раз избирался членом городской управы.
- ⁵⁰ О публикациях Б. Ауэрбаха (1812–1882) см. *Вальдман Б.* Русско-еврейская журналистика (1860–1914). С. 157–160, 162–165; *Valdman B.* Тургенев и немецкие новеллисты II половины XIX в. // История. Культура. Литература. К 65-летию С. Ю. Дудакова. Иерусалим : Б. и., 2004. С. 155–164.
- ⁵¹ Русский еврей. 1883. № 33. Стб. 9.
- ⁵² Литературное наследство. Т. 73. Кн. 2. С. 437.
- ⁵³ Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л. : Наука, 1968. Т. 4. С. 167–177.
- ⁵⁴ Воспоминания о Тургеневе Островской // Тургеневский сборник. Петроград : Изд-во «Огни», 1915. С. 105.

УДК 323.111

Г. Н. Боева

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Еврейский вопрос в России начала XX в.: семь эпизодов из жизни Леонида Андреева¹

Еврейский вопрос в России начала XX в. был фокусом, в котором сходились все проблемы национальной жизни — как политические, так и социокультурные. Не будет преувеличением сказать, что так или

иначе — публично или приватно — по поводу наболевшего вопроса высказались все известные общественные деятели, публицисты, литераторы. Мнение последних особенно ценно, поскольку статус писателя в России традиционно обязывал реагировать на болевые вопросы современности, да и вся общественная жизнь начала века отличалась повышенной литературоцентричностью. Только Лев Толстой, при уникальности своего общественного положения, мог позволить себе сказать, что *у него* еврейский вопрос стоит на 81-м месте (хотя и он писал об «ужасном совершенном в Кишиневе злодеянии»).

Проследим, как был включен в полемику по поводу еврейского вопроса один из самых популярных русских писателей начала XX в., Леонид Андреев, и как «еврейская тема» присутствовала в его художественном сознании. Фигура Андреева репрезентативна для нашего исследования не только в силу его публичности, но еще и потому, что обращенность к «злобе дня» была важной составляющей его писательской стратегии.

Эпизод первый. Знаменитый «чириковский инцидент»², ставший поводом для начавшейся в прессе полемики об отношении русской интеллигенции к еврейскому вопросу, произошел 3 марта 1909 г. (т. е. в промежутке между кишиневскими погромами (1903) и делом Бейлиса (1911)) на петербургской квартире у актера Н. Н. Ходотова. Во время чтения пьесы Шолома Аша «Белая кость» возник конфликт, в результате которого приятель Андреева Е. Н. Чириков был обвинен в антисемитизме. Позицию, которую занял Андреев в этом конфликте, можно охарактеризовать как *асемитизм*: в отличие от 26 писателей (В. Поссе, А. Грин, А. Н. Толстой и др.) он отказался подписать открытое письмо в защиту Чирикова, тем самым уклонившись от участия в публичном мероприятии в связи с «еврейским вопросом».

Однако уже через два года, после дела Бейлиса, *асемитизм*, продемонстрированный Андреевым в «чириковском инциденте», сменяется активной вовлеченностью в еврейский вопрос.

Эпизод второй. После новой волны антисемитизма, прокатившейся по России, в ноябре 1911 г. было опубликовано воззвание «К русскому обществу», составленное В. Г. Короленко (первоначальный проект М. П. Арцыбашева, К. И. Арабажина и Е. Н. Чирикова, главного фигуранта недавнего публичного скандала об антисемитизме), в котором говорилось: «...те самые люди, которые стоят за бесправие собственного народа, — всего настойчивее будят в нем дух вероисповедной вражды и племенной ненависти... они льстят народным пред-
рассудкам, раздувают суеверие и упорно зовут к насилиям над ино-

племенными соотечественниками... Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обогрелась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!»³

Воззвание подписали 82 человека, и фамилия Андреева была в числе первых.

Эпизод третий. В 1914 г. выходит статья Андреева «Первая ступень», посвященная еврейскому вопросу (она должна была появиться в «Биржевых ведомостях», но после запрещения цензурой была напечатана в газете «Утро России»⁴) — в ней он пишет о том, каким стыдом был для него еврейский вопрос в течение всей жизни. Тон задается уже эпиграфом из стихотворения «Над бойней» Х. Бялика; эти строки — «Доколе, доколе, доколе?» — звучат и в самом тексте. Андреев принципиально обозначает свою позицию как позицию русского интеллигента и подчеркивает, что он уповает не на чудо, а на разум, поскольку в условиях современной России разум выступает как чудо. Примечательно, что еврейский вопрос видится ему прежде всего проблемой русского самосознания и самоуважения, неким «горбом»:

«Ведь если для самих евреев черта оседлости, норма и прочее являлось роковым и неподвижным фактом, искажавшим всю их жизнь, то для меня, русского, она служила чем-то вроде горба на спине, неподвижного и уродливого нароста, неизвестно когда и при каких обстоятельствах полученного. Но куда бы я ни шел и что бы ни делал, горб тащился со мною; он ночью мешал мне спать, а в часы бодрствования, на людях, он преисполнял меня ощущением конфуза и стыда, как ходячую, хотя и безвинную кривду <...>. Когда вскочил на мою спину “еврейский вопрос”? Я не знаю. Я родился с ним и под ним. Но с того первого момента, когда я сознательно отнесся к жизни, и вплоть до настоящей минуты я живу в его вредной атмосфере, дышу ядовитым воздухом, которым окружены все эти “вопросы”, все эти темные, мучительные, несносные для ума алогизмы»⁵. Еврейский вопрос Андреев рассматривает в общемировом контексте: становясь на позицию культурной Европы, он усматривает в этой российской проблеме проявление варварства и выражает парадоксальную мысль: «...ведь мы сами евреи Европы. Наша граница — та же черта оседлости нашей, своеобразное российское Гетто»⁶.

В завершении статьи Андреев выражает уверенность, что будущее России (в этом смысле название публиковавшей его газеты звучит символично) зависит от осознания необходимости преодоления антисемитизма: «Надо всем понять, что конец еврейских страданий — начало нашего самоуважения, без которого России не быть»⁷.

Кстати, в «Первой ступени» Андреев пересматривает и свое отношение к «чириковскому инциденту», запоздало защищая Чирикова от нападок в антисемитизме.

Эпизод четвертый. В октябре 1914 г. Андреев встретился с И. О. Абельсоном и С. В. Познером и высказал пожелание созвать собрание писателей для обсуждения вопроса о борьбе с антисемитизмом. Такое же намерение было выражено М. Горьким. Итогом этих интенций стало создание Андреевым, Горьким и Ф. Сологубом «Русского общества для изучения евреев»⁸.

Шла первая мировая. В ответ на новые дискриминационные меры по отношению к еврейскому населению прифронтовой полосы организаторы «Общества» через печать распространили «Анкету о евреях: Открытое письмо публике трех русских писателей», подписанное Андреевым, Горьким и Сологубом⁹.

Менее чем через месяц, 1 марта 1915 г., на эту акцию откликнулись общественные деятели, художники, артисты, литераторы, ученые — это воззвание «К русскому народу» за подписями 300 человек, требовавших прекращения гонений на евреев и полного уравнивания их в правах (в их числе Н. А. Бердяев, И. А. Бунин, З. Н. Гиппиус, Вяч. И. Иванов, Д. С. Мережковский и др.), было опубликовано во многих крупных газетах.

Эпизод пятый. В 1915 г. обществом, под редакцией Андреева, Горького и Сологуба, был издан сборник «Щит»¹⁰, выдержавший три издания. Из свидетельств Ф. Сологуба становится ясно, что «зерном» замысла этого сборника послужила уже упомянутая нами статья Андреева «Первая ступень»: «В конце 1914 г. у Анс. Н. Чеботаревской по прочтении статьи Л. Андреева возникла мысль об издании сборника статей по еврейскому вопросу, и она вместе со мною отправилась к издателю журнала «Отечество», З. И. Гржебину. Из совещания о сборнике развилась мысль об учреждении общества с целью защиты еврейства. В период организовывания общества во главе его был поставлен комитет из трех лиц, к которым были кооптированы еще трое, всего шесть: Л. Андреев, М. Горький, Сологуб, Чеботаревская, Гржебин и С. В. Познер (секретарь). Первые трое образовали редакцию сборника»¹¹.

Сборник «Щит» включал статьи и художественные произведения тридцати шести авторов, объединенные темой защиты евреев, а открывался статьей Андреева «Первая ступень» и его же очерком «Раненый». В оформлении обложки был использован рисунок Л. О. Пастернака. Чистый сбор от продажи сборника поступил

в пользу «Общества вспомоществования бедствующему еврейскому населению, пострадавшему от военных действий». Деятельность трех писателей-«зачинщиков» немедленно вызвала у властей тревогу и повлекла за собой организацию негласного наблюдения за Андреевым и двумя другими организаторами.

Эпизод шестой. Андреев поддерживал дружеские отношения с русско-еврейскими беллетристами — Д. Я. Айзманом и А. А. Кипеном. Переписка Андреева с Кипеном, относящаяся к 1914–1916 гг., опубликована¹², в Рукописном отделе ИРЛИ хранятся машинописи письма и телеграммы Андреева к Д. Я. Айзману¹³. В 10-е годы дружеские и творческие отношения Андреева с двумя упомянутыми беллетристами выразились в его хлопотах по поводу получения ими вида на жительство в прифронтовой полосе, каковой являлся Петроград и его окрестности в период Первой мировой войны, а также в привлечении их к сотрудничеству в выходившей в Петрограде в 1916–1917 гг. газете «Русская воля», в которой Андреев стал одной из ключевых фигур — редактором литературно-художественного и театрального отделов.

Существуют еще два аспекта нашей темы, на которых мы кратко остановимся. Во-первых, активное присутствие Леонида Андреева в «русском каноне», повлиявшем на русско-еврейских писателей — уже упомянутых Айзмана, Кипена, С. Юшкевича и многих других.

В этом контексте заслуживает упоминания исследование «Восприятие Леонида Андреева литературой и театром на иврите и идиш», автор которой, Х. Бар-Йосэф, делает ряд интересных сопоставлений. Она обращает внимание на близость по духу андреевского творчества творчеству писателей на идише и иврите — прежде всего воссозданием пограничных ситуаций бытия, вскрытия ханжества и лицемерия в привычном окружении. То, что Леонид Андреев, наряду с классиками, входил в «русский литературный канон», мощно влиявший на литературу и на иврите, и на идише, Х. Бар-Йосэф объясняет «тремя факторами: во-первых, популярностью писателя в конкретный период; во-вторых, его близостью еврейской тематике и его личным отношением к положению евреев в России; и, в-третьих, наличием в литературном произведении тем и мотивов, позволяющих провести аналогию с положением евреев, например, темы преследования, страдания, оторванности»¹⁴.

Таким образом, интерес еврейских писателей к Андрееву был связан и с художественными особенностями его творчества, и с его отношением к еврейскому вопросу. Бар-Йосэф приводит впечатляю-

щие цифры, связанные с количеством переводов Андреева на идиш в 900-е гг., а также цитирует некоторые восторженные рецензии на его произведения в идишских изданиях (в частности, похвалу за изображение еврея Лейзера, героя «Анатэмы», как «великого космополита»).

Второй аспект касается отражения «еврейской темы» (иногда на уровне темы, мотива, образа) в художественном творчестве Андреева.

В уже упомянутом исследовании Бар-Йосеф отмечается необычайно важная роль еврейской тематики в творчестве Андреева, «сочувственное отношение к еврейскому вопросу» и «резко критическая позиция по отношению к русской православной морали», которые вкупе делают писателя интересным для евреев. Среди образов евреев, сочувственно изображенных Андреевым, она перечисляет Лунца, альтруиста, уходящего в революцию («К звездам» (1906)), трагичный образ Давида Лейзера («Анатэма» (1909)), неканонический образ страдающего и преданного Христу Иуды в повести («Иуда Искарriot и другие» (1907)), а также героев трагикомического скетча «Упрямый попугай» (1911), очерков «Ночной разговор» (1915) и «Раненый» (1916), который вошел в сборник «Щит».

Эпизод седьмой. Мы остановимся на поздней театральной миниатюре Андреева «Упрямый попугай», написанный для петербургского театра миниатюр «Кривое зеркало». Его создатель, А. Р. Кугель, хотя и замыслил свой театр как пародийный, развлекательный, не гнушался пьес с «серьезным» подтекстом, и зачастую смех в зале был вызван политической сатирой. Андреевские миниатюры были именно такого рода: Н. Н. Евреинов, ставивший их (без особого успеха) в «Кривом зеркале», в своих мемуарах назвал их «растянутыми» «злободневными анекдотами в лицах»¹⁵. Однако очевидно, что перед нами если и «анекдоты», как определяет их Евреинов, то не «бытовые».

«Упрямый попугай» травестирует знаменитую символическую поэму Э. По (цитата «Ворон каркнул: никогда» вынесена в эпиграф). Зловещий ворон превращается в говорящего попугая, обученного только одному слову: «Дурак». По ходу комедии все ее герои один за другим избавляются от птицы, которая в конце концов оказывается насильно проданной за большие деньги еврею Менделю (в финале жена, вслед за попугаем, тоже называет его «дураком»). Перед нами пародия, и пародия с острым социальным прицелом: Мендель, персонаж, наделенный специфической национальной речевой характеристикой, изображен как самый безгласный и беззащитный человек, «маленький из маленьких»: он не может даже отказаться от навязываемого ему товара. В своей внешне «кабаре́тной», развлекательной

песке, рядящейся в анекдот, Андреев ставит острую социально-политическую проблему, связанную с бесправием евреев в российском обществе.

Подведем итоги.

Динамика позиции Леонида Андреева по отношению к «еврейскому вопросу» (от *асемитизма*, продемонстрированного в «чириковском инциденте», к активным действиям в защиту евреев) — одновременно и иллюстрация перемен общественного климата в России 10-х годов, и свидетельство изменений личностных и гражданских установок писателя, в последние годы жизни активно обратившегося к публицистике.

Примечания

¹ В настоящей публикации обобщены и пополнены наблюдения, изложенные автором в статьях по итогам прочитанных в разные годы (с 2011 по 2018 гг.) докладов на Международной конференции по иудаике (Москва).

² См. об этом: *Кельнер В.* Два инцидента: из русско-еврейских отношений в начале XX в. // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 3. С. 190–198.

³ *Короленко В. Г.* К русскому обществу // Речь. 1911. 30 ноября.

⁴ *Андреев Л.* Первая ступень // Утро России. 1914. № 294. 27 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ См. о создании Общества: *Кельнер В. Е.* Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX – начале XX в. / В. Е. Кельнер СПб. : Изд-во РНБ, 2003. С. 97–112.

⁹ *Андреев Л., Горький М., Сологуб Ф.* Анкета о евреях: Открытое письмо публике трех русских писателей // Биржевые ведомости. 1915. № 14648. 3 февраля. Утр. вып.

¹⁰ Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1915. 208 с.; Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. 2-е изд., доп. М. : Рус. о-во для изуч. еврейской жизни, 1916. 248 с.; Щит: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба. 3-е изд., доп. М. : Рус. о-во для изуч. еврейской жизни, 1916. 258 с.

¹¹ ГАРФ. Ф. 579 (Милоков Павел Николаевич, историк, лидер Конституционно-демократической партии, депутат III и IV государственных дум, министр иностранных дел Временного Правительства). Оп. 1 (П. Н. Милоков. 1856–1918 гг.). Ед. хр. 2018 (Записка Познера об организации Горьким М., Андреевым и Сологубом писательского кружка борьбы с антисемитизмом и общества защиты евреев).

¹² *Андреев Л.* Письма А. А. Кипену / Публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Н. Чувакова // De Visu. 1994. № 3 (4). С. 8–22.

¹³ РО ИРЛИ. Ф. 520 (Айзман Давид Яковлевич (1869–1922), прозаик, драматург). № 43.

¹⁴ *Бар-Йосиф Х.* Леонид Андреев в литературе и в театре на иврите и на идиш // Леонид Андреев: Материалы и исследования. Вып. 2. М. : ИМЛИ РАН, 2012. С. 233–234.

¹⁵ *Тихвинская Л. И.* Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века. М. : Молодая гвардия, 2005. С. 308.

УДК 82.21

Ю. А. Волохова*(г. Москва, Российская Федерация)***«Старый учитель» — забытая пьеса В. Гроссмана**

Мы не ищем среди них виновных, ибо тем самым мы признаем невинными тех, к кому не применима юридическая формула вины. Виновны все! Вот объемлющее определение. Дети, новорожденные, старики, слепые, паралитики. Важно одно — они евреи. Они евреи, следовательно, они не имеют права жить.

В. Гроссман,

«Старый учитель» — драма в 7 картинах¹

Рассказ В. С. Гроссмана «Старый учитель», написанный в 1943 г., занимает уникальное место в художественном мире писателя, ведь именно в нем впервые возникают темы, которые станут магистральными в позднем творчестве Гроссмана. Веру в неистребимую «добро-ту» человеческой души, которую обретает старый учитель Розенталь, в романе «Жизнь и судьба» будет исповедовать сумасшедший богоискатель Иконников, а представление о том, что эталоном отношений между людьми являются взаимоотношения между матерью и ребенком, ярко воплотится в истории Софьи Осиповны и мальчика Давида. В этом же рассказе впервые появится образ мистического тела народа-мученика, который, помимо «Жизни и судьбы», станет ключевым в «Треблинском аде», повести «Все течет» и некоторых других поздних произведениях Гроссмана.

Не менее важен данный рассказ и для истории мировой культуры, ведь «Старый учитель» — это первое художественное произведение, посвященное Катастрофе². Крайне важно, что, предпринимая попытку осмыслить природу и истоки трагедии европейского еврейства, автор рассказа сознательно занимает позицию говорящего и свидетельствующего от лица народа, обращаясь при этом, не просто к языку художественной литературы, но к языку библейскому, к языку и образности традиционной еврейской культуры. Это изменение авторского стиля прослеживается во всех поздних произведениях, в которых автор обращается к еврейской теме³.

Темы и вопросы, впервые поднятые в «Старом учителе», являются фундаментальными для писателя и продолжают волновать его и после войны. Из обрывочных мемуарных свидетельств мы узнаем, что сразу же после разгрома критиками опубликованной в «Знамени» пьесы «Если верить пифагорейцам», написанной еще до войны, но опубликованной только в 1946 г., Гроссман пишет еще одну пьесу, беря за основу сюжет «Старого учителя».

Об этом мы узнаем из мемуарных свидетельств близкого друга писателя Семена Липкина:

На моей памяти он только один раз откликнулся на предложение заказчика — театра имени Вахтангова — написать пьесу. Он инсценировал один из своих военных рассказов. <...> Пьеса получилась печальная, умная, по-моему, очень сценичная, однако Вахтанговский театр от нее отказался: уже в 1947 году еврейская тема вызывала отталкивание. Гроссман отдал пьесу С. М. Михоэлсу — с тем, чтобы ее перевели на идиш. Соломона Михайловича пьеса «Учитель» восхитила⁴.

В сведениях, которые сообщает мемуарист, довольно много фигур умолчания: не ясна не только дальнейшая судьба пьесы, но и то, для чего писателю понадобилось переводить ее на идиш и передавать Михоэлсу. Обрывочные сведения о пьесе можно обнаружить и в монографии А. Бочарова:

Показательно, что писатель переделал впоследствии в пьесу именно этот рассказ («Старый учитель» — Ю. В.) (роль учителя хотел сыграть выдающийся актер С. Михоэлс). По сравнению с рассказом в пьесе было значительно усилено открытое активное сопротивление немцам. <...> Возможно, появление «сознательного борца» объяснялось внешними цензурно-редакторскими узаконениями. Возможно, автор опасался быть не понятым некоторыми зрителями в своем философском оптимизме⁵.

Автор монографии, будучи сам ограничен «цензурно-редакторскими узаконениями», вынужден говорить недомолвками: он не указывает ни источник, на который опирается, сравнивая тексты рассказа и пьесы; ни причин, по которым пьеса так и не была поставлена на сцене. Между тем, эти причины без всякого сомнения были известны исследователю, ведь при работе над монографией он плотно работал с архивными материалами, хранящимися в РГАЛИ, и проливающими свет на историю создания и забвения пьесы.

Обратившись к этим документам, мы обнаружили, что большая часть сведений, изложенная С. Липкиным в его книге, не соответствует действительности. Василий Гроссман, действительно, только однажды откликнулся на предложение Вахтанговского театра, написав

еще до войны в первой половине 1941 г. пьесу «Если верить пифагорейцам», затем опубликованную в журнале «Знамя» (1946, № 7) и подвергшейся резкой критике в печати на волне общего ужесточения цензуры в области культуры после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» в августе 1946 г., последовавшего за ним доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» и обнародовании постановления «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Вероятно, движимый желанием реабилитировать себя в глазах цензуры, В. Гроссман и приступает к созданию пьесы «Старый учитель» в том же 1946 г.

Уже 1 ноября 1946 г. писатель заключает договор⁶ на написание пьесы, но вовсе не с Вахтанговским театром, как полагает С. Липкин, а с Государственным еврейским театром (ГОСЕТ), обязуясь сдать пьесу не позднее 15 декабря, с оговоркой, что работа считается принятой после утверждения дирекцией и художественным руководством театра, а также Главным управлением по контролю за репертуаром и зрелищными предприятиями⁷ (ГУРК). Согласно договору, ГОСЕТ обязуется выплатить автору тридцать тысяч рублей за выполненную работу в следующие сроки: 25 % при подписании договора; 50 % после окончания и утверждения пьесы; и оставшиеся 25 % после постановки спектакля на сцене ГОСЕТа, но не позднее 1 октября 1947 г.

Подписав договор, автор приступает к работе над пьесой. В личном фонде писателя в РГАЛИ сохранился как черновой автограф⁸, так и машинопись⁹ пьесы, в которых отражены все этапы работы над текстом. Судя по отчетным документам театра за 1946 г., Гроссман заканчивает пьесу уже к середине декабря¹⁰, после чего она проходит согласование с руководством театра. 13 января 1947 г. один экземпляр пьесы «Старый учитель» дирекция ГОСЕТа направляет начальнику ГУРК с просьбой дать разрешение на постановку указанного спектакля¹¹.

Обратившись к самому тексту пьесы, мы увидим, что в отличие от рассказа, в пьесе резко смещаются смысловые акценты: значительно усиливается партизанская линия, доктор Вайнтрауб изображается как олицетворение мещанских пороков, а в фокусе внимания оказывается образ сознательного и героического борца. Изменяется и сам авторский стиль, в который просачивается лексика, характерная для канонических литературных образцов эпохи соцреализма: главный герой — старый учитель Розенталь, в рассказе неразрывно связанный с традиционной еврейской культурой и соединяющий в себе черты, характерные для еврейских учителей — мелаamedов и хасидских ца-

диков, неожиданно говорит о «братстве трудовых людей»¹², а Виктор Вороненко бросает гранату в здание комендатуры уже не от разочарованности в жизни, а героически защищая «землю советскую», желая отомстить за «горе народное», за «кровь друзей боевых»¹³. Интересно, что именно в пьесе появляется прообраз матери Штрума и ее будущего знаменитого письма из «Жизни и судьбы»¹⁴, в основу которого были положены реальные письма матери Гроссмана — Екатерины Савельевны. Анна Соломоновна Вайсман, подобно матери писателя, собирается эвакуироваться к своему сыну в Москву, но так и не решается на это, в итоге погибая с другими жителями Бердичева: «А у Сени больные легкие — если и я приеду, ему совсем нечем дышать будет»¹⁵.

Явные параллели также обнаруживаются между сюжетными линиями, связанными с кузнецом Кулишем, который в пьесе не желает работать в немецкой кузнице¹⁶, и Иконниковым из «Жизни и судьбы», который отказывается участвовать в строительстве лагеря смерти.

Совершая значительные уступки цензуре, Гроссман, при этом, старается максимально честно изобразить судьбу евреев на оккупированных территориях: автор подробно излагает расовую теорию нацистов, а также методично описывает различные формы сотрудничества местного населения с немцами, в том числе говорит о той роли, которую играют украинцы в уничтожении еврейского населения. Обратившись к тексту рассказа и в особенности к тексту пьесы, написанной на его основе, мы можем с уверенностью судить о том, что вопреки расхожему мнению уже к 1943 г. для Гроссмана была очевидна суть трагедии еврейского народа в XX в., которую очень точно сформулировал Эли Визель, сам прошедший Освенцим и Бухенвальд: *«Не все жертвы нацизма были евреями, но все евреи были жертвами нацизма»*. Эта важная авторская мысль так и не была донесена до зрителя и читателя: в течение 1947 г. пьеса дважды перерабатывалась автором, дважды направлялась в ГУРК и дважды была отвергнута.

В фонде Главного управления по контролю за репертуаром при Комитете по делам искусств при СНК СССР в личном деле автора по неизвестной причине отсутствуют официальные протоколы обсуждений двух первых вариантов пьесы, однако сохранилась рукописная записка, составленная неизвестным сотрудником ГУРК, в которой кратко перечислены основные инвективы, предъявляемые цензорами к пьесе. Это записку мы хотим привести полностью с сохранением авторских пометок, стилистики и пунктуации:

- 1). Убрать жертвенность, как преобладающее сейчас настроение пьесы.

2). Нация и народ. Идет ли речь о национальности советских евреев или о еврейском народе (библейская тема несчастного еврейского народа, выводящая пьесу за исторические и социальные рамки).

3). Убрать предателей Мищенко и Мищенко Иуда сына и мать, которые первые начинают преследование евреев

Коллизия — русские и немцы в единстве против евреев, также см. стр. 8

4). Нельзя мотивировать акты террора против немцев только желанием жить — (противопост. Вайнтраубу с его желанием жить).

5). «еврейская беднота» (12), дилемма погибнуть с голоду или остаться «советскими людьми с чистой совестью».

6). Отчего так внутренне затруднен приход евреев к партизанской борьбе.

7). Убрать изложение расовой теории нем. фашистов и изложение их планов истребления евреев¹⁷.

Этот чудом сохранившийся документ показывает, что, несмотря на многочисленные правки, сделанные автором в угоду цензуре, сотрудники ГУРК все же уловили и религиозно-философский подтекст пьесы, который выводил ее за «исторические и социальные рамки», и изменение авторского стиля, связанное с обращением автора к библейскому языку и образности.

Кроме того, мы можем сделать вывод о том, что табуирование еврейской темы, искажение и сокрытие исторической правды о Холокосте в СССР начинается не в 1947 г., как полагает С. Липкин, а значительно раньше. Уже в 1943 г. рассказ «Старый учитель» будет издан с купюрами: в частности, в нем отсутствует эпизод, в котором доктор Вайнтрауб рассказывает старому учителю Розенталю о судьбе своей дочери:

Если русских девушек заставляют работать на дорогах и дают им двести грамм хлеба, то мою дочь заставляют голыми руками убирать гниющие трупы и тела павших лошадей, которые кишат червями. Если русскую подругу моей дочери за то, что она присела отдохнуть полицейский обругал матерными словами и замахнулся плетью, то мою дочь, когда с ней от страшного зловония трупов сделалась рвота, немецкий жандарм сбил кулаком с ног. Зачем же это?¹⁸

В послевоенные годы эта тенденция будет только усиливаться. В 1947 г., как свидетельствует история утверждения пьесы «Старый учитель», Гроссман не может открыто транслировать свои представления о причинах и природе Катастрофы: с точки зрения официальных идеологических установок геноцид евреев может изображаться только как часть трагедии советского народа.

В третий раз ГОСЕТ направляет очередной вариант пьесы в ГУРК 28 февраля 1948 г. с небольшим сопроводительным письмом за подписью директора театра Фишмана Г. Б.

Направляю Вам для срочного рассмотрения и утверждения пьесу В. Гроссмана «Старый учитель». Обращаю Ваше внимание, что планом Комитета выпуск спектакля намечен на май м-ц с. г., в связи с чем прошу убыстрить рассмотрение пьесы»¹⁹

Однако постановка, намеченная на май 1948, также не состоялась: с многочисленными купюрами пьеса была утверждена только 26 июня 1948 г. Старший политредактор Т. Подобедова зафиксировала в протоколе:

В пьесе устранены недостатки прежних вариантов (пьеса рассматривалась дважды, протоколов нет), — старый учитель теперь фигура активная, действующая, а не библейский проповедник, как было прежде. Более убедительно звучит заключение пьесы: если прежде конец был трагичен и почти безысходен и на первый план выдвигалась жертвенность, то теперь действия старого учителя связаны с руководителями партизан и судьба евреев должна решиться в борьбе²⁰.

В очередном варианте «Старого учителя» главный герой пьесы действительно был превращен автором в организатора вооруженного партизанского восстания. Истинную причину столь радикальных уступок цензуре, сделанных автором, мы сможем понять, только если будем учитывать историко-политический контекст описываемых событий. Начиная с конца 1946 г. над Гроссманом и членами его семьи нависает реальная угроза ареста. Резкая критика в печати пьесы «Если верить пифагорейцам» в 1946 г.; официальное признание нецелесообразности издания «Черной книги» в 1947; убийство в январе 1948 Соломона Михоэлса — основного претендента на роль старого учителя; начатое в том же году дело Еврейского антифашистского комитета, по которому было репрессировано более ста человек; арест 26 декабря 1948 г. художественного руководителя ГОСЕТа В. Зускина; закрытие самого театра в 1949, а также многочисленные аресты представителей еврейской интеллигенции в рамках кампании по борьбе с космополитизмом привели к тому, что пьеса В. Гроссмана, созданная им в 1946 г. на основе первого в истории мировой литературы художественного произведения, посвященного Катастрофе, была предана полному забвению. Примечательно, что основные претензии, высказанные цензорами при обсуждении пьесы «Старый

учитель», с еще большим ожесточением будут предъявляться автору в ходе кампании 1953 г., связанной с публикацией романа «За правое дело».

Примечания

- ¹ РГАЛИ. Ф. 656 (Главное управление по контролю за репертуаром при Комитете по делам искусств при СНК СССР (Главрепертком) (Москва, 1923–1952)). Оп. 5 (Отдел театра и драматургии). Ед. хр. 2392 (В. Гроссман. «Старый учитель» — драма в 7 к. 68 л.). Л. 43–44.
- ² Исключением являются только немногочисленные дошедшие до нас художественные произведения, созданные самими жертвами Катастрофы, например, стихи польской поэтессы Хенрики Лазоверт. Большая часть прозаических текстов подобного рода — это сугубо документальные свидетельства, которые в отдельных случаях, подобно текстам члена зондеркомmando Залмана Градовского, имеют только элементы художественности (см. подробнее *Полян П.* Свитки из пепла. Жертвы и палачи Освенцима. М. : АСТ, 2015). Авторство и точную датировку большинства таких произведений невозможно установить. Кроме того, тексты, написанные жертвами Катастрофы, были опубликованы значительно позже гроссмановского рассказа.
- ³ В очерке «Украина без евреев», опубликованном на идиш в газете «Эйникайт» в ноябре-декабре 1943 г., который открывается зачином «Народ злодейски убит», повторяющемся в тексте 24 раза, и в «Треблинском аде» (1944), где автор прямо говорит от лица погибших, четко улавливаются интонации и образность, характерные для «Книги Иова» и «Плача Иеремии» (см. подробнее *Шевеленко Ф.* Старый учитель и другие. Тема Катастрофы в советской литературе. Педагогический альманах. 2000. №8. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ort.spb.ru/nesh/njs8/shevel8.htm> (дата обращения: 29.01.2019).
- ⁴ *Липкин С. И.* Сталинград Василия Гроссмана. Ann Arbor, MI : Ardis, 1986. С. 99–100.
- ⁵ *Бочаров А. Г.* Василий Гроссман. Жизнь, творчество, судьба. М. : Советский писатель, 1990. С. 153.
- ⁶ Договор № 50 // РГАЛИ. Ф. 2307 (Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ) (Петроград, Москва, 1919–1950)). Оп. 1. Ед. хр. 38 (Трудовые соглашения театра с художниками, композиторами и другими лицами на исполнение работ для театра). Л. 30.
- ⁷ Так в документе. Правильное название — Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 1710 (Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель). Оп. 3. Ед. хр. 37 («Старый учитель». Драма в 7-ми картинах). 62 л.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 1710 (Гроссман Василий Семенович (1905–1964) — писатель). Оп. 3. Ед. хр. 38 («Старый учитель». Драма в 7-ми картинах). 70 л.
- ¹⁰ [Книга бухгалтерского учета] // РГАЛИ. Ф. 2307. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 2об.–3.
- ¹¹ Письмо директора ГОСЕТа Г. Б. Фишмана на имя начальника Главреперткома т. Добрынина // РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 2392. Л. 1 (машинопись). На л. 1а — цензорские замечания (рукопись), на последующих листах — собственно пьеса В. Гроссмана (машинопись).
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Там же. Л. 36.
- ¹⁴ Там же. Л. 64.
- ¹⁵ Там же. Л. 4.
- ¹⁶ Там же. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л. 1а.
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 618 (Редакция журнала «Знамя» (Москва, 1931 – по настоящее время)). Оп. 2 (Проза). Ед. хр. 107 (Гроссман, Василий Семенович. «Ночью», «Старый учитель». «Ста-

рый человек». «Цейлонский графит». Рассказы. Опубликовано в № 2 за 1937 г., в № 7–8 б. г., в № 6 за 1937 г., в №, за 1935 г.). Л. 29. Рассказ в целом занимает л. 10–46.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Ед. хр. 2393 (В. Гроссман. «Старый учитель» — драма в 7 к. Виза ГУРК о разрешении. Приложен протокол ГУРК. 62 л.). Л. 1а.

²⁰ Там. же. Л. 62.

УДК 821.133.1.05

В. В. Кириченко

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Еврейская тема в романе Жоржа Перека «W, или Воспоминание детства»

В литературе этническое происхождение автора является немаловажным аспектом. Часто в творчестве писателей можно встретить эксплицитные или имплицитные указания на их национальные корни, с которыми не редко связана проблематика произведений. В этом контексте тема еврейства имеет определенную традицию и устройство в мировой литературе, изучение которых ведет к лучшему пониманию поэтик писателей и эволюции данной темы. В настоящей работе под еврейской темой понимается, в первую очередь, совокупность текстуальных размышлений, касающихся происхождения и самоидентификации.

Не стали исключением для традиции еврейской темы¹ и произведения французского писателя Жоржа Перека (1936–1982), который является выходцем из семьи польских евреев. Данный автор, будучи вечным членом УЛИПО², уже успел стать классиком французской литературы и пользуется популярностью, хотя его творчество слабо исследовано в России. К его наиболее знаменитым произведениям обычно причисляют «Исчезание» (1969), «W, или Воспоминание детства» (1975) и «Жизнь способ употребления» (1978), однако более всего русскому читателю известен роман «Вещи» (1965), главным образом посвященный проблематике консоматорного сознания, критике общества потребления. Все четыре романа, указанные выше, достаточно серьезно отличаются друг от друга как с точки зрения содержания и тематики, так и по форме и стилю. Однако в работе мы

обратимся лишь к одному роману — «W, или Воспоминание детства» (1975), в котором тема еврейства реализуется в контексте автобиографии автора.

«У меня нет воспоминаний о детстве»: я бросал свое утверждение уверенно, чуть ли не с вызовом. Вопрос на эту тему могли мне и не задавать. В моей программе он отсутствовал. Я был от него избавлен: другая история, Великая история, История с большой буквы, уже ответила за меня: войной, лагерями³ — так начинается роман «W, или Воспоминание детства» Перека. Эти строчки сигнализируют читателю об основном содержании произведения — попытке восстановить память о прошлом. Тем не менее это совершенно нетипичная автобиография, если понимать этот термин в традиционном смысле. В контексте жанрового определения исследователи⁴ чаще всего рассматривают это произведение как «автовымысел».

Автовымысел (фр. autofiction) представляет собой концепцию письма, в рамках которой факты личной биографии переплетаются с вымыслом⁵. Причем автовымысел может иметь различные цели: если для Перека автовымысел — вынужденная необходимость процесса воспоминания, то, например, в автобиографических произведениях Алена Роб-Грийе — это новый способ игры с читателем, по сути, продолжающий более ранние тенденции его стиля. В настоящей работе произведение «W, или Воспоминание детства» обозначается и как автобиографический роман, и как автовымышленный, это связано с тем, что автовымысел можно понимать как особую форму автобиографического письма.

В действительности, случаи несовпадения фактов наблюдались и в автобиографиях, и в мемуарах до XX в., но конкретно особая концепция письма появляется именно в то время. Литературовед Е. Е. Дмитриева писала об этом следующее: «Вымысел необходим, утверждали некоторые писатели, чтобы сделать правдоподобным то, что превосходит всякое воображение. Проблема поколения детей погибших — тех, что родились из пепла, — к которому принадлежал и Перека, состояла в том, что им невозможно было свидетельствовать о том, чему сами они не были свидетелями. Но им нужно было вообразить то, через что прошли их родители»⁶. Таким образом, видно, что обновление жанра в духе автовымысла стало одной из черт поэтики писателей того времени.

В процессе работы с памятью с помощью отстранения себя от эмоциональной связи с событиями прошлого (нейтрализация письма, появившаяся у него еще в «Вещах») Перека, по всей видимости⁷, не-

осознанно сталкивается с темой еврейства. Наиболее известным его переживанием по этому поводу было упоминание в романе «W, или Воспоминание детства» эпизода о неправильно записанной по-французски фамилии⁸. Неверный перевод имен собственных был достаточно рядовым явлением для того времени, однако для творчества Перека даже это оказывается важным, с одной стороны, как проблема из области повседневности, а с другой, как автобиографический вопрос о том, кто я есть. Трансформация имени оказывается симптоматичным явлением прозы Перека и имеет ряд других вхождений. Например, в рассказе об отце: «Ицек — это, разумеется, Исаак, а Юдко, несомненно, уменьшительная форма Иегуди. Моего отца вполне могли назвать Андре <...>. На самом деле все называли моего отца Изи (или Изы), один только я на протяжении многих лет думал, что его звали Андре»⁹. В контексте другой части романа, об острове «W», где представлена ономастическая система более или менее привилегированных личностей, чьи заслуги выражались в именах, смена имени отца является не просто попыткой скрыть свое происхождение, но более глубоким жестом — попыткой уйти от расистского определения более и менее достойных имен и фамилий.

К еврейской теме также относится одно из двух воспоминаний из детства Перека: «Мне три года. Я сижу в центре комнаты. Я внутри замкнутого семейного круга; в этом окружении не ощущается никакого давления, никакой угрозы; напротив, оно ассоциируется с теплотой, защитой, любовью. Вся семья в ее цельности, полноте собрана здесь, вокруг ребенка, который только что родился (разве я только что не сказал, что мне было три года?), она, словно неприступная крепостная стена. Все в восторге от того, что я узнал и указал букву древнееврейского алфавита...»¹⁰. Это первое воспоминание представляет собой классическую завязку рассказа о призвании. Талантливый ребенок узнает древнееврейскую букву, а его окружение восхищается этим. Буква, которую он узнал, обозначает его как еврея, но и как будущего писателя. Эта двойственная интерпретация сразу же устраняется деконструкцией воспоминания, которая состоит в четырех моментах. Во-первых, это воспоминание вступает в противоречие с началом романа; во-вторых, оно относится к сослагательному наклонению с помощью различных модальных операторов сомнения, в-третьих, оно содержит внутритекстуальные противоречия (например, смена перспектив и подмена фактов «мне три года» и «ребенок, который только что родился»). В-четвертых, это воспоминание разрушается исходя из последующего комментария, в котором повествователь сообщает, что

газеты были не на идише, а на французском, он просто играл в игру по узнаванию букв со своей тетей Фанни. Таким образом, одно из первых упомянутых воспоминаний в романе предстает в искаженном виде, в котором еврейское становится субститутом французского.

Перек продолжает: «Сюжетом, мягкостью, освещением все происходящее, кажется мне, похоже на сцену какой-то, возможно существующей у Рембрандта, а возможно и выдуманной, картины, которая называлась бы «Иисус перед учителями»¹¹. В этом отрывке отражено сравнение себя с Иисусом. Это, возможно, связано с тем, что Иисус часто изображался ребенком на иконах, упомянутая автором картина не существует. Буква, которую узнал ребенок, называется «гимел», и она могла быть инициалом его имени, т. к. означает звук «g», а также число 3, что совпадает с возрастом Перека-ребенка. Буква «g» как инициал Перека становится субститутом его реального «я», смещая это значение на героя Гаспара Винклера («Gaspard Winckler»), который естественным образом оказывается alter ego автора. Такой вид игры букв-символов встречается часто в произведениях Перека.

Исследователь Филипп Лежен указывал на важную особенность сочинений Перека — «автобиографическая оркестровка»¹². Этот термин обозначает литературный прием, при котором звуки, числа, буквы и слова вступают в отношения имплицитной семантической взаимосвязи. Это игра семантической связи различных текстуальных элементов лучше всего видна именно в литературных экспериментах автора, однако продемонстрируем другой случай — постепенное наизывание значений при расшифровке имени: «Моя родовая фамилия — Peretz. Она упоминается в Библии. На иврите это «прореха», а на русском — «перец», на венгерском (точнее, в Будапеште) этим словом обозначается то, что мы называем «брецель» («брецель» — это не что иное, как уменьшительная форма (Beretzele) от Beretz, а Beretz — как Baruk и Varek — выкован из того же корня, что и Peretz; если не на иврите, то на арабском «п» и «б» — одна и та же буква)¹³. В этой веренице имен возникает еврейский вариант, который имеет значение «дыры, прорехи», символ «дыры» как чего-то выпущенного или пропущенного соответствует языковым экспериментам автора, связанным с липограмматизмом, а также отсутствующему опыту еврейства. Этот отсутствующий опыт Перек либо отстранено фильтрует в стереотипном виде (евреи как жертвы), либо умозрительно конструирует его. Эта, скорее всего, намеренно обнаруженная «дыра» впоследствии становится «эстетикой отсутствия», выраженной текстуально, но обррамленной биографически.

Помимо этого, в произведении Перека представлена история олимпийского острова «W», с которой связана еврейская тема. Если не принимать во внимание самый очевидный пласт истории как карикатуры на тоталитарное государство, мэром которого, по изначальному замыслу, должен был оказаться Гаспар Винклер, то еврейство обнаруживается и через внетекстуральную связь с определенными террористическими событиями против евреев. Робер Мисрахи считает, что источником некоторых эпизодов романа является террористический акт Организации освобождения Палестины, совершенный в 1972 г. в олимпийской деревне Мюнхена¹⁴. В целом, эта мысль может показаться немного радикальной, однако социальный подход раннего творчества Перека, как и вечные биографические референции, свидетельствуют, скорее, об обратном.

В итоге, несмотря на то что еврейская тема и проблема еврейской идентичности раскрываются в художественных, автобиографических и прочих сочинениях Жоржа Перека, роман «W, или Воспоминание детства» оказывается центральным текстом о еврействе в творчестве автора, в его других сочинениях еврейство представлено в основном имплицитно. Влияние данного феномена на творчество автора кажется вполне существенным и связано с языковыми экспериментами, «эстетикой отсутствия», «автобиографической оркестровкой». Еврейская тема также оказывается одним из элементов глобального автобиографического проекта автора, который он пытался реализовать всю жизнь. Тема еврейства определенно имеет связь с темой утраты: они обе реализуются посредством приема остранения письма и деконструкции воспоминаний. Показательно, что Перек вообще обращается к этой теме в автовымышленном романе «W, или Воспоминание детства», в котором он может попытаться сконструировать свое «еврейское» прошлое, так и непознанное им по-настоящему.

Примечания

¹ Еврейская тема у Перека глубоко изучалась во Франции, см., например, следующие работы: *Bénabou M.* Perec et la judéité // *Cahiers Georger Perec* 1: Colloque de Cerisy. Paris : Éditions P. O. L., 1984. P. 15–31; *Decout M.* Georges Perec: la judéité de l'autre // *Roman* 20–50: Revue d'étude du roman des XXe et XXIe siècles. 2010. № 49. P. 123–134; *Roche A.* W, ou le souvenir d'enfance de Georges Perec. Paris: Gallimard, 1997. 239 p.; *Reggiani C.* L'éternel et l'éphémère. Temporalités dans l'oeuvre de Georges Perec. Amsterdam, New York : Editions Rodopi B. V., 2010. 202 p.; *Zard P.* Fantômes de judaïsme: Spectres juifs chez Georges Perec et Patrick Modiano // *Parès : Etudes et culture juives*. 2009. № 45. P. 123–135; *Lejeune P.* La Mémoire et l'Oblique: Georges Perec autobiographe. Paris : Éditions P. O. L., 1991. 256 p.

² УЛИПО (фр. сокр. от *Ouvroir de littérature potentielle* — «Цех потенциальной литературы») — литературно-математическая группа, стремившаяся оживить литературный гений посредством различных лингво-математических приемов.

- ³ Перек Ж. W, или Воспоминание детства: Роман; Эллис-Айленд: Эссе; Из книги «Я родился»: Автобиографическая проза. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2015. С. 15–16.
- ⁴ Например, специалист по теории и истории автобиографии Филипп Лежен. См. *Lejeune P.* Op. cit.
- ⁵ Впервые данный термин был употреблен С. Дубровским в 1977 г. Подробнее об автовымысле см. *Алташина В. Д.* Autofiction в современной французской литературе: лего из это // Известия Южного федерального университета : Филологические науки. 2014. № 3. С. 12–22.
- ⁶ *Дмитриева Е. Е.* Удовольствие от ограничения: загадочный писатель Жорж Перек // НЛО. 2010. № 106. С. 225.
- ⁷ Еврейская тема практически не представлена в других художественных произведениях автора каким-либо существенным образом, в отличие от «W, или Воспоминание детства».
- ⁸ Во Франции фамилия Перека читается не по правилам произношения, потому что при переводе документов его родителей были допущены ошибки. Строго говоря, фамилию даже не переводили, но изменилось чтение: было «Перец» (Peres), стало «Перек» (Peres).
- ⁹ *Перек Ж.* Указ. соч. С. 56–57.
- ¹⁰ Там же. С. 25–26.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² *Lejeune P.* Op. cit.
- ¹³ *Перек Ж.* Указ. соч. С. 57.
- ¹⁴ *Misrahi R.* W, un roman réflexif // L'Arc. 1979. № 76. P. 85–86.
-
-

ЕВРЕИ И ОБРАЗОВАНИЕ



УДК 376(470.23-2):92:323.328:94(=411)

А. А. Журавлёв

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К вопросу об учебе в Петровском коммерческом училище детей купцов-иудеев на рубеже XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX столетий произошло изменение в записи в гильдейское купечество. Закон о новом промысловом налоге 1898 г. фактически ликвидировал связь между предпринимательской деятельностью и записью в гильдейское купечество. Последствием этого закона явилось не только сокращения численностью купечества, но и активная запись в гильдейское купечество иудеев из западных областей. На повсеместное сокращение купечества обратили внимание российские исследователи на рубеже XX–XXI вв.¹ Главным источником информации о численности купечества являлись «Справочные книги», издаваемые столичной Купеческой управой на протяжении полувека. В городском архиве сохранились прошения, подаваемые в Купеческую управу о записи в гильдейское купечество, а также о всех изменениях в купеческих семьях. Сохранились всего несколько дел за первые годы XX столетия. Они представляют несомненный интерес для исследователей, т. к. расширяют информацию о социально-демографических изменениях в семьях гильдейского купечества.

Изучая дела, можно отметить, что за период с 1901 по 1906 гг. в столичное купечество 1 гильдии записалось 363 иудея. Это были купцы, переехавшие на жительство в Петербург. В 1901 г. записавшихся было 66 человек, в 1902 — 67; в 1903 — 76; в 1904 — 104; в 1905 — 19 и в 1906 — 31². Обращает внимание, что сокращение записи в гильдейское купечество связано с революционными событиями в Российской империи, а вот экономический кризис, наоборот, заставлял часть предпринимателей стремиться в столицу. Вновь записавшиеся купцы составляли от 11,5 до 15,5 % от общей численности столичного купечества 1 гильдии. Купцы-иудеи прибывали в столицу из западных и южных областей империи. Наибольшее число приезжих указали первоначальное место жительство: Минскую, Ковенскую, Витебскую, Херсонскую и Елизаветградскую губернии. Значительное количество приезжих указали Царство Польское — Варшаву и Лодзь. Следует признать, что не все приезжие занимались предпринимательской деятельностью, часть из них стремилась переехать за черту оседлости,

чтобы предоставить детям хорошее образование. Так, по воспоминаниям Евгения Мандельштама, поступил его отец, что в советское время чуть не привело к трагедии³.

В 1872 г. Петербургская Купеческая управа приняла решение открыть коммерческое училище за свой счет в честь 200-летия со дня рождения Петра Великого. Министерство финансов, рассмотрев этот вопрос, направило всеподданнейший доклад в Министерство внутренних дел, который был подписан государем императором. «Петербургское купеческое общество, в виду недостаточности одного существующего в Петербурге коммерческого училища, переполненного воспитанниками, для приготовления молодых людей к коммерческой деятельности, полагая учредить на свои средства, второе подобное же учебное заведение, по представленному на утверждение проекту устава, ходатайствует о наименовании сего заведения, по имени в бозе почившего императора Петра I, «Петровским училищем Санкт-Петербургского купеческого общества» и о принятии сего училища под августейшее покровительство государя наследника цесаревича»⁴. Как мы уже отмечали, в столице был высок процент иудеев, которые записывались в купечество 1 гильдии. Тем самым они покидали черту оседлости, и их дети получали право обучаться в учебных заведениях столицы Российской империи. Царское правительство первоначально установило норму приема иудеев в 3 % от общего числа обучающихся, а в дальнейшем — 5 %. Создавая корпоративное учебное заведение, купечество весьма свободно отнеслось к этому вопросу. Только через 10 лет после открытия Петровского коммерческого училища администрация направила запрос в Департамент торговли и промышленности о возможной численности обучения иудеев в училище. В запросе было указано, что «в средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения установлено, что число учащихся иудейского вероисповедания не должно превышать: в столицах — 3 % общего числа учащихся, а в провинциях (кроме черт оседлости) — 5 %. Попечительный совет имеет честь покорнейше просить уведомить, какой процент учеников означенного вероисповедания может <быть> принят для Петровского училища. К сему Попечительный совет считает долгом присовокупить, что в настоящее время евреев, обучающихся в Петровском училище, 26, что составляет к общему числу учащихся (510 человек) — 5 %»⁵. В ответ на этот запрос Департамент ответил, что при приеме следует учитывать, «в какой мере участвовали в расходах по учреждению названного училища евреи, и в какой доле выражается в настоящее время ежегодное их участие в со-

держание оно»⁶. Попечительный совет представил полную справку о затратах купцов-иудеев в пользу созданного училища. Эти затраты составили: «из сумм, собранных Купеческою управою в гражданские складки, с 1873 по 1881 г. включительно, с купцов христианского вероисповедания 2 060 285 руб., и с купцов-евреев 97 495 руб., всего 2 157 780 руб. Было отпущено на учреждение Петровского училища 90 000 руб., следовательно, купцами-евреями было внесено на этот предмет $4\frac{1}{2}$ % т. е. 4050 руб., а купцами-христианами 85 950 руб. Более, дополнительных взносов на училище со стороны купцов-евреев делаемо не было. На содержание училища Купеческое общество ежегодно ассигнует согласно § 51 устава от 14 084 до 27 795 руб., всего же с 1886 по 1890 гг. на содержание училища было отпущено 103 767 руб. В этой сумме евреи купцы участвовали в размере 8100 руб., т. е. около 8 %. Расходы по содержанию Петровского училища не покрываются получаемой за учение воспитанников ежегодною платою и другими источниками училища, и ежегодно ассигновалось Купеческим обществом на этот предмет необходимые суммы: в 1886 — 27 795; 1887 — 14 084; 1888 — 19 777; 1889 — 21 100 и в 1890 — 21 010 руб. Относительно общего числа лиц, вносящих гильдейские повинности по Санкт-Петербургу, евреи за последние 5 лет составляют всего 3,5 %»⁷. Департамент рекомендовал училищу придерживаться следующего правила: «допускать ежегодно к поступлению в Петровское училище лиц иудейского вероисповедания в количестве не более 5 % общего числа принимаемых в училище. Впредь до понижения числа обучающихся в нем евреев до указанной нормы, вовсе прекратить прием их в училище»⁸. Попечительный Совет не внял разъяснениям Департамента, и общее количество принимаемых учеников-иудеев составляло 5 %.

В западных областях Российской империи смотрели на это несколько иначе. В начале XX в. Попечительный совет Либаковского коммерческого училища направил письмо в адрес Петровского училища. Предлагалось Попечительному совету Петровского коммерческого училища совместно обратиться в Министерство финансов с предложением полностью отказаться от процентного ограничения для лиц иудейского вероисповедания. Главным аргументом для лоббирования этого вопроса, по мнению членов Попечительного совета Либаковского училища, являлось то, что «главная задача школы должна состоять в воспитании среди юношества общечеловеческих и гражданских качеств, и что всякие религиозно-национальные ограничения являются сильным тормозом для достижения указанной задачи»⁹. Администрация Петровского училища не поддержала инициативу, т. к. государ-

ство проводило достаточно жесткую политику в этом вопросе, а вмешиваться в вопросы государственного значения не представлялось для учебных заведений возможным. В циркуляре Совета Министров указывалось на то, что «необходимость ограждения высших и средних учебных заведений от переполнения их евреями твердо установлена правительством, и соответствующие в сем отношении правила удостоились высочайшего утверждения»¹⁰. Таким образом, было установлено, что в столицах процент учащихся иудеев должен составлять 5 % от общего количества учащихся, в провинциях — 10 % и в черте оседлости — 15 %. Попытка внести единообразие не дала желаемого результата. В аналитической справке учебного отдела Министерства финансов и торговли отмечалось, что «58 коммерческих училищ различно относятся к распоряжениям министерства торговли и промышленности. 10 — подчинились требованиям министерства, и в их уставах введены необходимые изменения. 3 — приняли решение о закрытии, согласно воле учредителей, и министерство дало согласие. 22 — просили предоставить некоторое время для постепенного перехода к предусмотренным правилами 22 августа 1909 года еврейским нормам. 23 училища — решительно отказываются от каких-либо с торгово-промышленным ведомством соглашений»¹¹. Таким образом, вопрос о количестве учащихся иудеев был решен, но в период Первой мировой войны от этого правила отказались.

Обучение в училище для представителей всех конфессий было одинаковым. Так, Учебный отдел Департамента торговли и мануфактур рекомендовал учитывать религиозные праздники иудеев. Подведомственным отделу учебным заведениям был направлен циркуляр: «...препровожаем список праздников, в которые учащиеся иудейского вероисповедания, если пожелают, могут быть свободны от занятий.

- первые и последние 2 дня Пасхи;
- два дня праздника пятидесятницы или одиц;
- пост по поводу сожжения Иерусалимского храма;
- два дня праздника по библейскому выражению, дни трубного звука;
- один день праздника очищения;
- первые и последние 2 дня праздника Кушней.
- день Фурим (установленный в память избавления от истребления, задуманного Аманом)»¹².

На рубеже XIX–XX столетий происходили изменения Устава училища и изыскивались способы сокращения расходов на обучение, в том числе и преподавание Закона Божьего. В ходе обсуждения вопроса ре-

лигиозного образования было предложено отказать от приглашения в училище священников, кроме православных, т. к. они являлись штатными преподавателями. В комиссию, которая рассматривала вопрос об изменении Устава, входили: П. И. Леянов (член Попечительного совета), И. С. Крючков (член Попечительного совета), А. М. Васильев (директор), Н. Б. Медер (преподаватель) и Д. Д. Морев (инспектор училища). Они решили предложить вариант подписки, которую брали с родителей учеников, об обучении их детей вере. Наверное, стоит привести ее полностью, как пример бюрократического мышления. «189__ года __ Дня я нижеподписавшийся (звание, имя, отчество и фамилия) даю сию подписку Попечительскому совету Петровского училища Санкт-Петербургского купеческого общества в том, что в случае принятия в училище сына моего (имя и фамилия), я обязуюсь обучать его дома Закону Божьему (такого-то) вероисповедания, к которому он принадлежит»¹³. В 1909 г. обсуждался вопрос о сокращении расходов училища, в том числе и затрат на приглашение священников для занятий по Закону Божьему. Министерство рекомендовало: «порядок обучения по Закону Божьему оказанных вероисповеданий производится во внеклассное время (от 3 до 5 часов) по группам, если занимающихся воспитанников много, или одновременно, если их мало. Учебники при изучении предмета употребляются общие с гимназиями и другими средними учебными заведениями. В конце года по пройденному курсу производятся экзамены в присутствии лиц администрации училища»¹⁴. Преподавание Закона Божьего для иудеев могло быть проводимо как на иудейском языке, так и на русском.

Подводя итог, следует отметить, что столичное купечество отстаивало свои корпоративные интересы, в том числе и в вопросах обучения своих детей иудеев в Петровском коммерческом училище.

Примечания

¹ Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М. : «Наука», 1992. 260, [2] с.; Деловая элита России. М. : Институт российской истории РАН, 1994. 272, [2] с.; Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб. : Искусство-СПб, Logos, 1998 и др.

² ЦГИА СПб. Ф. 513 (Петроградская городская управа). Оп. 125. Д. 7 (Наряд с разными бумагами о прибылых и убылых в С.-Петербургском купеческом обществе лицах за 1901 год), 15 (Наряд с разными бумагами о прибылых и убылых в С.-Петербургском купеческом обществе лицах за 1902 год), 27 (Наряд с разными бумагами о прибылых и убылых в С.-Петербургском купеческом обществе лицах за 1903 год), 47 (Наряд с разными бумагами о прибылых и убылых в С.-Петербургском купеческом обществе лицах за 1904 г.), 64 (О прибылых и убылых лицах в С.-Петербургском купеческом обществе за 1905 год), 77 (О прибылых и убылых лицах в С.-Петербургском купеческом обществе за 1906 год).

- ³ Мандельштам Е. Э. Воспоминания // Новый мир. 1995. №-10. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/10/mandel.html (дата обращения: 02.01.2019).
- ⁴ РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 241 (Всеподданнейшие доклады министра внутренних дел. 1840–1917 гг.). Д. 146 (Об установлении бюста А.С. Пушкина в гор. Одессе... и др., 1879–1880 гг.). Л. 124.
- ⁵ ЦГИА СПб. Ф. 320 (Петровское училище Петроградского купеческого общества). Оп. 1. Д. 54 (По вопросу о том, какой процент евреев (относительно общего числа учеников) может обучаться в Петровском училище). Л. 4.
- ⁶ Там же. Л. 5.
- ⁷ Там же. Л. 9–10.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Там же. Л. 14–14об.
- ¹⁰ РГИА Ф. 1276 (Совет министров (1905–1917)). Оп. 6. Д. 589 (Об ограничении приема евреев в коммерческие училища. 1910 г.). Л. 20.
- ¹¹ Там же. Оп. 7. Д. 507 (О применении к коммерческим училищам правил 22 августа 1909 г. об условиях приема евреев в средние учебные заведения. 1911 г.). Л. 9–10.
- ¹² ЦГИА СПб. Ф. 320. Оп. 1. Д. 106 (Переписка по разным вопросам. Ч. 3. 1888–1902 гг.). Л. 203–204.
- ¹³ Там же. Д. 225 (Дело по пересмотру устава училища в 1902 году). Л. 118.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 759 (Собственная е. и. в. канцелярия по учреждениям имп. Марии). Оп. 27. Д. 603 (О порядке обучения и способе оплаты уроков Закона Божьего инославных и иноверных исповеданий в учебных заведениях. 1909 год). Л. 26об.

УДК 94(47).083:94(474.3)

Е. Г. Певзнер

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Профессиональное обучение в собственных училищах ОПЕ в С.-Петербурге и Риге

ОПЕ занималось не только поддержкой высшего и начального образования, но и были попытки обучения подростков ремеслам в собственных учебных заведениях ОПЕ.

О ремесленных Отделениях собственных начальных училищ ОПЕ упоминают М. Бейзер и В. Кнорринг. О еврейском ремесленном училище Рижского Отделения ОПЕ приводит краткие сведения Э. Синкевича¹.

23 октября 1895 г. состоялась передача Санкт-Петербургских мужского и женского начальных училищ Петербургскому Комитету ОПЕ².

Руководство ОПЕ и попечительская комиссия были озабочены тем, что дети покидали училища до окончания курса. В училищах занимались дети, в основном, из очень бедных семей. Родители их отдавали на обучение ремеслу либо включали в свое дело³. Серьезным средством добиться, чтобы дети не оставляли учебу до окончания курса, было открытие при училищах профессиональных отделений⁴.

Уже в 1895 г. с помощью благотворителей был закуплен инвентарь, и был разработан план подготовки подмастериц по шитью и кройке платьев и белья, рассчитанный на три года. В отделение было принято восемь девочек 13–15 лет, окончивших основное училище за последние два года. В профессиональном отделении женского училища преподавали общеобразовательные дисциплины (в т. ч. и еврейские), и специальные предметы: кройку платьев, шитье и кройку белья⁵.

Профессиональное отделение при мужском училище было открыто только в 1897 г., когда было построено собственное здание для училищ на углу Большой Мастерской и Офицерской улиц⁶. Были открыты слесарно-механическая и столярно-резная мастерские. На ремесленное отделение принимались мальчики, окончившие полный курс основного училища. На свободные места принимались мальчики старше 12 лет, имевшие знания, соответствовавшие объему начального еврейского училища. Курс обучения был четыре года. Кроме ремесла, преподавались общеобразовательные предметы (в т. ч. и еврейские), и специальные предметы: рисование, черчение, моделирование, практическая геометрия, сведения из физики и механики, элементарная технология дерева и металла⁷. Преподавание шло на русском языке⁸. В 1900 г. в программу слесарно-механического отделения было введено кузнечное дело⁹.

Оба отделения по теоретическим предметам занимались совместно¹⁰.

В 1900 г. были приобретены паровая машина, выписанная из Англии, паровой котел, токарный, сверлильный и фрезерный станки. Для механической мастерской с паровым приводом была отведена свободная часть подвала. Вместе с тем, была перестроена кузница, прибавлено два горна, поставлен вентилятор с механическим приводом и приобретены кузнечные инструменты. В 1902 г. слесарно-механическая мастерская пополнилась новыми станками и инструментами. В 1903 г. оборудование в слесарной мастерской увеличилось на два станка, и были приобретены новые инструменты. Для руководства ремесленным отделением был приглашен инженер-механик М. Г. Болотин. Была переработана программа преподавания ремесла в первых

трех классах ремесленного отделения. В первых трех классах выполнялись только программные работы, а четвертый класс занимался выполнением заказных работ разной степени сложности¹¹.

В программу женского профессионального отделения было введено изготовление головных уборов и искусственных цветов¹². Первые два года ученицы выполняли программные работы, а на третий год обучения приступали к заказам. Заказные работы выполнялись под руководством учительницы мастерства. Благодаря таким условиям, выполнялись работы, отличавшиеся вкусом, изяществом¹³.

Ученики получали вознаграждение за заказы: половину выплачивали сразу, а другую половину после окончания училища¹⁴.

По окончании обучения проводились выпускные экзамены по общеобразовательным и специальным предметам. В мужском профессиональном отделении экзамены проводились в присутствии членов-попечителей, технической комиссии и экспертов ремесленной управы. В женском профессиональном отделении экзамены проходили в присутствии экспертов ремесленной управы и поддерживающих отдел благотворительниц¹⁵.

Выпускники профессиональных отделений получали дипломы подмастерьев и подмастериц. Руководство училищ отслеживало трудоустройство выпускников. Практически все либо работали по специальности, либо преподавали ремесло, в основном, в училищах в провинции. Некоторые эмигрировали: один работал электриком в США, один — слесарем на механическом заводе в Нью-Йорке, один — токарем на заводе в Берлине¹⁶.

В мастерских мужского ремесленного училища, преимущественно в столярной, занимались ученики основного училища в послеобеденное время, не более 3 часов в день¹⁷.

Профессиональные отделения училищ ОПЕ участвовали в различных выставках. В начале 1899 г. училища приняли участие в устроенной при Музее Соляного городка выставке детского труда. Экспонировались работы, выполненные в слесарной, столярной и резной мастерских и изделия, выполненные в белошвейно-портняжной мастерской. Выставку посетила Ее Императорское Величество Государыня Императрица Мария Федоровна. Она обратила внимание на экспонаты Санкт-Петербургских еврейских училищ. Она побеседовала с руководителем ремесленного отделения, который сказал, что Санкт-Петербургская ремесленная школа не только нацелена на подготовку ремесленников, но и содействует успешному развитию профессионального образования среди евреев в России, и готовит пре-

подавателей ремесла из лучших учеников. Ее Величество выразило удовлетворение от осмотра работ училища¹⁸.

В конце 1903 г. ремесленные отделения училищ участвовали в выставке по техническому и профессиональному образованию в С.-Петербурге, организованной при 3 Съезде Русского Технического Общества, впервые как самостоятельные учреждения. Открытие выставки состоялось 17 декабря 1903 г. в здании Соляного городка¹⁹. В конце 1906 г. была устроена выставка работ учениц на базаре благотворительных еврейских учреждений. Изготовлено было изящное белье ручной работы, подушки, акварельные рисунки, вышивка гладью, мелкие вещицы²⁰. В декабре 1909 г. профессиональное отделение женского училища участвовало в выставке при Съезде деятелей по еврейскому женскому профессиональному образованию в г. Вильно. Работы учениц профессионального отделения женского училища вызвали одобрение делегатов Съезда²¹.

Ремесленное отделение при мужском училище было открыто с целью дать возможность мальчикам, оканчивавшим курс основного училища, подготовиться к практической жизни путем изучения ремесла. Однако, состав учеников ремесленного отделения комплектовался, главным образом, из юношей, окончивших разные типы училищ. Окончившие основное училище либо совсем не обучались в ремесленном отделении, либо их было совсем мало (2–3 человека). Было много юношей из провинции, которые не собирались заниматься ремеслом, а рассматривали учебу в ремесленном отделении как ступень к поступлению в другие учебные заведения. Содержание училища дорого обходилось ОПЕ²².

Профессиональное отделение женского училища было рассчитано на 70–80 человек, но в 1909 г. было 39 учащихся притом, что был понижен образовательный ценз и принимались ученицы основного училища, которые ушли до окончания курса, чтобы учиться мастерству, а также принимали девочек из провинции, даже малограмотных²⁵. Поступившие малограмотные девочки оказались неспособными не только к общим предметам, но и к ремеслу²⁴.

По согласованию с ЦК ЕКО был разработан план ликвидации профессионального отделения мужского училища. В 1909 г. из 27 учащихся 12 человек окончили учебу, а остальные 15 были распределены в другие ремесленные училища и частные мастерские. Оборудование поступило в распоряжение ЕКО для распределения его между финансируемыми ЕКО училищами²⁵. Согласно постановлению Общего Собрания гг. попечителей и жертвователей от 12 мая 1910 г., профес-

сиональное отделение женского училища было закрыто²⁶. Белошвейная мастерская была сохранена, но она не входила в состав женского училища ОПЕ²⁷.

В отличие от Петербургского Комитета ОПЕ, в планах Рижского Комитета ОПЕ было открытие собственного ремесленного училища. Возможность открыть училище представилась в 1906 г., когда было построено собственное здание ОПЕ²⁸. При помощи ЕКО были оборудованы две мастерские: слесарно-механическая и модельно-столярная. Принимались юноши 13–17 лет. Курс обучения был рассчитан на четыре года. Кроме общеобразовательных предметов, в училище преподавали специальные дисциплины (геометрию, физику, сведения о механике, черчение геометрическое, проекционное, технологию)²⁹. Заведовал училищем инженер А. Миренский³⁰. В 1912 г. была открыта электротехническая мастерская³¹. В 1913 г. ученики электротехнического Отделения установили собственную училищную станцию и подключили электричество к 3 токарным станкам³². В мастерских выполнялись не только программные работы, но и заказы. Они шли для лотереи и продажи³³.

Каждую Хануку устраивали училищный вечер с выставкой изделий и работ учеников по всем предметам программы училища. Вечер и выставку посещали все родители и многие родственники учеников. На вечере присутствовал также исполнявший обязанности директора народных училищ³⁴.

По сведениям администрации, из 28 человек из первых трех выпусков только один работал не по специальности (чертежником), остальные работали на разных промышленных предприятиях г. Риги и двое были на военной службе³⁵.

Еврейское ремесленное училище участвовало в различных городских мероприятиях г. Риги. В 1910 г. на встречу с Государем Императором и Августейшим Семейством, прибывшими в Ригу по случаю 200-летия присоединения Прибалтики к России, были приглашены все преподаватели училища и 22 ученика³⁶. 11–16 апреля 1911 г. ремесленное училище Рижского Отделения ОПЕ приняло участие в Педагогической выставке Рижского учебного округа. Представленные училищем изделия вызвали большой интерес публики и были получены новые заказы³⁷. 21 февраля 1913 г. в день 300-летия Царствующего Дома Романовых ремесленное училище устроило торжественный акт³⁸.

Попытки деятелей ОПЕ дать профессиональное образование в ремесленных отделениях С.-Петербургских училищ ОПЕ и в ре-

месленном училище г. Риги нельзя считать успешными. Количество окончивших полный курс обучения было очень мало, а затраты на эти учреждения были значительные. В С.-Петербурге ремесленные отделения были закрыты через несколько лет существования. Однако, молодые люди, которые прошли полный курс обучения, получили достаточно хорошую подготовку и почти все работали по специальности или после дополнительной учебы занимались преподаванием ремесла.

Примечания

- ¹ *Бейзер М.* Евреи в Петербурге. Jerusalem : Библиотека-Алия, 1989. С. 33; *Его же.* Евреи Ленинграда. 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М. : Мосты культуры; Иерусалим : Гешарим, 1999. С. 280; *Кнорринг В. В.* Издательская деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в России (рукопись). Дис. ... канд. ист. наук. 05.25.2003. СПб., 2005. С. 60; *Синкевича Э.* Деятельность Общества для распространения просвещения между евреями в Риге // Тирош. Труды по иудаике. Вып. 10. М. : б. и., 2010. С. 155–159.
- ² Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1895 год. СПб. : Типография А. М. Менделевича, 1896. С. 3.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ Там же. С. 6, 8.
- ⁶ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1897 год. СПб. : Типография «Балашев и К°», 1898. С. 5–7.
- ⁷ Там же. С. 13.
- ⁸ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1895 год. С. 9.
- ⁹ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1900 год. СПб. : Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1901. С. 8.
- ¹⁰ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1897 год. СПб. : Типография «Балашев и К°», 1898. С. 14.
- ¹¹ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1898 год. СПб. : Центральная типо-литография М. Я. Минкова, 1899. С. 7; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1900 год. С. 7–8; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1902 год. СПб. : Тип. А. М. Менделевич, 1903. С. 5; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1903 год. СПб. : Тип. И. Флейтмана, 1904. С. 6.
- ¹² Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1900 год. С. 10; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1903 год. С. 6.
- ¹³ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1903 год. С. 7–8.
- ¹⁴ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1899 год. СПб. : Типография СПБ Т-ва печ. и Изд. дела «Труд», 1900. С. 7.
- ¹⁵ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1898 год. С. 9; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1901 год. СПб. : Паровая скоропечатня Гудзац, 1902. С. 5.
- ¹⁶ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1898 год. С. 9–10; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1899 год. С. 7; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1903 год. С. 5–6; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1901 год. С. 5; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1902 год. С. 5, 7; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1906 год. СПб. : Тип. А. М. Менделевича, 1907. С. 10.
- ¹⁷ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1897 год. С. 14; Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1899 год. С. 6–7.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1903 год. С. 6; Открытие выставки // Записки Русского Технического Общества. 1904. № 3. Март. С. 107; Об обстоятельствах закрытия 3 Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию // Техническое образование. 1904. № 6. Октябрь. С. 1–7.

²⁰ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1906 год. С. 10.

²¹ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1909 год. СПб. : Тип. Ц. Крайз, 1910. С. 13–14.

²² Там же. С. 12–13.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Отчет С.-Петербургских училищ ОПЕ за 1910 год. СПб. : Типо-литография «Энергия», 1911. С. 19.

²⁵ Отчет по С.-Петербургским училищам ОПЕ за 1909 год. С. 11.

²⁶ Отчет С.-Петербургских училищ ОПЕ за 1910 год. С. 17.

²⁷ Там же. С. 17–20.

²⁸ Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1907 г. Рига : Тип. Б. Серенсена и К°, 1908. С. 39.

²⁹ Отчет Петербургского Комитета ОПЕ за 1907 год. СПб. : Тип. И. Флейтмана, 1908. С. 32; Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1908 г. Рига : Тип. Б. Серенсена и К°, 1909. С. 10.

³⁰ Там же. С. 13–14.

³¹ Хроника и сообщения. В России. Из деятельности Общества Просвещения // Вестник ОПЕ. 1913. № 21. Март. С. 112–113.

³² Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1913 г. Рига : Тип. Б. Серенсена и К°, 1914. С. 19–20.

³³ Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1908 г. С. 12.

³⁴ Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1907 г. Рига : Тип. Б. Серенсена и К°, 1908. С. 43; Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1908 г. С. 12; Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1913 г. С. 20.

³⁵ Там же. С. 17.

³⁶ Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1910 г. Рига : Тип. Б. Серенсена и К°, 1911. С. 17.

³⁷ Хроника и сообщения. I. В России. Из деятельности Общества Просвещения // Вестник ОПЕ. 1911. № 6. Апрель. С. 125–126.

³⁸ Отчет Рижского Отделения ОПЕ за 1913 г. С. 20.

УДК 371.1.087(091):(470.23-25)“Гринберг”“1918–1919”

Б. Б. Дубенцов

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

З. Г. Гринберг и петроградское учительство: дела и слова (1918–1919 гг.)

«Количество педагогов или людей, которые занимались педагогикой, в среде нашей партии было крайне ничтожно», — вспоминал А. В. Луначарский в 1920 г.¹ Но вряд ли намного бóльшим было и

количество тех представителей умеренных социалистов, которые с первых дней Советской власти включились в ее просветительскую деятельность. К числу последних принадлежал и член Бунда Захар Григорьевич Гринберг (1889–1949). Более того, ему в 1918–1919 гг. выпало стоять во главе государственных учреждений, заведовавших в Петрограде делом народного образования и сыграть заметную роль в преобразовании системы учебных заведений в бывшей столице. Поэтому вполне заслуженно жизнь и деятельность З. Г. Гринберга уже привлекли к себе внимание исследователей. Биографический очерк о нем опубликован И. А. Лапиной². В нем особое место отведено различным аспектам участия З. Г. Гринберга в создании советской школы и, в частности, упомянуто об усилиях, предпринимавшихся Гринбергом для материального обеспечения учителей в конце 1917 г.³ Ранее о мероприятиях советской власти в сфере народного образования и об участии в них З. Г. Гринберга писал в своих работах Е. М. Балашов⁴. Им в общем виде были охарактеризованы существовавшие в 1918–1920 гг. финансовые проблемы петроградских образовательных учреждений и учительства⁵. Вместе с тем осталась неизученной деятельность Гринберга в деле обеспечения средней школы денежными средствами, в первую очередь на содержание преподавательского состава, в 1918–1919 гг. Восполнить данный пробел и предложить некоторые уточнения к биографии З. Г. Гринберга призвана данная статья.

Как уже было отмечено, И. А. Лапина в своем очерке показала, что З. Г. Гринберг изначально уделял первостепенное внимание материальному обеспечению учительства. Долги по выплате учительского жалованья стали нарастать с декабря 1917 г., когда неприятие петроградским учительством новой власти вылилось в забастовку, оказавшуюся, впрочем, непродолжительной и прекращенную 6 января 1918 г. Как писал один из авторов журнала «Петроградский учитель», являвшегося органом оппозиционного Советам Петроградского учительского союза, «форменная голодовка трех тысяч учащихся» к середине марта продолжалась уже пятый месяц, «учащие получили: жалованье за первую половину ноября <...> в начале декабря, за вторую половину ноября — в конце декабря». Во второй половине февраля, уже после того, как большинство учительских организаций в Петрограде согласилось на «органическую работу» с Советами, были составлены списки учителей, и 2 марта было выплачено жалованье за декабрь⁶.

С марта Народный комиссариат просвещения испытывал финансовые затруднения⁷. Тем не менее, на первое полугодие частным

гимназиям Петрограда было выделено пособие в 240 тыс. руб.⁸ Как отмечалось в кратком отчете по Отделу бывших средних учебных заведений Комиссариата по народному просвещению, «вследствие отсутствия кредитов в б[ывших] средних учебных заведениях Отделом уплачивается жалование педагогическому персоналу»⁹. Наличие такой возможности обуславливалось, как можно полагать, тем, что с марта 1918 г., времени переезда советского правительства в Москву, и до начала 1919 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР находился в Петрограде, являясь одновременно комиссариатом просвещения Петроградской трудовой коммуны, затем аналогичным комиссариатом Северной области¹⁰, а точнее Союза коммун Северной области (СКСО), именовавшимся в делопроизводственном обиходе и в прессе «Севпрос». (В нем, кстати сказать, З. Г. Гринберг занял должность товарища (заместителя) комиссара по просвещению Северной области¹¹. По мере учащавшихся и затягивавшихся отъездов А. В. Луначарского из Петрограда на Гринберга ложилось в полном объеме руководство делом просвещения в Северной области и особенно в ее центре). Как отмечал А. В. Луначарский в конце 1918 г., «организационно-техническая работа» в Севпросе — «конструировать почти все отделы и налаживать финансово-административные связи» — «удалась в удовлетворительном размере, главным образом, благодаря поразительной трудоспособности и деловитости моего непосредственного помощника тов. З. Г. Гринберга, которого помощь позволяет мне довольно часто отлучаться в Москву»¹².

Но и финансовые возможности Наркомпроса РСФСР были ограниченными, о чем 31 мая 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению говорил А. В. Луначарский: «Положение финансового дела печально. В отдельных местах школы поддерживались собственными скудными средствами. Нас осаждают просьбы о деньгах, но ассигновок нет»¹³. В тот же день З. Г. Гринберг обратился в Народный банк с просьбой выдавать «без ограничений суммы в пределах наличности» председателю Исполнительного комитета Союза правительственных средних учебных заведений Г. Г. Зогенфрею¹⁴. Следовательно, фактический глава Севпроса сотрудничал в финансовой сфере с крупнейшим петроградским учительским объединением.

В июле и августе Департамент Государственного казначейства рассылал «кассовые расписания» на каждый месяц, которые подлежали открытию по счетам казенных палат и в которых предусматривались не только выплата жалования, но и расходы на пятилетние прибавки¹⁵.

С сентября кассовые расписания перестали рассылаться, а в последующие за августом месяцы следовало открывать кредиты в размере августа. Предполагалось в дальнейшем рассылать уже полугодовые расписания вместо временных помесячных¹⁶. 12 сентября З. Г. Гринберг сообщил в Комиссариат финансов СКСО о представлении смет «на содержание учреждений и учебных заведений в губерниях Северной области» и одновременно попросил «открыть аванс в счет кредита по представленным сметам»¹⁷. Речь шла об учебных заведениях бывшего ведомства императрицы Марии. Реакция Комиссариата финансов была весьма скорой. 14 сентября 4-е сметное отделение представило справку, в которой разъяснялось, что Севпрос запрашивал средства на выплату учителям ведомства жалованья за август и разницы в окладах за июнь и июль, помимо других расходов. В справке отмечалось: «Принимая во внимание, что учащие школ б[ывшего] Мариинского ведомства в настоящее трудное время не получают следуемого им жалованья, <...> была срочно составлена справка, в каковой, без рассмотрения испрашиваемых сумм по существу была приведена сводка всех требуемых к отпуску сумм». Комиссариату народного просвещения был открыт аванс в сумме свыше 2 млн. руб.¹⁸ В октябре З. Г. Гринбергу пришлось еще раз обратиться с такой же просьбой, но уже для выплаты жалованья за сентябрь¹⁹. Не позднее 22 октября товарищ комиссара по просвещению лично передал в Комиссариат финансов проект сметы «по ведомству Комиссариата народного просвещения» на июль–декабрь 1918 г.²⁰ Ее намечалось обсудить 29 и 31 октября, а также 2 ноября в междуведомственной комиссии при Комиссариате народного просвещения²¹, а 22 ноября на заседании Междуведомственной комиссии по сокращению государственных расходов ее представлял сам З. Г. Гринберг²². К направленной в Комиссариат финансов смете Севпроса была приложена ведомость, в которой указывались назначенные на полугодие объемы финансирования и ассигнованные комиссариату суммы за июль–октябрь. На содержание трудовой школы первой и второй ступеней назначено было 15 321 156 руб., а ассигновано 1 779 200; на трудовые школы второй ступени (бывшие гимназии) соответственно 7 637 925 и 1 104 000, на трудовые школы первой ступени (бывшие начальные училища) — 36 665 886 и 6 880 000²³. Эти цифры показывают весь масштаб дефицита денежных средств у Севпроса. Тем важнее отметить, что З. Г. Гринберг, не дожидаясь итогов рассмотрения сметы его ведомства, добился выделения двух кредитов в 20 и 25 млн руб. Из последнего на содержание трудовой школы выделялось свыше 12 млн руб.²⁴

18 января 1919 г. З. Г. Гринберг направил в Комиссариат финансов проект сметы на первое полугодие наступившего года²⁵. В смете Севпроса увеличение расходов на среднюю школу объяснялось «увеличением содержания школьных работников более чем в $1\frac{1}{2}$ раза <...>, увеличением числа их (по закону об единой школе один работник полагается на 25 учащихся)»²⁶. Для сравнения: циркуляром за подписью товарища областного комиссара по просвещению З. Г. Гринберга 25 октября 1918 г. было предписано не допускать наполнения классов более чем в 30 человек²⁷.

Полагая, скорее всего, что смета утверждена, З. Г. Гринберг, начиная с 21 января, слал телеграммы в Москву руководящим лицам Наркомпроса РСФСР, настаивая на переводе денежных средств. 10 февраля он телеграфировал: «Кредиты не открыты положение катастрофическое точка нет жалования личному составу»²⁸. Одновременно 28 января заместитель комиссара по просвещению обратился в Комиссариат финансов, напомнив о «полном отсутствии средств в распоряжении Севпроса». Предоставление последнему права использовать до утверждения новой сметы средства в размере $\frac{1}{6}$ части расходного расписания II полугодия 1918 г., по словам Гринберга, было недостаточно «для удовлетворения неотложных нужд подведомственных Комиссариату учреждений и выплаты служащим содержания». Причиной тому было повышение тарифных ставок и общее вздорожание жизни «до столь больших размеров», что для покрытия расходов Севпроса « $\frac{1}{6}$ часть является буквально каплей в море». «Создаются новые учреждения, открываются новые учебные заведения, а также переходят из других ведомств в ведение Комиссариата народного просвещения, служащие которых остаются без содержания, что, конечно, вызывает со стороны их, — писал З. Г. Гринберг, — вполне справедливое недовольство, к улаживанию которого Севпрос не имеет никаких средств». З. Г. Гринберг просил выделять его ведомству $\frac{1}{3}$ вместо $\frac{1}{6}$ «части расходного расписания II полугодия 1918 г.»²⁹. Но со стороны Комиссариата финансов последовал отказ, Севпросу предлагалось запросить Народный комиссариат просвещения РСФСР об увеличении отпускаемых сумм³⁰.

В первой половине 1919 г. произошло упразднение Союза коммун Северной области. Народный комиссариат просвещения РСФСР был переведен в Москву, а в Петрограде 11 апреля 1919 г. был создан Петроградский окружной комиссариат просвещения. Окружным комиссаром оставался народный комиссар просвещения А. В. Луначарский³¹. З. Г. Гринберг стал теперь заместителем окружного комиссара

просвещения и сохранил место в коллегии преобразованного комиссариата. 28 апреля президиум Петросовета принял постановление о реорганизации бывшего Севпроса в Петроградский отдел народного образования. Постановление коллегии НКП РСФСР о создании Петроградского окружного комиссариата было отменено Президиумом ВЦИК³². 15 июля Исполком назначил З. Г. Гринберга заведующим отделом народного образования³³.

В середине июля З. Г. Гринберг представил в Горфинотдел смету на II полугодие 1919 г., но не городского отдела, а Петроградского окружного комиссариата просвещения³⁴. В объяснительной записке к ней указывалось, что из-за упразднения Северной области смета бывшего Севпроса осталась не утвержденной в Москве и «была отнесена к разряду сверхсметного кредита по Наркомпросу». На единую трудовую школу было отпущено свыше 230 млн. руб., но эта «сумма по данным бухгалтерии Компроса и школьного отдела далеко не хватила на покрытие расходов по трудовой школе в гор. Петрограде и его пригородах, многие школьные работники до сих пор не удовлетворены разницей по новым ставкам». Запрашивая более 750 млн. руб., З. Г. Гринберг призывал «иметь в виду возрастающую дороговизну во всех хозяйственных и канцелярских предметах, наконец, главное увеличение содержание школьных работников [в] два раза и больше»³⁵. Немаловажно, что в смете на II полугодие 1919 г. расчет расхода на содержание школьных работников (прежде всего учителей) производился исходя из нормы 20 учеников на одного учителя в начальной школе и 30 — в школе второй ступени³⁶. 5 августа смету Петроградского окружного комиссариата просвещения утвердил Исполком Петросовета³⁷. Но исполнение самой сметы оказалось невозможным. 13 сентября на совместном заседании Петербургского комитета РКП(б) и Исполкома Петроградского совета А. В. Луначарский констатировал: «До сих пор Петроград, несмотря на усилия Наркомпроса в Москве, не получает денег». Здесь же нарком просвещения упомянул о действиях своего петроградского заместителя в условиях безденежья: «Гринберг занимает миллион у того, два миллиона у того»³⁸.

Таким образом, очевидно, что З. Г. Гринберг, фактически осуществляя руководство сменявшими друг друга государственными учреждениями по просвещению в Петрограде, не только в конце 1917 г., но также на протяжении 1918 и большей части 1919 г., добивался хоть сколько-нибудь регулярного выделения государством денежных средств для школ и в возрастающих размерах. Его *дела* были направлены к тому, чтобы обеспечить жалованьем петроградских учителей,

причем даже в условиях неспособности советского правительства хоть как-то проводить сметное финансирование. Действия З. Г. Гринберга соответствовали той политике, которую в отношении учительства определял А. В. Луначарский: удалять из среды учительства открытых врагов Советской власти, готовить новых учителей³⁹, поддерживать и привлекать на ее сторону основную учительскую массу. Нарком просвещения предупреждал: «Если мы распугаем в таком месте, где это нужно, специалистов, учителей, инженеров, профессоров, это значит, что мы не в состоянии будем произвести нового поколения сколько-нибудь подготовленных работников. Тогда мы от культурного строительства страны должны отказаться»⁴⁰. Но эта политика в Петрограде в 1919 г. подверглась шельмованию с леворадикальных позиций приближенными Г. Е. Зиновьева. Нажим с их стороны нарастал в июле–августе, накануне осенних перевыборов учителей⁴¹. З. Г. Гринбергу стали делать приглашения выступить на районных собраниях с вероятным расчетом подвергнуть его и политику его ведомства осуждению. 28 августа ему пришлось представить своего рода отчет объединенному собранию Совета и членов партии во втором Городском районе, 5 и 9 сентября состоялись его лекции в Невском и Василеостровском районах⁴². На первом из этих выступлений З. Г. Гринберг сначала воспроизвел устоявшийся ранее подход к петроградским учителям, выделив и заклеив их высший слой: «Наши городские генералы от учительства — это все наши враги». Но в конце своего пребывания на трибуне, после ответов на вопросы он высказался по-иному: «Касаясь условия жизни учителей, тов. Гринберг не отрицает, что им, как и прочим советским служащим, жить трудно, но давать им паек, подкупать их этим, по меньшей мере, смешно. Сейчас, как я выше сказал, среди учителей большинство против нас, наших педагогов очень мало; обеспечивать, кормить это большинство, давать <силу> ему возможность быть физически крепче — это дать ему больше сил агитировать против нас». Данное суждение заведующего городским отделом народного образования было встречено, как отмечено в протоколе, бурными аплодисментами⁴³.

Таким образом, в угоду левацки настроенной аудитории З. Г. Гринберг произнес *слова*, находившиеся в явном противоречии с его делами⁴⁴. Но уступчивость не помогла спасти положение петроградским сторонникам А. В. Луначарского. Пост заведующего Петроградским гороно З. Г. Гринберг сохранить за собой не смог. Попытка Луначарского сделать его особоуполномоченным Наркомпроса в Петрограде ни к чему не привела. 17 февраля 1920 г. З. Г. Гринберг был назначен

членом коллегии Наркомпроса РСФСР и через несколько дней выехал в Москву⁴⁵.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Балашов Е. М.* Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 г. (На материалах Петрограда) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992 // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН, Ф. Диссертации. Ед. хр. 243. С. 211.
- ² *Латина И. А.* Народный комиссар Петроградского учебного округа З. Г. Гринберг // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. История, языки, литература. Материалы международной научной конференции 17 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин; Петербургский ин-т иудаики. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 11). СПб. : б. и., 2016. С. 184–194.
- ³ Там же. С. 185–187.
- ⁴ Помимо выше цитированной кандидатской диссертации Е. М. Балашова важные сведения о деятельности З. Г. Гринберга в Петрограде содержит написанная им по материалам диссертации статья: *Балашов Е. М.* Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский в Петрограде: история одного конфликта // История глазами историков. Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 70-летию доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой Российской истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского / Науч. ред. и сост. Г. А. Тишкин. СПб.; Пушкин : СПбГАУ, 2002. С. 259–269.
- ⁵ *Балашов Е. М.* Становление советской системы народного образования... С. 122–130, 193–204.
- ⁶ *И. Ц.* Когда городские учителя могут надеяться получить жалованье? // Петроградский учитель. 1918. № 3. 18 (5) марта. С. 6–8.
- ⁷ *Балашов Е. М.* Становление советской системы народного образования... С. 122.
- ⁸ Там же. С. 129.
- ⁹ Краткий отчет по Отделу б[ывших] средних учебных заведений Комиссариата по народному просвещению // ЦГА СПб. Ф. 1000 (Ленинградский губернский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 3. Д. 146 (Переписка по Комиссариату Народного Просвещения и отделу имуществ по учебным заведениям, по антикварно-оценочной комиссии (М. Горький), по охране архивов, о распространении музыкального образования, отчеты о работе отдела по делам музеев и охраны памятников старины, кинокомитета и проекты по культ-просвету). Л. 32об.–33.
- ¹⁰ *Гоголевский А. В.* Петроградский совет в годы гражданской войны. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1982. С. 91.
- ¹¹ См. Сборник декретов и постановлений по союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. [Пг.] : Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. С. 359–360.
- ¹² Вступительная записка А. В. Луначарского к докладам отделов Комиссариата просвещения Северной области. Дата входящей регистрации 30 ноября 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 2551 (Комиссариат народного просвещения СКСО). Оп. 1. Д. 70 (Переписка о содержании учебных заведений, о выдаче прибавок престарелым служащим). Л. 27.
- ¹³ Народное просвещение. 1919. № 9–10. С. 81–82. См. также *А. К.* Финансово-материальные ресурсы Облоно за 10 лет // Просвещение. 1927. № 11. С. 6–7.
- ¹⁴ Отношение (отпуск) Комиссариата народного просвещения СКСО в Народный банк от 31 мая 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 84 (Переписка по финансовым вопросам с Народным Банком). Л. 5.
- ¹⁵ Ведомость кредитов по кассовому расписанию Комиссариата по Просвещению на июль месяц 1918 г., подлежащих открытию по счетам Петроградской Казенной Палаты для

- Петроградской губернии. Б/д. // ЦГА СПб. Ф. 1328 (Комиссариат финансов Союза коммун Северной области). Оп. 6. Д. 126 (О расходных росписаниях по смете Комиссариата Народного просвещения). Л. 3–6.
- ¹⁶ Отношение Департамента Государственного казначейства РСФСР в Петроградскую казенную палату от 28 сентября 1918 г. Копия с копии // Там же. Л. 13.
- ¹⁷ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО от 12 сентября // Там же. Д. 75 (По смете Народного Комиссариата по Просвещению Северной Области). Л. 95.
- ¹⁸ Справка 4-го сметного отдела Комиссариата финансов СКСО 14 сентября 1918 г. // Там же. Л. 139–139об.
- ¹⁹ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО в Управление делами заместителя народного комиссара финансов для Северной области от 12 октября 1918 г. // Там же. Л. 236; Справка 4-го сметного отдела Комиссариата финансов СКСО от 20 ноября 1918 г. // Там же. Л. 254–254об.
- ²⁰ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО от 23 октября 1918 г. // Там же. Л. 312.
- ²¹ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО от 24 октября 1918 г. // Там же. Л. 318. В Севпросе комиссии пришлось заседать не три раза, а пять, причем последнее заседание состоялось 14 ноября. См. Протоколы (копии) заседаний междведомственного совещания для предварительного рассмотрения проекта сметы по ведомству Комиссариата Народного Просвещения Северной Области // ЦГА СПб. Ф. 1963 (Управление Уполномоченного Народного комиссариата финансов по Северо-Западной области и Финотдел Ленинградского (Петроградского) губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 2. Д. 8 (4-го Сметного Отдела по рассмотрению смет Комиссариата Просвещения Северной области). Л. 128, 129, 131, 132, 133.
- ²² Журнал заседания Междведомственной комиссии по сокращению государственных расходов 22 ноября 1918 г. по рассмотрению сметы Комиссариата просвещения Северной области на июль–декабрь 1918 г. Копия с копии // Там же. Ф. 1328. Оп. 6. Д. 75. Л. 426.
- ²³ Ведомость кредитов по кассовому расписанию Народного Комиссариата по Просвещению на июль–декабрь 1918 года, подлежащих открытию по счетам Петроградской Казенной палаты для Петроградской губернии. Б/д. Подписана З. Г. Гринбергом // Там же. Л. 424–425об.
- ²⁴ Отпуск отношения Управления делами заместителя комиссара финансов для Северной области в Комиссариат народного просвещения Северной области от 5 ноября 1918 г. // Там же. Л. 487; Отпуск отношения Управления делами заместителя комиссара финансов для Северной области в Комиссариат народного просвещения Северной области от 28 ноября 1918 г. // Там же. Л. 518–518об.
- ²⁵ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО от 18 января 1919 г. // Там же. Ф. 1963. Оп. 2. Д. 8. Л. 43.
- ²⁶ Смета расходов Комиссариата Просвещения Северной области на январь–июнь 1919 года, утвержденная Междведомственной комиссией по сокращению Государственных расходов Северной Области в заседании 28 января 1919 г. // Там же. Л. 225об.–226. (Ср. черновик сметы: Там же. Л. 197об.–198).
- ²⁷ Сборник декретов и постановлений по союзу коммун Северной области. Вып. 1. Ч. 1. С. 405–406.
- ²⁸ Телеграммы (копии) заместителя комиссара по просвещению З. Г. Гринберга в Наркомпрос РСФСР 21 января, 4, 10 и 25 февраля // ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 162 (Переписка по финансовым вопросам и положение о капитале...). Л. 1, 20, 34, 37.
- ²⁹ Отношение Комиссариата народного просвещения СКСО в Комиссариат финансов СКСО от 28 января 1919 г. // Там же. Ф. 1963. Оп. 2. Д. 8. Л. 63–63об.

- ³⁰ Отпуск отношения Управления делами заместителя комиссара финансов для Северной области в Комиссариат народного просвещения Северной области (не позднее 13 февраля 1919 г.) // Там же. Л. 64.
- ³¹ Гоголевский А. В. Указ. соч. С. 91–92.
- ³² Балашов Е. М. Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский в Петрограде... С. 261.
- ³³ Там же. С. 264.
- ³⁴ Журнал заседания совещания при сметно-кассовом отделе Петроградского городского финансового отдела от 24 июля 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 2. Д. 30 (По рассмотрению смет Петроградского окружного Комиссариата Просвещения). Л. 5–6.
- ³⁵ Объяснительная записка к смете Петроградского комиссариата по просвещению на 2-ое полугодие 1919 года. Б/д. // Там же. Л. 9об.–10.
- ³⁶ Проект сметы на II полугодие 1919 года Петроградского окружного комиссариата просвещения. Б/д. // Там же. Л. 29–30.
- ³⁷ Отношение (отпуск) Финансового отдела Исполкома Петросовета в Народный комиссариат просвещения от 20 августа 1919 г. // Там же. Л. 40б.
- ³⁸ Стенографический отчет совместного заседания Петербургского комитета РКП(б) и Исполкома Петроградского совета от 13 сентября 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 47 (Стенографический отчет заседания Исполкома Петросовета). Л. 15.
- ³⁹ Луначарский А. В. Речь на I съезде по просвещению. 25 августа – 4 сентября 1918 г. // О воспитании и образовании / А. В. Луначарский; ред. А. М. Арсеньева и др. М.: Педагогика, 1976. С. 37.
- ⁴⁰ Стенографический отчет совместного заседания Петербургского комитета РКП(б) и Исполкома Петроградского совета от 13 сентября 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 47. Л. 10. То же и в сходных выражениях говорил З. Г. Гринберг 9 сентября 1919 г. на перавой губернской конференции культурно-просветительных работников. См. Стенографический отчет конференции. // Там же. Ф. 6276 (Ленинградский совет профессиональных союзов). Оп. 4. Д. 140 (Стенографический отчет первой общегородской конференции культурно-просветительных работников, о распределении продуктов). Л. 7–8. О себе в этой речи Гринберг упоминал, что он «учился в университете», «работал в школе не один год».
- ⁴¹ Балашов Е. М. Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский в Петрограде... С. 262–264.
- ⁴² Журнал ежедневной регистрации проведенных лекций, митингов, бесед в районах и на отдельных предприятиях и в учреждениях. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1 (Петроградский комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 382 (Журнал ежедневной регистрации проведенных лекций, митингов, бесед (сведения, где проведены, кем, тема, впечатление агитатора)). Л. 5об.–6, 9об.–10.
- ⁴³ Протокол заседания объединенного собрания Совета и членов партии 2-го Городского района от 28 августа 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 86 (Протоколы заседаний Исполкома Совета 1-го Городского района и инструкции для членов Совета). Л. 41, 44.
- ⁴⁴ Учительский паек равнялся четверти фунта хлеба. См. Балашов Е. М. Становление советской системы народного образования... С. 204. В начале марта 1919 г., в обстановке резкого ухудшения продовольственного положения в Петрограде, З. Г. Гринберг обратился в Комиссариат финансов с просьбой выделить сверхсметный кредит в размере 20 млн. руб. на закупку продуктов «вследствие расширения деятельности по снабжению служащих Комиссариата народного просвещения и причастных учреждений». К этому времени, по словам Гринберга, заготовлялось ненормированных продуктов для обслуживания 20 тыс. едоков. Кредит был выделен Народным банком «под обеспечение товарными документами и товарами на складе». Отношение Комиссариата просвещения в Комиссариат финансов СКСО от 6 марта 1919 г. // ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 2. Д. 8. Л. 23б; отношение Северо-областной конторы Народного банка в Комиссариат финансов СКСО от 15 апреля 1919 г. // Там же. Л. 248.
- ⁴⁵ Балашов Е. М. Г. Е. Зиновьев и А. В. Луначарский в Петрограде... С. 266–267.

УДК 94(476.5)“1920/1929”:373.24(=411.16):37.035.4

Г. Н. Яковлева

(г. Витебск, Республика Беларусь)

Советские еврейские детские сады 1920-х гг. на Витебщине и их роль в политической социализации детей и родителей

Еврейские общественные организации еще до революции стали создавать детские очаги и сады для еврейских детей из малообеспеченных семей. Увеличилось число таких учреждений в годы Первой мировой войны (особенно для детей беженцев). Новый этап в их истории начался после революционных преобразований 1917 г. В апреле 1919 г. состоялся I Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию, который принял «Инструкцию по ведению очага и детского сада». С этого момента началось массовое создание советских детских дошкольных учреждений по стране. В их структуру входили ясли для детей в возрасте от двух месяцев до трех лет, детские сады, работавшие 4–6 часов, сады-очаги, работавшие 8–10–12 часов, летние детские площадки.

Активное образование детских садов в Витебской губернии, входившей до 1924 г. в состав РСФСР, также началось в 1919 г. До этого в губернии было только три детсада. К 1 июля 1919 г. насчитывалось уже 66 детских садов, в которых числился 3871 ребенок¹. На Витебщине проживало значительное количество еврейского населения. В марте 1919 г. было создано Еврейское бюро (евбюро) губернского отдела народного образования (губоно), работавшее в тесном контакте с евбюро губкома РКП(б). Стали формироваться советские еврейские школы и детские сады. В документах 1919 г. встречаются еврейские дошкольные учреждения в Лепеле, Дриссе, Себеже, Городке, Полоцке, Витебске, в местечках уездов губернии. В рамках «Недели ребенка», проводимой в декабре 1920 г., шла речь о распределении дополнительного питания в еврейские детские сады г. Лепеля, в Бочейковский детсад, детям двух садов м. Бешенковичи и двух садов м. Чашники². По документам евбюро губоно в мае 1921 г. в губернии насчитывалось 35 еврейских детских садов, шесть из них в Витебске, остальные — в городах и местечках девяти уездов. С 15 июня по 15 сентября 1920 г. работали три школьные детские площадки и пять дошкольных, которые посетили около 1000 детей³. Однако созданные

детские дошкольные учреждения испытывали материальные затруднения, катастрофически не хватало воспитательниц. Ситуация была такой, что отъезд из Витебска даже одного работника мог вызвать вопросы существования сада или коммуны. Для дошкольных работников проводились краткосрочные курсы, иногда с лекциями приезжали сотрудники Центрального еврейского бюро НКП РСФСР или специалисты петроградских педагогических вузов. В 1920 г. были открыты губернские шестимесячные дошкольные курсы, на них были зачислены 40 слушательниц из 12 пунктов губернии. В числе других предметов здесь читались специальные лекции по еврейскому языку, детской литературе, играм и пению на еврейском языке⁴. Занятия с детьми в садах зависели от профессионализма воспитательниц. Кто-то придерживался теории свободного воспитания, некоторые были знакомы с педагогическими идеями Е. И. Тихеевой, Ф. Фребеля. Типичные занятия в таких садах — лепка, рисование, вырезание карточек из цветной бумаги, построение из кубиков, подвижные игры, пение и др. Старшие дети обучали младших грамоте и письму. Летом воспитанники большую часть времени проводили на свежем воздухе. В 1923 г. на заседании губоно при обсуждении плана работы отдела социального воспитания было принято решение сблизить сад с жизнью (ознакомить детей с фабриками, заводами, мастерскими, вокзалом, почтой и т. д.), точнее выяснить содержание работы в сторону замены мистических и чрезмерно фантастических сказок рассказами с реальным содержанием; уделить огромное внимание спортивным играм, знакомству с природой и окружающей средой, вывозить детей за город⁵.

К сожалению, на основе имеющихся документов невозможно точно сказать о наличии частных детских садов в Витебске после революции. Но поскольку хедеры еще сохранялись, а родители приводили ребенка в хедер в пять лет, а часто и в три-четыре года, то он в какой-то мере выполнял и функции сада. Вероятно, сады все же были, т. к. 14 июня 1923 г. губисполком принял постановление № 101. Оно гласило: «Все существующие в настоящее время частные школы и детские сады должны быть закрыты к 15 июня сего года». За нарушение предусматривался штраф до 300 рублей золотом или принудительные работы до трех месяцев⁶.

Переход в 1921 г. к нэпу отразился на дошкольных учреждениях. Из-за сокращения госфинансирования и перехода на местный бюджет их количество стало резко уменьшаться. В апреле 1922 г. из девяти общих и четырех еврейских садов Витебска на содержании губоно осталось только два общих и два еврейских. 1-й и 3-й еврейские сады

сохранялись, т. к. обслуживали районы города, где концентрировалось «рабочее население еврейской бедноты». 2-й детсад хотели передать на полное материальное и финансовое снабжение Евообщесткома. Проблема как-то решилась, но сад снова «спасали» и в 1923 г. В конце 1922 г. пришлось пересматривать состав детских учреждений с целью заменить детей, имеющих хоть какую-то возможность содержаться родителями, детьми-сиротами и детьми безработных матерей, как правило, одиночек. Отстаивая еврейские детские сады, евбюро предпринимало попытки создать группы для еврейских детей в общих садах. Тогда же оно решило преобразовать 1-й еврейский детский сад в образцовое учреждение, которое обслуживало бы в педагогическом отношении и остальные еврейские учреждения соцвоса⁷. Наверное, в какой-то мере это удалось, т. к. 1-й центральный еврейский детский сад, 10-я еврейская школа второй ступени и 12-я еврейская коммуна упоминались в документах в качестве наилучших.

В 1922 г. в Лепеле и уезде из четырех осталось два детсада. В Оршанском уезде в 1920 г. функционировали еврейские сады в местечках Толочино, Смольяны, Староселье, Коханово, Словени, Оболица⁸. Однако из-за отсутствия средств они закрылись. Только в Орше осталось два еврейских детсада по 50 человек в каждом. При заводах сохранились смешанные сады, работавшие на русском языке. Также в Орше имелось два еврейских детдома на 100 детей. Летом 1922 г. их перевели в Детский городок, который находился в бывшем мужском монастыре за городом⁹. Детские городки возникли в начале 1920-х гг. Они располагались за городом или в сельской местности и состояли из ряда детских домов для детей разных возрастов. В Московской губернии был наиболее известен городок в Малаховке, где, кстати, некоторое время работал М. Шагал.

Существование дошкольных учреждений было бы невозможно без субсидий Евообщесткома, периодической помощи АРА и Джойнта. Сокращение садов продолжалось и в 1923 г. В мае 1923 г. Евообщестком поддержал продуктами для дополнительного питания, медикаментами и обмундированием (нерегулярно) два сада в Орше, по одному детсаду в Лиозно, Городке, Полоцке, Дриссе, Лепеле, Чашниках, детский очаг в Велиже и интернат в Бешенковичах¹⁰. За счет помощи Евообщесткома смогли сохраниться витебские 2-й и 11-й еврейские сады на 60 детей. В 1924 г. в Витебске действовало девять детсадов и очагов, из них три еврейских сада и два еврейских очага¹¹. В городе также имелись 5-я, 7-я, 12-я еврейские коммуны, Дом юношества для 30 еврейских беспризорных подростков. Посещали еврейские дети и

общегородские сады и ясли, а также учреждения, созданные на средства общества «Друг детей».

Ситуация мало изменилась и в конце 1920-х гг. В 1928 г. на местном бюджете в Витебске работало шесть очагов, два детсада и три площадки, в районах сохранилось два детсада и 14 площадок. В местечковых садах из-за холода и плохого ухода из-за нехватки персонала дети часто болели.

Дошкольные учреждения играли огромную роль в политико-идеологическом воспитании подрастающего поколения. Еврейские сады и очаги были советскими учреждениями, воспитательницы работали в них с детьми на идише. Сначала здесь еще отмечались Ханука и Пурим, сады не работали в субботу. Но еврейские партийные и просвещенческие структуры вели борьбу с желанием сохранить эти традиции. Евбюро губоно вело пропагандистскую работу против субботнего отдыха, но это давалось нелегко. 22 апреля 1923 г. в субботу в семь часов вечера в Доме им. Менделе оно вновь проводило собрание культработников: «На повестке дня вопрос о введении воскресного отдыха в школах и детских учреждениях». Многие воспитатели, родители, а с ними и дети до конца 1920-х гг. соблюдали традиционные бытовые практики и чтили субботу.

Однако дети лишились религиозного образования, воспитывались в новых политико-идеологических условиях. В мае 1921 г. зав. еврейским подотделом Оршанского уоно сообщала в губоно, что еврейские школы, детские сады, клубы принимали активное участие в праздновании пролетарского 1 Мая. Во всех местечках проходили митинги, спектакли, школьные праздники¹². В 1924 г. в Витебске в демонстрации в день 8 Марта участвовали взрослые, ученики школ первой и второй ступени, пионеры, а даже *дети коммун и дошкольных учреждений, которым по этому поводу предоставили автомобили* (выделено нами — Г. Я.)¹³. На политическую социализацию детей оказал влияние публичный траур, организованный в связи со смертью В. И. Ленина в январе 1924 г. В «траурный дискурс» (Б. Эннкер) были втянуты и еврейские дети. Они участвовали в собраниях, митингах и шествиях, проходивших в городах и местечках губернии. В Велижской еврейской детской коммуне после доклада на заседании по случаю вопроса об увековечении памяти Ленина дети «покалялись, что никогда не забудут дорогого учителя и постановили назвать свою коммуну его именем»¹⁴. В детских домах, садах и коммунах стали возникать «красные уголки Ильича». Дети в садах повсеместно рисовали Ленина в гробу. В витебском центральном детском очаге рабкор

увидел слепленный детьми «не то ящик, не то корыто», в котором лежала фигурка, вероятно, означающая человека. Руководители поясняли, что это Ленин в гробу, что «смерть тов. Ленина отразилась на детском творчестве». Рабкор уточнял, что таких однородных фигурок — «Ленин в гробу» — много¹⁵. Детей «втягивали» в акции международной солидарности, например, с бастовавшими в 1926 г. английскими горняками. «Заря Запада» размещала на своих страницах типичные «вызовы» тех месяцев: «Дети 1-ого детского очага по вызову детей 2-ого детсада вносят в пользу детей английских горняков 92 коп. и предлагают своим старшим товарищам — детям школ откликнуться на вызов»¹⁶. «Дети 5-го детсада вносят в пользу детей английских углекопов собранные по собственной инициативе 3 руб. 34 коп. и вызывают “Красную Звездочку” (детский дом — Г. Я.) и 4-й детсад»¹⁷. Встречаются на страницах газеты вызовы и детей местечек Витебского округа.

Детские учреждения работающих женщин устраивали, потому что дети в них были «сыты и целы». Для власти же важным являлось не только воздействие на детей, но и влияние детских учреждений на матерей через приобщение их к советскому взгляду на мир, к культуре и гигиене. Это была сфера деятельности женотделов. Детям прививались культурные и гигиенические навыки: умывание, чистка зубов, пользование отдельной посудой и т. д. С матерями проводились беседы, устраивались лекции по вопросам воспитания и гигиены детей. Одним из принципов работы советского детского сада была тесная связь с родителями и семьей. Работники детсадов помогали формировать политически и социально одобряемые модели родительства, а также способствовали разрушению усвоенных ранее наборов поведенческих стереотипов и учили родителей идеологически правильно и в соответствии с научными требованиями воспитывать детей. Перед еврейскими праздниками в садах для родителей проводились специальные собрания с докладами по этому поводу. В Витебске руководители 1-го еврейского детского очага вместе с родительским комитетом старались влиять на жизнь и быт рабочих, изживать религиозные предрассудки, прививать культурные навыки, научить родителей гигиене и тому, как воспитывать детей¹⁸. Выпускалась серия популярных брошюр в помощь родителям по воспитанию ребенка в семье. В них давались указания по физическому развитию ребенка, советы по питанию и организации уголка дошкольника дома, освещались вопросы трудового, интернационального и антирелигиозного воспитания. Витебская газета «Заря Запада» призывала бороться с

«нелепыми и опасными советами невежественных бабок», с насилием по отношению к детям в семье, рекламировала журнал «Гигиена и здоровье рабочей и крестьянской семьи», книгу «Мать и дитя».

Политическая социализация родителей происходила и в ходе участия в антирелигиозных праздниках-заместителях. Соглашаясь на «красные крестины», родители маркировали свой разрыв с религиозной традицией. Детей называли революционными именами или в честь коммунистических вождей. Участвовали в этих мероприятиях и евреи, как коммунисты, так и беспартийные. В «Известиях Витебского губкома и губисполкома» в январе 1924 г. утверждалось: «От октябрин, от коллективных яслей и общежитий — к полной перестройке внутренней жизни. Вот путь, на который уже стали и уверенно идут вперед трудящиеся»¹⁹. И описывались примеры «октябрин». На торжественных собраниях мальчики получили имена Пионер, Ким, Маркс, Виль. Девочек-близнецов нарекли Леной («в память Ленских событий») и Комой («в память незабвенной Парижской коммуны»). Маленького Маркса Аксельрода зачислили красноармейцем в подшефную воинскую часть и седьмым членом ячейки РКСМ маслозавода. Поздравляя малыша, зав. отделом по работе среди женщин т. Пескина приветствовала беспартийную жену Аксельрода, которая «отбросила от себя религиозные предрассудки, пожелав устроить красные крестины». Сына беспартийного каменщика т. Ханина Виля, дочерей кузнеца, коммуниста т. Пескина Лену и Кому приветствовали ячейка РКП(б), РКСМ, профсоюз строителей. Салютовали новорожденным пионеры. Командир их отряда зачислил малышей в юные пионеры звена им. Спартака и К. Цеткин.

В год десятилетия Октября пропагандировались достижения в области социального воспитания. На страницах «Зари Запада» коллектив 5-го витебского детсада желал стране ко второму десятилетию революции побольше детских садов, чтобы «воспитать здоровое, бодрое поколение и дать возможность матери-работнице, освободив ее от тягот воспитания, принять активное участие в строительстве лучшей, новой жизни». Признавая бытовые условия пролетарской семьи пока неподходящими для правильного воспитания ребенка, работники детсада перечисляли преимущества пребывания в детском саду: прививается коллективизм, дети знакомятся с окружающей жизнью и познают окружающую природу, избавляясь от предрассудков и суеверий. Жизнь в саду строится на труде, посильном для ребенка, им осваиваются культурно-гигиенические навыки, за его физическим развитием наблюдает врач. У такого ребенка не будет тяжелого и без-

радостного детства, он не станет лентяем, не умеющим жить и работать сообща²⁰.

В 1927 г. в БССР работали только 62 детских сада (21 из них был еврейским) и 73 детских дома и приюта (16 — еврейских)²¹. Они охватывали только около 2 % детей. Еврейские детские дошкольные учреждения, работавшие на идише, выполняли функцию советизации и коммунализации жизни детей с ранних лет, способствовали воспитанию их родителей в советском духе и трансформации старой традиционной семьи. Становление их было сложным, а условия пребывания в них детей не такими радужными, как об этом писалось в юбилейных статьях.

Примечания

¹ Москва, Остоженка, 53. Дошкольный отдел // ГАВт. Ф. 246 (Отдел народного образования исполкома Витебского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВИТГУБОНО)). Оп. 5. Д. 4 (Телеграммы, сведения о дошкольных учреждениях народного образования статбюро). Л. 19.

² Справка подотдела общественного питания Лепельского упродкома отпущенных продуктов в ходе «Недели ребенка». 10 января 1921 г. // Там же. Ф. 250 (Лепельский уездный отдел народного образования). Оп. 1. Д. 54а (Статсведения о состоянии единых трудовых школ Лепельского уезда). Л. 36.

³ Просвещение национальных меньшинств // Вестник народного образования: Орган Витебского губоно. 1921 г. № 1 (май). С. 30–31.

⁴ Там же.

⁵ Выписка из протокола заседания коллегии Губоно от 08.05.1923 г. // ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 90 (Циркуляры НКП РСФСР за 1923 г.). Л. 116.

⁶ Обязательное постановление № 101 Витебского губисполкома о запрете деятельности частных школ и детских садов на территории губернии // Витебская губерния 1917–1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. С. 283–284.

⁷ Протокол № 15 заседания Губевбюро просвещения от 27 апреля 1922 г. // ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 324 (Протоколы заседаний и отчеты о работе ебюро Витгубоно за 1922 год). Л. 27; протокол № 28 заседания Губевбюро просвещения от 2 и 10 октября 1922 г. // Там же. Л. 40.

⁸ Сведения о количестве еврейских учреждений Оршанского уезда // Там же. Д. 325 (Переписка с Оршанским УОНО о состоянии учреждений, список работников еврейских детских домов и культпросветучреждений). Л. 26.

⁹ Докладная записка в Губоно // Там же. Л. 33.

¹⁰ В ебюро просвещения Губоно // ГАВт. Ф. 246. Оп. 1. Д. 327 (Переписка с Витгубкомом РКП(б) и Витгубоно о проведении политпросветработы и о состоянии еврейских детских учреждений). Л. 37.

¹¹ Список школ гор. Витебска 1-й и 2-й ступени // Там же. Оп. 6. Д. 12 (Переписка с учреждениями г. Витебска. Список школ г. Витебска, 1924 г.). Л. 4.

¹² В евподотдел Губнаобраза // Там же. Оп. 1. Д. 323 (Переписка с Оршанским унаобразом об открытии курсов и школ в уезде на еврейском языке). Л. 34.

¹³ Отчет Витгорженотдела о проведении дня 8-го Марта 1924 г. // ГАВт. Ф. 10051 (Витебский окружной КП(б)Б). Оп. 1. Д. 226. (Протоколы заседания коллегии женотдела и отдела работниц и крестьянок уторкома и окружкома КП(б)). Л. 17.

- ¹⁴ *Волинская*. Дети не забудут его. Гор. Велиж // Известия Витебского Губкома и Губисполкома. 1924. 22 февраля. С. 3.
- ¹⁵ *Тобинский М.* В гостях у детей (Центральный детский очаг) // Известия Витебского Губкома и Губисполкома. 1924. 14 февраля. С. 4.
- ¹⁶ На помощь горнякам Англии. Вызовы // Заря Запада. 1926. 23 сентября. С. 4.
- ¹⁷ Помогаем английским горнякам // Заря Запада. 1926. 20 октября. С. 4.
- ¹⁸ *Рубина М.* Через дошкольное воспитание к новому быту // Заря Запада. 1926. 28 февраля. С. 2.
- ¹⁹ Красные крестины // Известия Витебского Губисполкома и Губкома. 1924. 3 января. С. 3.
- ²⁰ Что дает детский сад пролетарскому ребенку // Заря Запада. 1927. 28 октября. С. 2.
- ²¹ *Басин Я.* Идишизация // Беларусь у XX стагоддзі. 2003. Вып. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://mb.s5x.org/homoliber.org/ru/xx/xx020108.html> (дата обращения: 29.01.2019).
-
-

УЧЕНЫЕ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ



УДК 929.5:303.686(477.7)

В. В. Левченко

(г. Одесса, Украина)

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П. М. Бицилли

Дерево держится корнями,
а человек — родственниками.

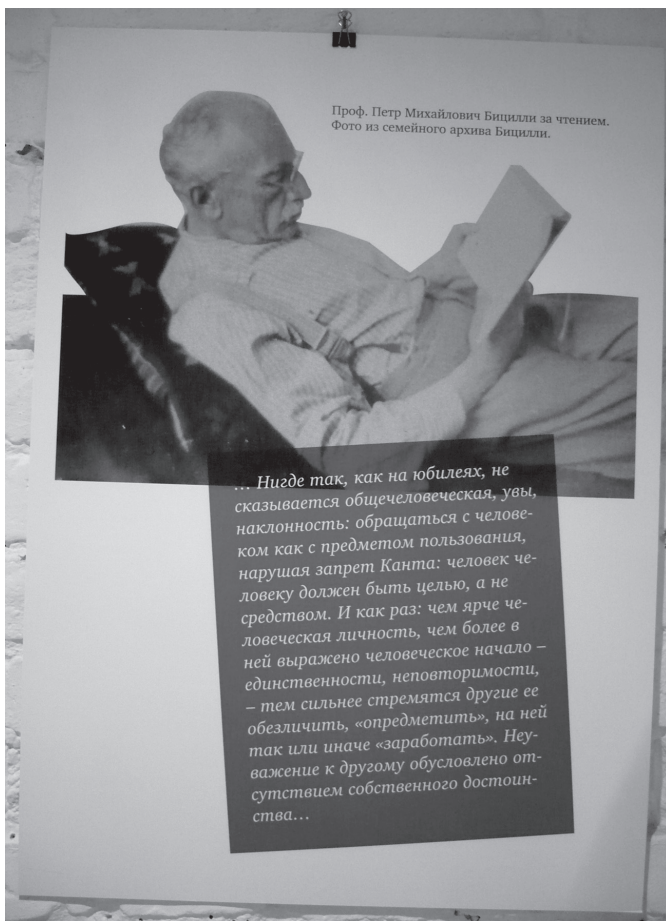
Абхазская пословица

В 2019 г. исполняется 140 лет со дня рождения Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) — ученого-гуманитария, автора большого числа трудов по истории разных времен и народов, теории истории, культурологии, лингвистике и литературоведению, преподавателя Императорского Новороссийского университета (Российская империя, 1911–1920), филиала Белградского университета в Скопье (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, 1920–1924) и Софийского университета (Болгария, 1924–1948).

За последнюю четверть столетия мировым научным сообществом проведены разного формата научные форумы, посвященные изучению биографии П. М. Бицилли и его интеллектуального наследия¹. Опубликовано значительное число статей, очерков, диссертаций и монографий, содержащих новые материалы о биографии и творчестве ученого².

Несмотря на изобилие научной литературы, посвященной П. М. Бицилли, в исследовании его биографии остается много малоизученных проблем. Одной из них является родословная ученого, а точнее, ее ветви по отцовской и материнской линиям. В данной статье, на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов, предпринята попытка реконструкции одной из «магистральных» линий его генеалогического древа — еврейской ветви, ранее неизвестной и неисследованной.

По состоянию на конец 2018 г. в историографии история родословной П. М. Бицилли по линии отца была установлена только до пятого колена³. Его прапрадедом является надворный советник, подполковник Константин Гика Бицилли (1752 – 24 декабря (5 января) 1813) «...из дворян греческой нации...», который согласно 79 статье Жалованной грамоты дворянству от 21 апреля 1785 г. после доклада



Правительствующего Сената 5 мая 1801 г. был подтвержден в дворянском сословии⁴. Как дворянин получил земельные владения в Тираспольском уезде (недалеко от Одессы)⁵, где со временем появилось село Бициллиевка⁶, а возле него родовое имение. Прадед — Михаил Константинович Бицилли (17??–18??) — коллежский секретарь, проживал в Одесском уезде в имении отца. Дед — Фома Михайлович Бицилли (1808–1861) — дворянин, коллежский секретарь, с семьей проживал в том же имении, которое в последней трети XIX в. перестало быть их собственностью⁷. Отец — Михаил Фомич Бицилли (22 декабря 1843 – 1913), проживал в Одессе, в 1903–1913 гг. служил секрета-

рем Одесского городского кредитного общества (ОГКО, 1871–1919), а не «...секретарем наблюдательного совета в банке (Одесском торгово-кредитном обществе)»⁸. В Наблюдательном комитете ОГКО не было должности секретаря, в его состав входили председатель и пять членов⁹. За 35 лет деятельности ОГКО (1871–1906) М. Ф. Бицилли не входил в состав его администрации¹⁰, равно как и в последующие годы своей службы. Сопоставляя известные нам документальные материалы, что М. Ф. Бицилли как «бывшему секретарю» ОГКО на 1913 и 1914 гг. была назначена пенсия в размере 3000 руб. в год¹¹ и тот факт, что содержание секретаря канцелярии Общества также составляло 3000 руб. в год¹², то позволим себе предположить, что он входил в число «служащих по назначению» и занимал должность секретаря канцелярии.

В данной статье мы впервые в историографии ретранслируем новые архивные данные о представителе шестого поколения П. М. Бицилли по линии отца, выявленные в РГИА¹³. Им является прапрапрадед Гика Бицилли, который был штаб-офицером российской армии¹⁴ и состоял в дворянском сословии¹⁵. Этот факт помогает развеять сомнение одесского бициллиеведа Т. Н. Поповой относительно того, что «...возможно, Джика и Константин Гика — одно лицо, возможно, представители разных поколений»¹⁶ в пользу последнего предположения — это два разных человека. У Гики Бицилли было два сына — Константин и Николай. К. Г. Бицилли стал родоначальником линии рода Бицилли, одним из потомков которого является П. М. Бицилли¹⁷. Н. Г. Бицилли стал родоначальником другой линии рода Бицилли. У него родилось двое сыновей — Гика и Дмитрий, а у Дмитрия сын Андрей и три дочери. Потомки этой линии рода Бицилли еще не становились объектом исследования, но на сегодня нами выявлено место концентрации актовых источников¹⁸, которые могут способствовать этому процессу.

Биографические данные перечисленных представителей пяти предшествующих поколений по отцовской линии П. М. Бицилли из-за их ограниченности в информационном пространстве скудны, что является одной из главных проблем в формировании источниковой базы для детальных исследований. Основными проблемными эпизодами их биографий остаются точные даты рождения, места рождения и службы, социальное положение, родственные взаимоотношения и т. п.

Введенные нами в научный обиход новые архивные материалы, равно как и ранее известные, дают возможность констатировать, что,

начиная с основателя одесского дворянского рода К. Г. Бицилли¹⁹ и до М. Ф. Бицилли (отца П. М. Бицилли)²⁰, все представители четырех поколений этого рода причисляли себя к «греческой нации». Этническую самоидентификацию представителей предыдущих поколений опроверг П. М. Бицилли, который в «автобиографии» категорически указал: «...предки — выходцы из Албании, итальянского происхождения»²¹. Данное сообщение, не подтвержденное первоисточниками, породило в научной литературе появление трех контроверз — «греческой», «итальянской» и «албанской»²². Появление последней из них является безосновательным, т. к. в документе личного происхождения П. М. Бицилли упоминает Албанию в качестве определения географической территории места проживания и исхода его предков, а не их этнической самоидентификации. Совокупные показания известных на сегодня архивных источников представляют убедительные доказательства в пользу одной из трех существующих в историографии версий относительно этнических корней рода Бицилли — «греческой». Однозначный и четкий ответ в этом вопросе можно будет дать только после ознакомления с первоисточниками.

Противоположная ситуация в научной литературе по состоянию на конец 2018 г. сложилась относительно исследования материнской линии в истории родословной П. М. Бицилли, которая определялась только характеристикой его мамы, как происходившей из еврейской семьи, перешедшей в православие²³.

Многomesячные поиски и изучения документальных материалов в фондах ГАОО на протяжении 2018 г. позволяют нам констатировать, что материнская ветвь в генеалогии П. М. Бицилли имеет еврейско-иудейские корни²⁴, установленные нами до пятого колена.

Его прапрадедушкой по линии маминой мамы является немировский купец 3-й гильдии Вольф (Войф) Вейнберг (Вайнберг, 17??–18??), а прапрабабушкой — Майта (Нейта, Неита)²⁵ Вейнберг (17??–18??)²⁶. Их сын Шая Вольфович Вейнберг (1794–1865), родившийся в местечке Немеривка Брацлавского уезда Каменец-Подольской губернии, со временем стал прадедушкой П. М. Бицилли.

Жизненный путь Ш. В. Вейнберга был сложным. В 1808 г., в раннем возрасте, отец женил его на дочери барского мещанина Кофии Гуди. В 1815 г. молодая семья вместе с родителями и двухлетней дочерью Сусанной переехала в Одессу, где Ш. В. Вейнберг с отцом стал заниматься торговлей. В 1817 г. он становится вдовцом, а в 1818–1822 гг., отделившись от отца, он стал работать приказчиком у купца 1-й гильдии Бермана Бернштейна, затем записался купцом 3-й гиль-

дии и самостоятельно вел торговые дела. В 1823 г. Ш. В. Вейнберг женился второй раз, его супругой стала дочь уманского купца Абрама Вайнберга — Руаль. В середине 1825 г. он вынужден был объявить себя банкротом и переехал с семьей в Николаев, где подрадил на строительство кораблей²⁷. 2 июня 1830 г. в Николаевском адмиралтейском соборе вместе со старшим сыном Яковом Ш. В. Вейнберг принял православие, при крещении выбрав себе имя Исаия, после чего стал именоваться Исаем Семеновичем²⁸ и получил возможность интегрироваться в российское сословное общество. В 1831 г. он решил с семьей перебраться из Николаева в Одессу и 8 мая 1831 г. инициировал получение разрешения на причисление в одесские мещане — обратившись с прошением на имя управляющего Одесским градоначальством сенатора, тайного советника и кавалера А. В. Богдановского²⁹. В 1832 г. И. С. Вейнберг был причислен к числу одесского общества и смог с семьей вернуться в Одессу, получив статус одесского мещанина, а 14 апреля 1833 г. вступил в должность публичного нотариуса³⁰, в которой пробыл до конца своих дней.

В двух браках у И. С. Вейнберга родилось десять детей — Суссана (1813), Яков (1824), Иосиф (1828), Петр (1831), Мария (18??), близнецы Андриан и Семен (1835), Анна (1837), Павел (1846), Вольф (18??), которые, кроме Марии — родной бабушки, стали двоюродными дедушками и бабушками П. М. Бицилли. Их судьбы сложились по-разному.

Яков Исаевич Вейнберг (1824–1899) был довольно известным в Одессе человеком. В 1844 г. он закончил Ришельевский лицей и начал карьеру на государственной службе. Служил в Одесской портовой таможне, где получил чин коллежского секретаря. На 1857 г. занимался коммерческими делами. Затем на протяжении более тридцати лет он являлся гласным Одесской городской Думы, присяжным стряпчим и биржевым нотариусом Одесского коммерческого суда, адвокатом Одесской главной конторы Русского общества пароходства и торговли³¹. Жена Я. И. Вейнберга — Любовь Григорьевна (1833–1903) — происходила из знаменитой музыкальной семьи Рубинштейнов. Ее братьями были известнейшие деятели музыкальной культуры Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) и Николай Григорьевич Рубинштейн (1835–1881), а сестрой — Софья Григорьевна Рубинштейн (1841–1919). Представители семейств Вейнбергов и Рубинштейнов были связаны церковными узами. 28 января 1873 г. «свободный художник» А. Г. Рубинштейн стал крестным сына Якова и Любви Вейнбергов — Якова Яковлевича Вейнберга (10 ноября 1872–19??)³².

Еще один сын Якова и Любови Вейнбергов — Григорий Яковлевич Вейнберг (1864–1942) — с семьей Рубинштейнов был связан брачными узами. Он был женат на Нине Викторовне, одной из родственниц А. Г. Рубинштейна³³. Г. Я. Вейнберг был инженером-металлургом, профессором. 15 мая 1881 г. он стал наличным восприемником при крещении Михаила Михайловича Бицилли (брата П. М. Бицилли)³⁴. Судьба Г. Я. Вейнберга была типичной для судеб многих представителей научной интеллигенции послереволюционного времени. Как частного собственника и царского профессора его в 1919 г. посадили в тюрьму, потом выпустили, но уволили с работы, а затем уплотнили, вселив в его большую и богатую квартиру на Подольской улице несколько семей, таким образом превратив ее в коммуналку. Г. Я. Вейнберг умер в блокадном Ленинграде. Его сын Владимир Григорьевич Вейнберг (18??–19??) — троюродный брат П. М. Бицилли, талантливый инженер и спортсмен, был арестован по ложному доносу после убийства С. М. Кирова, сослан в лагерь и там вскоре расстрелян³⁵. Еще одним ребенком Якова и Любови Вейнбергов является Надежда Яковлевна Вейнберг (1852–1892). Она родилась 28 марта 1852 г., а 25 мая 1852 г. была крещена в Покровской церкви. Ее крестными родителями стали дед — И. С. Вейнберг и тетя — С. И. Вейнберг (Мулен) — единокровная сестра отца³⁶. Таким образом, все трое детей Я. И. Вейнберга и Л. Г. Вейнберг (Рубинштейн) являются двоюродными дядями и тетей П. М. Бицилли.

Петр Исаевич Вейнберг (1831–1908) стал поэтом, академиком, педагогом, издателем, редактором, переводчиком, историком литературы — вошел в историю российской словесности³⁷. О его приездах в Одессу из Санкт-Петербурга сообщали газеты, его чествовали в Литературно-артистическом обществе³⁸. Его сын Борис Петрович Вейнберг (1871–1942) — физик-гляциолог, является двоюродным дядей П. М. Бицилли. Внук Б. П. Вейнберга — Всеволод Борисович Вейнберг (1907–1978) — инженер-теплотехник, доктор технических наук является троюродным братом П. М. Бицилли.

Павел Исаевич Вейнберг (1846–1904) учился во 2-й одесской гимназии, позже служил на железной дороге, играл в Одесском русском театре. С конца 1860-х гг. выступал в качестве чтеца и рассказчика сцен из еврейского, русского и армянского быта, выпустил ряд сборников анекдотов и рассказов. В 1880 г. был принят в труппу Александринского театра. Умер в Санкт-Петербурге тяжело больным и всеми забытым³⁹. Его сын Павел Павлович Вейнберг (1874–1910) — актер, драматург, беллетрист, является двоюродным дядей П. М. Бицилли.

Из двух братьев-близнецов — Андриан Исаевич Вейнберг (1835–19??) по состоянию на 1861 г. был вольным штурманом. 15 января 1861 г. был одним из поручителей со стороны невесты при венчании сестры Анны Исаевны Вейнберг, которая вышла замуж за городского врача Дмитрия Михайлович Левенсона⁴⁰. В 1868 г. А. И. Вейнберг был приглашен городским головой Н. А. Новосельским в качестве бухгалтера в Одесскую городскую управу⁴¹, где прослужил долгие годы.

Семен Исаевич Вейнберг (1835–19??) — купец 3-й гильдии. 15 января 1861 г. был один из поручителей со стороны невесты при венчании сестры Анны Исаевны Вейнберг⁴². В октябре-декабре 1870 г. организовывал концертное турне А. Г. Рубинштейна по городам Российской империи⁴³. Дочь С. И. Вейнберга — Елизавета Семеновна Вейнберг (1867–1933) является двоюродной тетей П. М. Бицилли. Внуком С. И. Вейнберга и сыном Е. С. Вейнберг был известный русский поэт-акмеист, литературный критик и переводчик Георгий Викторович Адамович (1892–1972)⁴⁴. Следовательно, П. М. Бицилли и Г. В. Адамович являются троюродными братьями. Знали ли они об этом, поддерживали ли они коммуникационные отношения в эмиграции? Эти и многие другие вопросы составляют проблемное поле дальнейших исследований.

Вольф Исаевич Вейнберг (18??–19??) был купцом. Его сын Яков Владимирович (Вольфович) Вейнберг (1879–1956) — композитор, преподавал в Одесской консерватории (1916–1921). В 1921 г. эмигрировал в Палестину, с 1926 г. проживал в США⁴⁵. Я. В. Вейнберг является двоюродным дядей П. М. Бицилли.

Сусанна Исаевна Вейнберг (1813–18??) — дочка от первого брака И. С. Вейнберга, единокровная сестра остальных его девяти детей от второго брака. Она вышла замуж за херсонского купца Мулена, по состоянию на январь 1873 г. была вдовой. 28 января 1873 г. стала крестной Якова Яковлевича Вейнберга (1872–19??), сына Я. И. Вейнберга и Л. Г. Вейнберг (Рубинштейн), двоюродного брата Е. А. Бицилли (Штейнгард) и двоюродного дяди П. М. Бицилли. После проведения таинства крещения Я. Я. Вейнберга ее кумом стал А. Г. Рубинштейн (брат Л. Г. Вейнберг)⁴⁶.

Из десяти детей И. С. Вейнберга на сегодня у нас полностью отсутствуют документальные данные об Иосифе Исаевиче Вейнберге. Мало информации о жизненном пути Марии Исаевны Вейнберг (18??–18??), но однозначно известно, что она является бабушкой П. М. Бицилли. Она вышла замуж за Адольфа Васильевича Штейнгарда (18??–1???), купца 2-й гильдии, лютеранского вероисповеда-

ния, допущенного к купеческой торговле в 1845 г. По состоянию на 1863 г. он имел магазин на улице Ришельевской⁴⁷. В середине 1860-х гг. он состоял купцом-аукционистом при Аукционной камере Одесского городского общественного управления Одесского градоначальства⁴⁸. В поле проблемных моментов биографии А. В. Штейнгарда остаются многие факты, в том числе: каковы были его этнические корни, — возможно, немецкие или еврейские немецкого происхождения; перешел ли он в православие после женитьбы или оставался лютеранином и т. п.?

Несмотря на значительное число лакун в биографиях М. И. Вейнберг и А. В. Штейнгарда, однозначно нам известно, что у них в браке родились сын Петр Адольфович Штейнгард (18??–19??) (инженер, по состоянию на 1879 г. титулярный советник) и дочь Екатерина Адольфовна (Михайловна⁴⁹) Штейнгард (1852–1937). Е. А. Штейнгард родилась 7 ноября 1852 г., а 7 декабря того же года была крещена в Одесской единоверческой Покровской церкви. Ее крестными стали одесский купец 3-й гильдии И. С. Вейнберг (дедушка) и жена коллежского секретаря, присяжного Коммерческого суда Одесского градоначальства Я. И. Вейнберга Л. Г. Вейнберг (Рубинштейн)⁵⁰.

В 1870-е гг. Е. А. Штейнгард вышла замуж за М. Ф. Бицилли. 1 октября 1879 г. в их семье родился первенец — П. М. Бицилли. 25 ноября 1879 г. он был крещен. Его крестными родителями стали дядя П. А. Штейнгарт (брат мамы) и двоюродная тетя Н. Я. Вейнберг (двоюродная сестра мамы), на то время жена действительного статского советника Н. Я. Шведова⁵¹. 18 марта 1881 г. у них родился второй сын — Михаил Михайлович Бицилли (1818–1951), крещенный 15 мая 1881 г. В выборе для него крестных его родители поступили нетрадиционно, выбрав две пары, среди которых одна была записана «наличными восприемниками», а их имена были дописаны в метрической книге после имен тех крестных, которых скорее всего изначально планировали пригласить для проведения таинства крещения, но они вследствие каких-либо причин не смогли при этом присутствовать. Таким образом, «наличными восприемниками» являются сын коллежского секретаря Г. Я. Вейнберг (двоюродный дядя П. М. Бицилли и М. М. Бицилли) и одесская мещанка М. И. Штейнгард (бабушка П. М. Бицилли и М. М. Бицилли по маминой линии), а «формальными», как и в случае с выбором крестных для П. М. Бицилли, стали дядя П. А. Штейнгарт (брат мамы) и двоюродная тетя Н. Я. Вейнберг (двоюродная сестра мамы)⁵². В обоих случаях крещения детей Е. А. Бицилли и М. Ф. Бицилли в качестве восприемников выбирали родственников

исключительно со стороны мамы, что свидетельствует об их доминирующем участии в жизни семьи П. М. Бицилли и его самого.

Особую роль в жизни П. М. Бицилли сыграла двоюродная сестра мамы и его крестная — Н. Я. Шведова (Вейнберг). Она была женой Федора Никифоровича Шведова (1840–1905), крупного ученого-физика, профессора, декана физико-математического факультета (1877–1880, 1889–1895), ректора (1895–1903) Императорского Новороссийского университета. Не имея детей, всю свою жизнь Н. Я. Шведова посвятила благотворительной деятельности — была активной участницей Одесского женского благотворительного общества. В течение многих лет она принимала деятельное участие в делах общества Красного Креста (член попечительства Касперовского отдела сестер Красного Креста), занимаясь проблемой подготовки женского санитарного персонала⁵³. Она явилась также одной из главных учредительниц основанного по ее почину в 1887 г. Общества попечения о больных детях в Одессе⁵⁴, в котором состояла товарищем председателя. В сорокалетнем возрасте 2 июня 1892 г. Н. Я. Шведова скоропостижно умерла от «воспаления брюшины», а 4 июня была погребена на Втором Христианском кладбище⁵⁵. Церемония похорон свидетельствовала о глубоком уважении одесской общественности к ее персоне. Газета «Одесский вестник» дала некрологическое объявление одесского Управления и Попечительства Общества Красного Креста о кончине товарища попечительницы Касперовского отдела Красного Креста⁵⁶. В следующем номере «Одесского вестника» был опубликован развернутый материал о похоронах Н. Я. Шведовой, которая, как следует из текста, была душой Одесского общества попечения о больных детях. Отдать последний долг почившей явился весь состав членов местного управления Красного Креста, в числе которых были: старейший из членов — почетный член генерал от инфантерии А. П. Нагель, и. д. городского головы В. Н. Лигин, члены управы, члены совета Общества попечения о больных детях, весь состав сестер Общества, многие профессора Новороссийского университета, врачи и многочисленное общество. Гроб поместили на колесницу, буквально усыпанную венками. Роскошный, громадных размеров венок с надписью: «Общественной деятельнице Н. Я. Шведовой от городского общественного управления» был первым венком от города с подобной надписью; другой венок — «Своему незабвенному члену — попечительный совет городских женских гимназий», венки были также от «Общества попечения о больных детях», «Горячо любимой Н. Я. Шведовой — от всех сестер общества Красного Креста», «От сестер милосердия Стурдзовской

общины», «Дорогой сотруднице» от Л. И. Курис, председателя Общества попечения о больных детях Одессы, венок из белых роз был «От попечительницы общины графини Е. П. Капнист, от благодарных детей» и много других с надписями и без надписей⁵⁷. После смерти жены Ф. Н. Шведов активно занимался благотворительной деятельностью. Он занимался организацией детского санатория на Хаджибеевском лимане, участвовал в строительстве детской больницы Красного Креста, ходатайствовал о постройке больницы для детей на Старопортофранковской улице⁵⁸. Общественная деятельность Ф. Н. Шведова в эти годы во многом олицетворяла продолжение дела его супруги.

Именно Ф. Н. Шведов, будучи ректором, выступал в качестве покровителя в улаживании возникающих у П. М. Бицилли во время обучения в университете проблем, связанных с его участием в 1902 и 1903 гг. в студенческих выступлениях. Бесспорно, что Ф. Н. Шведов не мог отказать в покровительстве крестнику и двоюродному племяннику своей горячо любимой жены. Таким образом, родственники мамы П. М. Бицилли способствовали налаживанию связей с представителями привилегированного одесского общества, а не отца, как об этом ошибочно пишет М. А. Бирман⁵⁹.

По состоянию на 1901 г. в собственности Е. А. Бицилли (Штейнгард), вероятно, по наследству от предков или по материнской, или отцовской линиям, были два участка площадью 1118 десятин (1218 га) и 600 десятин (654 га⁶⁰) в районе между Малым и Средним Фонтанами⁶¹. В собственноручно заполненном 15 августа 1911 г. формуляре П. М. Бицилли в графе «Родовое имение» указал: «У матери дача в г. Одессе на Мало-Фонтанской дороге»⁶². Учитывая, что Малофонтанская дорога (в 1902 г. переименована во Французский бульвар в честь визита Николая II во Францию) находилась в старой части города и тянулась вдоль береговой линии, застроенной особняками состоятельных горожан (владелец авиазавода А. А. Анатра, городской голова Г. Г. Моразли, крупный землевладелец М. А. Рено, промышленник, судовладелец и банкир Ф. П. Родоканаки и др.), то можно говорить о достаточной финансовой состоятельности и высоком положении в обществе Е. А. Бицилли, а не ее мужа М. Ф. Бицилли, как указывают М. А. Бирман и Т. Н. Попова⁶³. В его активе был только статус потомственного дворянина и должность секретаря канцелярии ОГКО, при этом отсутствие имения и недвижимого имущества. Исходя из всего выше изложенного позволим себе предположить, что в социально-экономическом отношении брак Е. А. Бицилли и М. Ф. Бицилли был неравным. Е. А. Бицилли была представительницей состоятельной

еврейской семьи, не принадлежащей к привилегированному обществу, а М. Ф. Бицилли являлся выходцем из обедневшей семьи потомственных дворян.

Введенные в научный оборот архивные материалы, реконструирующие ранее неизвестную и неисследованную материнскую линию генеалогии П. М. Бицилли, позволяют дополнить к ранее описанным греческим и итальянским корням его этнического происхождения гены двух этносов — еврейского и немецкого. Представленные еврейская и немецкая ветви родословной П. М. Бицилли имеют много лакун и составляют часть обширного исследовательского пространства его родословной, которая заслуживает дальнейшего исследования на основе первоисточников и их детализированного изучения.

Примечания

¹ III Историографические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П. М. Бицилли. Одесса, ОНУ имени И. И. Мечникова, 15 декабря 1999 г.; Круглый стол «Бицилли-еведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы» // Программа X Международной конференции «Българите в Северното Причерноморие» (15–16 сентября 2007 г., Одесса). Одесса : ОНУ имени И. И. Мечникова, 2007. С. 9–10; Чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П. М. Бицилли. Одесса, ОНУ имени И. И. Мечникова, 1–2 октября 2009 г.; Международная научная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие». София : ОНУ имени И. И. Мечникова, 20–25 августа 2018 г.

² Ациурова Н. И. Культурно-историческая концепция П. М. Бицилли: Дис. ... кандидата исторических наук. Томск, 2004. 214 с.; Велева М. Н. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. София : Гутенберг, 2004. 162 с.; Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / Сост. Ф. Б. Успенский; Отв. ред. М. А. Юсим. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 633–718; Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб. : Гиперион, 2007. С. 161–242; Попова Т. Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: Из истории Новороссийского университета. Одесса : Астропринт, 2007. С. 327–452; Васильева М. А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П. М. Бицилли: Дис. ... кандидата филологических наук. М., 2009. 259 с.; Галчева Т. Н., Голубович И. В. «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П. М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София : Изд-во Солнце, 2015. 320 с.; Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса : Бондаренко М. А., 2017. С. 276–409; Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М. : Водолей, 2018. 444 с. и др.

³ Попова Т. Н. Историография в лицах... С. 340.

⁴ Копия протокола заседания Дворянского депутатского собрания Херсонской губернии от 30 декабря 1855 г. // ГАОО. Ф. 45 (Императорский Новороссийский университет). Оп. 5. Д. 1254 (Дело студента Бицилли Петра Михайловича). Л. 25–25об., 30–30об.

⁵ Сапожников И. В., Белоусова Л. Г. Греки под Одессой (Очерки истории поселка Александровка с древнейших времен до начала XX века). Одесса ; Ильичевск : Элтон-2, 1999. С. 71.

⁶ Свидетельство // РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 17. Д. 3754 (Дело о дворянстве рода Бицилли). Л. 156об.

⁷ См.: Попова Т. Н. Историография в лицах... С. 340–341.

⁸ Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь... С. 20.

- ⁹ Отчет Одесского городского кредитного общества за 1873 г. Одесса : Типография П. Францова, 1874. С. IV; Исторический очерк XXXV-летия Одесского городского кредитного общества. Одесса : Типография Акц. южнорусского о-ва печатного дела, 1906. С. 26–27; Отчет Одесского городского кредитного общества за 1913 г. Одесса : Типография Акционерного южнорусского общества печатного дела, 1914. С. I–II.
- ¹⁰ Исторический очерк XXXV-летия... С. 372–374.
- ¹¹ Отчет Одесского городского кредитного общества за 1913 г... С. II.
- ¹² Исторический очерк XXXV-летия... С. 375.
- ¹³ Автор выражает М. О. Мельцину огромную благодарность за предоставленные выписки материалов из фондов РГИА.
- ¹⁴ По указу Его императорского величества императора Павла Петровича самодержца Всероссийского и проч. и проч. и проч. // РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3754. Л. 87.
- ¹⁵ Формулярный список о службе надворного советника Константина Бицилли // Там же. Л. 88–88об.
- ¹⁶ *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка... С. 331.
- ¹⁷ См.: *Попова Т. Н.* Историография в лицах... С. 340–341; *Попова Т. Н., Левченко В. В.* П. М. Бицилли: фрагменты семейной истории // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск : РИО БГУ, 2018. Вып. 20. С. 126–136.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 3754. Л. 1–72, 170–211.
- ¹⁹ Формулярный список о службе надворного советника Константина Бицилли // Там же. Л. 88–88об.; Скаска морских ватаманов <?> майора Константина Бицилли // Там же. Л. 126–126об.
- ²⁰ *Попова Т. Н.* Жизнеописание ученого-историка... С. 331.
- ²¹ *Бицилли П. М.* Статьи: История, культура, литература / Вступ. статья В. А. Туниманова // Русская литература. 1990. № 2. С. 135–136.
- ²² *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь... С. 19.
- ²³ *Попова Т. Н.* Историография в лицах... С. 342; *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь... С. 19 и др.
- ²⁴ Некоторые аспекты этой темы были отображены в публикации: *Попова Т. Н., Левченко В. В.* Указ. соч. С. 136–147.
- ²⁵ В скобках представлены встречающиеся в архивных документах другие варианты написания имен и фамилии.
- ²⁶ Донесение Одесской городской думы в Херсонскую казенную палату // ГАОО. Ф. 4 (Одесская городская дума). Оп. 7. Д. 217 (Дело о причислении в одесское мещанство выкрещенного из евреев Исая Вейнберга). Л. 13–13об.; Показания причисляющегося в одесское мещанство Исая Вейнберга в Николаевской городской полиции // Там же. Л. 16.
- ²⁷ Там же. Л. 16–16 об.
- ²⁸ Копия свидетельства о крещении // Там же. Л. 4.
- ²⁹ Прощение Исая Семеновича Вейнберга о причислении в одесское христианское общество // Там же. Л. 27.
- ³⁰ Определение Одесского коммерческого суда // ГАОО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 281 (Дело по сообщению Одесского коммерческого суда с уведомлением об утвержденном в одесские публичные нотариусы одесским купце Исая Вейнберга). Л. 1.
- ³¹ Одесса. 1794–1894. Издание Городского общественного управления. К столетию города. Одесса : Типография А. Шульце, 1895. С. 100.
- ³² ГАОО. Ф. 37 (Херсонская духовная консистория). Оп. 3а. Д. 19а (Метрическая книга, данная из Херсонской духовной консистории в Покровскую церковь г. Одессы для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1873 год). Л. 8об.
- ³³ См.: *Разумовский Л.* Дети блокады. [Электронный ресурс]. URL: <http://lev-razumovsky.org/rus/books/deti1.htm> (дата обращения: 28.01.2019).

- ³⁴ ГАОО. Ф. 37. Оп. 11. Д. 21 (Метрическая книга. Преображенский кафедральный собор. Покровская церковь). Л. 165об. — 166.
- ³⁵ См.: *Разумовский Л.* Дети блокады.
- ³⁶ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 8 (Метрическая книга, данная из Херсонской духовной консистории в Одесскую единоверческую Покровскую церковь для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших. На 1852 год). Л. 45об.
- ³⁷ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1: А–Г. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 401–402.
- ³⁸ В Литературно-артистическом обществе // Одесские новости. 1902. 20 апреля.
- ³⁹ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1. С. 401–402.
- ⁴⁰ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 205 (Метрическая книга, данная из Херсонской духовной консистории в Покровскую церковь г. Одессы для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1861 год). Л. 146.
- ⁴¹ У А. И. Вейнберга // Одесский листок. 1898. 29 сентября (11 октября).
- ⁴² ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 205. Л. 146.
- ⁴³ См.: *Попова Т. Н., Левченко В. В.* Указ. соч. С. 136.
- ⁴⁴ См.: *Панасенко Н.* «Обыкновенная буржуазная семья». Об одесских корнях Георгия Адамовича // Дерибасовская-Ришельевская: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. № 52. 2013. С. 233–237.
- ⁴⁵ Dr. Jacob Weinberg, Noted Jewish Composer, Dies In New York // The Canadian Jewish Chronicle. 1956. 9 November. P. 13.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 19а. Л. 8об.
- ⁴⁷ *Попова Т. Н., Левченко В. В.* Указ. соч. С. 141.
- ⁴⁸ Новороссийский календарь на 1865 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Типография Л. Нитче, 1864. С. 6; Новороссийский календарь на 1866 год. Одесса: типография Л. Нитче, 1865. С. 6. В этих изданиях приводятся разные написания фамилии Адольфа Васильевича: в 1864 г. — Штейнгардт, в 1865 г. — Штейнгарт.
- ⁴⁹ Пока неизвестно, когда состоялась замена отчества Адольфовна на Михайловну и с чем это было связано; во всяком случае, к 1914 г. в официальных изданиях Е. А. Штейнгард числилась как Адольфовна.
- ⁵⁰ ГАОО. Ф. 37. Оп. 3а. Д. 8. Л. 110об.
- ⁵¹ Там же. Оп. 6. Д. 126 (Покровская церковь г. Одессы). Л. 185об.
- ⁵² Там же. Оп. 11. Д. 21 (Покровская церковь г. Одессы). Л. 165об.
- ⁵³ См.: *Маркевич А. И.* Заботы о бедных детях в России: Публич. лекция: (Памяти Надежды Яковлевны Шведовой). Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1893. 27 с.
- ⁵⁴ Прощение Его превосходительству господину Одесскому градоначальнику // ГАОО. Ф. 2 (Канцелярия Одесского градоначальника). Оп. 1. Д. 1645 (Дело канцелярии Одесского градоначальника по распорядительному столу об утверждении устава Общества детской больницы г. Одессы). Л. 2.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 37. Оп. 13. Д. 223 (Метрическая книга Покровской церкви, Греческо-Троицкой церкви). Л. 178об.–179.
- ⁵⁶ Н. Я. Шведова (Некролог) // Одесский вестник. 1892. 4 (16) июня.
- ⁵⁷ Местная хроника // Одесский вестник. 1892. 5 (17) июня.
- ⁵⁸ *Дьяченко М. Г., Тахтарова Н. С.* Щведов Федір Никифорович // Професори Одеського (Новоросійського) університету: Біографічний словник. Т. 1. Ректори. Вид. др., доп. Одеса: «Астропринт», 2005. С. 43.
- ⁵⁹ *Бирман М. А.* П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь... С. 20.
- ⁶⁰ Перевод единиц измерения площади из десятин в гектары осуществлен автором.
- ⁶¹ Вся Одесса. 1901 год: иллюстрированная адресная и справочная книга. Справочник недвижимых имуществ всего Одесского градоначальства до границы Одесского уезда включительно. Год издания третий. Одесса: М. Михайловский, 1901. С. 134.

⁶² Формулярный список о службе преподавателя истории Одесской женской гимназии, учр. О. С. Белен-де-Баллю, состоящего в VIII классе Петра Михайловича Бицилли // ГАОО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 1119 (Дело о службе Петра Михайловича Бицилли). Л. 1об., 6об.

⁶³ Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь... С. 20; Попова Т. Н., Левченко В. В. Указ. соч. С. 135.

УДК 93/94

В. В. Онощенко

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Л. Б. Эрштейн

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Этнограф Л. Я. Штернберг и еврейский вопрос в России

Одной из наиболее актуальных проблем изучения истории науки иудаики является изучение биографий отдельных, часто не очень известных ученых, имеющих отношение к исследованию вопросов, связанных с еврейской жизнью и еврейским миром России прошлого времени. Речь, прежде всего, идет о тех людях, которые описывали или пытались анализировать особенности мозаичной этнографии еврейской жизни в России до Холокоста, когда все эти особенности были стерты мощной волной того, что позже в еврейском мире было названо Катастрофой.

Одним из таких исследователей был Лев Яковлевич Штернберг, который, будучи этнографом по призванию и роду деятельности, по необходимости выбрал в качестве основного объекта своих исследований этнографические особенности малых народов русского Востока и прежде всего острова Сахалин. Он с постоянной настойчивостью уделял большое внимание еврейской жизни и этнографии евреев дореволюционной и ранней послереволюционной России, а потом и Советского Союза. Лев Яковлевич Штернберг не является совсем уж малоизвестным ученым-этнографом, о его жизни написано достаточно много работ, прежде всего научных и научно-популярных статей¹.

Однако отношение Л. Я. Штернберга к еврейскому вопросу в России, его взаимодействие с еврейскими организациями, его место в

еврейской жизни России описано слабо и не являлось предметом отдельных специальных исследований. Здесь мы сделаем небольшую оговорку: под еврейским вопросом в данной статье будут пониматься особенности истории, жизни и быта евреев, а отнюдь не то, что понималось известным историческим персонажем, чье имя даже не хочется упоминать в данной статье. Между тем, этот вопрос имеет достаточно большое значение как с точки зрения понимания еврейской жизни в то время, так и с позиции истории исследования этого понимания.

Прежде чем перейти к его рассмотрению, необходимо коротко осветить основные вехи биографии Льва Яковлевича.

Л. Я. Штернберг родился в 1861 г. в городе Житомир в еврейской семье², учился в раввинском училище и классической гимназии³. В 1881 г. поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета⁴, в 1882 г. за участие в революционной деятельности был выслан на родину, где в 1883 г. поступил на юридический факультет Новороссийского университета (Одесса)⁵. В 1886 г. за принадлежность к партии «Народная воля» был арестован и в 1889 г. выслан на Сахалин, где провел планомерные исследования этнографических особенностей местных жителей и прежде всего гиляков, по результатам чего им был написан ряд работ. В это же время Штернберг сотрудничает как с журналом «Владивосток», фактически являясь одним из его редакторов, так и с целым рядом русско-еврейских изданий. В 1897 г. он возвращается в Петербург для продолжения научных занятий, где после экзамена по юридическому факультету работает этнографом Музея антропологии и этнографии⁶. В 1910 г. он предпринимает научное путешествие на Амур и Сахалин.

После Октябрьской революции Л. Я. Штернберг был избран профессором Петроградского университета, будучи одним из основателей рабфака Народов севера педагогического института (ныне института Народов севера РГПУ им. А. И. Герцена). Был председателем Еврейского историко-этнографического общества, где по его инициативе был организован музей. В 1924 г. избран членом-корреспондентом Академии Наук по отделению исторических наук и филологии (по разряду восточной словесности (палеоазиатские языки)).

Л. Я. Штернберг внес значительный вклад как в изучение этнографии народов северо-востока России, так и в решение многих общих вопросов этнографической науки как таковой. Умер ученый 14 августа 1927 года⁷.

Уже из краткой биографии ученого видно, что он уделял значительное внимание вопросам еврейской жизни в России. Личный фонд ученого, находящийся в Санкт-Петербургском филиале АРАН, раскрывает этот вопрос достаточно подробно. Данному вопросу посвящены два дела личного фонда: № 176 и № 166, в котором находится рукопись статьи Л. Я. Штернберга «К проблеме еврейской этнографии».

Начнем с дела № 176. Полный обзор материалов дела требует отдельного специального исследования, и, возможно, не одного. Хотелось бы отметить, что почерк Л. Я. Штернберга был достаточно неразборчивым, и его расшифровка требует значительных усилий. Кроме того, в деле имеются материалы на еврейском языке, прочтение которых тоже представляет собой известные сложности.

Начинается дело со статьи «О ренегатстве», в ней Л. Я. Штерберг обсуждает проблему ренегатства современного (ему) еврейства⁸. После чего в деле содержится рукопись статьи «Евреи на Сахалине», фактически представляющей собой воспоминания политического ссыльного о своем пребывании на острове. Статья полна подробностей жизни и быта Сахалина того времени, т. е. примерно 1889–1897 гг. Так, из нее ясно, что перед отправкой в ссылку заключенным давали возможность попрощаться с родными, да и, в общем, путешествие на Сахалин протекало в нормальных, человеческих условиях. Но даже в данной статье Л. Я. Штернберг возвращается к вопросам общей этнографии. Статья так и не была нигде напечатана, но представляет значительный интерес и нуждается в опубликовании⁹.

К еврейскому вопросу он обращается и в своих записках, которые, вероятно, послужили основой для статьи «Проблема еврейской национальной психологии», напечатанной в 1924 г. и ставшей в настоящий момент библиографической редкостью¹⁰. Он пишет: «Как бы там ни было, евреи были первыми, кто обратился к монотеизму». И далее, например: «Основные черты психологического склада евреев: интеллектуализм, монизм, социальная эмоциональность и оптимизм»¹¹.

Однако автор не только занимался проблемами исследования еврейской этнографии, но и переписывался со многими еврейскими общинами России. Так, в деле имеется телеграмма от Дятловической еврейской общины с благодарностью Л. Я. Штернбергу¹², имеется и еще несколько подобных документов.

Кроме того, он принимал участие в издании Еврейской народной энциклопедии: в деле имеется письмо от 9 июля 1919 г.: «Многоува-

жаемый Лев Яковлевич, несколько времени назад я был у Вас, чтобы пригласить Вас на заседание редакции нашей энциклопедии, но, к сожалению, не застал Вас в музее. Хотел бы переговорить с Вами по поводу энциклопедии, очень прошу сообщить, когда я смогу застать вас в музее. При сем прилагаю согласно уговору сокращенное изложение вашей статьи "Анимизм". Преданный вам» (Подпись, разобрать не удалось)¹³.

Имеются в деле и материалы Еврейского историко-этнографического общества, оно имело несколько секций, в частности секцию для изучения древних исторических памятников еврейства. Одним из сотрудников данной секции являлся Л. Я. Штернберг, занимающийся методологическими направлениями работы секции.

Судя по наличию в деле большого количества материалов этого общества, Штернберг принимал в его работе большое участие. Но, возможно, еще больший интерес вызывает то обстоятельство, что Л. Я. Штернберг участвовал в делах обществ, казалось бы, его совершенно не касающихся. Так, в деле имеется документ Комитета «ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России» от 14 апреля 1917 г., там сказано: «Милостивый государь Лев Яковлевич, в общем собрании членов общества Ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России 12 апреля 1917 г. Вы, милостивый государь, избраны членом ревизионной комиссии для обревизивания отчетности для комитета общества за 1916 г. Извещая вас об этом, комитет считает долгом присовокупить, что, кроме Вас, в состав комиссии входят означенные члены общества. Ревизионная комиссия избирает из своей среды своего председателя»¹⁴. Участвовал он и в деятельности Еврейского комитета помощи жертвам войны¹⁵.

Судя по имеющимся в деле конвертам, Штернберг переписывался с еврейскими организациями всего Советского Союза, вплоть до Ашхабада¹⁶. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что Лев Яковлевич не только интересовался проблемами еврейской жизни в России, но и пользовался огромным авторитетом в среде простых евреев страны. Сам он, видимо, свободно владел и идишем, и ивритом (что не удивительно, учитывая, что он вырос в Житомире и учился в раввинском училище), т. к. в деле имеются документы на этом языке.

Кроме того, судя по письмам к нему профессора А. М. Миронова, интересовала Штернберга и история антисемитизма в России. Так, А. Миронов просит напечатать его статью, посвященную некоему В. Ф. Залесскому (профессору, представителю крайнего антисемитизма)¹⁷.

Однако, пожалуй, апогеем интереса Л. Я. Штернберга к жизни евреев в России и вопросам еврейской этнографии является написанная им в конце жизни статья «Проблема еврейской этнографии», напечатанная в 1928 г. в 12 томе журнала «Еврейская старина». Статья в настоящий момент является библиографической редкостью и, несомненно, нуждается в переиздании, однако, как уже упоминалось, в Д. 166 личного фонда ученого имеется рукопись данной статьи.

Рассмотрим, что же пишет Л. Я. Штернберг там. С самого начала автор обращает внимание на важность развития этнографических исследований, на то, что эти исследования очень актуальны и распространены во время написания этой статьи. Однако автор делает совершенно парадоксальный вывод о том, что проблемой еврейской этнографии никто не занимается, причем причины этого, на его взгляд, состоят в том, что «несмотря на то, что еврейская интеллигенция охотно бы шла на этнографическую работу, мало кто представляет то, в чем она состоит. В чем суть изучения еврейской этнографии? То же самое испытывают и представители других народов, но там народы более первобытные, там ясна этнографическая составляющая изучения. В то время как еврейское население сплошь городское, образованное, в результате получается, что этнографической работы по отношению к евреям как бы и не требуется»¹⁸. Как этнограф Штернберг, естественно, считает, что такое представление в корне ошибочно.

Он пишет: «В действительности нет такого народа, на какой бы ступени культуры он ни стоял, который бы не искал своей своеобразной этнографии, если этнографию понимают в настоящем смысле слова»¹⁹. Из этого фрагмента ясно, что, будучи истинным ученым-этнографом, Л. Я. Штернберг пытался рассматривать и еврейскую этнографию с точки зрения общих принципов этнографической науки как таковой. Далее он рассматривает эти общие принципы и обозначает истинный предмет этнографии.

По мнению исследователя, «еврейство переживает двойную катастрофу: экономическую и бытовую. Экономическая связана с появлением новых форм организации труда. Бытовая — с изменением бытовых условий: в частности, поколебались устои патриархального общества брачного и других институтов». Кроме того, как отмечает автор, «Евреи были вовлечены в государственное строительство», и все это, по мнению Л. Я. Штернберга, представляет серьезную угрозу национальной индивидуальности и этнической идентичности евреев²⁰.

Автор предлагает и меры по решению данного вопроса. В частности, он пишет о «необходимости создания сети краеведческих организаций и проведения индивидуальных обследований по различным параметрам», причем дело это, по его мнению, срочное. При этом еще до Холокоста и глобализации он делает воистину пророческое предсказание: «Бытовые особенности исчезают с катастрофической быстротой, что характеризуется также исчезновением вещественных памятников старого быта, через короткое время спасти их для музеев будет уже поздно»²¹, причем автор связывает эту ситуацию с революционными изменениями.

На наш взгляд, этот фрагмент ясно показывает значимость Л. Я. Штернберга как ученого, который фактически задолго, до пика основных социальных процессов XX в., предсказал их основные направления. К сожалению, многие бытовые особенности жизни еврейских местечек стерлись безвозвратно, и сейчас их восстановить практически невозможно.

В заключении статьи автор отвечает на вопрос о том, какие же места наиболее предпочтительны для изучения. Он однозначно утверждает, что это наиболее удаленные от центра местечки. Что, в общем, вполне понятно, т. к. именно там более всего сохранились специфические этнонациональные особенности еврейского быта²².

Таким образом, исходя из изучения материалов личного фонда Л. Я. Штернберга, можно сделать следующие выводы:

1. Еврейский вопрос находился в фокусе внимания исследователя все годы его жизни, независимо от других тем его научных исследований.
2. Ученого интересовали различные аспекты жизни еврейского населения страны, фактически его собственные исследования этого вопроса носили мозаично-целостный характер, охватывая все аспекты жизни и быта евреев.
3. Л. Я. Штернберг пользовался искренним уважением в среде еврейского общества России и СССР, независимо от характера деятельности конкретных организаций.
4. Он был одним из немногих, кто четко осознавал быстрое стирание этнографических особенностей быта еврейских местечек и уникальную специфичность этого быта. И призвал к скорейшему его изучению, пока не поздно.
5. Целый ряд материалов, касающихся взглядов Л. Я. Штернберга на еврейский вопрос в России, до сих пор остается неопубли-

кованным или является огромной библиографической редкостью, и эта ситуация требует своего исправления.

В целом, можно утверждать, что Л. Я. Штернберг был одним из основателей исследования жизни и быта еврейского населения России, и его работы вносят большой вклад в решение данного вопроса, будучи недооцененными до сих пор. А изучение взглядов Л. Я. Штернберга на условия жизни и быта евреев в России требует дальнейших специальных исследований.

Примечания

- ¹ См. перечень публикаций: Штернберг Лев Яковлевич. [Электронный ресурс]: URL: http://ethnographica.kunstkamera.ru/%D0%A8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3_%D0%9B%D0%B5%D0%B2_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 14.02.2019).
- ² Свидетельство о приписке к призывному участку // СПбФ АРАН. Ф. 282 (Штернберг Лев Яковлевич (1861–1927), этнограф, член-корреспондент АН). Оп. 1 (Рукописи трудов). Д. 156 (Материалы для биографии Л. Я. Штернберга: документы, стихи, отзывы). Л. 2.
- ³ *Ратнер-Штернберг С. А.* Лев Яковлевич Штернберг. Очерк жизни и деятельности // Там же. Д. 195 (Очерк жизни и деятельности Л. Я. Штернберга, материалы для биографии, среди них свидетельство о смерти). Л. 104–105, 108.
- ⁴ Там же. Л. 106–107, 112–114.
- ⁵ Там же. Л. 114.
- ⁶ Там же. Л. 52.
- ⁷ Штернберг Лев Яковлевич. [Электронный ресурс]: URL: http://ethnographica.kunstkamera.ru/%D0%A8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B3_%D0%9B%D0%B5%D0%B2_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 14.02.2019).
- ⁸ *Штернберг Л. Я.* О ренегатстве // СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 176 (Материалы по еврейскому вопросу: письма, заметки, воззвания, официальная переписка с Еврейским историко-этнографическим обществом, сведения об этом обществе и его деятелях). Л. 1–10.
- ⁹ *Его же.* Евреи на Сахалине. Из воспоминаний политзаключенного // Там же Л. 15–22.
- ¹⁰ *Его же.* Проблема еврейской национальной психологии // Еврейская старина. 1924. № 11. С. 5–44.
- ¹¹ *Его же.* Проблема еврейской национальной психологии // СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 176. Л. 689–690.
- ¹² Там же Л. 213.
- ¹³ Там же Л. 659.
- ¹⁴ Там же Л. 730.
- ¹⁵ Там же Л. 732.
- ¹⁶ Там же Л. 750.
- ¹⁷ Там же Л. 766–772.
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 166 (Проблема еврейской национальной этнографии). Л. 2
- ¹⁹ Там же. Л. 3.
- ²⁰ Там же. Л. 8.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. Л. 10.

УДК 929

О. Б. Вахромеева*(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

**Научная, педагогическая и практическая деятельность
А. Л. Гершуна (1868–1915):
к 150-летию со дня рождения организатора
российской оптической промышленности**

Педагогическая и научно-исследовательская работа, организаторская и изобретательская деятельность отечественного ученого Александра Львовича Гершуна (1868–1915), много сделавшего для развития физики в России, особенно в области оплотехники, заложившего основы российской оптической промышленности, были тесно переплетены между собой, зачастую ставя перед сложным выбором приоритетного направления в исследованиях и экспериментах, стратегически важной задачи в промышленности, преподавания физики в средних и высших учебных заведениях. В течение короткой жизни (ученый-экспериментатор прожил всего 47 лет) выбор делался как в силу побеждавшего научного интереса (участие исследователя в наблюдениях солнечных затмений, решение проблемы оптического приборостроения, касавшейся использования геометрической оптики), так и по важной необходимости (организация первого оптического производства в дореволюционной России, приборостроение для военно-морского флота, изобретение в области баллистики и электро-техники, создание оптических изделий и оптического стекла).

Несмотря на значительные заслуги А. Л. Гершуна, позволившие поставить Россию по ряду показателей на одну ступень с развитыми мировыми державами, его имя известно лишь узкому кругу специалистов, а жизни и творчеству ученого посвящена лишь небольшая монография исследователя Н. И. Иванова 1976 г.¹, написанная на основе архивных материалов, несколько статей и мемуарно-мемориальных источников. Материалы, еще не введенные в научный оборот, находятся в личном архиве внука ученого, Михаила Андреевича Гершуна; частично к ним обращался Николай Иванович Иванов. В год 150-летия со дня рождения первого российского оплотехника значительный интерес проявили сотрудники Музея истории ЛОМО, Музея ИТМО и Музея истории Обуховского завода (в 1904 г. объединенного с Александровским сталелитейный и рельсопрокатным заводом, где кон-

сультитировал ученый-инженер), разместив обновленные материалы о деятельности А. Л. Гершуна².

Александр Львович Гершун родился 17 октября (по ст. стилю) 1868 г. в небольшом уездном городе Соколка Гродненской губернии в семье врача, служившего в больнице. Мать — Софья Семеновна (ур. Шерешевская), была дочерью оптового торговца лесом, дети которого получили образование в Германии. Отец — Лев Яковлевич Гершун (1836–1897), происходил из еврейской купеческой семьи; дед А. Л. Гершуна, оптовый торговец сукном, настаивал на классическом («общерусском») образовании детей. Лев Яковлевич окончил Московский университет и дослужился в 1891 г. до чина статского советника³. В 1870 г. в семье родился второй сын, Борис, который стал известным адвокатом и общественным деятелем дореволюционной России, авторитетным юристом и организатором объединений русских адвокатов в Берлине и Париже в 1920-х — начале 1950-х гг. (о Борисе Львовиче Гершуне не так давно вышла подробная статья, написанная на материалах Бахметьевского архива, предоставленных М. А. Гершуном)⁴.

Более половины коренных жителей Соколки были евреями; в городе была синагога, еврейский молитвенный дом, еврейское училище и несколько хедеров. Александр и Борис росли в атмосфере уважения к семейным традициям и почитанию своего деда, Якова Гершуна, который мало интересовался торговыми операциями и все время посвящал еврейским общественным делам. Возможно, что от него братья унаследовали склонность к кипучей деятельности на пользу общества. Мальчики получили хорошее домашнее образование (первый имел склонность к древним языкам, второй к немецкому и французскому), а когда в 1877 г. семья переехала в Вильно к новому месту службы отца, занявшего место ординатора в Виленском Еврейском госпитале⁵, оба брата окончили I Виленскую мужскую гимназию (старший с золотой, а младший с серебряной медалью в 1886 и 1888 гг.)⁶.

Александр Гершун поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета в год окончания гимназии. В столице он жил крайне скромно, имея единственным источником существования средства, получаемые от частных уроков⁷.

Университетским учителем А. Л. Гершуна стал профессор И. И. Боргман (1849–1914) — выдающийся ученый, талантливый преподаватель, пионер электромагнитной теории света и неутомимый общественный деятель. Профессор О. Д. Хвольсон, набрасывая словесный портрет своего коллеги, указал на сферу его научных ин-

тересов: «Многие десятки его чисто научных работ, большей частью содержащих результаты экспериментальных исследований, разбросаны по многочисленным научным журналам, в том числе немецким, французским и английским. Огромное большинство этих работ относится к области явлений электрических и магнитных, которыми Иван Иванович всегда особенно интересовался, хотя его глубокие познания одинаково простирались на все отделы физики, ныне так сложно переплетающиеся и так тесно между собою связанные. Все его работы обладают большою научною ценностью; ими разрешаются те или другие важные вопросы, или дается новое освещение уже известным явлениям»⁸. Профессор читал экспериментальную физику: на первом курсе он преподавал «Физику трех состояний и теплоту», на втором излагал «Оптику», двум старшим курсам давал «Учение об электрических и магнитных явлениях» (электростатику и внутренние действия тока, магнетизм и внешние действия тока). Лекции И. И. Боргмана стояли на недостижимой высоте «как по блестящей дикции, так и по искусному расположению материала», и по их полной ясности. Лучше всего у него выходили экспериментальные лекции, которые поражали богатством, разнообразием и новизной опытов⁹. Профессор преподавал как в Петербургском университете, так и на Высших женских (Бестужевских) курсах, «не видя разницы между студентами обоего пола в научном отношении». Он был инициатором оставления при университете и курсах многих своих учеников для продолжения научных занятий.

А. Л. Гершун серьезно увлекся физикой (помимо нее его занимали иностранные языки, в которых он преуспевал), значительное время проводил в физической лаборатории университета, где в том числе занимался и самостоятельными исследованиями. В конце 1889 г. он принял участие в работе VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей, где познакомился с профессором Военно-медицинской академии Н. Г. Егоровым (1849–1919), ставшим его наставником и близким другом¹⁰. И. И. Боргман высоко отметил первый труд Александра Гершуна (еще студента III курса) «Критический разбор исследования вопроса о температуре наибольшей плотности воды и водяных растворов», за которую тот был удостоен золотой медали, указывая на способность молодого ученого быстро работать, систематизировать различные данные, его прекрасное знание научной литературы и обладание точной и кристально ясной манерой изложения материала¹¹. В 1890 г. подающий надежды выпускник был оставлен ассистентом при кафедре физики, но «на собственный счет», что свидетельствовало о нежелании Совета профессоров «раздувать штат».

По протекции другого университетского профессора физика Оresta Даниловича Хвольсона (1852–1934), преподававшего с 1890 г. в Императорском университете и на Бестужевских курсах, Александр Львович начал читать курс физики в Санкт-Петербургской гимназии и реальном училище Якова Григорьевича Гуревича (1843–1906), который был не только доктором всеобщей истории и директором известного среднего учебного заведения, но также считался талантливым педагогом (в 1890 г. он явился создателем и редактором журнала «Русская школа»)¹². У Гуревича Гершун работал до 1902 г., он был окружен созвездием лучших педагогических кадров столицы (в те же годы в гимназии служили: математик Н. И. Билибин, историк искусств А. Н. Щукарев, слависты И. Ф. Анненский и С. К. Булич, историк Г. В. Форстен и др.).

Кроме того, Александр Львович был ассистентом О. Д. Хвольсона в Электротехническом институте. С 1896 г. стал лаборантом Физического института при университете, где работал с большим увлечением. Огромное трудолюбие принесло ему уважение коллег. Гершуна отличала скрупулезная подготовка к опытам, которые он с успехом демонстрировал. Те, кто знал его лично, отмечали особые качества и навыки ученого в экспериментальной работе — «тонкие пальцы», «талантливые руки», «изящество работы», «необыкновенные упорство и выдержка», «умение видеть то, что ускользало от других»¹³. Д. В. Рождественский и О. Д. Хвольсон называли А. Л. Гершуна физиком-философом, который глубоко и вдумчиво относился к вопросам о задачах и целях физики и об источниках ее развития¹⁴. Квинтэссенцией размышлений исследователя явилась статья «Физика» 1902 г. в энциклопедическом словаре под редакцией Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, написанная по предложению главы физического отдела издания Ф. Ф. Петрушевского¹⁵, с которым А. Л. Гершун сотрудничал с 1893 г.

С 1893 по 1897 г. молодой преподаватель читал физику на Санкт-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсах. Он числился ассистентом физической лаборатории женского университета, но часто замещал профессоров И. И. Боргмана и О. Д. Хвольсона, читая лекции и ведя практически занятия. Его отличало умение подбирать и составлять оригинальные задачи, чтобы в каждой слушательнице воспитывать любовь к физике и вдохновлять ее на самостоятельные усиленные занятия¹⁶.

На курсах ассистентами-физиками служили еще два ученика И. И. Боргмана — Михаил Андреевич Шателен (1866–1957), будущий профессор Электротехнического института, организатор лабо-

ратории высоких напряжений и опытной линии электропередач высокого напряжения, и Владимир Федорович Миткевич (1872–1951), исследователь природы электрической дуги, предложивший схему выпрямителя для преобразования переменного тока в постоянный¹⁷. С обоими А. Л. Гершун дружил. С М. А. Шателеном еще в студенческие годы публиковал статьи в старейшем отечественном журнале «Электричество» (в 1891–1892 гг. был секретарем редакции), а в 1944 г. в том же журнале В. Ф. Миткевич вспоминал свои встречи с Александром Львовичем¹⁸.

С 1895 по 1903 г. А. Л. Гершун состоял делопроизводителем Физического общества и первым составил каталог книг его библиотеки. Кроме того, Александр Львович в качестве действительного члена активно участвовал в работе Русского технического общества по пятому (фотографическому) и шестому (электротехническому) отделам, Русского астрономического общества и Русского общества любителей мироведения. Так, после участия как физик-фотограф в Ленской экспедиции Русского астрономического общества на станции Чекурской по наблюдению солнечного затмения 28 июля 1896 г. он опубликовал научные отчеты в российских и зарубежных журналах. В 1914 г. ученый был одним из организаторов работ по наблюдению полного солнечного затмения 8 августа 1914 г., которое наблюдалось во многих уголках России¹⁹.

Александра Львовича отличали одержимость научным экспериментом и забота о безукоризненной, четко налаженной работе физических кабинетов и лабораторий. Оставив преподавание в том или ином учебном заведении, он продолжал заботиться о пополнении его научных кабинетов наглядными пособиями, приборами, инструментами, препаратами и проч.

Позже, в 1908–1915 гг., А. Л. Гершун был преподавателем Санкт-Петербургского Женского педагогического института, где читал различные разделы физики (геометрическую оптику, физическую оптику, термодинамику, электричество и магнетизм). Все его курсы лекций с приложением программ (за исключением геометрической оптики, опубликованной в учебнике профессора О. Д. Хвольсона) были изданы литографированным способом (общий объем составил 1600 страниц). Первые ученые женщины-физики, ученицы Александра Львовича, вспоминали о его исключительной эрудиции и умелом методическом подходе к студентам, заключавшимся в ведении беседы для выяснения истинных знаний учащегося вместо обычного ответа на вопрос²⁰.

Профессор Н. Г. Егоров писал, что «при своей любви к науке, богатой научной фантазии, экспериментаторском и лекторском даре, выдающейся трудоспособности и жажде делиться знаниями Александр Львович, конечно, имел полное право стремиться к университетской кафедре»²¹, но время шло, а ученый продолжал оставаться лишь ассистентом в университете. Тогда весной 1901 г. профессор О. Ф. Хвольсон рекомендовал своего ученика и друга А. Л. Гершуна заведующим кафедрой общей физики Артиллерийского офицерского класса в Кронштадте, где тот читал лекции с 1902 по 1908 г. Оставаясь по существу ученым-теоретиком и не прекращая своей деятельности в области чистой науки, у Александра Львовича появилась возможность направить теоретические силы своего ума для решения практических вопросов. Мысль об университетском преподавании была оставлена Гершуном навсегда, хотя современники называли его уход из университета большой потерей для науки.

В кронштадтский период жизни А. Л. Гершуна он успешно сочетал преподавательскую и научно-исследовательскую работу с организаторской и инженерной деятельностью. Помимо обязательных лекций им были прочитаны научно-популярные лекции по новейшим вопросам физики и техники; многие из них были насыщены демонстрационными опытами. Ученый не мог примириться с изучением науки ради нее самой, он стремился вывести физику за пределы лаборатории и «сделать ее всеобщим достоянием»²². Им был опубликован ряд статей о состоянии оптического дела в России и за рубежом. Была приведена в порядок библиотека Артиллерийского офицерского класса. Как член Физического общества ученый сотрудничал с А. С. Поповым и П. Н. Рыбкиным. Александр Львович был секретарем на историческом заседании 25 апреля 1895 г., когда изобретатель А. С. Попов продемонстрировал своей аппарат-приемник («грозоотметчик») и была принята первая в мире радиограмма со словами «Генрих Герц». На хорошем оборудовании кронштадтской лаборатории А. Л. Гершуном ставились эксперименты в области баллистики, электротехники, дальномерного дела, оплотехники и приборостроения. Часть его экспериментов нашла отражение в печати²³. Исследователь принимал участие в морских плаваньях и занимался с офицерами во время морских артиллерийских учений, а на практических занятиях решал с ними не шаблонные задачи, а примеры технического содержания, зачастую самим же составленные, вводя в преподавание элементы политехнизма²⁴.

Педагогическая деятельность А. Л. Гершуна в Артиллерийском офицерском классе принесла ему заслуженное звание профессора. Но

его самого уже полностью захватила иная деятельность. Как преподаватель он столкнулся с недостатками при техническом обслуживании оптических приборов на военных кораблях, тогда им была организована первая на Балтийском флоте дальномерная станция для выверки и чистки дальномеров, заведующим которой весной 1906 г. ученый был избран. Он лично отвечал перед Главным управлением кораблестроения за проверку дальномеров, их сохранность, замену старых на новые, инструктаж морских офицеров и использование приборов на судах. Ученый разработал специальные правила проверки дальномеров, касающиеся их оптики, выступал на заседаниях различных научных обществ с исследованиями по оптике и оплотехнике, консультировал специалистов из Морского министерства²⁵.

В 1906 г. последнее инициировало создание Оптического отдела (сначала оптико-механической-мастерской) при Обуховском заводе, в 1904 г. объединенного с Александровским сталелитейным и рельсопрокатным заводом (на его территории и разместились мастерская). Ее появление связывалось с острой необходимостью улучшить состояние русской артиллерии после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг., особенно морской и береговой, которая нуждалась в совершенных прицельных приспособлениях. В течение двух лет А. Л. Гершун считался научным консультантом и приглашался как эксперт в области прикладной оптики для решения точечных задач (в 1907 г. выпускаемые оптические изделия под руководством Гершуна были удостоены почетных наград на Французской международной выставке). Производство оптических прицелов было налажено под руководством инженера Я. Н. Перепёлкина. Но уже в 1909 г. Александр Львович возглавил работу Оптического отдела. За короткое время, задействовав свои экспериментальные способности и огромное трудолюбие, он сумел поставить производство оптических приборов так, что Россия стала одной из передовых стран по изготовлению призматических биноклей, зрительных труб, перископов, стереотруб, панорам, прицелов, микрометров и других военных оптических приборов. Примечательно, что названные категории оптических приборов прекрасно конкурировали с продукцией всемирно известных фирм Цейса и Герца, при этом стоили гораздо дешевле (не удивительно, что именно они поступали на вооружение русской армии). А. Л. Гершун работал над усовершенствованием разных приборов, например, только в области прицелов ему принадлежало несколько открытий: он разработал и внедрил наглазник-приблизитель; доработал выпускавшийся прицел Я. Н. Перепёлкина образца 1903 г.; создал на-

дежные и прочные двоянные прицелы, упростил прицельные механизмы с целью уменьшения доли ошибки²⁶.

Неудача ждала ученого лишь в деле организации производства на Обуховском заводе отечественных дальномеров. С одной стороны, ему не удалось преодолеть сопротивление владельцев английского производства дальномеров (Барра, Струда и Джонсона), а, с другой стороны, он столкнулся с нежеланием владельцев предприятия идти на большой риск и заниматься не окупаемым делом. Не помогла командировка Александра Львовича в Англию в 1909 г. и составление сметы на общую сумму в 300 тыс. руб., предусматривавшей постройку здания с вышкой и оборудование специальных лабораторий²⁷.

А. Л. Гершун руководил Оптико-механическим отделом Обуховского завода до 1914 г., и все это время основным направлением его работы были вопросы организации производства оптического стекла. Он с большим участием относился к консультированию промышленных предприятий, в частности, сотрудничал еще с молодым технологом Фарфоровского завода Н. Н. Качаловым (1883–1961), в будущем основателем теории холодной обработки оптического стекла, исследуя каждую пластинку и каждый кусочек полученного стекла на предмет годности для нужд оптического приборостроения. В 1923 г. из Оптического отдела бывшего Фарфорово-стеклянного завода был образован Ленинградский завод оптического стекла²⁸.

В 1912 г. Александр Львович получил приглашение от французских промышленников: его позвали в Крезе на один из заводов Шнейдера (как и Крупп, мирового лидера по производству и продаже оружия) для организации Оптического отдела. Ответ был отрицательным, т. к. Российское общество оптического и механического производства поспешило назначить Гершуна научным руководителем фирмы. На следующий год было начато строительство Оптического завода на Чугунной улице (современное ЛОМО). Отдавая новому делу все силы (тратя на сон не более двух часов в сутки), занимаясь проектированием лабораторий, весной 1914 г. он уже участвовал в оборудовании предприятия²⁹. Обширным планам ученого по производству оптического стекла в России помешала начавшаяся Первая мировая война, а русская промышленность не смогла освободиться от «немецкого ига». Большая часть завода была переоборудована под производство артиллерийских снарядов. Сам же Александр Львович осенью 1914 г. по поручению Артиллерийского управления уехал в командировку в Англию и Францию. Здоровье его было подорвано многолетним тяжелым грузом обязанностей; он не щадил сил и не слушал близких

людей, которые напоминали ему о необходимости кратковременного отдыха. Переутомленное сердце не выдержало. А. Л. Гершун скончался в Петрограде 26 мая (по ст. стилю) 1915 г.

С. Прокудин-Горский писал об Александре Львовиче Гершуне в мемориальной заметке: «Превосходный лектор, неутомимый работник, он умел работать сам, умел подобрать нужных для работы людей, а его талант, светлый, ясный ум, чрезвычайная справедливость, отзывчивость и доброта привлекали к нему сердца слушателей, сослуживцев и сотрудников, подчиненных и всех знавших и даже случайно встречавших этого прекрасного человека»³⁰.

Примечания

- ¹ Иванов Н. И. Александр Львович Гершун (1868–1915). Л. : Наука, 1976. 136 с.
- ² Музей ЛОМО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lomo.ru/company/muzey-lomo/> (дата обращения: 14.01.19); Гершун Александр Львович 17(29).X.1868 г.–26.V.(8.VI.).1915 г. // Музей ИТМО [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.ifmo.ru/person/84/> (дата обращения: 14.01.19); Музей Обуховского завода [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.goz.ru/> (дата обращения: 14.01.19).
- ³ Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). М.: НЛО, 2013. С. 121.
- ⁴ Вахромеева О. Б. Борис Львович Гершун и русская адвокатура в эмиграции (Берлин, Париж, 1920–50-е гг.): по материалам Бахметьевского архива // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. История, языки и литература: Материалы международной научной конференции памяти В. А. Якобсона 17 апреля 2016 г. СПб.: б. и., 2016. (Труды по иудаике. Серия «История и этнография». Вып.11). С. 349–360.
- ⁵ Columbia University Library of Bakhtmeteff Archive of Russian and East European Culture. Ф. 2316 (Коллекция «Объединение русских адвокатов во Франции»). Биография присяжного поверенного Бориса Львовича Гершуна. Париж. Май 1950 г. Л. 1.
- ⁶ Вахромеева О. Б. Борис Львович Гершун и русская адвокатура в эмиграции... С. 350.
- ⁷ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 7.
- ⁸ Отчет Общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1913–1914 уч. г. Пг. : Тип. А. Э. Коллинс, 1915. С. 5.
- ⁹ Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: К 140-летию Бестужевских курсов. М. : Политическая энциклопедия, 2018. С. 537–538.
- ¹⁰ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 8.
- ¹¹ Егоров Н. А. Л. Гершун (некролог) // Журнал Русского физико-химического общества. 1916. Т. 48. Вып. 6. С. 170.
- ¹² Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах... С.390.
- ¹³ Мейзель С. А. Л. Гершун (некролог) // Электричество. 1915. № 9. С. 151.
- ¹⁴ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁵ Гершун А. Л. Физика // Энциклопедический словарь / Под ред. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXXVa. Полумом 70. СПб. : Издание Брокгауз–Ефрон, 1902. С. 660–674.
- ¹⁶ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 94–95.
- ¹⁷ Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах... С. 542–543.
- ¹⁸ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁹ Там же. С. 9–10, 134.

²⁰ Там же. С. 98–99.

²¹ Егоров Н. Указ. соч. С. 170.

²² Сум Н. А. Л. Гершун (некролог) // Известия Русского общества любителей мироведения. 1915. Т. 4. № 4. С. 193.

²³ Гершун А. Л. Лекционный опыт для показания свойств электронов // Журнал Русского физико-химического общества. 1904. Т. 36. Вып. 7. С. 249–253.

²⁴ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 11, 94–95.

²⁵ Гершун А. Л. Современная оптотехника // Журнал Русского физико-химического общества. 1907. Т. 39. Вып. 8. С. 277–294.

²⁶ Иванов Н. И. Указ. соч. С. 26–30.

²⁷ Там же. С. 36–37.

²⁸ Там же. С. 68–69.

²⁹ Там же. С. 13–14.

³⁰ Прокудин-Горский С. А. Л. Гершун (некролог) // Фотографические новости. 1915. № 6. С. 99.

УДК 929

Н. О. Чехович

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Судьба ассириолога Михаила Астура (Michael C. Astour) и его семьи.

**Вильна, СССР (ГУЛАГ и Казахстан), Польша,
Франция, США**

Целью этой статьи является знакомство русскоязычной аудитории с биографией человека, известного на Западе своими трудами по истории Древнего Востока и по истории еврейского общественного движения первой трети XX в. Этот неординарный человек по-прежнему практически неизвестен в России. В 2015 г. появилось посвященное ему биографическое эссе Джеймса Вайнгартнера¹; автор основывается на большом, аккуратнейше составленном архиве документов и писем (входящих и исходящих — в копиях). Архив хранится в Эдвардсвилле (США): Southern Illinois University, Edwardsville (SIUE), Archive. Эссе, по признанию автора, является предварительным: писем на русском, польском и идише автор читать не мог. Большой заслугой его является разбор архива, занимающего более 20 «коробок» (box).

Михаил Ч. Астур (псевдоним, ставший именем: до 1960 г официальная фамилия его была Чернихов /Czernichow/), родившийся

в Харькове 17 декабря 1916 г. (по какому стилю — не отмечается) и скончавшийся 7 октября 2004 г. после операции в больнице г. Сент-Луис, штат Миссури, США, был наделен способностями, позволившими ему стать крупным специалистом в истории древнего Ближнего Востока, ассириологом с широким кругозором. Но это было лишь одним, главным из его занятий. Вторым, также очень важным для него, занятием была литература. Сам он писал стихи на идише и переводил с этого языка и на него, публикуя стихи и статьи (до Второй мировой войны также на русском языке) в журналах. Он занимался историей литературы профессионально, знал невероятно много наизусть, и это однажды спасло ему жизнь. Не менее важным занятием для него в молодости была общественная деятельность, о чем ниже. М. Астур был единственным сыном в семье. О матери его Рахили (в девичестве Хоффман) известно мало: видимо, она получила гуманитарное образование. Отец, Иосиф Чернихов, был юристом, адвокатом. После Октябрьской революции 1917 г. у отца, человека смелого, с левыми взглядами, но не большевика, было много работы. Он спасал людей, защищая их в революционном трибунале². Подробности неизвестны, но в 1921 г. семья Черниховых переехала за границу, в Ковно (Каунас, Литва), а затем, в 1924 г., в Вильну (тогда территория Польши). Языком семьи был русский, в Вильне в школе (вероятно, в гимназии) Михаил выучил идиш и польский, свободно знал французский и немецкий, изучал классические языки и древнееврейский. С возрастом он овладел английским, ивритом, итальянским, не считая древневосточных языков его специальности.

Вильну тогда называли «Северным Иерусалимом»; здесь была культурная среда, в которой семья пользовалась уважением, отец хорошо зарабатывал. Интересно, что имя Иосифа Чернихова встречается и совсем в другом контексте. В 1908 г. он жил в Вене вместе с политическими эмигрантами из царской России, их коммуна пребывала в большой бедности, и живший с ними молодой писатель Даниэль Чарный (1888–1959) называл их *di hunger-komune* (коммуна «Голод»)³. Отец был для М. Чернихова примером общественной активности. В годы между двумя мировыми войнами с новой силой зазвучали идеи массового переселения евреев-ашкеназов с языком идиш с целью создания собственного автономного государства. Чернихов-отец был сторонником именно такого переселения в какую-либо малонаселенную страну, где не пришлось бы столкнуться с враждебностью местных жителей и с оружием в руках отстаивать свое новое государство, построенное на социалистических принципах. Это движение,

получившее название «территориализм», еще в самом начале века внесло раскол в ряды сторонников эмиграции в Святую Землю. На протяжении многих лет всерьез обсуждались, возникали и рушились разнообразные варианты переселения: в Уганду, на Аляску, Мадагаскар, в Австралию... Идее не суждено было осуществиться.

Юный Михаил Чернихов входил в группу скаутов «Бин» («Пчела»), где мальчики готовили себя к жизни в аскетических условиях. Он основал новую группу «Шпарбер» («Соколы») и руководил походами на 40 км за два дня, что много для подростков⁴. Но бывали и недели спокойного летнего отдыха, когда Михаил вместе со своим другом, будущим известным поэтом (на идише) Авромом Суцкевером (Sutzkever), поплавав в Вилие, садились читать и обсуждали по вечерам прочитанное на польском и русском языках. В июне 1933 г. Михаил опубликовал в варшавском издании «Литерарише блетер» на идише статью «Голос юности», посвященную идеям территориализма. Тогда и появился псевдоним «Астур», от латинского названия ястреба-перепелятника, во французском написании Astour⁵.

Семейная поездка 1931 г. во Францию, посещение музеев зародили в юноше желание серьезно заниматься историей и археологией Ближнего Востока, где в те годы велись интенсивные раскопки и были открыты новые города и целые государства древности. Его особенно заинтересовало открытие в прибрежной Сирии торгового города-государства Угарит; раскопали его французские археологи. Родители не возражали против его желания учиться в Сорбонне по окончании школы в 1933 г. С 1934 г. Михаил Чернихов жил в Париже, его занятиями руководил Шарль Виrolло (Virolleaud, 1879–1968), один из первых дешифровщиков угаритских текстов. Чернихов учился и у других специалистов, вероятно, на занятиях одновременно с уже известным тогда выдающимся историком античности Элиасом (Ильёй) Бикерманом (1897–1981)⁶, который с приходом нацистов к власти уехал из Германии во Францию, преподавал в Париже папирологию и пополнял свои знания на семинарах по Древнему Востоку⁷. Он тоже был выходцем из России и успел до эмиграции стать участником Первой мировой войны, служа в царской армии. Можно предположить, что упоминаемые в эссе Дж. Вайнгартнера письма к «Илье» — это переписка с Бикерманом. Михаил Чернихов тогда же ездил в путешествие по Востоку, во всяком случае, посетил Палестину. После 1937 г. он добавил к образованию историка образование агронома и инженера, проучившись несколько семестров в высшей сельскохозяйственной школе в Гриньоне под Парижем. Видимо, это было связано с очеред-

ным планом переселения евреев. Соседство с нацистской Германией заставляло думать об угрозе для всего еврейского народа Восточной Европы. Но угроза шла с двух сторон. Летом 1939 г. родители просили его остаться во Франции, но он приехал в Вильну, чтобы быть с ними в тревожное время, и, может быть, недооценивая опасность. Надо было спастись, пробираться через близкую Литву и Прибалтику в Скандинавию. Но дома лежала парализованная бабушка, и мать отказалась уезжать. Семья Черниховых стала одной из жертв пакта Риббентропа-Молотова. В Вильну вступила Красная Армия, и уже в октябре 1939 г. отец и сын Черниховы были арестованы НКВД. Мать Рахили умерла через две недели после их ареста. Михаилу было в это время неполных 23 года. Его приговорили к пяти годам лагерей за создание «контрреволюционной еврейской националистической молодежной организации»⁸ и отправили на восток в товарном вагоне; тем самым, по иронии судьбы, он спасся от гибели в гетто.

Отец оставался в пригороде Вильны, в тюрьме. Только с началом Великой Отечественной войны он вышел оттуда под конвоем, идя пешком, вместе с другими заключенными, по дороге на Бобруйск. Так представлял себе это впоследствии М. Чернихов. Что произошло в действительности — не вполне ясно, но Иосиф Чернихов, скорее всего, погиб от пули советского конвоира. В конце июня 1941 г. попала в гетто и была убита мать Михаила. Сам же он еще в конце 1939 г. оказался в Ухто-Ижемском лагере в Коми АССР. Особенностью лагеря было то, что местная вода содержала высокий процент радия. В лагере оценили, как это бывало и не только с М. Черниховым, его способность увлекательно пересказывать истории из прочитанных книг. Ему не дали умереть с голоду. Здесь и позже он узнал и живой разговорный русский язык. Это впоследствии пригодилось. Уже будучи в США, он писал, что был освобожден из лагеря 1 сентября 1941 г., когда объявили амнистию заключенным гражданам Польши (по договору СССР с правительством Польши в изгнании). В это время на территории СССР формировалась из польских граждан армия Андерса. Истощенный лагерник в нее не попал; он искал работу, продвигаясь при этом с севера на юг: трудился в колхозе, преподавал русский и английский языки в каком-то училище. Добравшись до Туркмении, он дважды пытался перейти границу СССР в сторону Ирана и был вновь арестован 1 сентября 1943 г. Второй срок (семь лет лагерей) был значительно тяжелее первого, особенно когда Михаил Чернихов попал в ужасающий Карлаг (недалеко от Караганды). Там он тяжело болел, но выжил и даже стал получать посылки из-за

границы от друзей и родных: еду, лекарства, одежду и даже научные книги и журналы. Выписки из них он делал в маленькой записной книжке бисерным почерком, носил её на шнурке на шее. Администрация лагеря заметила, что среди заключенных содержится ученый, и даже улучшила ему условия труда, переведя на канцелярскую работу. 3 сентября 1950 г. он освободился, через 11 лет после первого ареста в Вильне. Надо отметить, что во время войны Михаил Чернихов стал гражданином СССР: после Сталинграда в Кремле потеряли интерес к правительству Польши в изгнании, и все польские граждане, оказавшиеся на территории Советского Союза, были объявлены советскими гражданами⁹. После нескольких неудачных попыток М. Чернихов все же нашел в Караганде низкооплачиваемую работу в столярной мастерской и, наконец, получил комнату. В свободное время он занимался чтением доступной научной литературы, заказывал по межбиблиотечному абонементу книги из Ленинской библиотеки в Москве. Именно в эти годы, по-видимому, он начал накапливать материал для своей диссертации и книги “Hellenosemitica”. Судьба послала ему и жену — Мириам Островскую, которая оказалась с родителями в эвакуации в Караганде. На восемь лет его моложе, она во время войны работала бухгалтером в госпитале, а потом техником в химической лаборатории. Они поженились в 1952 г. Это было большим счастьем для Михаила Астура: его жена была очаровательным, открытым человеком. Вместе они смогли выехать в Польшу. О том, что это возможно, он узнал случайно, в начале 1956 г. Для выезда понадобилась справка из архива в Литве, что он был польским гражданином; справку прислали, и после нескольких месяцев бюрократической борьбы в конце 1956 г. они прибыли в Варшаву. Черниховы рассказывали, что тогда повсюду еще видны были развалины, и оттуда в любую минуту мог выйти мрачный человек с кирпичом в руке со словами: «Не желает ли пан купить кирпич?!». Но М. Чернихов был рад работе уже на постоянном месте, в Еврейском историческом институте, возобновил переписку с коллегами, со старыми товарищами по Фрайланд-лиге. Они отозвались из разных стран, но больше всего из США. Он даже успел опубликовать популярную книжку на идише «История евреев в древности» (1958)¹⁰. Появилась возможность получить постоянную визу во Францию — страну его студенческой юности. В Париже Михаил Чернихов стал библиотекарем и архивариусом в Центре современной еврейской документации, тайно созданном в Гренобле при немецкой оккупации в 1943 г., а после войны переведенном в Париж с целью объединить сбор данных о Холокосте¹¹. Мириам пошла

на курсы швей: во Франции был экономический кризис, инфляция съедала все доходы. Как иностранец, Михаил Чернихов не мог получить государственный грант: они полагались только французам. Но было и нечто более тяжелое, с чем они столкнулись. 18 июня 1958 г. на Елисейских полях из толпы молодых демонстрантов до них донеслось: “Les Juifs au crématoire!” — «Евреев — в крематорий!». Дядя, брат матери Михаила, жил с семьей в США, звал туда и советовал начать там с преподавания русского языка: только что полетел в космос первый спутник, и все русское входило в моду. Туда же влекли Михаила Чернихова и научные интересы, и финансовые соображения. Жаль было покидать любимую Францию и совсем удаляться от России, где у Мириам оставались родители. М. Чернихов должен был заручиться согласием одного из американских университетов взять его, человека без степени, на преподавательскую работу. 22 декабря 1959 г. Черниховы прибыли в Нью-Йорк. Михаил направлялся в университет Брандайса, где работал коллега его парижского учителя Шарля Виролло по угаритским штудиям — Сайрус Гордон, получивший от Виролло рекомендательное письмо и согласившийся помочь. Под его руководством Михаил — с 1960 г. Майкл Ч. Астур — написал и защитил в 1961 г. докторскую диссертацию. Преподавательскую деятельность Астур начал с предметов, не связанных напрямую с его основными научными интересами: истории литературы на идише и истории русской литературы. Лишь позже он перешел к преподаванию истории древнего Ближнего Востока. Следует здесь остановиться на важной работе М. Астура по завершению публикации многотомной «Истории еврейской литературы» Сергея (Израиля) Цинберга (на идише). С. Л. Цинберг был российским евреем, химиком по специальности, а также публицистом и литературоведом, одним из авторов «Еврейской энциклопедии». Работая на Путиловском заводе, он в течение 20 лет писал «Историю», отсылая том за томом в Вильну, где ее печатали. Девятый том не успел выйти и, подготовленный, лежал дома у автора, когда С. Л. Цинберга арестовали в 1938 г. Он погиб в 1939 г., а семья преданно хранила рукопись тома всю блокаду, и внук, ребенок, уносил его в бомбоубежище в рюкзаке¹². К завершению издания был причастен Михаил Астур. Университет Брандайса, где стало известно местонахождение архива С. Л. Цинберга, запросил микрофильмы рукописей, и оказалось, что 9-й том, который уже не надеялись найти, спасен вдовой ученого. М. Астур по микрофильмам тщательнейше подготовил том к печати, он был издан и получил восторженные отзывы¹³.

Со временем М. Астура перешел на работу в Университет Южно-Иллинойса, где преподавал уже только историю Древнего Ближнего Востока и написал много книг и статей. Его жена приезжала в СССР, он же — никогда, хотя был приглашен. Детей у них не было, но у М. Астура было много благодарных учеников, начиная с Дж. Сэссона, которому он преподавал русскую литературу¹⁴. Такова была жизнь человека, потерявшего, казалось, все — и нашедшего силы выстоять и добиться успеха. Его вела горячая любовь к науке, и он сохранил идеалы своего отца, написав о его деятельности¹⁵. М. Астура уговаривали издать книгу мемуаров — рассказчик он был замечательный. Но такой книги он не издал, а его записки на русском языке еще ждут исследователей в архиве.

Примечания

¹ *Weingartner J. J.* Michael C. Astour: A Biographical Essay (2015). [Electronic resource]. URL: http://spark.siu.edu/siue_fac/2 (дата обращения: 01.02.2019).

² *Ibid.* P. 6f., n. 10.

³ *Levin V.* Jewish Political Emigration from Imperial Russia: Mapping the World in a Different Way. In: *East European Jews in Switzerland* | Ed.: T. Lewinsky, S. Mayoraz. Berlin and Boston : Walter de Gruyter, 2013. P. 48.

⁴ *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 7.

⁵ *Ibid.* Об участии его отца в основании в Лондоне в 1935 г. территориалистской Frayland-lige см. www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Frayland-lige (дата обращения: 03.02.2019). Отец иногда подписывался псевдонимом Danieli. Перу сына, М. Астура, принадлежит книга: *Geshikhte fun der Frayland-lige un funem teritoryalistishn gedank*, 2 vols. Buenos Aires; Nyu-York : Frayland-lige, 1967. (На идише).

⁶ Жизни Э. Бикермана и его творчеству посвящена значительная литература. О ней см. в последней работе на эту тему: *Левинская И. А.* Элиас (Илья) Бикерман: Петербургский пролог. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 206–208.

⁷ *École pratique des hautes études. IVème Section. Sciences historiques et philologiques. Annuaire 1935–1936.* Melun : Imprimerie administrative, 1935. P. 30, 90. [Electronic resource]. URL: https://www.persee.fr/doc/ephe_0000-0001_1935_num_1_1_3500 (дата обращения: 01.02.2019).

⁸ *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 13.

⁹ *Garlinski J.* Poland in the Second World War. London : Palgrave Macmillan UK, 1985. P. 193–194. Цит. по кн.: *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 16, n. 43.

¹⁰ *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 20.

¹¹ Centre de Documentation Juive Contemporaine. *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 21, n. 56.

¹² *Элиасберг Г. А.* «...Один из прежнего Петербурга»: С. Л. Цинберг — историк еврейской литературы, критик и публицист. М. : Изд. РГГУ, 2005. О том, что и внуку пришлось участвовать в спасении тома, зашитого в холстину, см. в статье «Тамара Цинберг». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/tag/блокада-ленинграда/authors> (дата обращения: 15.02.2019).

¹³ *Weingartner J. J.* Op. cit. P. 35.

¹⁴ Ученики и коллеги издали в честь М. Астура сборник научных статей: *Crossing Boundaries and Linking Horizons: Studies in Honor of Michael C. Astour on His 80th Birthday* / Eds.: G. D. Young, M. W. Chavalas, R. E. Averbek. Bethesda, Md : CDL Press, 1997. 689 p.

¹⁵ См. примечание 5.

В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН



УДК 63.3

А. И. Богомолов*(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)***О расследовании еврейского погрома в Челябинске
(октябрь 1905 г.)**

Целью данного сообщения является не столько описание последовательности событий 19–20 октября 1905 г. в уездном городе Оренбургской губернии, сколько интерпретация их последствий и оценок очевидцами и современниками этих событий. Источниковой базой для этого послужат материалы, отложившиеся в фонде Объединенного государственного архива Челябинской области в деле «О еврейском погроме в Челябинске 19–20 октября 1905 г.»¹, газетные публикации 1905–1910 гг., а также воспоминания очевидцев события.

События, обозначенные современниками как еврейский погром, произошли в г. Челябинске 19–20 октября 1905 г. Антисемитски настроенная толпа (по оценкам современников, от ста до двухсот человек), вдохновленная зажигательными речами местного брандмейстера Новикова «об оскорблении евреями православной святыни, поношении Царя-Батюшки и оскорблении полиции», прошла по городу, громя на своем пути лавки, магазины, прочие заведения, принадлежавшие евреям. Пострадало, впрочем, имущество и других лиц, другой этнической принадлежности и другого подданства. Городская полиция по причине своей малочисленности (не более двух с половиной десятков городских, рассеянных по всему городу) и бездействия своего руководства не сумела пресечь беспорядки. Толпу удалось остановить и рассеять только на подходах к железнодорожной станции Челябинск (Самаро-Златоустовской железной дороги) действиями железнодорожников и санитаров военно-санитарного отряда из воинского эшелона, оказавшегося на станции. Ближайшая к месту действия воинская часть — батальон Мокшанского стрелкового полка — была расквартирована в г. Златоусте Уфимской губернии и прибыла в уездный город лишь через несколько часов, когда все уже закончилось.

Вполне вероятно, этим и объясняется довольно пестрый состав участников беспорядков, которых удалось задержать и предать правосудию. Корреспондент екатеринбургской газеты «Уральская жизнь», освещая судебный процесс над участниками погрома, отмечал, что среди подсудимых заметны люди самого разного возраста и положе-

ния, от подростков до стариков и старух, при этом очень мало взрослых крепких мужчин. Более того, в списке подсудимых, по сведениям полиции, оказалось даже два или три человека, подозреваемых в причастности к революционным организациям. Возможно, они действительно принимали участие в беспорядках; не менее вероятно и то, что они попросту оказались на улице в момент, когда силы правопорядка оказались в большинстве и приступили к задержаниям. Основные зачинщики и активные участники беспорядков, скорее всего, просто успели разбежаться ранее этого момента, когда задерживать их было некому.

Через несколько дней — 22 октября — состоялась вторая волна беспорядков, инициаторами которых на сей раз выступили местные революционные организации. Участники последних, в свою очередь, собравшись массово (по оценкам очевидца, от ста до ста пятидесяти человек), прошли по городу с красными флагами, «снимая» с рабочих мест работников и останавливая деятельность предприятий, организаций и объектов городской инфраструктуры. Полиция вновь не сумела ни предотвратить эту общественную акцию, ни рассеять ее участников. Через несколько часов в город прибыла ближайшая воинская часть. Демонстранты вновь разбежались. Задерживать их вновь оказалось некому.

По неопубликованным сведениям краеведа Н. М. Чернавского, 19–20 октября всего было разгромлено 18 магазинов и лавок, 38 домов. Общая сумма ущерба на судебном процессе 1910 г. была определена в 500 тыс. рублей. Было немало избитых и раненых. Убитых не было. Среди пострадавших оказались известные в городе люди: врач Н. М. Шефтель, предприниматель И. А. Гуревич и др. Помощь пострадавшим была оказана как городом, так и одним из американских благотворительных фондов. На протяжении 3–4 месяцев лишившиеся крова челябинцы проживали при городском Доме трудолюбия, где получали бесплатное питание. Уездный исправник Высоцкий, проявивший полную бездеятельность во время погромов, был отстранен от должности.

В целом город отделался относительно легко по сравнению с соседями. В Екатеринбурге в результате вооруженного столкновения между противоборствующими партиями 2 человека были убиты, 22 — ранены; из 24 пострадавших было 4 еврея. В Уфе в результате аналогичных событий было убито четверо, в том числе один еврей.

Суд над организаторами и участниками погромов, — так называемое «Дело о мещанине Михаиле Михайловиче Антонове и других в

числе 49 человек» — прошел в апреле 1910 г. в Народном доме г. Челябинска. Корреспондент екатеринбургской газеты «Уральская жизнь» отмечал, что «скамьи подсудимых сплошь заняты серым людом всех возрастов и положений, есть и старухи, есть совсем молоденькие мешаночки, соблазнившиеся двумя-тремя кусками ситца и сукна, валявшимися на разгромленных улицах, преобладают мешане, и как ярко бросающееся в глаза — нет ни одного рабочего. ...Защищает всю эту массу частный поверенный из Екатеринбурга Раевский, единственный согласившийся выступить в неблагоприятной роли защитника погромщиков»². Обвинительный акт был оглашен 7 апреля 1910 г. Наиболее активные участники погромов были приговорены к различным — небольшим — тюремным срокам (так, например, брандмейстер Новиков, признанный одним из подстрекателей погрома, был приговорен к двум годам тюремного заключения, позднее помилован)»³.

Современники связывали беспорядки октября 1905 г. в Челябинске с аналогичными массовыми беспорядками, происходившими в первые дни после объявления Манифеста 17 октября в Перми, Оренбурге, Уфе, уездных городах этих же губерний, не говоря уже об общеимперском масштабе⁴. Екатеринбургский корреспондент видел прямую связь между всеми этими событиями и был в этом мнении не одинок. Довольно быстро сформировались две противоположные, но равным образом конспирологические версии истолкования «октябрьских погромов». Сторонники первой из них верили в общеимперский заговор революционных, либеральных и сионистских организаций, имеющих целью подрыв общественного спокойствия и нормального функционирования государства ради захвата власти, подчеркивая при этом этническую принадлежность ряда участников событий. Сторонники второй акцентировали внимание на фактической одновременности массовых контрреволюционных и антиеврейских выступлений, а также на бездействии полицейских структур, опять-таки повсеместном, — делая вывод об общеимперском заговоре реакционеров и консерваторов. Сторонники обеих версий предпочитали не обращать внимания на факты, не соответствовавшие «правильной версии», те же, что имелись, интерпретировали в соответствии с нею. Так, например, екатеринбургский корреспондент, освещая судебный процесс по делу о челябинском погроме, специально подчеркивает, что среди подсудимых «преобладают мешане, и как ярко бросающееся в глаза — нет ни одного рабочего». Между тем, судя по полицейским спискам задержанных и подсудимых, рабочие среди них были — в том числе и лица, подозреваемые в причастности к подпольным револю-

ционными организациями. Другое дело, что в суде подданного называли в соответствии с его сословной принадлежностью, обозначенной в паспорте — мещанином или крестьянином; место его работы и профессиональный статус в данном случае определяющими не были. Либо приезжий корреспондент не знал деталей происшествия, либо предпочел осветить эти детали в рамках «правильной» интерпретации — среди участников «реакционного» еврейского погрома могут быть мещане, но рабочими быть не может. Еще одна очевидица «еврейского погрома» в своих воспоминаниях описывает хорошо запомнившегося ей городского брандмейстера, однозначно связывая его участие в беспорядках и робость местных полицейских с тем, что все это мероприятие в целом инспирировано властью.

Дополнительный свет на «Дело о челябинском погроме» могут пролить воспоминания местного жителя — акцизного чиновника К. Н. Теплоухова, основанные на его дневниковых записях и опубликованные сравнительно недавно⁵. Часть воспоминаний К. Н. Теплоухова имеет смысл процитировать здесь:

Война с Японией кончилась; в сентябре или октябре был заключен мир; японцы оказались очень умеренными в своих требованиях... Началась демобилизация, массами повалили солдаты с востока, — железная дорога не справлялась, — появились пробки, — в Челябинске, вероятно, и на других больших станциях. Солдаты пьянствовали на вынужденных остановках; буйства, скандалы, — говорили и об убийствах.

Закрыли винные лавки в городе и в полосе ж[елезной] д[ороги] на 10 в[ерст] в ту и другую сторону, но толку оказалось мало. Предприимчивые тайные продавцы водки, не желая расстаться с крупным барышом, задерживали в 3–5 верст[ах] от города возчиков, везущих вино в дальние лавки. Пересчитывали, что у него в возах, аккуратно уплачивали за вино и посуду и забирали себе. <...> Узнали все это уже потом...

Начались погромы публичных домов. Действовали солдаты, к ним присоединялись местные любители. Выбивали окна, двери, рамы... Обитательницы — со слезами и руганью собирали более ценное и убегали к соседям или куда придется. Из окон выбрасывали изломанную мебель, изорванные матрасы, перины, всякий житейский хлам... Потом постепенно расходились. На другой день заколочены досками окна, двери, — через 2–3 дня начинали ремонт.

Обыкновенно разбивали дома ночью или поздним вечером, — но тогда темно, — плохо видно, — начали громить днем.

Помню такой случай.

В воскресенье прекрасный — осенний — солнечный день; на улице шум, беготня.

Вышел — говорят — разбивают дом неподалеку от нас; — надо посмотреть.

Шагах в 40–60 от дома — толпами и цепью — зрители, — за ними экипажи — тоже зрители — нарядные дамы, мужчины.

Перед зрителями на свободном пространстве, Иван Павлович Лепихин, полицейский надзиратель — в форме, белых перчатках, просит публику разойтись: «Идите своей дорогой! Не толпитесь! Что тут интересного? Скоро все кончится... не толпитесь... прошу!..»

У самого домика два городских горячо убеждают десятка 3–4 громил — почти исключительно солдат — прекратить... «это занятие!, не делать беспорядка!..»

Окна уже выбиты... сломанная мебель и разорванные перины на улице, — жильцов уже не видно... Несколько человек отдирают обшивку дома, другие ломают ворота. Человек 7–8, притащив откуда-то бревно, бьют им, как тараном, простенки.

19 и 20 октября были жидовские погромы...

Производились ночью, — больше всего на Уфимской — главной — улице; разносили жидовские магазины; в других местах — дома. Обыватели домов, конечно, убегали, при приближении толпы — кто куда сумеет.

Толпа 100–200 ч[еловек] выбивали окна и уничтожали все в доме, остатки выбрасывали на улицу, убегающих не преследовали. Покончив с одним домом — шли к следующему.

То же, конечно, и в магазинах; — мелочь, вероятно, растаскивали.

Священник Разумов рассказывал, что он случайно проходил по улице во время погрома. Из дома, еще не тронутого, выскочил старый жид, узнал его и потребовал, чтобы Разумов достал ризу и крест и встал на защиту его дома.

Раненых, а тем более убитых жидов — не было ни одного...

<...>

Ночи были тихие, — даже до нас доносился с Уфимской неясный шум, крики. Мне очень хотелось посмотреть, но жена не пускала ни за что. Шуре и Володе удалось улизнуть, и они рассказывали потом, что видели.

Приходилось неоднократно слышать, что погромы производились по инициативе полиции. Меня заинтересовала эта сторона и, сидя в Кредитке, я произвел возможно тщательно расследование... В Кредитке это было очень удобно: когда человек приходит просить денег, у него душа нараспашку.

Я — наедине — в своем кабинете незаметно расспрашивал всех, начиная от жандармского ротмистра Н. А. Шамлевича, жандармов Н. Рубцова и еще другого — фамилии не помню, мелких местных предпринимателей, купцов, рабочих, ж[елезно]д[орожных] служащих всех рангов, — все бывали и видели погромы (многие, вероятно, и участвовали), но инициативы или попустительства никто не заметил. Да и что могли сделать 20–30 городских всего города...

Кстати, в Кредитке я никогда не бывал в форме, — очень многие клиенты и не подозревали, что я акцизный чиновник.

Через несколько дней после погромов — другие «выступления»... (революционная манифестация 22–23 октября 1905 г. — А. Б.)⁶.

В октябре 1905 г. Теплоухов служил по акцизному ведомству, одновременно подрабатывал бухгалтером в Кредитном товариществе, был дружен с либеральными общественными деятелями города и принимал довольно активное участие в городской жизни. Так, например, как раз по горячим следам октябрьских событий он выступил одним из инициаторов создания под эгидой городской думы добровольческой дружины местной самозащиты, проводил ночное патрулирование городских кварталов. В ноябре 1905 г. он был выбран гласным в городскую думу на четырехлетие 1906–1910 гг. В своих дневниках К. Н. Теплоухов с одинаковой ироничностью описывает обе волны беспорядков, прокатившихся по Челябинску 19–20 октября и 22–23 октября 1905 г. Вместе с тем эти беспорядки, по его сведениям, были не единственными и далеко не первыми в октябре–ноябре 1905 г. «Ядро» их участников составляли демобилизованные солдаты из воинских эшелонов, возвращавшихся в Россию с Дальнего Востока по железной дороге после окончания русско-японской войны. В том случае, когда беспорядки, затеянные в поисках алкоголя и развлечений, перерастали в массовые, к ним присоединялись местные маргиналы и обыватели. Беспорядки сопровождали прохождение воинских эшелонов с демобилизованными солдатами по всей линии железной дороги, в особенности на небольших станциях, где демобилизованные солдаты оказывались крупнейшей по численности хоть сколь-

ко-нибудь организованной силой. Они уже не были подконтрольны воинскому начальству и были не по силам местной гражданской администрации. Мотивы их скорее напоминают криминальные, нежели политические, — хотя политическую окраску им нетрудно было придать ближайшему интерпретатору, который взял бы на себя труд это сделать.

В пользу «теплоуховской» версии интерпретации событий 19–20 октября 1905 г. можно выдвинуть еще два аргумента. Волна массовых беспорядков, очень напоминающая «октябрьскую» по своему размаху, составу участников, образу их действий и общей картине происходящего, прокатилась по империи летом 1914 и 1915 гг., совпадая по времени с массовой мобилизацией призывного контингента⁷. Следующая волна беспорядков вдоль линии железных дорог империи приходится на весну 1917 г. и совпадает по времени с прохождением воинских эшелонов демобилизованных и дезертиров, возвращающихся по домам с фронта. Как правило, эта последняя интерпретируется в историографии как проявление революционных выступлений 1917 г. Аргумент второй — возможно, менее значимый: между двумя группами лиц, — участников октябрьских беспорядков 1905 г. в Челябинске, задержанных полицией и преданных суду, и персональным составом монархических партий и союзов, организованных в том же Челябинске в ноябре–декабре 1905 г., — мне не удалось обнаружить ни одного совпадения. Если интерпретировать события 19–20 октября 1905 г. в Челябинске как спонтанное или же организованное мероприятие консервативно настроенных местных жителей, борющихся против крамолы и еврейского засилья, довольно трудно объяснить, почему ни один из этих людей, рискнувших принять участие в незаконной массовой акции, не воспользовался своими правами верноподданного, чтобы продолжить эту самую борьбу всего через несколько недель или месяцев, когда начинают создаваться легальные правые организации, на совершенно законных основаниях.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. 596 (Воспоминания о революции 1905 года). Оп. 1. Д. 340 (О еврейском погроме в г. Челябинске). 68 л.

² Суд над участниками еврейского погрома в Челябинске // Уральская жизнь (Екатеринбург). 1910. 10 апреля. С. 3.

³ *Боже В. С. Погромы* // Челябинск: Энциклопедия / Сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Изд. испр. и доп. Челябинск : Каменный пояс, 2001. С. 655.

⁴ *Нарский И. В. Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: (Материалы к исслед. «русскости»)* Екатеринбург : Cricket, 1994. 127 с.

⁵ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия, 2001. 508 с.

⁶ Там же. С. 94.

⁷ Визе С. Проводы и погромы: от беспорядков призывников к еврейским погромам в период первой мировой войны // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в. Материалы международного colloquium. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 175–183.

УДК 94(=411.16)(474.5-22Кужай):343.322“1915”

А. И. Хаеш

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Навет 1915 года на евреев местечка Кужы

Среди антисемитских наветов XX в. широко известны в Российской империи «Дело Бейлиса» и в СССР «Дело врачей». Оба дела получили широчайший общественный резонанс. Им посвящено огромное количество публикаций.

Антисемитский навет о якобы имевшем место в ночь на 28 апреля 1915 г. предательстве евреев местечка Кужы менее известен. Между тем этот навет имел гораздо более тяжелые реальные последствия, чем дело Бейлиса, по крайней мере, для еврейского населения прифронтовых районов царской России. Поэтому важно собрать об этом навете конкретные сведения, ввести в научный оборот неопубликованные документы и на этой основе дать возможно более полное описание происшедшего.

Сделать это тем более необходимо, что этот навет, полностью опровергнутый еще 19 июля 1915 г. на сессии IV Государственной Думы, воспроизведен в книге, изданной в Москве 2013 году¹.

Кужы² (ныне село (местечко) Кужай в Шяуляйском районе Литовской Республики, центр староства) в годы Первой мировой войны — местечко Шавельского уезда Ковенской губернии. В Кужах было 30–40 дворов, имелось народное училище и костел. Население в основном литовское, но были латыши, две русских семьи и шесть еврейских семейств³.

Нохум Кибарт и Шмуэль-Лейб Каплан — единственные евреи-домовладельцы в Кужах⁴, причем второй — зять первого⁵. Остальные

дома принадлежали христианам⁶. В местечке не было ни синагоги, ни молитвенного дома, ни еврейского кладбища⁷.

По словам жителя Куж Гирша Левина, в пятницу (17 апреля) со стороны Куршан⁸ одновременно по всем направлениям нагрянули немцы. На Шавли⁹, на Кужы и т. д. Сначала проехали по местечку три разведчика, затем больше, и вскоре прошли большие отряды. Расположились немцы в имении Вилейк в трех верстах от Куж. Оттуда они в Кужы только наезжали, но в самих Кужах не жили. Так прошло дней десять. Население Куж, опасаясь возможной в будущем перестрелки, стало за местечком копать ямы, чтобы спрятаться там в случае необходимости¹⁰. 26 апреля снова остановившиеся в местечке неприятельские разведчики из него скрылись¹¹.

По рассказам очевидцев, 26 апреля через несколько часов после ухода немцев, когда было уже совершенно темно, в Кужы прибыл наш офицер, и вскоре после него наш отряд, расположившийся по всем домам местечка¹². Это были части 151-го пехотного Пятигорского полка¹³.

В доме наиболее зажиточного еврея местечка Нохума Кибарта поместились три офицера с денщиками, во дворе его дома — полковая кухня и обоз. Кибарт, в присутствии его соседа Михаила Волкова (православного) и жителя Куж Рока Стафиловича, рассказал офицеру о пребывании немецкого разведочного отряда в местечке и сообщил о том, что по слухам немцы находятся всего в четырех верстах от Куж. Но офицеры не придали этому значения и сказали, что враг прогнан далеко и больше не вернется.

Кибарт предоставил в распоряжение офицеров и солдат все, что у него было. Он отдал офицерам свою квартиру, угостил их чаем, булками с маслом и пр. Офицеры сняли сапоги и собирались лечь спать.

Между двенадцатью и часом ночи послышался орудийный выстрел. Перепуганная семья Кибарта бросилась в комнату, занятую офицерами. Один из них вышел во двор и через несколько минут, вернувшись в квартиру, заявил: «Вероятно хотят напугать». На вопрос другого офицера, был ли это выстрел из тяжелого или легкого орудия, ответил: «Вероятно, из легкого».

Через некоторое время начался орудийный обстрел, вызвавший пожар соседнего дома, откуда огонь перекинулся и на дом Кибарта. По совету офицеров, его семья легла на пол и так лежала все время, пока продолжалась стрельба, а дом продолжал гореть. На дворе в это время уже рассвело, перестрелка сокращалась, и семье Кибарта удалось при помощи солдат выбраться из горящего дома, перебраться в

огород и спрятаться там в яме. В ней же прятался Волков с матерью, женой и двумя дочерьми.

Пожар, вызванный обстрелом, уничтожил местечко почти целиком, сгорели дотла и оба еврейских дома. В огне погибло все имущество, которое жители не успели спасти ночью. Сгорел и весь домашний скот, чудом уцелевший от неприятельской реквизиции. У Кибарта в огне погибло все его имущество, кроме того, что он и семья носили на себе: единственная оставшаяся после реквизиции корова, шесть овец, два лесопильных станка, лесной материал, телеги и все прочее, что находилось во дворе¹⁴.

По словам очевидцев, утром в понедельник 27 апреля солдаты велели жителям уйти из местечка, так как ожидался бой. Ушли почти все жители — христиане и евреи, побросав на произвол судьбы все свое имущество, часть которого осталась в ямах и огородах, в которых жители прятались от выстрелов.

Среди нескольких жителей, оставшихся в Кужах, был Гирш Левин с женой и сыном. По словам Гирша, ему много позже передали, что солдатами были прогнаны из Куж его дочь и сын Кибарта. Они добрались до Шавель и там поселились, один в одном месте, другая в другом¹⁵.

В статье «Полковые знамена», опубликованной в Париже в 1964 г., о нападении германцев на Кужы в ночь с 27 на 28 апреля 1915 г. рассказал бывший тогда подпоручиком С. Грешнер, временно командовавший 1-м батальоном 152-го пехотного Владикавказского полка. Этот полк входил в состав той же 38-й дивизии, что и 151-й пехотный Пятигорский полк, подвергшийся нападению:

Теперь я изложу, что мне потом рассказали кунаки-Пятигорцы. Как и мы, они пришли на ночлег в м. Кужи уже в темноте. Один батальон ушел в сторожевку, два батальона, штаб полка и обоз 1 разряда свободно разместились в местечке, а один батальон стал в выселках в 1 км. от Куж. В центре местечка была большая площадь и в середине, изолированно от всех строев, стояла школа, где и поместился штаб полка. Роты были разведены по квартирам, люди разоблачились и без снаряжения и оружия сновали уже по местечку. Тут подошли и кухни. Вдруг откуда-то появились вооруженные немцы и сразу в нескольких местах открыли огонь. Одни Пятигорцы потом говорили, что немцы были спрятаны на чердаках, другие уверяли, что в соседнем овраге было два эскадрона конницы. Выяснить этого достоверно не удалось, надо полагать, что было и то, и другое. Началась паника, т. к. ни одного даже взвода не было готово к бою. Несколько домов было подожжено для освещения и, еще немного, и полк был бы разгромлен.

Командир полка и офицеры штаба, увидев эту катастрофу в окна, решили спасти знамя. Сорвали с древка и адъютант, спрятав полотнище

под шинелью, пытался выпрыгнуть из окна, так как дверь была под сильным обстрелом. Но выпрыгнуть он не успел: пуля сразила его. Тогда все, кто был в школе, офицеры, связные и денщики, забаррикадировали чем попало окна и двери и стали отстреливаться. Знамя же и древко, разорвав и поломав, стали бросать по кускам в печку, чтобы не досталось врагу. К великому счастью, батальон, ночевавший в выселках, услышал стрельбу и, видя пожар, был поднят по тревоге и бегом выступил на подмогу, не зная, что, собственно, происходит. Действия этого батальона были настолько стремительны и «ура» настолько громко, что через полчаса Кужи были очищены от немцев, которые потеряли немало людей убитыми, ранеными и пленными. К рассвету полк был отведен в резерв <...>.

Обгорелые остатки знамени, древка, копье и скоба¹⁶ были своевременно вытащены из огня и сложены в ящик, который при рапорте один из офицеров полка отвез в Петроград для представления Государю Императору. Знамя было старое, георгиевское за взятие Карса в Турецкую войну. Впоследствии оно было заменено новым¹⁷.

По утверждению Я. Г. Фрумкина, члена Политического бюро при евреях депутатах 4-ой Государственной Думы, о якобы имевшем место предательстве евреев местечка Кужи было объявлено ставкой Верховного Главнокомандующего, и это объявление было сообщено всем частям армии¹⁸. Ниже приводится его текст по основе архивной копии:

Копия

30 апреля в 12 часов дня Командир корпуса¹⁹ приказал сообщить всем до последнего рядового о происшедшем в ночь с 27 по 28 апреля.

Выполняя поставленную ему задачу, 151-й Пятигорский полк занял деревню Кужи и расположился. Из показаний участников выяснилось, что до прихода наших частей в эту деревню, в подвалах евреями были спрятаны немецкие солдаты, и по сигнальному выстрелу Кужи запылало в разных местах, а спрятанные немцы бросились к дому, занятому командиром Пятигорского полка. Одновременно началось наступление неприятеля (два батальона с кавалерией), которые уничтожив две наши заставы, обрушились на эту деревню. Когда объятый пламенем дом начал рушиться, командир полка полковник Данилов²⁰ приказал сжечь знамя, сохранив скобу. После исполнения приказа полковник Данилов выскочил в окно и был убит. Подошедшими частями Пятигорского полка удалось потеснить противника и извлечь остатки обгоревшего знамени из развалин печки. <...> Пусть все изложенное (служит) всем от генерала до рядового постоянным напоминанием, что мы <...> должны твердо поминить предательство и коварство неприятеля.

Подлинное подписал: Полковник Федотов

С подлинным верно:

И. д. Начальник<а> Штаба подполковник Карпенко²¹

1 мая евреям г. Шавли стало известно, что до сведения солдат доводится о предательстве евреев в Кужах, и что объявление об этом будет отпечатано и расклеено по городу. Поэтому еврейская депутация обратилась к генералу А. Н. Апухтину с просьбой не печатать этих объявлений, поскольку члены депутации убеждены, что все описанное не соответствует действительности. Добиться желаемого депутации не удалось, но, когда она покинула генерала, началась бомбардировка города, и расклейка объявлений произведена не была²².

Сохранились записи, что 3 мая 1915 г. приказ о поголовном выселении евреев был объявлен в городе Шавли²³. Поэтому несомненно, что сам приказ был составлен, подписан и размножен не позже 2 мая. Близость времени его издания и приведенного приказа командира 19-го корпуса от 30 апреля, содержавшего навет на евреев Куж, позволяет предполагать, что навет стал одним из поводов для издания приказа о выселении.

6 мая в «Правительственном Вестнике» появилась следующая публикация:

В ночь на 28 апреля в м. Кужи (северо-западнее Шавлей) немцами произведено нападение на отдыхавшие части одного из наших пехотных полков, причем случай этот обнаружил возмутительное предательское поведение некоторой части местного населения к нашим войскам, особенно со стороны евреев. До прихода наших частей в это местечко, во многих его подвалах евреи спрятали немецких солдат и, по сигнальному выстрелу, подожгли Кужи со всех сторон. Немцы, выскочив из подвалов, бросились к дому командира нашего пехотного полка.

Этот прискорбный случай еще раз подтверждает основное требование полевой службы — необходимость внимательного отношения к делу охранения, особенно крупных местных пунктов из числа бывших в руках противника и населенных в большинстве случаев евреями.

Это сообщение в правительственном издании, исключившее все подробности события, кроме касавшихся навета на евреев Куж, придало ему официальный характер и расширительное значение. В тот же день Петроградское телеграфное агентство разослало сообщение по всей России. Оно расклеивалось на улицах в военных бюллетенях.

Широкая публикация навета позволяла валить на евреев вину за военные поражения русской армии и хорошо ложилась на удобренную почву государственного и бытового антисемитизма. На еврейское население России эта публикация произвела ошеломляющее впечатление, и евреи сразу усомнились в ее правдивости.

Я. Г. Фрумкин по поводу обвинения евреев в предательстве писал:

<...> в Петербург вскоре после объявления о Кужах приехал Шавельский уездный предводитель дворянства Быстрицкий, <...> он негодует по поводу объявления о предательстве в Кужах, <...> он хорошо знает каждый дом в Кужах и что в очень немногих из них имеются погреба, которые притом пригодны только для хранения картофеля. Их трудно назвать подвалами и спрятать в них нельзя и десятка человек. К тому же, по его заявлению, большинство домов принадлежит литовцам и лишь не более двух — евреям. По мнению Быстрицкого, было очевидно, что начальник занявшего Кужи отряда, вытеснившего оттуда немцев, не позаботился на ночь принять меры предосторожности. Отряд и был схвачен немцами врасплох, почему и была придумана версия о еврейском предательстве <...>²⁴.

А. Ф. Керенский, прошедший в IV Государственную Думу от Саратовской губернии, в то время периодически наезжал в Поволжье²⁵. Находясь в Самаре, он впервые познакомился с наветом на евреев местечка Кужи. Он поехал в Ковенскую губернию, побывал в Кужах, подробно рассказал об увиденном там и опроверг навет:

Там на 40 дворов два двора еврейских, а все остальные литовские. Я лично обследовал все это местечко, лазил в каждую яму, и мы насчитали с моими спутниками пять подвалов, из которых два падают на евреев, а три подвала на литовцев, да притом еще из этих двух один такой, в котором можно действительно может быть шесть человек на два часа посадить — это три шага на шесть, даже не подвал, а каменный погреб, где держался лед и хранились небольшие запасы. Вышиной ниже среднего человеческого роста, небольшой погреб, и таких пять погребов, а правительственное сообщение пишет, что местное население, в особенности евреи, задумали вероломный поступок, а затем говорится дальше «что евреи посадили в погреб отряд немцев до прихода русских, а затем их выпустили». Это физически вещь невозможная ни для евреев, ни для литовцев. <...> Известно, что как раз и литовцы, и особенно евреи полковника предупреждали: «Имейте в виду, немцы недалеко». А им сказали, что вы ничего не понимаете. Там стоял полковой командир с казаками, с охраной. Но они ничего не делали, они отдыхали, и когда попались, то создали эту легенду, сначала вообще, а потом вывернулись и дальше, и сказали, что это евреи. <...> Какой отряд немцев туда можно посадить, да еще заранее, когда там русский отряд был не два часа, а делал дневку, значит солдаты везде ходили, во все погреба лазили, потому что реквизировали провизию <...>. Очевидно, что это действительно легенда и клевета²⁶.

Полную лживость сообщения о евреях в Кужи подтвердили 19–20 июля в Государственной Думе депутаты Н. М. Фридман, Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенский²⁷.

Несмотря на доказанную лживость публикации «Правительственного Вестника», ее опровержения в нем сделано не было.

Примечания

- ¹ Шамбаров В. Е. Последняя битва императоров. Параллельная история Первой мировой. М. : Издательство Алгоритм, 2013. С. 293.
- ² Написание варьирует: Кужи, Куже. В цитатах воспроизводится написание источников.
- ³ Кужи // РГИА. Ф. 1547 (Консультация присяжных поверенных по оказанию юридической помощи неимущим евреям г. Петербурга 1901–1917). Оп. 1. Д. 50 (О ходе военных действий, еврейских погромах, о смертной казни жителей Гродненской и др. губерний, Кирзмана, Беркмана и др., обвиненных в шпионаже, и о выселении евреев из прифронтовой черты. 1915 г.). Л. 262. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 9/V 1915».
- ⁴ Кужи // Там же. Л. 384. Машинопись. На документе сверху пометы красными чернилами: «Ковенская губ.» и «Поступило 26/V 1915».
- ⁵ Местечко Кужи // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 49 (О погромах, выселении евреев из прифронтовых районов и положении еврейского населения в Курляндской, Виленской, Ковенской, Варшавской и др. губерниях. 1915 г.). Л. 447. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 14/VIII 1915».
- ⁶ (Из сообщений очевидцев) // Там же. Д. 50. Л. 287. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 14/V 1915».
- ⁷ Кужи // Там же. Л. 384.
- ⁸ Ныне Куршенай, город в Шяуляйском районе Шяуляйского уезда Литовской республики, центр городского и сельского староств.
- ⁹ Ныне город Шяуляй, город республиканского подчинения, административный центр Шяуляйского уезда и Шяуляйского района Литовской республики.
- ¹⁰ Местечко Кужи // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 49. Л. 446–446об.
- ¹¹ (Из сообщений очевидцев) // Там же. Д. 50. Л. 287–288.
- ¹² Там же. Л. 288.
- ¹³ Приложение 3 к документу «Проект протеста Московских евреев» // Там же. Л. 48. Машинопись. Даты поступления нет.
- ¹⁴ (Из сообщений очевидцев) // Там же. Л. 288–289; Сообщение о Кужах // Там же. Л. 469. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 10/V 1915».
- ¹⁵ Местечко Кужи // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 49. Л. 447.
- ¹⁶ Скоба — элемент, крепящийся на древке ниже полотнища. Это металлическое кольцо или пластина, на котором традиционно гравировали памятные надписи (в Вооруженных силах России — краткую биографию воинской части).
- ¹⁷ Грешнер С. Полковые знамена // Суворовцы. Сборник № 15. Издание Объединения б. кадет Суворовского кадетского корпуса. Апрель 1964 г. Париж. С. 8–9: [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/stream/suvorovtsyserial00obed/suvorovtsyserial00obed_djvu.txt (Дата обращения: 02.11.2018).
- ¹⁸ Фрумкин Я. Г. Из истории русского еврейства (воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим : «Гешарим»; М. : РПО «Мосты культуры»; Мн. : ООО «МЕТ»; 2002. (Памятники еврейской исторической мысли). С. 94.
- ¹⁹ На копии номер корпуса не указан.

- ²⁰ В сообщении, опубликованном позже в газете «Наш Вестник» № 15 от 5 мая 1915 г., названа подлинная фамилия полковника — Вавилов. Это Василий Григорьевич Вавилов (1857–1915), командир 151-го пехотного Пятигорского полка с 1 апреля 1911 г. Русская армия в Первой мировой войне: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gwar.ru/persons/persons.html?id=5610&PHPSESSID=55a21da640563f73bfc6045f4fcbcd43> (Дата обращения: 09.12.2018).
- ²¹ Приложение 3 к документу «Проект протеста Московских евреев» // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 50. Л. 48.
- ²² Шавли // Там же. Д. 49. Л. 17. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 29/VI 1915».
- ²³ г. Шавли // Там же. Д. 50. Л. 408. Машинопись. На документе сверху помета красными чернилами: «Поступило 25/V 1915».
- ²⁴ Фрумкин Я. Г. Указ. соч. С. 95–96.
- ²⁵ Кузнецов В. Н. А. Ф. Керенский в Поволжье в 1912–1916 гг. // Вопросы истории. 2007. № 3. С. 143–146.
- ²⁶ [Выступление А. Ф. Керенского] // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 50. Л. 15–17.
- ²⁷ Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915 г. Сессия четвертая. Пг. : Государственная типография, 1915. Стлб. 171–172.

УДК 94(=411.16-054.73)(474.3-021[Рига])“1915”

М. А. Златина

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К вопросу об организации помощи еврейским беженцам в городах — транзитных пунктах на примере г. Риги (май–июнь 1915 г.)*

Приказ высшего командования русской армии от 27 апреля 1915 г. о поголовном насильственном выселении евреев из Ковенской, Курляндской, а также части Сувалкской и Гродненской губерний¹ резко во много раз увеличил и без того немалочисленный поток еврейских беженцев, перемещавшихся из прифронтовой зоны вглубь Российской империи, насколько это позволяла черта оседлости.

В течение первых месяцев (май–июнь 1915 г.) после начала массового выдворения евреев из губерний, близких к театру военных действий, Рига была одним из центров скопления еврейских вынуж-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской Империи в период военных потрясений (XIX – нач. XX вв.)».

денных мигрантов. Выбор места сосредоточения выселенцев был не случаен по нескольким причинам. Во-первых, Рига была одним из ближайших к покидаемым территориям крупных городов. Во-вторых, это был одновременно и железнодорожный узел, и морской порт, что позволяло выселяемому еврейскому населению добраться до города как поездом, так и на пароходах. Подтверждение данному факту можно найти в русской прессе. В «Биржевых ведомостях» сообщалось, что «согласно распоряжению военных властей из Курляндии должны быть высланы все евреи. Пароходы, переполненные евреями из Курляндии, следуют из Митава в Ригу»². В «Рижской мысли» писали, что «выселенные из Курляндской губернии евреи прибывают поездом в Ригу»³. В-третьих, поскольку именно здесь находился центр управления Риги-Орловской железной дорогой, прибывшим в Ригу еврейским вынужденным мигрантам было удобно, в случае необходимости, продолжить свой путь во внутренние губернии со станции Рига-Берег»⁴.

Однако все плюсы размещения евреев-выселенцев в Риге перечеркивались одной главной проблемой: ограничением евреев в праве на постоянное жительство в данном городе⁵. Именно поэтому Риге пришлось стать для еврейских вынужденных мигрантов одним из важнейших, но транзитных центров. Естественно, статус города накладывал свой отпечаток и на процесс организации помощи еврейским беженцам и выселенцам.

Согласно данным, опубликованным в русской прессе, еврейские вынужденные мигранты начали приезжать в Ригу из Курляндской губернии уже с 1 мая 1915 г.⁶ Латышская газета «Дзимтенес Вестнесис» («Вестник Родины») в номере от 2 мая также сообщала, что бежавшие или выселяемые из Курляндии евреи за последние дни стали прибывать в Ригу⁷. Впоследствии к ним присоединились еврейские выселенцы из Ковенской губернии, и новости о прибытии в Ригу очередной партии вынужденных мигрантов продолжали неоднократно поступать в течение мая–июля 1915 г.

Первая проблема, с которой в этой ситуации столкнулся Рижский еврейский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны, образованный в декабре 1914 г.⁸, была связана именно с вопросом о праве на проживание в Риге прибывающих еврейских выселенцев. Изначально планировалось, что приехавшие в Ригу беженцы сейчас же будут уезжать со станции Рига-Берег во внутренние губернии⁹. Рижский еврейский комитет направил свои усилия на «исходатайствование для выселенцев права временно оставаться в Риге на его попечении»¹⁰. Согласно еврейской прессе, местная власть удовлетво-

рила данное ходатайство 9 мая 1915 г.¹¹ Латышская газета «Дзимтенес Вестнесис» уже в номере от 3 мая писала, что «выселенным из Курляндии евреям разрешено временно остаться в Риге»¹². Впрочем, есть определенные сомнения в достоверности данной новости, поскольку в другой латышской газете — «Лидумс» («Пионер») — в номере от 5 мая сообщалось, что «получено разрешение для выселенцев временно остаться в Риге. Насколько, однако, эти сведения обоснованы, нельзя судить»¹³. Таким образом, скорее всего, решение администрации было озвучено именно 9 мая, до этого в прессу могли всего лишь просачиваться слухи о проведении переговоров по этому поводу между Рижским комитетом и местными властями. Впрочем, ходатайство было удовлетворено отнюдь не только благодаря просьбам Рижского еврейского комитета. Дело в том, что из города не было возможности уехать «ввиду переполнения поездов, и большинство прибывших, несмотря на воспрещение, все же оставались в Риге»¹⁴.

В итоге уже к 18 мая 1915 г. в Риге скопилось около 40 тыс. евреев-выселенцев¹⁵, и люди все продолжали прибывать в город. Рижский еврейский комитет активно занимался обустройством вынужденных мигрантов на новом месте. Однако вскоре местная администрация пересмотрела свое решение: 9 июня 1915 г. Рижский еврейский комитет объявил о том, что «по приказанию администрации находящиеся в Риге беженцы-евреи из Ковенской и Курляндской губернии должны немедленно оставить город. Комитету разрешено отправлять их каждый день в особых поездах, но если этот способ высылки затянется, то они будут выселены принудительным путем»¹⁶.

Впрочем, еще до того, как было озвучено со стороны местных властей официальное требование о вторичном выселении еврейских вынужденных мигрантов, Рижский еврейский комитет активно занимался эвакуацией еврейских беженцев. Во-первых, потому что понимал временный характер полученного от администрации разрешения на проживание, а во-вторых, потому что Рига продолжала оставаться именно транзитным городом — важнейшим железнодорожным узлом. Оставить всех прибывающих в город выселенцев было просто невозможно. К 18 мая 1915 г. было зарегистрировано прибытие в Ригу около 40 тыс. человек (при том, что еврейское население Риги насчитывало в 1913 г. 32 939 человек (7 % населения)¹⁷). Уже в тот же день, по сообщениям прессы, из Риги в Екатеринослав была отправлена первая партия в очередной раз выселяемых евреев¹⁸. Через день, 20 мая со станции Рига-Берег в Бахмут и Луганск уехала вторая партия евреев-выселенцев¹⁹. В дальнейшем еврейская и русская пресса инфор-

мировала о непрекращающихся отправлениях из Риги вглубь страны все новых еврейских беженцах. Как передавал Рижский еврейский комитет: «мы принуждены начиная с сегодняшнего дня (25 мая 1915 г. — М. З.) эвакуировать из Риги ежедневно, не исключая суббот и пятниц, по 1000 курляндских и ковенских выселенцев. Отсрочка совершенно исключена»²⁰. Перед местным комитетом в связи с организацией процесса срочной эвакуации большого количества людей в ограниченное количество губерний стояло несколько сложных задач: куда направлять вагоны с беженцами и как обеспечить их всем необходимым в пути. Со вторым заданием справились весьма успешно: «Еврейский комитет кормил выселенцев перед отправлением и давал им на дорогу чай, сахар и другие съестные припасы. Вместе с партией выселенцев ехали командированные комитетом санитары-студенты до Орши, откуда тамошний комитет командировал своих провожатых»²¹.

С выбором направления движения поездов с беженцами дела обстояли гораздо хуже, 25 мая 1915 г. Рижский еврейский комитет просил Петроградский и Киевский еврейские комитеты помощи жертвам войны срочно сообщить, в какие пункты Таврической, Могилевской, Полтавской и Черниговской губерний можно отправлять эвакуируемых, по 1000 человек в день. При этом комитет подчеркивал, что, «за отсутствием, несмотря на запросы Петрограду, Москве и Киеву, данных о свободных пунктах», пока самостоятельно, на свой страх и риск, организует отправку еврейских вынужденных мигрантов вглубь страны»²². Однако, судя по последующим сообщениям Рижского еврейского комитета, опубликованным в местной прессе, и эту проблему удалось решить. «Евреи-выселенцы из Курляндской и Ковенской губернии отправлялись в южные губернии, причем конечные пункты следования отдельных партий избирались по указанию Киевского комитета, находящегося в сношениях с комитетами на местах»²³.

17 июня 1915 г. две латышские газеты — «Дзимтенес Вестнесис» и «Яунайс Вардс» («Новое слово») — сообщили о том, что 16 июня Рижский еврейский комитет закончил высылку тех из выселенных курляндских и литовских евреев, которые скопились в Риге. Последней партией выселено в Воронеж около 900 чел.²⁴ Эти данные подтверждает как еврейская²⁵, так и русская пресса²⁶. Еврейские выселенцы из Курляндии продолжали прибывать в Ригу и во второй половине июня — июле 1915 г., но «большая часть их не задерживалась и отправлялась дальше по Риге-Орловской железной дороге»²⁷. Уезжающим из Риги евреям местный комитет выдавал билеты на проезд и провизию на дорогу²⁸.

В итоге можно сказать, что принудительная эвакуация еврейских выселенцев из Риги шла довольно планомерно. «За месяц от середины мая до середины июня еврейским комитетом помощи жертвам войны эвакуировано 17 412 человек, остальные разъехались сами»²⁹.

Помимо решения вопроса с вторичной эвакуацией прибывавших в Ригу еврейских вынужденных мигрантов, Рижский еврейский комитет взял на себя и всю заботу о евреях-выселенцах, пока они находились в Риге. Для этого Комитет, ранее занимавшийся в основном «сбором денег и вещей для разоренного еврейского населения Польши»³⁰, вынужден был «за несколько дней» преобразоваться в сложную организацию, «состоящую из 13 отделов»³¹.

Экспедиционный отдел комитета отправлял своих людей встречать прибывающих вынужденных мигрантов — к поездам, пристани, шоссе, посылал туда подводы, развозил беженцев по квартирам. Багажный отдел также командировал людей в места прибытия выселенцев, забирал поклажу и устраивал склады багажа, распределял его, заведовал хранением и выдачей багажа.

Общий справочный отдел учредил паспортный и адресный стол, а также выдавал сведения о багаже. Все выселенцы должны были пройти регистрацию через Центральное информационное бюро комитета, списки потом предоставлялись местным властям.

Хозяйственный комитет, которым заведовали Дамская комиссия и несколько членов «Общества дешевых столовых», занимался закупкой, заготовкой и выдачей провизии и других материалов, необходимых для содержания призреваемых в приютах. Он выдавал завтраки, обеды и ужины в находящихся в его распоряжении двух столовых, расположенных на Конюшенной ул., 18 и на Гоголевской ул. Кроме того, были организованы в отдельных районах самостоятельные кухни в обществах «Кармел» и «Иврия».

Медицинский отдел организовал санитарный отряд, дежурства врачей, амбулаторный прием и лазарет на Грешной ул., 22. Была организована Комиссия по сбору белья, одежды и обуви. И отдельно была образована Комиссия по раздаче всех этих вещей, ей же была поручена и забота об организации бани и банных дней для всех призреваемых.

Квартирный отдел принимал заявления о предоставляемых помещениях и занимался их оборудованием, а также распределял прибывших вынужденных мигрантов по отдельным квартирам.

Особый дежурный отдел заведовал распределением дежурных по отдельным убежищам. Обходной отдел инспектировал все убежища

и выяснял нужды каждого из них. Юридический отдел ежедневно выдавал всякие юридические справки и оказывал юридическую помощь³².

Рижский еврейский комитет получал субсидии от ЕКОПО, пожертвования деньгами и вещами от частных лиц. Кроме того, Рижский биржевой комитет постановил выдать Комитету для организации помощи беженцам 5 тыс. рублей, ожидалось поступления пожертвований и от местных банков³³.

Со всеми возложенными на него задачами Рижский еврейский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны справлялся достаточно успешно. Даже не проеврейски настроенная латышская пресса отмечала: «с каким сочувствием и энергией евреи помогали своим братьям, показывает деятельность этого комитета. Он собрал такие значительные средства деньгами, одеждой, обувью и другими предметами необходимости, что содержал больше 20 тыс. человек почти 2 месяца, и отправил их снабженными даже собственными проводниками, санитарами, медикаментами»³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что Рижский еврейский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны сумел, действуя в сложных условиях транзитного города, организовать качественную работу по оказанию помощи еврейским беженцам и высленцам как в период их нахождения в Риге, так и в ходе подготовки и осуществления дальнейшей эвакуации еврейских вынужденных мигрантов вглубь Российской империи.

Примечания

¹ Телеграмма Эстляндскому, Лифляндскому, Курляндскому, Ковенскому губернаторам // РГИА. Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 224. Д. 753 (По вопросу о различных мероприятиях, вызванных обстоятельствами военного времени). Л. 84.

² В Прибалтийском крае // Биржевые ведомости. 1915. 1 мая.

³ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 1 мая.

⁴ В Прибалтийском крае // Биржевые ведомости. 1915. 1 мая.

⁵ См.: Правила о постоянном и временном пребывании евреев в черте их оседлости и вне оной // Устав о паспортах. Свод зак. Рос. имп. изд. 1903 по продолжению 1906–08. М.: книгоиздательство Ф. В. Бусыгина, 1910. Т. XIV. С. 131–132.

⁶ См.: Рижская мысль. 1915. 1 мая; Биржевые ведомости. 1915. 1 мая.

⁷ Выселение евреев // РГИА. Ф. 1546 (Еврейский комитет помощи жертвам войны). Оп. 1. Д. 78 (Обзор латышской печати за 1915 год). Л. 15.

⁸ Городские хроники // Рижская мысль. 1915. 23 апреля.

⁹ См.: В Прибалтийском крае // Биржевые ведомости. 1915. 1 мая.

¹⁰ Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 4. 14 июня. С. 23.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Выселение евреев // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 78. Л. 15.

¹³ Там же. Л. 17.

- ¹⁴ Сообщение из Курляндии // ГАРФ. Ф. 9458 (М. Х. Бомаш, чл. IV Государственной думы). Оп. 1. Д. 164 (Сведения, полученные ЕКОПО). Л. 56.
- ¹⁵ Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 4. 14 июня. С. 24.
- ¹⁶ Выселение евреев // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 78. Л. 27.
- ¹⁷ Перепись населения в г. Риге и Рижском патримониальном округе. От 5 декабря 1913 года. Рига : Типография Мюллера, 1914. С. 25.
- ¹⁸ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 18 мая.
- ¹⁹ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 20 мая.
- ²⁰ Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 3. 7 июня. С. 20.
- ²¹ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 20 мая.
- ²² См.: Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 3. 7 июня. С. 20.
- ²³ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 1 июня.
- ²⁴ Выселение евреев // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 78. Л. 28.
- ²⁵ См.: Выселенцы // Еврейская неделя. 1915. № 6. 28 июня. С. 30.
- ²⁶ Прибытие евреев // Воронежский день. 1915. 19 июня; Прибывающие евреи // Воронежский день. 1915. 20 июня.
- ²⁷ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 26 июня, 4 июля.
- ²⁸ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 7 июля.
- ²⁹ Эвакуация и расселение // ГАРФ. Ф. 9538 (Еврейское общество оказания помощи пострадавшим от войны и погромов). Оп. 1. Д. 2 (Отчет Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны за 1915–1917). Л. 10об.
- ³⁰ Городские хроники // Рижская мысль. 1915. 23 апреля.
- ³¹ Внутренние известия // Рижская мысль. 1915. 13 мая.
- ³² См.: Внутренние известия // Рижская мысль. 1915. 13 мая; Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 1. 24 мая. С. 32–33; Помощь жертвам войны // Еврейская неделя. 1915. № 4. 14 июня. С. 23–26.
- ³³ Городская хроника // Рижская мысль. 1915. 5 мая.
- ³⁴ Выселение евреев // РГИА. Ф. 1546. Оп. 1. Д. 78. Л. 28.
-

УДК 908

И. Э. Сивопляс

(г. Ульяновск, Российская Федерация)

Симбирский общественный раввин Гирш Клейн

Слово «раввин», даже среди людей ученых, кажется обозначением еврейского священнослужителя, вроде христианского священника. Это не так, и это пришлось в очередной раз разъяснять сотрудникам Государственного архива Ульяновской области, куда в 2018 г. из Ульяновского городского архива ЗАГС была передана и «Метрическая книга симбирского раввина с 1902 года», записи в которую делались до 1927 г.

Книга пока не описана, не внесена в описи, но это будет сделано в ближайшее время. Исследователям, историкам, краеведам и генеалогам, наконец, станет доступным очень ценный документ для истории еврейской общины в Симбирске-Ульяновске в первой четверти XX столетия, в очень важный, напряженный, насыщенный разнообразием событий и персоналий период для страны, города — для евреев, проживавших в то время в Симбирске.

История эта, по меньшей мере здесь, в Ульяновске, оставила о себе не так уж много исчерпывающих, развернутых выявленных документальных свидетельств. Тем ценнее оказывается каждый новый документ и даже маленький фрагмент текста из документа.

В 1902 г. в Симбирске было создано Хозяйственное правление Симбирской еврейской молельни во главе с симбирским общественным раввином, первая в дореволюционное время официальная структура, регулировавшая социальную, общественную и отчасти религиозную жизнь еврейской общины губернского города Симбирска.

В 1914 г. на должность симбирского общественного раввина был избран кандидат прав Гирш Менделевич Клейн (в документах он также фигурирует как Герман и Григорий Маркович), ставший вторым и последним казенным раввином в Симбирске в дореволюционный период. Личность Г. М. Клейна, который в 1920-е — 1930-е гг. проявил себя как незаурядный ульяновский педагог, в последнее время начинает привлекать к себе внимание исследователей. И, хотя обязанности симбирского общественного раввина были только эпизодом в разнообразно насыщенной жизни Гирша Менделевича, этот эпизод драматическим образом отразился на всей его последующей жизни и, кажется, что на ее фатальном финале...

Г. М. Клейн родился 2 августа 1879 г. в г. Либаве Курляндской губернии. В 1899 г. Г. М. Клейн окончил Либавское реальное училище, после чего около года служил учителем. В 1900 г. он поступил в Рижский политехнический институт на коммерческое отделение, которое окончил в 1904 г. со званием кандидата коммерческих наук 1 степени, после чего около года провел за границей Российской империи, слушая лекции в университетах Лозанны и Берлина. В 1905 г. он поступил на службу в Рижское отделение Русского общества транспортов, занимая должности корреспондента и заведующего отделом иностранных транспортов и морских страхований.

В 1907 г. Г. М. Клейн поступил на службу в Русский для внешней торговли банк, в качестве сотрудника которого оказался вначале в г. Новороссийске, а затем и в Симбирске. До момента ликвидации

Симбирского отделения банка в 1918 г. он занимал должности доверенного-корреспондента и заведующего иностранным, товарно-комиссионным и аккредитивным отделами.

Параллельно с банковской службой, Г. М. Клейн занимался преподавательской деятельностью. В г. Новороссийске он открыл высшие бухгалтерские курсы, а в марте 1914 г. был зачислен вольнонаемным преподавателем немецкого и французского языка в Симбирское землемерное училище.

У Г. М. Клейна была жена, Фаина Моисеевна, родившаяся около 1888 г. Супруги воспитывали сыновей Эммануила, 1907 г. р., и Вениамина, 1912 г. р.¹

Большой загадкой является, как Г. М. Клейн был утвержден губернскими властями в избранной должности. Его левые взгляды, недовольство существующим строем и участие в революционном движении, в частности в демонстрации в 1904 г. в Риге, где Г. М. Клейн подвергся аресту, были известны симбирской полиции и симбирскому губернатору А. С. Ключареву, человеку консервативных взглядов и антисемиту. Но, человек небесталанный и амбициозный, лелеявший мечту об открытии в Симбирске высшего учебного заведения, А. С. Ключарев вполне мог несколько поступиться своими принципами. Впрочем, дальнейшее сотрудничество Г. М. Клейна и А. С. Ключарева было совсем непростым.

Год избрания Г. М. Клейна — 1914-й, год начала Первой мировой войны — стал знаковым и для Российской империи, и для еврейской общины Симбирска. Численность еврейского населения в крае вскоре значительно возросла за счет беженцев и административно-высланных из прифронтовых губерний, за счет военнотружеников формируемых здесь частей и раненых, поступавших на лечение в госпитали. Симбирский губернатор А. С. Ключарев в сентябре 1916 г. определял численность евреев в губернии цифрой около 3000 человек — тогда как «до войны» она составляла около 1700 человек, и к этому факту губернская администрация относилась крайне негативно.

Но евреи были данностью, с которой нельзя было не считаться. «С словесного согласия» симбирского губернатора А. С. Ключарева Г. М. Клейн как раввин «оказывал помощь беженцам и привлекал к этой работе... других лиц местной еврейской общины». В качестве уполномоченного Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны Г. М. Клейн вошел в состав членов Симбирской городской исполнительной комиссии о беженцах и Симбирского отделения Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны

Николаевны, которое возглавляла супруга симбирского губернатора С. А. Ключарева, а впоследствии и сам губернатор А. С. Ключарев.

«Помощь, оказываемая нами беженцам, выражается в выдаче им пайка, платья и обуви, в доставлении работы и медицинской помощи, в удовлетворении их религиозно-духовных нужд, в надзоре санитарном за их квартирами и общежитиями, в раздаче им добровольных пожертвований местных евреев, в отправке их на работу в другие города, в доставлении им общепользовательных советов и указаний и т. п.», — писал Г. М. Клейн в особом отзыве, характеризуя свои труды по устройству беженцев-евреев².

На общем собрании Симбирской еврейской общины 8 марта 1915 г. были рассмотрены вопросы по поводу выпечки 25 пудов мацы для солдат и раненых в городе Симбирске, выдачей которой распоряжалось хозяйственное правление, а раввину Г. М. Клейну особо поручалось выяснить количество солдат-иудеев, находящихся в городе. В том же собрании Г. М. Клейн заявил об отказе от получения суммы в 60 руб. в год, следовавших в качестве расходов по делам службы казенным раввином³.

Обязанности симбирского общественного раввина Г. М. Клейн исполнял безвозмездно. Конечно, 60 рублей в год для Г. М. Клейна, который только в банке получал 2100 рублей годового жалованья, были небольшими деньгами — но жест красноречив.

В декабре 1915 г. Г. М. Клейн, как симбирский общественный раввин, возбудил ходатайство перед Симбирским уездным училищным советом об открытии в городе русско-еврейского начального одноклассного училища для детей обоего пола. Эта инициатива была резко встречена Симбирским губернатором А. С. Ключаревым⁴.

«...Уведомляю Совет, что я не признаю возможным изъявить свое согласие на открытие раввином Г. М. Клейном в гор. Симбирске русско-еврейского частного училища, так как наблюдаемый здесь наплыв детей беженцев евреев представляется явлением временным, в школе же этой, как постоянном учебном заведении, надобности не ощущается. Кроме того, лицо, желающее стать во главе этого училища, далеко не безупречно в политическом отношении», — писал симбирский губернатор⁵.

28 января 1916 г. Г. М. Клейн, в качестве симбирского общественного раввина, вместе с окончившим юридический факультет Петроградского университета Василием Соломоновичем Полляком и саратовским мещанином Мойшей Лейзеровым Кшиновлогером подали прошение на имя симбирского губернатора о желании учредить

Симбирское еврейское общество помощи жертвам войны⁶. Подобные общества уже существовали в Москве и в губернских городах — например, в Саратове и Калуге. На основании их уставов был разработан устав общества в Симбирске.

После многих месяцев бюрократических проволочек, в ноябре 1916 г., Симбирским губернским по делам об обществах Присутствием в регистрации общества было отказано. В числе причин отказа называлось «незначительное» число евреев в пределах Симбирской губернии — «да почти все они, судя по их профессии, должны быть более или менее материально обеспеченными».

26 марта 1916 г. симбирский общественный раввин просил начальника гарнизона г. Симбирска полковника Иорданского на предмет освобождения от занятий по службе, по случаю Еврейского праздника Пасхи, нижних чинов иудейского вероисповедания с 6 часов утра до 10 часов вечера 5, 6, 11 и 12 апреля 1916 г. 30 марта 1916 г. начальником Симбирского гарнизона был издан соответствующий приказ.

С 16 декабря 1916 г. по 5 сентября 1917 г. Г. М. Клейн, в качестве «представителя национальных организаций», а потом и председателя Симбирского еврейского комитета, принимал участие в заседаниях Симбирского губернского совещания по устройству беженцев. По губернии действовало три еврейских комитета: Сызранский, Симбирский и Алатырский. Среди пунктов смет по Сызранскому и Алатырскому еврейским комитетам выделены графы «на содержание школ»: на 78 чел. (при общей численности беженцев в 335 чел.) в Сызрани и на 50 чел. (при общем числе 164 чел.) в Алатыре⁷.

Февральская революция 1917 г. привела к активизации общественной жизни симбирских евреев. Так, 7 апреля 1917 г. состоялось организационное собрание Симбирского сионистского комитета, 23 апреля 1917 г. состоялось общее собрание солдат-евреев симбирского гарнизона.

1 мая 1917 г. в здании Симбирской уездной земской управы в присутствии «до двухсот человек обоего пола» состоялось первое совещательное собрание симбирских евреев. Г. М. Клейн принял самое деятельное участие в совещании и развернувшейся в ходе него дискуссии⁸.

6 мая 1917 г. на собрании в городском театре, где проводилась лекция известного писателя, симбирского уроженца Е. Н. Чирикова «Душа русского народа и сказка русского освобождения», Г. М. Клейн выступил с речью, касавшейся «Займа свободы»: «Г. М. Клейн говорил, что не подачек ждет от граждан государство, но пожертвований».

Пусть граждане подписываются на заем, который выгоден как для лиц, помещающих деньги в облигации займа, так и для государства, которое путем извлечения из оборота бумажных денег поднимает курс рубля». Г. М. Клейн был избран в специальную комиссию из 17 лиц для пропаганды займа, сбора золота и «обхода домов с проверкой, кто подписался на заем»⁹.

В марте 1918 г. симбирский общественный раввин Г. М. Клейн ходатайствовал перед различными организациями в преддверии праздника Пейсах. 13/26 и 14/27 марта он пишет запросы на собственном бланке губернскому комиссару по делам военнопленных об освобождении из Заволжского лагеря военнопленных тринадцати военнопленных офицеров австрийской армии еврейской национальности и иудейского вероисповедания на срок с 27 марта по 3 апреля 1918 г. и разрешения проживания им в г. Симбирске «в течение еврейской пасхальной недели... для присутствия на богослужении, и дабы они могли пользоваться пасхальным кошерным столом»¹⁰. Разрешения были получены. 14/27 марта 1918 г. Симбирский раввин Г. М. Клейн обратился к директору Симбирской 1-й мужской гимназии с просьбой об освобождении от занятий учеников-евреев гимназии 15/28 и 16/29 марта, на первые два дня еврейской Пасхи. Это пока последние известные эпизоды, связанные с деятельностью Г. М. Клейна в качестве симбирского общественного раввина.

9 февраля 1922 г. у себя на квартире в доме № 3 по Жарковскому переулку Г. М. Клейн был неожиданно арестован сотрудниками Симбирской губернской Чрезвычайной комиссии. Бывшему раввину инкриминировалось неподчинение приказу Симбирского губернского отдела управления от 23 декабря 1921 г. о регистрации духовенства всех культов и религий, находящихся в пределах Симбирской губернии, выразившееся в неявке для регистрации в отдел¹¹.

Примечательны показания, которые дал Г. М. Клейн по существу дела: «На предложенный вопрос, был ли я или состою в настоящее время раввином, категорически заявляю, что я никакого касательства к еврейским делам житейского (?) или духовного характера не имею, нахожусь вне всяких еврейских общественных или партийных групп.

Никаких треб и служб не исполняю и не исполнял, синагогу не посещаю, вообще веду жизнь антирелигиозную, общего с каким-либо ритуалом не имею. В период с 1914 г. по 1917 год избран местной еврейской общиной <нрзб.> как (?) ее представитель к местным властям и вел только метрические записи. В период же с 1918 (?) по 1919 год в Симбирске духовным раввином был беженец Минской губ.

Горелик. В настоящий момент облеченного саном раввина в Симбирске не существует, т. к. по еврейским законам официального лица для исполнения не требуется»¹².

Следствие установило «непричастность Г. Клейна к духовному званию», и он был освобожден. Г. М. Клейн называл себя «марксистом» по политическим убеждениям и был вполне лоялен Советской власти. Но тучи над его головой сгущались неоднократно, как до, так и после ареста 1922 г. В сентябре 1919 г. постановлением Комиссии по пере-выборам учащихся гор. Симбирска при Симбирском губернском отделе народного образования Г. М. Клейн был охарактеризован «совершенно неподходящим к деятельности в Единой трудовой школе» и оставлен на работе условно¹³. В сентябре 1926 г., без объяснения причин, на основании распоряжении Ульяновского губоно, Г. М. Клейн был освобожден от занимаемой должности преподавателя Ульяновского землеустроительного техникума, где он работал с 1914 г. Именно «религиозное» прошлое — поди, объясни, что общественный раввин не служитель культа! — как кажется, было причиной этих гонений.

Наконец, в конце 1937 г. Г. М. Клейн был арестован и постановлением тройки при УНКВД по Куйбышевской области от 30 декабря 1937 г. по статьям 58-2, 58-6 часть 1 УК РСФСР приговорен к расстрелу. В этот же день тройка вынесла постановление по делу о «церковно-монархической, фашистско-повстанческой контрреволюционной организации для борьбы с Советской властью в Ульяновске», осудив двадцать человек, из них 12 приговорив к расстрелу¹⁴. В большинстве это были бывшие православные священнослужители, оставившие церковное служение, но остававшиеся на учете органов НКВД, чем органы воспользовались, фабрикуя дело. Возможно, Гирш Менделевич также попал в жернова сталинской системы именно как «бывший раввин», являя, что раввины бывшими не бывают.

Примечания

¹ Заявление Г. М. Клейна в педагогический совет Симбирского коммерческого училища, 21 сентября 1918 г. // ГАУО. Ф. 154 (Симбирское коммерческое училище ведомства Министерства торговли и промышленности). Оп. 1. Ед. хр. 56 (Личное дело преподавателя Германа Марковича Клейна). Л. 1–1об.

² Отзыв симбирского общественного раввина, уполномоченного Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны Г. М. Клейна об осуществляемой им деятельности в качестве уполномоченного, 16 марта 1916 г. // Там же. Ф. 20 (Симбирское губернское по делам об обществах присутствие). Оп. 1. Ед. хр. 99 (Об учреждении Симбирского еврейского общества помощи жертвам войны. 7–23 ноября 1916 г.). Л. 27–28.

³ Протокол общего собрания Симбирской еврейской общины 8 марта 1915 г. // Там же. Ф. 88 (Симбирское губернское правление). Оп. 5. Ед. хр. 970 (О праве жительства вне

- черты еврейской оседлости евреям в Симбирской губернии. 5 января 1915 г. – 19 января 1916 г.). Л. 121–121об.
- ⁴ Там же. Ф. 76 (Канцелярия Симбирского губернатора). Оп. 2. Ед. хр. 1982 (По ходатайству Симбирского общественного раввина Гирша Менделеева Клейна об открытии в г. Симбирске русско-еврейского начального одно-классного училища для детей обоого пола. 23 декабря 1915 г. – 11 февраля 1916 г.).
- ⁵ Копия отношения симбирского губернатора А. С. Ключарева в Симбирский уездный училищный совет о непризнании возможным согласиться на учреждение в г. Симбирске русско-еврейского училища от 11 февраля 1916 г. // Там же. Л. 130б.
- ⁶ Прошение на имя симбирского губернатора от симбирского общественного раввина Г. М. Клейна, членов Симбирского еврейского общества В. С. Полляка и М. Л. Кшинов-логера о разрешении учредить Симбирское еврейское общество помощи жертвам войны от 28 января 1916 г. // ГАУО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 99. Л. 1–1об.
- ⁷ Журнал заседания Симбирского губернского совещания по устройству беженцев, 16 декабря 1916 г. // Там же. Ф. 633 (Симбирский губернский отдел Всероссийского общества попечения о беженцах). Оп. 1. Ед. хр. 12 (Журналы заседаний Симбирского губернского совещания по устройству беженцев и сметы по удовлетворению нужд беженцев. 13 февраля – 24 октября 1917 г.). Л. 1, 2–2об.; Копии смет по Симбирской губернии, направленные в Симбирский отдел по устройству беженцев Сызранского и Алатырского еврейского комитетов на II четверть 1917 г., высланные во Всероссийский отдел по устройству беженцев // Там же. Л. 11–11об.
- ⁸ Организация симбирских евреев // Симбирянин. № 38, 3 мая 1917 г. С. 4.
- ⁹ К лекции Е. Н. Чирикова // Симбирянин. № 43, 9 мая 1917 г. С. 4.
- ¹⁰ Отношения симбирского общественного раввина Г. М. Клейна на имя симбирского губернского комиссара по делам военнопленных с просьбой отпустить из Симбирского Заволжского лагеря военнопленных содержавшихся там австрийских офицеров на пасхальную неделю в Симбирск от 26 и 27 марта 1918 г. // ГАУО. Ф. Р-3081 (Симбирская губернская комиссия по делам военнопленных и беженцев (губпленбеж)). Оп. 1. Ед. хр. 107 (Заявления от военнопленных, удостоверения, разрешения на право пребывания в Симбирске и других городах, выданные комиссаром по делам военнопленных. Февраль – июнь 1918 г.). Л. 92, 96.
- ¹¹ ГАУО. Ф. Р-1048 (Симбирская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). Оп. 2. Ед. хр. 48 (По обвинению Клейна Г., Гафурова Г., Гафурова Ш. и Ибрагимова С. в невыполнении приказа о регистрации духовенства всех культов. 1922 г.).
- ¹² Протокол № 1 от 9 февраля 1922 г. допроса, производимого Симбирской губернской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией // Там же. Л. 22–22об.
- ¹³ Циркулярное письмо Симбирского губернского отдела по народному образованию школьным советам Симбирских советских школ 2 ступени и в Горсовет об отстранении школьных работников, неподходящих к деятельности в Единой Трудовой Школе, от 12 сентября 1919 г., № 10137 // ГАУО. Ф. Р-204 (8-я школа второй ступени г. Симбирска Симбирского губернского отдела народного образования). Оп. 1. Ед. хр. 1 (Разная переписка (циркуляры, протоколы, требовательные ведомости на выдачу зарплаты школьным работникам)). Л. 219.
- ¹⁴ Книга памяти жертв политических репрессий: Ульяновская область. Ульяновск : Издательство «Дом печати», 1996. С. 63.
-
-

УДК 94(47)“1918/1919”:[271.22(470):323.12(=411.16)]

П. Г. Rogozный

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Евреи, народная религиозность и революция

Вечером весной 1902 г. солдат Рябошабко, проходя мимо публичного дома в городе Чита, услышал через открытые окна странный разговор, который вели два посетителя. Речь шла о расклейке по городу антиправительственных листовок. Недолго думая, солдат о сем факте сообщил в полицию, которая и арестовала всех посетителей дома терпимости. В числе арестованных оказался и 24-летний Минея Губельман, в доме которого был соответственно произведен обыск и найдено множество революционной литературы¹.

Так с ареста в публичном доме начал свою революционную карьеру главный безбожник Советского Союза Губельман, он же Емельян Ярославский. Действительно, идейный революционер старой дореволюционной закалки Ярославский удивительным образом выжил в годы сталинских чисток и умер своей смертью в годы Великой Отечественной войны. Правда, перед смертью руководитель «Союза воинствующих безбожников» мог наблюдать крах своего детища и даже написать статью, почему религиозные люди в разных странах ненавидят Гитлера. Возможно, выжить Ярославскому помогла феноменальная ненависть к главному противнику Сталина Троцкому². Чем порождена эта ненависть, сказать сложно, но на одном партийном заседании Ярославский в бешенстве бросил книгу в лицо своему главному конкуренту по антирелигиозной борьбе.

Еврейское происхождение как Ярославского, так и Троцкого (Бронштейна) позволяло их противникам говорить, что атаку на христианство в стране ведут «главным образом евреи». Традиционно считается, что, придя к власти, большевики сразу развернули атеистическую пропаганду, устроив своеобразный «штурм небес»³. Однако в стране, где большинство населения считало себя верующим, такая пропаганда была обречена на неуспех. Поэтому приходилось действовать более тонко. Еще одним важным пунктом декрета «об отделении Церкви от государства», который повсеместно вызвал негативную реакцию в крестьянской среде, был запрет преподавания в школе религиозных дисциплин.

Иногда этот протест принимал причудливые формы, порождая слухи о том, что новые власти вместо православия провозглашают ев-

рейскую веру. Крестьяне деревни Поддубное направили в Звенигородский исполнительный комитет «запрос» (так — *П. Р.*), протестуя в нем против запрета преподавать Закон Божий, ибо от него «больше кротости и меньше греха, и уж не хотят ли жида подогнать всех русских под свою веру»⁴. Трудно сказать, насколько такие слухи были распространены в центральной России — в отличие от южной, где антиеврейские настроения общеизвестны. Возможно, этот случай можно рассматривать в серии типичных слухов в России о переходе в католичество, когда якобы царь или правитель и его приближенные принимают новую веру и будут требовать этого от всего народа. Такие слухи циркулировали еще в средневековой России⁵. Тем более, что католицизм в народном сознании не считался христианством и в этом отношении не сильно отличался от иудаизма.

Не зная, как ответить крестьянам, местный Совет переправил данный «запрос» в центр, где на него подробно ответили в VIII, «церковном», отделе Комиссариата юстиции, созданным специально для отделения Церкви от государства.

Разъяснение начиналось с того, что обучение Закону Божьему разрешено на дому, далее следовала антибуржуазная риторика о связи церковников с буржуями и кулаками, о том, что «духовенство, особенно высшее, открыто становится во главе темных сил, стремящихся СНОВА (так — *П. Р.*) поработить крестьян, отобрать у них землю». Что касается «еврейской» темы, то в разъяснении отмечалось, что «количество евреев в коммунистической партии и в высших органах управления чрезвычайно ничтожно... каждый об этом может осведомиться в ЦИК»⁶. В конце ответа следовал замечательный пассаж: «Партии коммунистов-большевиков странно слышать подобные речи от людей, претендующих на звание христиан... христианская религия тесно связана с иудаизмом... Ветхий Завет — книга... еврейского народа. Религия Христа отвергла национальный принцип: в «церкви нет эллин или еврей». Рабочий класс в лице своей науки (марксизм) этот принцип поставил на классовое основание»⁷.

Таким образом, если вначале на иррациональный вопрос о переходе в иудаизм в комиссариате ответили рационально о количестве евреев в органах власти, то затем сменили аргументацию и стали уличать крестьян в незнании основ христианской веры, цитируя, хотя и неточно, апостола Павла⁸ и выставляя себя тем самым продолжателями его идей»⁹.

Широкое распространение слухов о еврейском засилье комментировал и глава VIII комиссариата юстиции П. А. Красиков, считавший,

что «слух, что в Советах засели евреи и поэтому религия в советском строе преследуется» в деревнях распространяют кулаки»¹⁰. Иногда сложный межнациональный вопрос решался в бане. Так, священник тверской епархии Ильегорский за свои слова, что «все жида, и Ленин, и Троцкий», которые он подтвердил в письме члену Собора П. А. Миртову, подвергся «общественному порицанию»¹¹.

Касаясь «еврейской» темы, интересно отметить, что через три месяца после Октября «Еврейский национальный совет» в Москве, в основном состоявший из духовных лиц и деятелей сионизма, также выступил резко против декрета, назвав его гонением на религию, и предал анафеме (херему) евреев-большевиков¹².

Видимо, это отчасти объясняет, почему еврейскую тему «закрыли» на Поместном Соборе¹³. Конечно, всем было известно, что многие лидеры большевиков и их временных союзников левых эсеров — евреи¹⁴. Но уже тогда становилось понятно, что к иудаизму (часто синониму еврейства в России) они не имеют никакого отношения. Показательна, возможно, апокрифическая, но характерная фраза Троцкого: «Я не еврей — я интернационалист»¹⁵. Впоследствии главный безбожник Советского Союза Емельян Ярославский в равной степени мерзко глумился над священными книгами и иудеев, и христиан¹⁶.

А летом 1918 г. в Петрограде состоялось совещание служителей религий, представителей единобожия. На собрании были представлены православный епископ, католический ксёндз, лютеранский пастор, еврейский раввин и мусульманский имам. «Это, кажется, первое после Чикагского конгресса религий собрание священнослужителей всех религий. Несчастье объединило их всех»¹⁷, — записал в свой дневник Г. А. Князев.

Иногда складывается впечатление, что часть интеллигенции обратилась к антисемитизму именно после Октябрьской революции. В. А. Маклаков, побывав в Белом Крыму, писал Б. А. Бахметеву: «...та общая волна антисемитизма, которую породил большевизм и которая захватила теперь, во-1-х, крестьянство, где его прежде не было, так как комиссары-евреи в деревне сумели развратить и крестьянство и, во-2-х, захватил<a> и интеллигенцию, вообще совершенно нравственно расшатанную и подорванную»¹⁸. Маклаков считал виновниками такой ситуации не только комиссаров-большевиков, но и духовенство в лице, например, по его словам, «полоумного» священника Востокова¹⁹.

Встретившись в Крыму со своим товарищем по университету профессором Сергеем Булгаковым, к тому времени уже отцом Сергием,

Маклаков писал, что его удивили разговоры последнего о власти евреев и подозрения со стороны Булгакова, «что вообще всем миром владеет объединенный еврейский кагал, организованный где-то в Америке в коллегия, и что большевизм был сознательно напущен им на Россию». Правда, по словам Маклакова, это не было убеждение самого Булгакова, «но у него большие сомнения, что это правда, и он настойчиво и очень подробно допрашивал меня о том, в какой мере теми данными, которыми я обладаю, можно было бы опровергнуть это представление». По словам Маклакова, он выпытывал его о связях с масонством. «...словом, я вижу, — писал он, — что для Булгакова, если не теперь, то в будущем, а для менее культурных епископов и в настоящее время, преобладающая роль евреев среди большевистских главарей не случайность и объясняется не историческими причинами, а есть только проявление той тенденции завоевать мир, которая приписывается [евреям]»²⁰. «Даже к кадетам... и то жида забравши», — передает разговор с прихожанкой Успенского собора Андриана Тыркова. «Я уже привыкла, что мы “жидомасоны”, и была поражена этим даже», — запишет она в дневник²¹.

И важно отметить распространённость такого мнения в среде так называемых «низов» и даже детей. Корреспондентка газеты «Правда» поделилась своими впечатлениями от посещения одного из детских санаториев в Сокольниках.

По ее словам, для детей слово «большевик» «символизирует разбойника, для других мошенника, для большинства непонятное пугало. Советская власть характеризуется тем, что лишила народа белого хлеба, закрыла церкви, отбирает муку в поездах, не дает торговать честным людям. Комиссары — это “жиды”, которые прекрасно пьют и едят, ездят на краденных автомобилях... отдельные из детей протестуют, почему нет икон...»²². «В результате, — суммировала свои наблюдения корреспондент, — многие дети только портятся, становятся сыз-мала антисемитами, проникаясь религиозными предрассудками...»²³.

Представляется совершенно верным мнение Л. Г. Протасова о том, что антисемитизм, казалось бы, совершенно невозможный ни для большевиков, ни для меньшевиков и эсеров, становится постепенно болезненной проблемой и для левых партий: «он проникал в их ряды с многочисленными мартовскими эсерами или октябрьскими большевиками»²⁴.

Еще ранее, в июле 1918 г., видимо, под воздействием еврейских погромов на Украине, был принят знаменитый Декрет об антисемитизме. В нем говорилось, что «еврейский буржуа нам враг не как еврей, а

как буржуа. Еврейский рабочий нам брат». Декрет ставил людей, ведущих погромную агитацию, как и самих погромщиков, «вне закона»²⁵. Такая архаичная формулировка тогда могла означать просто расстрел без всякого суда. (То, что это было именно так, популярно в 1931 г. объяснил Сталин²⁶.) Жертвами становились и священнослужители, так как под размытые формулировки декрета можно было подвести кого угодно. В Центральной России больших еврейских погромов не было, очевидно, что под него попадали в основном жители Украины²⁷. Но точечные акции происходили и в России: так, в сентябре 1918 г. в Валдае был расстрелян известный журналист Михаил Меньшиков, попавший под действие данного декрета²⁸.

Странно, что священник Крылов 29 сентября 1918 г. назвал обвинение в антисемитизме «отнюдь не страшное по своему существу, сколько обидное не только для всякого порядочного священника..., но и для всякого христианина»²⁹. Очевидно, что священник не знал о декрете, иначе он не назвал бы данное обвинение не страшным.

Декрет об антисемитизме не имел мировых аналогов, и его жертвами стали тысячи ни в чем не повинных людей, так же как тысячи стали жертвами безумного антисемитизма, охватившего бывшую Российскую империю. «Погромы творят все[—] и красные, и белые, и зеленые, и петлюровцы», — записала в свой дневник Андриана Тыркова³⁰.

Очень часто в антисемитской пропаганде обвиняли духовных лиц. Самым известным антисемитом в церковной среде считался митрополит Антоний Храповицкий. Он странным образом соединял в себе антисемитизм и юдофилию³¹.

Очевидно, что при вынесении решения о расстреле положения декрета об антисемитизме не применялись, как в случае с Меньшиковым, дабы не разжигать межнациональную рознь.

Большой резонанс имело дело об «антисемитской агитации» в Покровском Соборе (Василия Блаженного). 26 октября 1919 г. в собор на Красной площади зашли ротный и взводный командиры советских пулеметных курсов Антонов и Баскаков с просьбой показать им «достопримечательности собора».

Так называемую экскурсию по памятнику архитектуры им проводила сторож собора Мошкова. На нижнем этаже собора она указала красным командирам на ящик-усыпальницу с изображениями «религиозного характера». Здесь, заявила она, находятся мощи отрока Гавриила, «которого евреи зарезали. Ведь им нужна русская кровь... Они ее пьют. Наши все священники это знают и нам сказывали». На

следующий день собор посетила член партии «выпускница» Петроградского университета Ольга Климент, ей тоже показали гробницу с комментариями: «отрок Гавриил замучен жидами»³². По факту антисемитской пропаганды было заведено дело и проведена медицинская экспертиза мощей.

Выяснилось, что мощи привезены из Польши четыре года назад настоятелем собора протоиереем Иоанном Восторговым, который постоянно служил возле них молебны; при правительстве Керенского протоиерея вызывали для объяснений «тогдашние правители» Москвы кадет Кишкин и адвокат Малянтович и «убеждали не произносить погромных речей, но не имели мужества пресечь деятельность Восторгова более реальными мерами воздействия». Большевики эту деятельность «пресекли» в 1918 г.: Восторгова просто расстреляли как контрреволюционера, но мощи остались.

Настоятель собора протоиерей Ковалевский, хранитель собора протоиерей Кузнецов, церковные сторожа супруги Мошковы и церковный староста купец Щербаков были преданы суду по обвинению в контрреволюции и антисемитской агитации.

Суду придали самый высокий уровень — обвинителем выступил сам Петр Красиков, экспертом — бывший чиновник Синода И. А. Шпицберг. На судебном заседании священники отрицали обвинения в антисемитизме. Они заявляли, что для них нет ни иудея, ни эллина, и в привозе мощей в собор виноват расстрелянный Восторгов, а дьякон собора Белоусов заявил, что ему сам Восторгов рассказывал, что «мощи канонизированы римским папою и при унии римский папа потребовал, чтобы эти мощи была воссоединены». При этом сам дьякон заявлял: «Я к евреям отношусь хорошо: как заболел, так сейчас же обращаюсь к докторам-евреям — считаю русских докторов много хуже»³³.

Выяснились интересные вещи: оказалось, что «умученный жидами» отрок Гавриил Православной Церковью никогда не канонизировался и, как говорил Шпицберг, «польские помещики, кзенды, униатские попы и наше православное духовенство использовали в своих интересах историю Гавриила, якобы убитого в 1690 году».

«Дело о канонизации Гавриила никогда не восходило до Синода, а посему с канонической точки зрения никаким святым он не состоит. Это не отрицают такие канонические авторитеты, как московский митрополит Филарет и профессор Голубинский»³⁴.

Сравнил Шпицберг историю отрока Гавриила и со знаменитым делом Бейлиса. Закончил свою речь эксперт патетически, заявив, что

главный смысл дела Гавриила — «это путь отвода гнева голодных и за-
темненных масс в сторону наименьшего сопротивления и ненависти
к еврейскому племени, сыны которого якобы распяли Иисуса Хри-
ста...»³⁵.

Спустя десятилетия речь Шпицберга наверняка характеризовали
бы как «антимарксистский бред» — тут и рассуждения о «нашем духо-
венстве», и ссылки на каноническое право и канонических авторите-
тов. Неясным оставался вопрос, по каким причинам нельзя служить
молебны Гавриилу: по причине его неканонизации Церковью, что
вполне логично с точки зрения церковного права, или по причине
того, что после «проповедей попов начинается антисемитская агита-
ция», что в вполне логично с точки зрения советского законодатель-
ства? Шпицберг вполне талантливо соединил эти мотивы.

Государственный обвинитель Красиков заявил, что «факт самой
неприкрытой, самой дерзкой человеконенавистнической агитации в
центре революционной Москвы полностью доказан». Главным вино-
вником Красиков считал уже расстрелянного протоиерея Восторгова,
который и был «организатором этой братоубийственной травли. Он
приютил в стенах любопытнейшего памятника русского зодчества по-
зорный ящик, служивший ранее в Западном крае в руках тамошних
черносотенцев грубым орудием их классовой политики. Любоваться
храмом-памятником приходят люди со всех концов России, его ос-
матривают учащиеся, приезжие крестьяне, рабочие, красноармейцы.
Нельзя удачнее выбрать место для злодейских замыслов восторгов-
ской клики».

Несмотря на такие тяжкие обвинения, суд был достаточно миро-
любив по тогдашним меркам. Дело получило резонанс и освещалось в
советской прессе, и, конечно, расстреливать неграмотных сторожей
собора вряд ли было целесообразно при и без того обострившихся
национальных взаимоотношениях в бывшей Российской империи.
Все фигуранты получили условные сроки, хоть и обвинялись по рас-
стрельной статье «антисемитская пропаганда».

Ящик с мощами Гавриила было предписано сдать в судебное уч-
реждение «как вещественное по преступлению доказательство».
В заключении судебного решения следует замечательный пассаж:
«Употребление тропаря и кондака в честь отрока Гавриила, как опре-
деленно человеконенавистнического и контрреволюционного харак-
тера, развращающего правосознание трудящихся, считать недопусти-
мым и лиц, их публично употребляющих (так — П. Р.) привлекать к
ответственности за контрреволюционные деяния, о чем сообщить че-

рез Народный комиссариат юстиции в его объявлениях»³⁶. Другими словами, трудящийся пролетариат, толпами ходящий на молебен отроку Гавриилу, не стоит развращать.

Обойти тему антисемитизма и активного участия евреев в революции невозможно, настолько она была острой. Дневники, переписка той эпохи буквально переполнены этой темой, даже если учесть тот факт, что многое подвергалось и подвергается цензуре³⁷. И выходец из церковной среды Красиков, и действующий православный священник Галкин, и этнические евреи Троцкий и Ярославский действовали в одном ключе. Все это порождало миф о еврейском засилье и об их сторонниках церковниках и большевиках.

Примечания

- ¹ Савельев С. Н. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. II / Сост. А. Р. Бессмертный, С. Б. Филатов; Под общ. ред. С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана. М.: Издательская группа «Прогресс — Культура», 1993. С. 169.
- ² О Ярославском см.: О Емельяне Ярославском. Воспоминания, очерки, статьи. М.: Политиздат, 1988; *Курляндский Н. А.* Сталин, власть, религия. М.: Кучково поле, 2011. С. 168–191. Первая совершенно пустая книга, таких издавалось очень много. Вторая очень интересна.
- ³ См., напр.: *Алексеев В. А.* «Штурм небес» отменяется: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М.: Россия молодая, 1992.
- ⁴ ГАРФ. Ф. А-353 (Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР)). Оп. 1. Д. 690. Л. 29.
- ⁵ Видимо, этот слух коснулся в основном неудачливых правителей, таких как Лжедмитрий, Павел. Последний раз этот слух затронул бывшего президента СССР М. С. Горбачева: в 2008 году ему пришлось публично опровергать слух о переходе его в католичество.
- ⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 690. Л. 29об.–30.
- ⁷ Там же.
- ⁸ «Идеже несть Еллин ни Иудей». В синодальном переводе: «Где нет ни Еллина, ни Иудея». Кол 3:11.
- ⁹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 690. Л. 29об.–30.
- ¹⁰ *Красиков П. А.* Религия и коммунизм (1919) // Избранные атеистические произведения / П. А. Красиков. М.: Мысль, 1970. С. 41–42. (Научно-атеистическая библиотека).
- ¹¹ «Приспело время подвига...». Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост., авт. ст. Н. А. Кривошеева. М.: Издательство ПСТГУ, 2012. (Слово исповедников XX века). С. 341–344.
- ¹² *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 158.
- ¹³ Наиболее яростно на Соборе выступил против еврейского «засилья» и масонства священник В. И. Востоков. См.: Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. М.: Новоспасский монастырь, 1996. Т. 6. С. 41–44. Он и его коллеги были остановлены митрополитом Арсением (Стадницким) словами: «Это не митинг». Довольно точно они переданы в дневнике, который вел митрополит. См.: *Митрополит Арсений (Стадницкий)*. Дневник: На Поместный Собор 1917–1918 Церковь / Под ред. Н. А. Кривошеевой. М.: Издательство ПСТГУ, 2018. (Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви). С. 197–198. Востоков продолжал тему еврейства и масонства и на так называемом Южном соборе. См.: Юго-Восточный Собор русский церковный Собор 1919 года:

- Сборник документов / Под редакцией Ю. А. Бирюковой. М. : Издательство Новоспасского монастыря, 2018. С. 361.
- ¹⁴ Если исходить из цифр одного из крупнейших исследователей 1917 года Г. Л. Протасова, большевицкая партия была самая интернациональная: если среди эсеров доля русских составляла $\frac{2}{3}$, то среди большевиков «немногим более половины» (*Протасов Г. Л. Политическая элита 1917 г. Проблемы идентификации // Политическая история России первой четверти XX века: [материалы Международной научной конференции]: памяти профессора Виталия Ивановича Старцева / [отв. ред. и сост. Б. Д. Гальперина]. СПб. : Д. А. Р. К., 2006. С. 223).*
- ¹⁵ Согласно Душенко, впервые эта фраза прозвучала в апокрифическом рассказе о приезде к Троцкому его отца. Рассказ был опубликован в «белой» печати в 1919 г. См.: *Душенко К. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней: Справочник. М. : Эксмо, 2005. С. 362. В любом случае, к иудаизму Троцкий не питал никаких симпатий. В 1922 г., в разгар кампании по изъятию церковных ценностей, Троцкий прочитал интервью московского раввина о том, что в синагоге нет никаких ценностей. Реакция его последовала незамедлительно. «Он, несомненно, врет, — телеграфировал он в бюро комиссии по изъятию. — Необходимо строжайшее расследование, тщательнейшее изъятие и скорое опубликование результатов» (Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 / Изд. подготовили Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Новосибирск : «Сибирский хронограф», 1998. Кн. 2. С. 100).*
- ¹⁶ Его известный памфлет «Библия для верующих и неверующих» издавался большими тиражами вплоть до конца 70-х гг. и посвящен глумлению исключительно над Ветхим Заветом. Согласно церковной легенде, которая нашла отражение, в том числе, и в церковном самиздате, последними словами Емельяна Ярославского перед смертью была фраза: «Сожгите все мои книги».
- ¹⁷ *Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции / Подг. текста и комм. А.В. Смолина // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1993. Кн. 4. С. 76.*
- ¹⁸ В. А. Маклаков — Б. А. Бахметеву, 21 октября 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно». Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951 / Под. ред. О. В. Будницкого. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. Т. 1: август 1919 – сентябрь 1921. С. 254.
- ¹⁹ Там же. С. 258. У Маклакова Восторгов, что является явной опечаткой (Маклаков свои письма печатал на машинке). Публикатор переписки О. В. Будницкий эту опечатку заметил: Там же С. 524. Из контекста самого письма видно, что это Востоков, и он к тому времени был в Крыму. Восторгов, как и брат Маклакова, был расстрелян большевиками в 1918 г.
- ²⁰ Там же. С. 257.
- ²¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / [сост., авт. предисл., введ. и коммент. Н. И. Канищева]. М. : АНО «Издательство «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2012. С. 215. Запись от 21 января 1918 г. Тыркова пишет также о слухах, что евреи «запечатывают» православные храмы.
- ²² Правда. 1919. 5 сентября; Православная Москва в 1917–1921 годах: Сборник документов и материалов / Авторы-составители: А. Н. Казакевич, В. В. Марковчин, Т. С. Тугова, А. М. Шарипов. М. : Издательство Главного архивного управления г. Москвы, 2004. С. 501.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 223.*
- ²⁵ Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1964. Т. III: 11 июля – 9 ноября 1918 г. С. 93. См.: *МакГувер Б. Реакция большевиков на антисемитизм в 1918 году // Эпоха войн и революций 1914–1922: материалы международного colloquium (9–11 июня 2016 г.) / отв.*

- ред.: Б. И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 277. По смысловой сути текст декрета совпадает с тестом выступления Ленина в 1919 г. См.: *Ленин В. И. О погромной травле евреев* // ПСС / В. И. Ленин. Т. 38. С. 242–243.
- ²⁶ «В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм как явление глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (*Сталин И. В. Об антисемитизме. Ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки* // Сочинения / И. В. Сталин. М. : Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 28).
- ²⁷ Именно больших. См.: Частные письма эпохи гражданской войны. По материалам военной цензуры // Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары / Сост. В. А. Козлов, С. М. Завьялов. [Кн.1]. М. : Историческое наследие, 1992. С. 240–242.
- ²⁸ Хотя в прессе сообщалось, что Меньшиков расстрелян как контрреволюционер, самому Меньшикову местные чекисты заявили, как он писал в предсмертном письме к своей жене, что «я обвиняюсь в погромных статьях против евреев» (М. О. Меньшиков: Материалы к биографии: [Сб. материалов] / Гл. ред. А. Л. Налепин; Подгот.: О. М. Меньшикова, Л. И. Веселитская-Микулич, Ю. В. Алехин; А. Н. Кузнецова, М. В. Овчаренко, И. П. Панкратьев // Российский архив. М. : Студия «ГРИТЭ»; Рос. Архив, 1993. [Т.] IV. С. 180).
- ²⁹ Отзыв священника Д. Крылова о деятельности священника М. Платонова, направленный в следственную комиссию // Судебный процесс против саратовского духовенства в 1918–1919 гг. Документальная публикация А. И. Мраморнова. М. : Издательство Ново-спасского монастыря; Саратов: Издательство Саратовской митрополии, 2013. С. 132.
- ³⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 232. Запись от 13 сентября 1919 г.
- ³¹ См.: Митрополит Аттоний (Храповицкий). Избранные труды. Письма. Материалы. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007 (Русская богословская библиотека). Тут же есть интересные и нетривиальные воспоминания о митрополите архимандрита Киприана Керна. С. 792–831.
- ³² Церковь и революция. 1919. № 6–8; Православная Москва... С. 583.
- ³³ Там же. С. 587–588.
- ³⁴ Кажется, здесь Шпицберг был прав: отрок Гавриил действительно не был никогда канонизирован Синодом, а относился к «почитаемым усопшим», как пишет Голубинский, к местночтимым святым. См.: *Голубинский Е. История канонизаций святых в русской церкви* М. : Крутиц. патриаршее подворье; О-во любителей церк. истории, 1998 С. 320. И в этом смысле современная «Православная энциклопедия» ошибается, говоря, что в «1820 году РПЦ причислила его к лику святых» (Православная энциклопедия. М. : ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 200). Возможно, как указывается некоторыми авторами, протоиерей Восторгов перенес в Покровский собор только часть мощей Гавриила, которые и сейчас находятся в Белостоке (Польша). См. также содержательную статью: *Панченко А. А. К исследованию еврейской темы в истории русской словесности: сюжет о ритуальном убийстве* // НЛО. 2010. № 104. С. 75.
- ³⁵ Церковь и революция... С. 15.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Так, С. В. Яров выступая на ученом совете института Санкт-Петербургского института истории РАН, сказал, что вырезал из сборника по Новгороду в революционную эпоху весь антисемитизм якобы по просьбе сотрудников архивов.
-
-

УДК 94(47)(082.1)

И. В. Чубыкин

(г. Москва, Российская Федерация)

Марк Вениаминович Вишняк — юрист и политик

Публицист, политический деятель и юрист Марк Вениаминович (Мордух Веняяминович) Вишняк родился 2 января 1883 г. в г. Москве в правоверной еврейской семье мелкого торговца тканями, ставшего впоследствии купцом 1-й гильдии¹. В 1897–1901 гг. учился в 1-й Московской гимназии (окончил с серебряной медалью)² и в 1901–1908 гг. (с перерывом) на юридическом факультете Московского университета. После защиты кандидатского сочинения (дипломной работы) «Личность в праве» оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права³. В 1903–1904 гг. изучал медицину в Баденском университете (Германия)⁴.

С 1908 г. помощник присяжного поверенного. В 1905–1917 гг. сотрудник журналов «Вестник права и нотариата», «Книга», «Образование», «Русское богатство», «Юридический вестник»; печатался в газетах «Русские ведомости», «Право», «Сын Отечества». Как противник социально-политического строя России, М. В. Вишняк считал неприемлемыми насильственные пути изменения социального уклада⁵. Воспринимал себя сторонником идей Просвещения и приоритета общества, основанного на личной инициативе и активной жизненной позиции граждан⁶.

5 декабря 1904 г. участвовал в выступлении московских студентов против дискриминации правительством петербургского студенчества; арестован и провел один месяц в тюрьме. Трагедия 9 января 1905 г. окончательно определила революционный путь М. В. Вишняка.

В октябре 1905 г. он кооптирован в Московский комитет Партии социалистов-революционеров (ПСР). Неонароднический выбор М. В. Вишняка определялся убежденностью в необходимости единения всего трудового народа и защиты личной свободы⁷. О закономерности своего пути он многие годы спустя скажет: «Если говорить о главном или главнейшем признаке в идеологии народничества, на протяжении всей истории народничества он выражается в признании народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором — в меньшей степени в прошлом, в возрастающей сте-

пени в будущем»⁸. Другим важным признаком народничества Вишняк укажет «право на нон-конформизм»⁹.

В декабре 1905 г. участвовал в московском вооруженном восстании и входил в редакцию газеты «Известия» — органа Московского Совета рабочих депутатов. Участник 1-го съезда ПСР (Иматра, декабрь 1905 г. — январь 1906 г.). В январе 1906 г. арестован в Москве и в марте бежал из тюрьмы. В 1906–1907 гг. жил в Германии. Вскоре после приезда в Россию арестован в феврале 1907 г. в Москве; в августе освобожден под залог. В 1910–1911 гг. на поселении в Нарымском крае (Томская губерния). В 1912–1913 гг. на срочной службе вольноопределяющимся в Русской императорской армии. В годы Первой мировой войны среди «оборонцев»; служил в тыловых частях армии (1914–1915). В 1916–1917 гг. секретарь «Известий Главного комитета Союза городов».

Идеи Февраля 1917 г. М. В. Вишняк разделял полностью, но стихийность революции ограничивала его оптимизм в прогнозе дальнейшего развития страны. На Первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов (Петроград, 04–28.05.1917) избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ВСКД); входил в бюро Исполкома. Избирался гласным Московской городской думы. Участник 3-го (Москва, 25.05–04.06.1917) и 4-го (Петроград, 26.11–05.12.1917) съездов ПСР и 7-го Совета ПСР (Петроград, 06–08.08.1917). На 3-м съезде 31 мая 1917 г. выступил с докладом «Основные принципы государственного устройства России (республика, автономия, федерация)». Считая «основным принципом построения центральной государственной власти <...> принцип самоуправления народов, народоправство, народную власть», отмечал для России невозможность «регулировать и определяться волею какого-нибудь одного народного представительства, одного народно-представительного учреждения»: «Слишком велика страна, слишком сложны вопросы, слишком много и технических, и других соображений заставляют теперь признать необходимость разгрузить общегосударственное парламентское управление. <...>. Самоуправление снизу доверху должно быть осуществлено на местах и в центре, всюду одинаково должно осуществляться это самоуправление и народовластие, полная народная власть и народоправство»¹⁰.

Редактор центрального органа партии — газеты «Дело народа» (1917–1918). В апреле делегирован партией в Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание; избран секретарем его Президиума и входил в комиссии: об осу-

ществлении активного и пассивного избирательного права; о выборах на окраинах; о системах избирательного права; об избирательных списках и их обжаловании. С августа член Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание (Всевыборов). Участвовал в деятельности Государственного совещания в Москве (12–15 августа)¹¹ и Демократического совещания в Петрограде (14–22 сентября)¹². Как представитель Исполкома ВСКД входил во Временный совет Российской республики (Предпарламент) (7–25 октября). На первом заседании Предпарламента 7 октября избран секретарем¹³. Был в составе комиссии по выборам в Учредительное собрание при ЦК ПСР. В ноябре избран членом Учредительного собрания от Ярославского избирательного округа¹⁴.

Последовательно отвергал идеи и результаты октябрьского восстания 1917 г. В его видении февральские события стали «моментом рождения русской нации», а октябрьские дни — насильственным действием, совершенным незначительной группой в противоречии с закономерностью исторического процесса, опирающегося на демократическое развитие). Участник Комитета спасения Родины и революции, выступившего против власти Совета народных комиссаров. В составе Президиума Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание 23 ноября арестован Петроградским военно-революционным комитетом; 23–27 ноября в заключении в Смольном¹⁵.

Избран секретарем Учредительного собрания, открывшегося 5 января 1918 г.¹⁶ После его роспуска вместе с В. М. Черновым подписал «Письмо в деревню», в котором содержался призыв к борьбе за Учредительное собрание и народовластие; большевистскими властями объявлен «врагом народа», оказался на нелегальном положении. Один из редакторов сборника статей членов партийной фракции в Учредительном собрании о русской революции «Народовластие» (М. : Б. и., 1918. Вып. 1–3), защищал Учредительное собрание как наилучшую форму народовластия. Осмысливая его драматичный опыт, Вишняк в эмиграции в 1932 г. писал: «Всероссийское Учредительное Собрание явно не удалось — как «не удалась» и февральская революция, как «не удалась» и христианство, по свидетельству Достоевского, и вообще вся человеческая история. Среди многих причин этой великой неудачи были и причины идеологического характера. Слишком затянулся самодержавный период русской истории, и народившаяся еще при самодержавии русская общественность слишком долго развивалась в атмосфере бесправия и произвола, под пря-

мым влиянием отталкивания и вражды к началам самоуправления и народоправства»¹⁷.

В апреле 1918 г. вошел в Союз возрождения России (СВР) (Москва) — коалицию либерально-демократических политических партий, противостоявших большевикам. Участвовал в 8-м Совете ПСР (07–16.05.1918), определившим курс на «борьбу за восстановление независимости России и возрождение ее национально-государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией»¹⁸.

В сентябре М. В. Вишняк с женой нелегально выехал из Москвы в Киев и вскоре был арестован по указанию И. А. Кистяковского, министра внутренних дел правительства гетмана П. П. Скоропадского. Освобожден после шестинедельного заключения¹⁹.

С мая 1919 г. он в Париже. В 1919–1920 гг. занимался экспертизой по вопросам публичного права, участвовал в деятельности Комитета еврейских делегаций при Конференции мира в Париже. Регулярно выступал на международных совещаниях и конференциях по правам национальных меньшинств, где всегда защищал идею национально-культурной автономии. С февраля 1920 г. входил в ЦК Российского общества в защиту Лиги Наций. Принимал участие в Совещании членов Учредительного собрания (8–21 января 1921 г.)²⁰, представляя социалистов-революционеров и по заданию партийной организации готовил резолюцию и вел переговоры с представителями других фракций о согласовании формулировок о пределах самоопределения российских национальностей и о взаимоотношениях между центральной государственной властью и территориально-государственными новообразованиями. В сентябре вошел в Исполнительную комиссию Совещания²¹. С 1922 г. профессор русского юридического факультета при парижском Институте славяноведения; читал курс лекций «Русские основные законы и политические идеи первой четверти XIX в.», вел семинар по русскому государственному праву²².

Рассматривая задачи национальной политики партии на Берлинском совещании ПСР (10–15 декабря 1922 г.), М. В. Вишняк подчеркивал, что «вынужденное пребывание в системе РСФСР по закону реакции неизбежно влечет и повлечет за собой в будущем вместе с отталкиванием от централистического унитаризма Советской России отталкивание и от России вообще». Наилучшим предупреждением возможных конфликтов Вишняку представлялась гарантия права народов и национальных регионов на полную государственную самостоятельность при условии соблюдения жизненных интересов России.

Вместе с тем, считал он, социалисты-революционеры и впредь обязаны оставаться верными своим устремлениям в решении национального вопроса, связанным «не с распылением больших государств, не с искусственным образованием новых <...>, а с кооперацией, объединением и последующим федерированием национальных и территориальных единств»²³. Оставаясь на этой позиции, в 1938 г. подчеркивал: «Сепаратисты могут стремиться к «дислокации» России — они не первые и не единственные. Понять их немудрено. Но всякая попытка прикрыть заинтересованность видимостью идеологии и своей якобы более высокой культурностью лишь компрометирует лично таких идеологов и культуртрегеров»²⁴.

Участвовал в Первом съезде заграничных групп, посвященном созданию единой партийной организации (15–24 ноября 1923 г., Прага) и во Втором съезде заграничных организаций ПСР (29 апреля – 6 мая 1928 г.)²⁵. В 1925 г. один из основателей Франко-русского института. Выступал с лекциями, университетскими и публичными, перед студентами и слушателями в Париже, Праге, Риге, Ревеле, Печорах²⁶. В 1919–1940 гг. активист парижской группы ПСР — постоянный участник всех форм и направлений партийной деятельности в эмиграции²⁷.

М. В. Вишняк, указывая, что политически и исторически Русская революция не выражается Октябрем²⁸, обращал внимание на отсутствие ментальной связи между Октябрем и Февралем. По его мнению, «Февраль не был лишь прологом или “прелюдией” к настоящей и подлинной революции — к Октябрю, явившемуся естественным и логическим завершением Февраля. Следуя ей, пришлось бы признать, что и самодержавие есть лишь пролог и прелюдия к Февралю, «естественному и логическому» завершению самодержавия <...>. Октябрь произошел после Февраля, несмотря на Февраль, вопреки ему. Ибо слишком отличен качественно, по образу и духу своему февральский период от двух смежных с ним <...> самодержавного и большевицкого, — чтобы можно было не замечать самостоятельных черт в февральском “инобытии” России»²⁹. Определяющим признаком всякой революции для Вишняка служила ее «всенародность». С этой точки зрения, в противоположность Февралю, «Октябрь был <...> штабной революцией, но не революцией в подлинном и единственном ее значении и смысле <...>, было восстание, закончившееся победой, но не сделавшееся от этого революцией <...>»³⁰. Реагируя на широкое распространение в российском и советском обществе неприятия демократии, он видел «преодоление современного кризиса демократии

<...> не в отступлении от принципов политической демократии, а в дальнейшем, *последовательном* и *крайнем* их развитии»³¹.

В межвоенный период М. В. Вишняк в основном занимался (совместно с Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, А. И. Гуковским и В. В. Рудневым) изданием и редактированием «Современных записок» (1920–1940); как ответственный секретарь редакции находился в связи с сотрудниками и контролировал выпуск журнала; вел постоянный раздел «На Родине», посвященный вопросам внутренней политики³². Одними из важнейших направлений его публицистической деятельности стали защита прав национальных меньшинств и борьба с антисемитизмом³³.

Целью своей деятельности он считал устранение коммунизма и в каждом выступлении всегда жестко критиковал его идеологию и действия. Не принял переход журнала на религиозно-идеалистическое направление. Вследствие «идейной и политической изолированности» и фактического удаления от редактирования журнала, заявил о выходе из редакционной коллегии (формально считался редактором до конца 1939 г.)³⁴.

М. В. Вишняк всегда отмечал крайнюю важность для мировой цивилизации активной роли русского еврейства. Позитивное восприятие и обоснование благотворности «существования русского еврейства, как особого социально-исторического явления <...> приобретает сугубое значение, когда отрицается не только целесообразность, но даже акт существования русского еврейства как особой социально-психологической категории. А отрицание идет сейчас с двух противоположных флангов: ассимиляторы по убеждению отрекаются от всякой духовной связи с еврейством в силу своей связанности с русской культурой, а воинствующие националисты, даже из «левого», идишистского лагеря, уже в употреблении русского языка склонны видеть отступничество и покушение на национальное самосознание. Между тем, как убедительно возражает <...> “противникам” многоязычия проф[ессор] Дубнов³⁵, пока существовало, существует и будет существовать еврейское рассеяние, неизбежно и «неоспоримо» многоязычное развитие еврейской культуры: не только на библейском и разговорно-еврейском языках, но и на других и, в частности, на русском»³⁶.

Оккупацию нацистами Чехословакии в марте 1939 г. М. В. Вишняк определил как предвестие неизбежного поражения Германии в развязываемой ею мировой войне. По его наблюдениям «не только западная Европа и мир демократии *до* 15 марта 39 г. и *после* этой даты — две

разные Европы и два разных, политически и психологически, мира, но и Германия национал-социалистическая и, тем более, не национал-социалистическая, до и после 15 марта — две разные Германии»³⁷.

В 1937–1939 гг. ответственный секретарь ежемесячника «Русские записки» (Париж; редактор П. Н. Милуков). В июне 1940 г. — за неделю до занятия вермахтом Парижа — М. В. Вишняк выехал из него, временно расположившись на юге Франции, в октябре 1940 г. поселился в Нью-Йорке (США). В годы Великой Отечественной войны высказывался вместе с другими лидерами эсеровской эмиграции — Н. Д. Авксентьевым, В. М. Зензиновым, А. Ф. Керенским и В. М. Черновым за всемерное оказание помощи народам Советского Союза, избегая поддержки сталинского режима. И выражал надежду на «демократизацию государственного и общественного строя СССР» после несомненной победы над нацизмом³⁸. В 1943–1944 гг. преподавал русский язык на военных курсах интенсивного обучения иностранным языкам при Корнеллском университете³⁹, в 1944–1946 гг. — в Морской школе восточных языков при Колорадском университете⁴⁰.

Оставаясь патриотом России и носителем русской культуры⁴¹ М. В. Вишняк в период расширения холодной войны полагал: «Быть сейчас со Сталиным значит не только не быть за международный мир и коллективную безопасность; это значит быть и против России»⁴².

В 1946–1958 гг. редактор-сотрудник русского подотдела «Russian Desk» (senior specialist on Soviet affairs) еженедельного журнала «Тайм» («Time») (Нью-Йорк) (с 1958 г. консультант по русским вопросам)⁴³. Постоянно писал в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1942–1969), «Новом русском слове» (Нью-Йорк, 1940–1969). Выступал со статьями в журнале нью-йоркской организации эсеров «За свободу» (1941–1947). Участник созданной в 1949 г. в Нью-Йорке инициативной группы Лиги борьбы за народную свободу, добивавшейся сплочения российской демократической эмиграции для сопротивления коммунистической системе. 18 марта 1952 г. подписал обращение четырнадцати российских эсеров и социал-демократов «На пути к единой социалистической партии», провозглашавшее окончательное слияние течений отечественной социалистической эмиграции и стремление к созданию в свободной демократической России будущего «единой социалистической партии, широкой, терпимой, гуманитарной и свободолюбивой»⁴⁴.

«Не будучи сионистом»⁴⁵, М. В. Вишняк с воодушевлением и надеждой встретил известие о возрождении израильского государства. В мае-июне 1951 г. он посетил Израиль, где в четырехнедельной поезд-

ке внимательно изучал опыт становления нового общества и государственности, с особым интересом знакомясь с деятельностью кибуцев. Многочисленные встречи с общественными и государственными деятелями, людьми науки, культуры, образования, рабочими и фермерами позволили в кратком и многостороннем очерке дать цельный образ уникального явления с присущими ему достижениями и просчетами. По мнению Вишняка, «большевизм и нацизм наглядно показали, что история способна на долгие годы мириться с непредвидимым и бессмысленным анти-историзмом. Ленин считал необъяснимым “чудом”, что с самого начала “так-таки и не нашлось никого, кто немедленно выкатил бы нас на тачке”; “советской власти помогает чудо. Чудо — октябрьский переворот, Чудо — польская война. Чудо — трехлетняя выносливость русского мужика и рабочего”. То же отмечал и Троцкий: “Что советская Россия в состоянии бороться на всех фронтах и даже просто жить, этот факт есть величайшее историческое чудо”.

В отличие от этих отрицательного порядка анти-исторических “чудес”, Израиль явил миру положительное “чудо”: что Израиль в состоянии бороться на шести фронтах и даже просто жить, этот факт есть величайшее историческое чудо!.. И, вопреки неверию, будем верить, что это “чудо” пребудет»⁴⁶.

В 50-летний юбилей Революции 1917 г. посвятил ей серию выступлений в СМИ (в том числе на радиостанции «Свобода»). С 1972 г. М. В. Вишняк проживал в пансионате для пожилых «Изабелла» (Isabella Nursing Home) (Нью-Йорк)⁴⁷. Он умер поздним вечером 31 августа 1976 г. в нью-йоркской больнице Святого Луки (St. Luke's Hospital)⁴⁸.

Примечания

¹ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк : Издательство имени Чехова, 1954. С. 13.

² Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904 гг. Краткий исторический очерк / Сост. И. Гобза. М. : Синод. тип., 1903. С. 417.

³ Вишняк М. Дань прошлому. С. 5, 172.

⁴ Там же. С. 78, 80.

⁵ О мировоззрении М. В. Вишняка см.: Корицкий Э., Бегидов А., Шетов В. Марк Вишняк. Нальчик : Издательский центр «Эль-Фа», 1997. 160 с.

⁶ Вишняк М. Дань прошлому. С. 59.

⁷ Там же. С. 99–100.

⁸ Его же. Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. № 30. С. 232.

⁹ Там же. С. 226.

¹⁰ Протоколы Третьего съезда Партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве, 25 мая — 4 июня 1917 г.: (Стеногр. отчет) / Партия социалистов-революционеров. Петроград : ЦК Партии социалистов-революционеров, 1917. С. 286.

¹¹ См.: Государственное совещание 12–15 августа 1917 года. Стенографический отчет / Центр. архив. Окт. рев; пред. Я. А. Яковлева. М.; Л. : Гос. издательство, 1930. 425 с.

- ¹² Руднева С. Е. Демократическое совещание, сентябрь 1917 г.: История форума. М. : Наука, 2000. С. 7.
- ¹³ См.: *Ее же*. Предпарламент: октябрь 1917 г.: опыт исторической реконструкции. М. : Наука, 2006. С. 84, 104, 106, 131, 137.
- ¹⁴ Всероссийское учредительное собрание. [5 января 1918 г.]: [(Стенографич. отчет)] / Подготовил к печати И. С. Малчевский. М.; Л. : Гос. изд-во, 1930. С. 119.
- ¹⁵ Вишняк М. Дань прошлому. С. 328–334.
- ¹⁶ Всероссийское учредительное собрание. [5 января 1918 г.]: [(Стенографич. отчет)]. С. 25.
- ¹⁷ Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное Собрание. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 354–355.
- ¹⁸ Постановления VIII Совета Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Дело народа. Петроград. 1918. 18 мая. С. 1.
- ¹⁹ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб. : “Logos”; Дюссельдорф : «Голубой всадник», 1993. С. 60–63.
- ²⁰ См.: Бюллетень Совещания членов Учредительного собрания. Париж. 1921. № 1. С. 1; Частное совещание членов Всероссийского учредительного собрания. Conférence privée des membres de l'Assemblée constituante de Russie. The Private conference of members of the Constituent assembly. Париж : Impr. “Zemgor”, 1921. 68 с.
- ²¹ Список членов Исполнительной комиссии Совещания членов Всероссийского Учредительного собрания // ГАРФ. Ф. Р-5804 (Исполнительная комиссия частного совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания. Париж). Оп. 2. Д. 85 (Отчет о деятельности Исполнительной Комиссии Совещания членов Учредительного собрания России за 1921 г. с приложением резолюций исполнительской комиссии и других материалов). Л. 28.
- ²² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris : Libr. des cinq continents, 1971. С. 86.
- ²³ Проект резолюции по национальному вопросу М. В. Вишняка // Революционная Россия. Берлин. 1923. № 26–27. С. 29–30.
- ²⁴ Вишняк М. В. Национально-государственная проблема в СССР // Современные записки. 1938. № 67. С. 424.
- ²⁵ Список участников съезда (дан в начале протокола первого заседания, состоявшегося 29 апреля 1928 г.) // ГАРФ. Ф. Р-6108 (Областной комитет заграничных организаций Партии социалистов-революционеров. Прага). Оп. 1. Д. 11 (Протоколы заседаний 2-го съезда заграничных организаций ПСР, состоявшегося в Париже 29-го апреля – 6-го мая 1928 года). Л. 1.
- ²⁶ Вишняк М. Годы эмиграции 1919–1969 (Воспоминания). Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1970. С. 94.
- ²⁷ Там же. С. 93.
- ²⁸ *Его же*. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж : Современные записки, 1931. С. 94.
- ²⁹ *Его же*. Февральская революция // Современные записки. 1927. № 31. С. 324–325.
- ³⁰ Там же. С. 325.
- ³¹ *Его же*. Оправдание демократии // Современные записки. 1923. № 16. С. 349.
- ³² О деятельности М. В. Вишняка в редакционной коллегии журнала см.: Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. СПб. : “Logos”; Дюссельдорф : «Голубой всадник», 1993. 236 с.
- ³³ См.: Vichniac M. La protection des droits des minorités dans les traités internationaux de 1919–1920: [Rapp. prés. à l'Assoc. russe pour la Soc. des nations]. Paris : Povolozky, [1920]. 69 p.; Вишняк М. В. Право меньшинств. Paris : La presse Frangaise & etrangere, 1926. 117 с.; Vichniac M. An International Convention Against Antisemitism. New York : Research Institute of the Jewish Labor Committee, 1946. 135 p.
- ³⁴ Вишняк М. В. «Современные записки». Воспоминания редактора. С. 228–230.

- ³⁵ Дубнов Семен Маркович (Шимон Меерович) (1860–1941) — российский еврейский историк, один из классиков и создателей научной истории еврейского народа. Писал по-русски и на идише.
- ³⁶ Вишняк М. В. Еврейский мир. Ежегодник на 1939 г. // Русские записки. 1939. № 17. С. 205–206.
- ³⁷ *Его же*. Перечитывая Гитлера // Новый журнал. 1939. № 19. С. 166.
- ³⁸ Протасова О. Политическая и публицистическая деятельность М. В. Вишняка // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe / Historia I Archeologia*. 2016. № 8. S. 141.
- ³⁹ Вишняк М. Годы эмиграции 1919–1969. С. 155–161.
- ⁴⁰ Там же. С. 177–182.
- ⁴¹ М. В. Вишняк — представитель еврейской и русской культур. Он всегда считал Россию своей Родиной, любил и уважал русские духовные ценности, обладал глубокими знаниями русской культуры. Одновременно сохранял верность еврейским — иудейским — традициям и Израилю — как Родине его давних предков. Марк Вениаминович ушел из жизни иудеем (См.: St. Luke's-Roosevelt Hospital Center. Archive. Mark Benjamin Vishniak. Certificate of Death. P. 1–3).
- ⁴² Вишняк М. В. Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 186.
- ⁴³ *Его же*. Годы эмиграции 1919–1969. С. 203–215.
- ⁴⁴ Там же. С. 217.
- ⁴⁵ *Его же*. Доктор Вейцман. Париж : Б. и., 1939. С. 7.
- ⁴⁶ *Его же*. Израиль (Из впечатлений) // Новый журнал. 1951. № 26. С. 236.
- ⁴⁷ Mark Vishniak, Russian Expert // *The New York Times*. 1976. September 3. P. D 14.
- ⁴⁸ *Ibid*; St. Luke's-Roosevelt Hospital Center. Archive. Mark Benjamin Vishniak. Certificate of Death. P. 1.
-
-

ЕВРЕИ И ПОЛИТИКА



УДК 94

Л. И. Ивонина*(г. Смоленск, Российская Федерация)***Станислав Лещинский и евреи: векторы политики**

Образ дважды польского короля и герцога Лотарингии Станислава Лещинского (1677–1766), отраженный в немногочисленных биографиях, по сравнению с другими известными историческими личностями довольно противоречив и больше предстает в русле политической или региональной конъюнктуры. Но еще современники польского короля во Франции характеризовали его как фигуру позитивную и многогранную, что во многом было связано с политико-просветительской деятельностью Лещинского в Европе. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера оценила жизнь Лещинского как выдающуюся и достойную подражания. У Вольтера он предстает героем и философом, справедливым государем и политиком, человеком разумным и дружелюбным, покровителем искусств и наук, а также образцом религиозной терпимости. А Ж.-Ж. Руссо оценивал Лещинского как «более чем добродетельного гражданина, который для своей отчизны делает все, что может»¹. Сегодня во Франции в нем, прежде всего, видят символ интеллектуального расцвета Лотарингии XVIII в. и наравне с другими выдающимися деятелями вписывают его имя во французскую культуру эпохи Просвещения².

В ряду польских королей Лещинский занимает последнее место, не принадлежит он и к пантеону народных героев. Как отмечает польский историк М. Форуккий, он не служит образцом ни ныне популярной в Польше карьеры на Западе, ни способности к популяризации польской культуры в Европе, ни даже мецената, не представляется в целом значимой и его политическая или писательская деятельность. Ярлык несчастного короля в Польше и изгнанника за границей заслонил его лучшие стороны. Известный исследователь конфликтов на Балтике и политической истории XVIII в. Э. Чеслак поместил его в «круг шведской политики сверхдержавы» и в «круг французской политики»³. В связи со вступлением Польши в НАТО (1999) и ЕС (2004) «европейская» фигура Станислава Лещинского приобрела значимость. В современных польских работах его называют «лекарем больной Отчизны», отмечая, что просветительская мысль Лещинского в русле польской реформаторской линии века Просвещения была смещением

сарматских и европейских теорий, а ее республиканские идеи оказали влияние на интеллектуальный генезис Французской революции⁴.

Как же этот просвещенный правитель воспринимал евреев — значительную часть населения территорий, оказавшихся в разное время под его властью? Цель данной статьи — проанализировать политику Станислава Лещинского в отношении евреев как в Польско-Литовской республике, где он дважды являлся королем (в 1704–1709 гг. и в 1733–1734 гг.), так и в Лотарингии, которой он управлял с 1738 г. вплоть до своей смерти в 1766 г.

Обратимся к факторам, способствовавшим главному курсу этой политики. Можно предположить, что в целом позитивное отношение Лещинского к евреям стало формироваться еще в детстве и во многом было обусловлено традицией. Все Лещинские были интеллектуально развиты и склонны к творческому и философскому осмыслению действительности. На значительной части обширных земель, принадлежащих этой семье, большинство населения составляли евреи. Например, во Влодаве вплоть до Холокоста проживало 60–70 % евреев. Отец Станислава Рафал Лещинский, ярый католик, запретил все местные кальвинистские конгрегации и школы, но евреев, от которых получал немалый доход, не трогал. В местечке Лешно, от которого происходит фамилия Лещинских, находится самая старая синагога в Великой Польше. Кроме того, в XVIII – первой половине XIX вв. в Лешно проживала самая многочисленная еврейская коммуна⁵.

Следует учесть и то обстоятельство, что Лещинские были последовательными сторонниками знаменитого короля Яна Собеского, покровительствовавшего польско-литовским евреям и сохранявшего их права и привилегии. Король не считался с запрещениями церковных соборов и сеймов отдавать евреям на откуп государственные доходы. Его придворным медиком был Эммануил де Иона (Симха-Менахем бен-Иона), председательствовавший на Коронных ваадах. Собеский содействовал укреплению еврейской автономии, обязывая кагалы подчиниться распределению подати, устанавливаемому ваадам, и его юрисдикции. Не случайно евреи в своих сочинениях называли Яна Собеского «сыном солнца, королем королей, спасителем народа».

По сути, немаловажным фактором лояльного отношения многих правителей второй половины XVII–XVIII вв. к евреям являлась война — суровая и повседневная реальность раннего Нового времени. Монополизированная сила государства, управлявшая подданными преимущественно военными методами и направлявшая их энергию за его пределы, на ведение локальных и европейских войн, вела борьбу

за новые территории, в целях предупреждения нападения воинственных соседей, за коммерческие привилегии, чаще всего, обосновывая ее династической необходимостью и стремясь достичь славы и победы. В военных конфликтах Вестфальской системы начинали формироваться национальные стереотипы противника: таковыми были англичане для французов, французы для немцев, поляки для русских. Евреи не имели государства и не вели войн, и поэтому не только не носили стереотипа «противника», но и являлись значительной частью населения, платившей все возрастающие налоги, необходимые для ведения военных действий и выхода из кризиса послевоенных лет⁶.

Все эти факторы способствовали благосклонной позиции и политике Станислава Лещинского, покровительствующей евреям. Став польским королем благодаря Карлу XII во время Северной войны и на короткое время при поддержке Франции в 1733–1734 гг., он продолжил традицию сохранения их привилегий, заложенную королями Речи Посполитой во время непрерывных внутренних и внешних войн столетия барокко. Показателен такой случай. В 1707 г. жители Лешно обратились к королю с жалобой на местных евреев и с прошением изгнать их из местечка. Станислав ответил, что не будет этого делать, а все споры должны мирно разрешаться местными судами.

Еврейские коммуны тоже поддерживали короля. Так, в ноябре 1634 г. в городе Тарногоре была создана Конфедерация, оказывавшая помощь Станиславу Лещинскому в борьбе против его политического противника Августа III. Конфедерации активно содействовали деньгами и продовольствием местные жители в количестве 2450 человек. Примечательно, что среди них насчитывалось 960 римских католиков, 13 православных, 2 протестанта и 1475 евреев. А в осажденном Данциге (февраль – июнь 1734 г.), где евреев было мало, Станиславу приходилось расплачиваться за провизию для своих солдат⁷. Такая благожелательная позиция еврейского населения к королю Станиславу во время войны за польское наследство имеет под собой солидное основание. Когда в том же 1734 г. на Украину с целью поддержки Августа III вступили русские войска, призыв Петербурга действовать против партии Лещинского был дополнен там лозунгом «Дана воля грабить жидов и убивать ляхов». Гайдамацкие отряды поднялись на борьбу против панов и евреев, в результате чего пострадали многие еврейские местечки.

Будучи христианским философом и человеком, по мнению Вольтера, набожным, Лещинский, став герцогом Лотарингии, отличался большой веротерпимостью, и не только к христианским конфессиям. В сочинениях польского короля нет специальных упоминаний о ев-

реях, но содержится серьезная и продуктивная идея улучшения состояния всех слоев общества путем трудовой активности. Ведь труд каждого индивида, пропорциональный его талантам, совершенствует государство. Лещинский попытался гармонично совместить этику республиканского правления с новой этикой «обычного человека», внешний источник морали с внутренней самодостаточностью. Сам Господь Бог без условий создал всех людей свободными, и по какому праву кто-либо может это оспаривать?⁸

При нем, как известно, несколько улучшилось положение тамошних еврейских коммун, и Мецкий раввин Нехемия Райхер поблагодарил герцога в Люневилле 3 апреля 1737 г. за его благожелательное отношение к ним. Станислав разрешил лотарингским евреям считать Мецкого раввина своим духовным главой, причем число евреев, установленное в 1733 г. герцогиней Елизаветой-Шарлоттой Орлеанской в 180 семейств, он обещал толковать в том смысле, что все потомки мужского рода причисляются к той же семье. Также был отменен закон о заключении всех сделок с евреями только в присутствии нотариуса. Некоторые евреи при Лещинском сделались придворными, как, например, богатый еврей из Нанси Лион Гудшо. В 1753 г. был опубликован указ герцога, разрешавший евреям селиться в 28 населенных пунктах, ранее для них закрытых, но налоги, которые платили евреи, выросли с 10 000 до 14 300 ливров⁹.

В то же время в Польско-Литовском государстве имела место иная ситуация, где отношения между церковью и евреями определялись переходом от конституционального и политического аспекта нации к этническому и лингвистическому. Этой проблеме посвящено немало исследований — в частности, Х. Д. Хундерт обратил внимание на деятельность епископа Каменца в 1736 г., а в 1739 г. — епископа Бжеча и Люка Франтишека Кобельского, который пытался осуществить конверсию евреев в католицизм¹⁰.

Вместе с тем, существовал и другой, противоположный вектор политики Станислава Лещинского в отношении евреев. В 1705–1707 гг. имели место негласные переговоры между Станиславом и украинским гетманом Иваном Мазепой. В последних работах на эту тематику в научный оборот, помимо писем княгини Анны Дольской и сообщений лютеранского пастора и придворного проповедника Карла XII Нордберга, вводится ряд документов, как то: проект политических преобразований на Украине, составленный в окружении Лещинского, протокол допроса его агента Вольского и не известная ранее переписка Мазепы с руководителем русской внешней политики Ф. А. Головиным. Эти находки, а

также опубликованная еще в XIX в. секретная инструкция Вольскому с учетом новых данных о сделанных им устных предложениях Мазепе показывают, что обещания о сохранении власти гетмана над «Малой Россией» в составе Речи Посполитой не были зафиксированы в письменных обязательствах польско-шведской стороны. Они также свидетельствуют об отсутствии у Мазепы замыслов поддержать Лещинского и шведов и о его лояльности по отношению к царю в тот момент¹¹.

Как бы то ни было, но в «Польском проекте обустройства украинских земель после возвращения их под власть Речи Посполитой» от 1704–1705 гг., приложенном к недавней статье К. Кочегарова, есть следующие пункты, касающиеся положения евреев:

«...третий вопрос: как там править? Отвечаю: хотя хороший правитель и хозяин свободен в выборе методов правления, лучшим кажется образец Бранденбургской Пруссии, что значит разделить на отдельные территории все земли и старост или наместников с жалованьем назначить, наказав им быть справедливыми и евреев туда не пускать.

Далее четвертый вопрос: кто же кабаки или корчмы содержать и спиртное производить будет без евреев? Отвечаю: необходимо подготовить винокуров и писарей из христиан, из чего и новая большая прибыль будет королевской казне, а отдельно может быть и... третья статья дохода, с имений собственно королевских, не шляхетских, не магнатских, которая должна будет самому королю принадлежать, то есть чинши, скот, медовые дани и т. п.»¹².

Как видно, эти статьи кардинально расходились с позицией Станислава I в отношении евреев в Великой Польше, и затем в Лотарингии. В результате, композитарное Польско-Литовское государство порождало противоположные векторы политики к еврейскому населению в разных его регионах во время пребывания Лещинского королем.

Примечания

¹ Вольтер. История Карла XII // Собрание сочинений в 3-х томах / Под общей ред. Б. Т. Грибанова. М.: Сигма-Пресс, 1998. Т. 2. С. 411; Rousseau J.-J. Observations de Jean-Jacques Rousseau. Geneva: Labor et Fides, 1751. P. 61; Piechura K. Opinia Woltera na temat osobowosci Stanislaw Leszczynskiego // Stanislas Leszczynski: Roi, politician, ecivain, mécène. Leszno: Topographia, 2001. S. 155–159.

² См.: Muratori-Philip A. Stanislas Leszczynski: aventurier, philosophe et mécène des Lumières. Paris: R. Laffont, 2005; Bonnefont J.-Cl. Stanislas philosophe // La vie culturelle à l'époque de Stanislas. Actes du colloque de Nancy, Palais du Gouvernement, 30 septembre, 1er octobre 2005 / Ed. Y. Ferraton. Langres: D. Guéniot, 2005. P. 73–83; Rossinot A. Stanislas: Le roi philosophe. La Flèche: Michel Lafon, 1999; Maguin Fr., Florentin R. Sur les pas de Stanislas Leszczynski. Nancy: Éditions Koidneuf, 2005.

³ См.: Cieślak E. W obronie tronu króla Stanisława Leszczyńskiego. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986; Idem. Stanisław Leszczyński. Wrocław: Zakład Narodowy, 1994; Forycki M.

- Stanisław Leszczyński. Sarmata i Europejczyk 1677–1766. Poznań : Wydawnictwo Wojewódzkiej Biblioteki Publicznej, 2006. S. 7.
- ⁴ *Forycki M.* Op. cit. S. 8–10; *Konopczyński W.* Polscy pisarze polityczni XVIII wieku. Kraków : Akademicka, 2012. S. 53.
- ⁵ *Lukavski J. T.* Libertys Folly: Polish Lithuan. London : Routledge, 2013. P. 145.
- ⁶ *Duchhardt H.* Europa am Vorabend der Moderne. 1650–1800. Stuttgart : Verlag Eugen Ulmer, 2003. S. 67.
- ⁷ The London Journal. March 30, 1734, № 770; Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. 1880–1902. № 12. P. 186.
- ⁸ *Leszczyński S.* Głos wolny wolność ubezpieczający / Wydanie K. J. Turowskiego. Kraków : Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1858. S. 102–107, 120–131.
- ⁹ *Lukavski J. T.* Op. cit. P. 146; *Tyszczyk R.* The story of an Architect King. Stanislas Leszczyński in Lorraine 1737–1766. Bern : Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2007. P. 203.
- ¹⁰ *Hundert H. D.* Identity formation in Polish-Lithuanian Commonwealth // *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth : Poland-Lithuania in Context, 1550–1772* / Ed. by K. Friedrich, B. M. Pendzich. Boston : BRILL, 2009. P. 131.
- ¹¹ *Яковлева Т. Г.* Мазепа — гетман: в поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. № 4. 2003. С. 58–60; *Кочегаров К.* «Что делать с Украиной?»: Станислав Лещинский и гетман Мазепа в 1705 г. // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 2. С. 329–350.
- ¹² Около 1704–1705 гг. Польский проект обустройства украинских земель после возвращения их под власть Речи Посполитой // *Кочегаров К.* Указ. соч. С. 344–349.

УДК. 94

Е. А. Смирнова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Политическая деятельность профессора Владимира Матвеевича Гессена

Начав в 1905 г. «революцию умов»¹, профессора высшей школы взяли на себя двойную ответственность перед своими студентами: за получение ими образования и за развитие политического строя страны. Поиск решения проблем реформирования государства стал значимым направлением научной работы и способствовал развитию автономии вузовского сообщества. Поэтому вопрос участия петербургских профессоров в политической жизни страны в качестве депутатов Государственной Думы требует специального освещения.

В когорте шедших по этому пути выделялся Владимир (Вольф) Матвеевич (Мунишевич) Гессен — юрист, депутат Государственной Думы второго созыва, приват-доцент Петербургского университета

и Высших женских курсов, профессор Александровского лицея, Политехнического института и Александровской военно-юридической академии². Он был редактором еженедельной юридической газеты «Право», соредактором журнала «Вестник права», сотрудничал с газетами «Сын Отечества» и «Речь»³.

Владимир Матвеевич родился 13 апреля 1868 г. в еврейской купеческой семье в Одессе, перед поступлением в университет он был вынужден сменить вероисповедание на православное из-за процентной нормы на студентов иудейского исповедания. Еще в процессе получения гимназического образования у Гессена появился интерес к изучению юриспруденции, он стремился заниматься наукой, желая способствовать становлению в России правового государства⁴.

Получив гимназическое образование, будущий думец поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который окончил в 1891 г. с дипломом первой степени⁵. После этого он был вынужден уехать за границу, где «в течение трех лет усердно занимался подготовкой к магистерским экзаменам по государственному праву», слушал лекции по юриспруденции в университетах Берлина и Гейдельберга⁶.

Научная работа его была настолько плодотворной, что после возвращения в Россию в 1895 г. Гессен приступает к магистерским экзаменам и получает звание приват-доцента юридического факультета Петербургского университета. Попечителем Петербургского учебного округа он был допущен к чтению лекций по курсу «Общее учение о государстве»⁷.

В 1904 г. он входит в руководство «Союза освобождения» и становится одним из авторов проекта конституции, разработанного «Союзом»⁸. В 1905 г. Владимир Матвеевич участвует в создании кадетской партии и входит в ее ЦК. При этом он был верен принципу, что не политику нужно привносить в науку, а науку в политику⁹.

В. М. Гессен был одним из ярких ораторов и кадетским флагманом по части законопроектного творчества, настаивающим на том, что «только представительное собрание, свободно и сознательно избранное всем народом, может пересоздать Россию»¹⁰.

В составе первой Думы Гессена не было, он принимал участие в работе законодательной комиссии партии кадетов. Манифесту 6 августа 1905 г. Гессен дал следующую оценку: революция умов «является в настоящее время в России совершившимся фактом. Нравственный авторитет бюрократии, правотворческой силы современной России, утрачен ею бесповоротно и навсегда. Он утрачен ею в бесславной во-

йне с Японией». Выход Гессену виделся только один: «Власть должна быть изъята из рук бюрократии, вручена новой нравственно-авторитетной силе, пользующейся признанием народа. В существующих условиях такой силой является народное представительство, и только оно. Либо народное представительство, либо бюрократический абсолютизм, который отныне может держаться только на штыках»¹¹.

Деятельность будущей Думы представлялась Гессену весьма ограниченной. «Государственная дума имеет два права — право просьбы и право слова. Бюрократия сохраняет за собой одно право — право не внимать ни просьбам, ни слову думы»¹².

При изучении манифеста от 17 октября 1905 г. Гессен ставил вопрос, упраздняет ли он самодержавие, и в заключение он категорически отказывал Николаю II в праве называться самодержцем, поскольку в государственное право России введено конституционное начало — и оно не может быть отменено последующей волей монарха¹³. «Для нас самодержавие — символ всего нашего мрачного прошлого, векового гнета, тяготевшего и еще тяготеющего над несчастной страной»¹⁴. Когда Государственный Совет и Государственная Дума были фактически преобразованы в верхнюю и нижнюю парламентские палаты, В. М. Гессен усмотрел в этом фактическую конституцию в зачаточном состоянии: «Конституция — без названия, самодержавие — без содержания»¹⁵.

В феврале 1907 г. В. М. Гессен был избран в Думу второго созыва от Петербургской губернии по списку кадетской партии¹⁶. Его избрали в ряд комиссий: редакционную, о неприкосновенности личности, об отмене военно-полевых судов, о местном самоуправлении.

Участвуя в обсуждении вопроса о продовольственной помощи, который был рассмотрен на заседании 9 марта 1907 г., Гессен призывал «заботиться о том, чтобы накормить народ, а не сводить свои партийные счета»¹⁷, настаивая на том, что Дума должна функционировать как единый организм.

Избранный председателем комиссии о военно-полевых судах, он составил от ее имени доклад, который 12 марта 1907 г. предложил вниманию Государственной Думы. Законопроект касался отмены военно-полевых судов. О содержании его Гессен говорил с думской кафедры: «Мы желаем категорически установить невозможность существования, органическую несовместимость народного представительства, основы правового государства с военно-полевой юстицией, как его безусловным отрицанием»¹⁸. «Если мы желаем умиротворения страны всеми силами нашего разума, всеми силами совести нашей, мы должны восстать против безумной политики правительственного

террора, который толкает страну на путь террора революционного»¹⁹. Гессен открыл тем самым прения по этому вопросу и вступил в спор по правовым проблемам с П. А. Столыпиным и И. Г. Щегловитовым.

Вторая Дума просуществовала на месяц дольше, чем первая. 3 июня 1907 г. манифестом Николая II Дума была распущена. Думская деятельность В. М. Гессена продолжалась и после этого — в период работы Думы третьего созыва — уже как консультанта. Он руководил заседаниями юридического общества, посвященными критике законодательной деятельности Думы, разработке основных начал правового государства.

После «третьеиюньского» переворота В. М. Гессен продолжил читать лекции в университете, вернулся в Политехнический институт, в 1910 г. был назначен экстраординарным профессором Александровского лицея с оставлением в должности доцента политеха, где он стал ординарным (в 1917 г. — экстраординарным) профессором²⁰. С прекращением чтения лекций в 1912 г. Гессен остался при университете как председатель административного отделения юридического общества.

Как ученый, Владимир Матвеевич посвятил себя науке права в единстве трех ее направлений — государственного, международного и административного права, основателем которого он считается.

Владимир Матвеевич Гессен был уверен, что стране необходимо не спеша, но двигаться в направлении конституционного правления, к формированию и развитию правового государства. В связи с этим он осуждал и решительно критиковал всех, кто пытался затормозить движение по этому пути. Отразилось это в ряде его публикаций: «Исключительное положение» и «О неприкосновенности личности»²¹.

После октября 1917 г. научно-педагогическая и политическая деятельность В. М. Гессена в Петрограде завершилась. В 1919 г. он переехал в Ивано-Вознесенск, в надежде вернуться к делу, но проработал недолго. 14 января 1920 г. В. М. Гессен скончался от сыпного тифа.

Научная работа была для В. М. Гессена самой необходимой, но он не мог не откликнуться и на текущие запросы общественности и в практическую жизнь старался привнести итоги своих научных изысканий, которые воплотились в его деятельности в Государственной Думе второго созыва и проектах государственного реформирования.

Примечания

¹ Гессен В. М. Государственная Дума. Ч. I // Право. 1905. № 33. С. 2663.

² Гессен Владимир (Вольф) Матвеевич (Мунишевич) // Биографика СПбГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/person/134-gessen-vladimir-vol-f-matveyevich-munishovich.html> (дата обращения: 31.01.2019).

- ³ Гессен Владимир Матвеевич (Вольф Мунишевич) // Российская Еврейская Энциклопедия: Т. 1: Биографии А–К / Гл. ред. Г. Г. Брановер. 2-е изд., испр. и доп. М. : «Эпос», 1994. С. 297–298.
- ⁴ Анисимов О. В. Правоведы Петербургского университета в Государственной думе Российской империи: исторический очерк. СПб. : Лема, 2016. С. 35.
- ⁵ Окатова А. С. Учение В. М. Гессена о государстве. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2009. С. 12.
- ⁶ Гессен В. Ю. Историк Юлий Гессен и его близкие. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2004. С. 366.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Окатова А. С. Владимир Матвеевич Гессен: судьба и идеи // Вестн. Тамбов. ун-та. 2007. Вып. 2 (46). С. 88–89.
- ⁹ Макаров А. Некролог: В. М. Гессен // Дела и дни. Исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 601.
- ¹⁰ Гессен В. М. Государственная Дума. Продолжение. Ч. III // Право. 1905. № 34. С. 2765.
- ¹¹ *Его же* Государственная Дума. Ч. I // Право. 1905. № 33. С. 2663–2664.
- ¹² *Его же* Государственная Дума. Продолжение. Ч. IV // Право. 1905. № 34. С. 2774.
- ¹³ *Его же*. На рубеже. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1906. С. 207.
- ¹⁴ Там же. С. 208.
- ¹⁵ Там же. С. 232.
- ¹⁶ Партийная характеристика за подписью В. Д. Набокова // РГИА. Ф. 1278 (Государственная Дума I, II, III, IV созывов). Оп. 1. 1906 г. – 1907 г. Д. 102 (О Владимире Матвеевиче Гессене). Л. 2.
- ¹⁷ Заседание 9 марта 1907 г. // Государственная Дума, 1906–1907: стенограф. отчеты. С. 310.
- ¹⁸ Заседание 12 марта 1907 г. // Государственная Дума, 1906–1907: стенограф. отчеты. С. 360.
- ¹⁹ Там же. С. 362.
- ²⁰ Гессен В. Ю. Указ. соч. С. 368.
- ²¹ Гессен В. М. Исключительное положение. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1908. 410 с.; *Его же*. О неприкосновенности личности. СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1908. 68 с.

УДК 94(73)“1901/1953”

М. С. Тарасова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Транснациональное, этническое, локальное измерения институционализации еврейского анархизма в Филадельфии, США в начале XX в.

История миграции представляет собой важный аспект социальной истории: на протяжении многих веков люди меняли свое географическое положение, зачастую под влиянием внешних факторов, тем

самым стимулируя смешение этнических характеристик, культурных традиций, способствуя трансферу идей и мнений, которые не знают политических и географических границ. В случае истории еврейского народа миграция занимает особенно важное место: речь идет о феномене многочисленных еврейских диаспор, обуславливающих особый исторический путь складывания еврейской идентичности. Для евреев-мигрантов этот путь был особенно комплексным, трехступенным. Их мировоззрение формировалось по особой траектории, с одной стороны, под влиянием принадлежности к еврейской культуре, культивируемой, хотя и в разной степени, в условиях семьи и ближайшего окружения; с другой стороны, под воздействием культурного и социально-политического фона страны происхождения; с третьей — в условиях реалий принимающей страны, а также личных переживаний, связанных с миграционным опытом.

Этот опыт ученые называют поворотным, даже «переворотным» также для трех сторон: для самих мигрантов, для групп, которые они покидают, и для тех, к которым они присоединяются в процессе миграции¹. Именно в связи с важностью индивидуального измерения изучение трансформации и адаптации идей, как социальных, так и политических, в условиях миграции целесообразно на микроуровне: уровне отдельных индивидов и институтов. Одним из таких случаев, ключевых как в еврейской истории, так и в мировой истории политической мысли, является феномен институционализации анархического движения начала XX в., получившего четкое этническое оформление в условиях «плавильного котла» Соединенных Штатов Америки. Данная статья предлагает проследить основные этапы объединения анархистов² еврейского происхождения, проживавших в городе Филадельфия, столице американского штата Пенсильвания, в организованные институты, проанализировав их с точки зрения миграционного опыта активистов.

Период конца XIX – начала XX вв. в Российской империи и государствах Европы стал свидетелем волны набиравшего популярность в общественных кругах антисемитизма, которая привела к ужесточению притеснений еврейского населения, учащению еврейских погромов и репрессий. Эта перемена стала основной причиной интенсификации миграционных потоков европейских евреев, в частности, в западном направлении, в Соединенные Штаты Америки: между 1881 и 1914 гг. еврейское население страны возросло с 250 тыс. до 3 млн человек, а Российская империя явилась основным «поставщиком» еврейской иммиграции новой волны (71,6 % иммигрантов еврейского проис-

хождения)³. Организуясь в локальные сообщества, новые эмигранты (в т. ч. вынужденные: часть восточноевропейских и, в частности, русских евреев отстаивали леворадикальные идеи и стали жертвой политических преследований⁴), тем не менее, сохраняли связь с родиной, на новом месте предпринимая действия для помощи соотечественникам. Одним из выдающихся примеров таких сообществ стало еврейское анархическое движение в штате Пенсильвания — традиционно популярном пункте назначения для еврейской эмиграции, центре сталелитейной и угольной промышленности⁵, месте сосредоточения многочисленных заводов и фабрик и проживания рабочих, массово разделявших идеи левого толка. Уже в 1836 г. столица штата Пенсильвания Филадельфия лидировала по числу профессиональных союзов рабочих в Соединенных Штатах: она насчитывала 58 тред-юнионов по сравнению с 52 в Нью-Йорке, соседний же город Питтсбург по количеству профсоюзов (13) был практически равен Цинциннати, индустриальному центру штата Огайо (14)⁶. В Филадельфии также с 1882 г. функционировала Ассоциация защиты еврейских иммигрантов, упрощавшая процесс их адаптации к американским реалиям⁷.

Именно евреи составляли большинство анархистов Филадельфии конца XIX — начала XX вв.⁸. Информационный обмен, активность анархических групп Северной Америки, выступления русско-еврейских активистов Эммы Гольдман и Александра Беркмана, а также известного мыслителя анархизма Петра Алексеевича Кропоткина⁹ стали причиной побуждения сторонников леворадикального течения развить его до уровня полноценного института, который позволил бы вести более эффективную пропагандистскую образовательную деятельность.

Так, в 1905 г. по инициативе русского еврея в эмиграции Джозефа Коэна новую жизнь получила Радикальная библиотека Филадельфии (Radical Library in Philadelphia). Институт перенял название существовавшей с 1895 г. библиотеки под руководством Наташи Ноткин¹⁰, однако качественно отличался от нее, являясь филиалом еврейского профсоюза «Круг рабочих людей» (Workmen's Circle). Библиотека Коэна была больше, чем просто хранилищем книг: это был «один из важнейших центров интеллектуального радикального движения» начала XX в.¹¹, «место, где молодые революционные элементы нашли свой духовный дом, получили стимул для активной работы в трудовом, либертарном движении Америки»¹². На базе Радикальной библиотеки, также под руководством Коэна, в 1910 г. начал функционировать филиал анархической Современной школы Феррера, так-

же «культурный магнит, привлекавший разнообразные сообщества реформаторов, свободных мыслителей и революционеров»¹³. Так, институт Коэна стал настоящим социальным центром, своего рода сообществом взаимопомощи евреев в эмиграции, члены которого могли рассчитывать на поддержку в решении житейских проблем, адаптации к новой культуре, обучении английскому языку, необходимому для заработка в Соединенных Штатах¹⁴, и т. д. Но подобная помощь на практике предполагала прохождение новыми иммигрантами ряда своеобразных «обрядов перехода»: наряду с английским языком выучить идиш (не все этнические евреи говорили на нем ранее), принять идеи анархизма (движение знает ряд случаев конвертации политических взглядов), участвовать в подготовке и проведении пропагандистских и фандрайзинговых мероприятий. Ярким примером такого перехода является опыт ссыльного секулярного еврея Бориса Еленского, уроженца Кубанской области Российской империи. Активный сторонник большевистской фракции социал-демократов и участник Новороссийского совета рабочих депутатов в 1905 г., он был подвержен опасности политического преследования и вынужден бежать в Филадельфию в 1908 г., где, став членом Радикальной библиотеки, впервые обучился идишу и английскому языку, принял идеи анархизма, которые впоследствии сформировали его как одну из ключевых фигур анархического движения в Северной Америке.

Еленский, наряду с товарищами по Радикальной библиотеке, стоял у истоков создания открывшегося в 1911 г. местного отделения международной сети Анархического Красного Креста (Anarchist Red Cross). АКК, существовавший в Лондоне с 1905 и в Нью-Йорке с 1907 гг., был сообществом анархистов умеренного толка, оказывавшим адресную материальную и моральную помощь политзаключенным-анархистам в России. Русские анархические узники и каторжники, согласно свидетельствам, не получали ни копейки от функционировавшей в начале XX в. международной сети Политического Красного Креста, неангажированной на словах, однако на деле поддерживавшей исключительно социал-демократов¹⁵. АКК Филадельфии всерьез взялся за работу по сбору средств для заключенных и каторжан, проводя балы и организуя платные публичные лекции известных анархистов, поддерживая прямые контакты с нью-йоркским и лондонским отделениями для перевода финансов, и успешно функционировал вплоть до формирования сети в 1917 г. с падением царского режима в России.

Таким образом, деятельность филадельфийских анархистов еврейского происхождения на первый взгляд представляет собой па-

радокс: ввиду значительной роли еврейской культуры и ориентированности групп на помощь жертвам политических репрессий именно в Российской империи, их можно квалифицировать как носителей определенной этнической, даже национальной контркультуры, с помощью которой происходило противопоставление ими себя широкой американской общественности и определение собственной идентичности¹⁶. И тем не менее, несмотря на серьезную привязку к корням и к национально-этнической составляющей, позиция сообщества не противоречила идее космополитизма и отказа от концепции национального государства, лежавшей в основе идеологической парадигмы анархизма¹⁷: и Радикальная библиотека, и филладельфийское отделение АКК, институционализировавшие работу сообщества по оказанию помощи, активно сотрудничали с коллегами-анархистами из других стран (Великобритания, Швейцария, Нидерланды¹⁸), а также с местными умеренно левыми активистами, как американцами, так и сообществами мигрантов из Германии (Союз работников пивоваренного завода)¹⁹, Италии²⁰: они предоставляли помещения и предлагали поддержку в организации мероприятий. Постепенно диверсифицировалась и целевая аудитория оказываемой помощи: евреи-анархисты Филадельфии поддерживали жертв Мексиканской революции, развернувшейся в 1910-х гг.; впоследствии же фонды помощи, воссозданные бывшими активистами АКК Филадельфии, в частности Группа свободного общества (Free Society Group) и Фонд помощи Александра Беркмана, будут оказывать помощь анархическим элементам в Гражданской войне в Испании 1936–1939 гг.²¹, а Еврейский комитет по труду (Jewish Labor Committee) — способствовать эвакуации жертв Холокоста во время Второй мировой войны²². Так, видимое отклонение новых американских евреев от «анархической нормы» на деле не означало отхода от идеологии анархизма, но свидетельствовало о необходимости корректировки характера деятельности сообщества в зависимости от условий миграционного опыта его членов, а также от политических изменений и условий как в месте происхождения, так и в стране пребывания. Это сосуществование явно выраженных национально-этнического и транснационального аспектов делает случай еврейского анархического сообщества в Филадельфии заслуживающим особого внимания как место проявления индивидами патриотических чувств, реконструкции собственной этнической и национальной идентичности и укрепления традиции взаимопомощи, выделяя его на фоне общего социально-политического климата американского общества начала XX в.

Примечания

- ¹ *Felici I.* Anarchist as Migrants // Bantman C., Altena B. (eds). *Reassessing the Transnational Turn: Scales of Analysis in Anarchist and Syndicalist Studies*. New York : Routledge, 2015. P. 83–100.
- ² Согласно современнику изучаемого периода Франку Бону, анархист — противник «любой существенной управляющей общественной организации», «любого правительства». Так, под анархистами понимаются сторонники анархизма, основанного на политической мысли М. Бакунина и П. Кропоткина и предполагающего создание общества, свободного от центральных управляющих организмов, привилегий, институциональных сдержек. См. *Bohn F.* Some definitions // *The International Socialist Review*. 1912. Vol. XII. No. 11, May. P. 747.
- ³ *Berman M.* The Attitude of American Jewry Towards East European Jewish Immigration, 1881–1914. New York : Arno Press, 1980. P. 17.
- ⁴ Такими, например, были судьбы австро-венгерского анархиста Гарри Вайнштейна (эмигрировал в США в 1907 г.), русских социал-демократа, впоследствии анархиста Бориса Еленского (1908), анархиста Морриса (Мойше) Березина (1911). См. *Yelensky B.* In the Struggle for Equality: the History of the Anarchist Red Cross. Chicago : A. Berkman's Aid Fund, 1958. 96 p.
- ⁵ *Рудь П.* 20 лет русского анархического движения в Питтсбурге и окрестностях (Воспоминания участника) // Дело труда. Чикаго. 1937/38. № 100. С. 59–61.
- ⁶ *Weinstein B.* Jewish Labor Unions in America: Pages of History and Memories. Cambridge, UK : Lightning Source for Open Book Publishers, 2018. P. 35.
- ⁷ Our History. HIAS Pennsylvania. Undated [Electronic resource]. URL: <http://hiaspa.org/about-us/legacy> (дата обращения: 09.01.2019).
- ⁸ *Helms R.* Weinberg's World: An Introduction // Weinberg Ch. L. *Forty Years in the Struggle: the Memoirs of a Jewish Anarchist*. Duluth, Minnesota : Litwin Books, LLC, 2008. P. IX.
- ⁹ *Avrich P.* Kropotkin In America // *International Review of Social History*. 1980. Vol. 25. No. 1. P. 1–34.
- ¹⁰ *Goldman E., Falk C.* Emma Goldman: Making Speech Free, 1902–1909. Berkeley : University of California Press, 2003. P. 459.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 1129 (Кропоткин Петр Алексеевич, князь, теоретик анархизма, географ, исследователь Восточной Азии). Оп. 2 (Переписка П. А. Кропоткина. 1857–1921 гг.). Д. 294 (Письмо группы анархистов «Красный крест» в Филадельфии с просьбой сообщить причину образования организаций помощи заключенным-анархистам, 1912 г.). Л. 1.
- ¹² [Untitled]. A tribute to Boris Yelensky from his friends and colleagues on his 60th birthday / Radical Library, W. C. Branch 273. Chicago: International Printing Company, 1949. P. 22.
- ¹³ *Shor F.* Cultural Identity and Americanization: The Life History of a Jewish Anarchist // *Biography*. 1986. Vol. 9. No. 4 (Fall 1986). P. 336.
- ¹⁴ В частности, бесплатные уроки английского языка вновь прибывшим давали местные жители — активисты анархического движения, наиболее известной из которых является уроженка штата Мичиган Вольтарина де Клер. См. *Avrich P.* *An American Anarchist: the Life of Voltairine de Cleyre*. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1978. 266 p.
- ¹⁵ *Yelensky B.* In the Struggle for Equality...
- ¹⁶ *Avrich P.* L'anarchisme juif aux États-Unis // *À contretemps*. 2009. № 35, septembre.
- ¹⁷ *Kinna R.* Kropotkin's Theory of the State: a Transnational Approach // Bantman C., Altena B. (eds). *Reassessing the Transnational Turn: Scales of Analysis in Anarchist and Syndicalist Studies*. New York : Routledge, 2015. P. 43–61.
- ¹⁸ [Без названия]. Буревестник. 1907. Сентябрь–октябрь. №№ 6–7. С. 20.
- ¹⁹ *Yelensky B.* In the Social Storm: Memoirs of the Russian Revolution. Buenos Aires : Bukhge-meinschaft bei der Yidisher Ratsionalistisher Gezelshaft, 1967.

²⁰ *Avrich P.* Anarchist Voices: An Oral History of Anarchism In America. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1996. P. 223.

²¹ Emma Goldman papers. Box: Correspondence with others. 1903, 1907–1939 and n. d. Inv. no. 172, f. 20360, Yelensky, Boris. — Free Society Group, Committee to help the Spanish workers and their cause. (Chicago, Illinois, USA). March 20, 1937. International Institute of Social History, Amsterdam.

²² *Yelensky B.* In the Struggle for Equality...

УДК 93/94(=411.16)

М. Ю. Крапивин

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

«Ознакомившись с докладной запиской тов. Бреннера по делу сионистов, позволяю себе сделать несколько замечаний»: нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин о негативных последствиях репрессий против сионистов для международного престижа советского государства, 28 июня 1920 г.*

Начиная с лета 1918 г. ЦБЕ¹ неоднократно ставило перед высшими партийно-государственными инстанциями вопрос о запрете деятельности (по сути, о ликвидации) РСО и всех обществ, находившихся под ее непосредственным влиянием и фактическим контролем.

Суть «претензий», предъявлявшихся ЦБЕ к международному и российскому сионизму (правого толка) сводилась к следующему: 1. Сионистские организации во всех странах (РСО в том числе) руководятся из общего центра, который состоит в определенных договорных отношениях с английскими империалистами. Палестинская идея заставляет ВСО ориентироваться на победу мирового империализма, лишает ее возможности отказать Великобритании в предоставлении тех или иных услуг². В международном плане это находит свое выражение в формировании отрядов вооруженных легионеров из числа активистов сионистских партий, оказывающих помощь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00299 А.

британским колонизаторам в эксплуатации туземного населения и подавлении арабского освободительного движения. С точки зрения внутрироссийского расклада сил, сионисты вынуждены проявлять заинтересованность в победе Деникина как союзника Антанты. Тем самым палестинская политика делает РСО орудием в руках союзнического империализма в его борьбе против пролетарской революции в условиях гражданской войны и международной интервенции. 2. Несбыточные иллюзии по поводу Палестинского государства, интенсивная эмигрантская агитация уводят еврейское население от реального варианта решения еврейского вопроса в РСФСР, лишают народное хозяйство рабочих рук, а Красную Армию — потенциальных призывников (внушая молодежи мысль о России как о чужбине, фактически, склоняя ее к дезертирству). Поэтому сионистская пропаганда объективно вредна. 3. РСО мешает распространению коммунистических идей на «еврейской улице», ее политика направлена на сохранение позиций мелкой, средней и даже крупной еврейской буржуазии, а также на поддержку религиозных начал (в т. ч. в процессе школьного образования и воспитания). Практические действия РСО, обладающей многомиллионными суммами, во многих случаях противоречат распоряжениям советских властных органов и функционально подменяют деятельность соответствующих государственных структур.

Однако руководство ВЧК, по крайней мере, до осени 1919 г. противилось, из прагматических соображений, репрессивным инициативам ЦБЕ в отношении РСО. Несовпадение позиций сторон в протоколе заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 16 июля 1919 г. (прот. б/№, п. 7) описывалось предельно лаконично: председатель ЦБЕ «т. Диманштейн поднимает вопрос о существовании сионистских обществ, ведущих антисоветскую агитацию. Тов. Дзержинский предлагает дать конкретный материал о существующих в различных городах обществах[,] чтобы иметь возможность привлечь их за агитацию; декрета о прекращении их деятельности не издавать»³.

Вместе с тем, секретарь ЦК РКП(б) Н. Крестинский в августе 1919 г. предупредил сионистских лидеров в ходе личной встречи, что терпение Советской власти не безгранично. Отношение к сионистам правого толка — часть отношения РКП(б) к некоммунистическим партиям, разъяснялон. Середины здесь быть не может. Большевики не имеют ничего против палестинских планов, но не потерпят прямой контрреволюции (маска псевдонейтральности РСО в данном случае не поможет)⁴.

1–2 сентября 1919 г. были проведены обыски «профилактического характера» в помещениях ЦК РСО в Петрограде и Москве. И хотя

результаты операции оказались минимальными («гостей» ждали, и бумаги были заблаговременно вывезены)⁵, уже 8 сентября 1919 г. С. М. Диманштейн выступил перед Оргбюро ЦК (прот. 6/№, п. 12) с сообщением «об арестах сионистов»⁶ и «о их связи с Антантой»⁷. Однако предложение докладчика начать широкомасштабные репрессии в отношении РСО вновь поддержки не получило. На следующий день, 9 сентября 1919 г., члены ЦБЕ на своем заседании (прот. № 18, п. 1) с горечью констатировали, что «настроение большинства Ц.К. против нас; там считают нашу борьбу с сионистами старым партийным спором и сведением старых счетов между Бундом и сионистами; опасаются протеста еврейского народа в России и во всем мире против Советской власти. Гласного процесса создать не удастся. Т. ДИМАНШТЕЙНУ пришлось выдержать нападки со всех сторон, ему предложено через неделю представить подробный доклад о материалах[,] найденных при обысках»⁸.

По прошествии еще полугода, 13 февраля 1920 г., Оргбюро (прот. заседания 6/№, п. 5), заслушав «доклад т. Диманштейна о сионистах в связи с запросами чрезвычайных комиссий о необходимости принятия строгих мер по отношению к сионистам, в виду ясно выраженной конт[р]революционной их деятельности», приняло решение: «а) Оставить в силе прежнее постановление Оргбюро; б) указать еврейским секциям, чтобы они не брали на себя функции Ч.К.»⁹.

Ситуация вокруг РСО резко изменилась весной–летом 1920 г. 23 апреля 1920 г. в столице оперативниками были задержаны и препровождены в тюрьму несколько десятков делегатов и гостей (более 70 человек) Всероссийского сионистского съезда (конференции), устроенного в помещении Московской хоральной синагоги. Непосредственной причиной ареста, согласно позднейшим заявлениям СО ВЧК, была обеспокоенность той атмосферой «полной секретности», с которой это мероприятие было обставлено (отсутствием официального разрешения на его проведение)¹⁰.

Вслед за столицей по телеграмме из центра, датированной 29 апреля 1920 г., в Петрограде и других городах были произведены обыски в помещениях РСО, на квартирах партийных активистов и делегатов Московского съезда¹¹. В результате были обнаружены документы, свидетельствовавшие, согласно официальной версии, о нелояльном отношении сионистов к Советской власти, что давало основание к применению против них прямо репрессивных мер¹².

6 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б), признав действия ВЧК правильными, постановило (прот. заседания № 7, п. 11): «подготовить для

опубликования материал[,] компрометирующий членов съезда. Поручить Сталину переговорить с Диманштейном о необходимости привести в соответствие политику в еврейском вопросе с нашей общей национальной политикой»¹³. Это означало, что тактика особого, более или менее терпимого отношения к сионизму как специфической форме еврейского национального движения себя исчерпала и должна уступить более жестким методам подавления, обычно практиковавшимся в отношении контрреволюционных организаций¹⁴.

Все попытки ЦК РСО посредством письменного обращения в высшие государственно-партийные инстанции опровергнуть как необоснованные обвинения в проанглийских симпатиях (дескать, никаких официальных контактов с представителями Антанты не имели; все 23 года работы в России занимали аполитичную позицию, выстраивая отношения с любой властью с учетом отношения самой власти к проблеме антисемитизма; ни в одном официальном документе РСО или Лондонского бюро ВСО ни разу не было сказано ни слова против советов), а также доказать незаконность произведенных в московской синагоге арестов (приглашения рассылались открыто по телеграфу; многие делегаты получили официальный пропуск на сионистский съезд от местных властей и губЧК и т. д.)¹⁵ оказались безуспешными.

Следствие в рамках уголовного дела, заведенного по факту ареста нелегального сионистского съезда, продолжалось до лета 1920 г. одновременно в обеих столицах¹⁶. Во второй половине июня 1920 г. СО ВЧК разослал в заинтересованные ведомства на согласование текст «Докладной записки»¹⁷, подготовленной уполномоченным СО ВЧК М. В. Бренером¹⁸, содержание которой позднее им было положено в основу текста Обвинительного заключения по делу сионистов от 29 июня 1920 г.¹⁹

24 июня 1920 г. ЦБЕ на своем заседании утвердило резолюцию следующего содержания: «а) Обсудив в связи с разбором следственного материала процесса сионистов отношение к сионистской организации[,] Ц.Б., <...> считает необходимым совершить полную ликвидацию гласным распоряжением Власти деятельности сионистск[ой] организации; б) Ц.Б. находит, что следственный материал вполне подтверждает виновность руководящей группы сионистск[ой] организации, почему эта группа должна получить обвинительный приговор; всех остальных необходимо немедленно освободить»²⁰.

Прагматическая линия поведения НКВД РСФСР, формировавшаяся с учетом внешнеполитического фактора (обострение международной обстановки, угроза военных конфликтов, борьба за междуна-

родный престиж советской власти, необходимый для ее выживания и экспансии ее идеологии), кардинально отличалась от непримиримо-наступательной позиции ЦБЕ.

28/VI 1920

11/597

В ПРЕЗИДИУМ В.Ч.К.

Ознакомившись с докладной запиской тов. Бреннера по делу сионистов, позволяю себе сделать несколько замечаний. Вся характеристика сионизма в международном масштабе в этой записке страдает тем основным дефектом, что сионизм представляется как нечто однородное и единое, могущее быть охарактеризованным на основании выступлений отдельных сионистов и групп сионистов²¹. В действительности, един[о]го сионизма нет, а есть разнообразнейшие группы, организационно весьма слабо связанные между собой, отчасти же совсем не связанные. Есть сионисты-анархисты, есть сионисты — индустриальные рабочие мира, есть сионисты-коммунисты. Когда в Англии правые сионисты вербовали добровольцев в Палестинские Легионы, против них боролись Ист-Эндские крайние левые группы сионистов, и создатель легионов Жаботинский²² подвергался избиениям на митингах в Уайтчепеле. Когда правые сионисты поддерживали требование правительства о вступлении евреев — эмигрантов из России в Английскую Армию, даже поалей-сионисты яростно против них боролись. Я мог бы написать такой же внушительный доклад, доказывая относительно сионистов диаметрально-противоположное. По отношению к России я тщательно искал в докладе фактов, раскрывающих нынешнюю конт[р]революционную деятельность сионистов²³. Что же касается их агитации з[а]границей²⁴, то именно националистическая еврейская буржуазия и в особенности видные сионисты как Брандес²⁵ являются теперь сторонниками примирения с Советской Россией. Эти именно элементы сознают и громко говорят, что повсюду в Восточной Европе евреи подвергаются самым ужасным гонениям, кроме Советской России, и что конт[р]революция у нас началась бы с истребления еврейства. Именно сионисты распространяли повсюду материалы об ужасающих погромах белогвардейцев, Петлюры и поляков. Америка послала в Польшу анти-сиониста Моргантау²⁶ для того, чтобы его доклад противопоставить агитации сионистов и вообще еврейских националистов на тему об ужасах еврейских погромов в Польше. Еврейская националистическая буржуазия есть элемент, толкающий к снятию блокады. Дружественная нам позиция Якова Шиффа²⁷ в Америке засвидетельствована т. Ломоносовым²⁸. Принятие нами каких-либо мер против сионистов, как сионистов, крайне вредно отразится на нашем нынешнем международном положении, будет использована нашими яростнейшими врагами и ослабит позицию толкающих к снятию блокады еврейских элементов.

Пусть преследуются отдельные сионисты за свои индивидуальные преступления, но не в качестве сионистов. Мы уже получали протесты от Оскара Кона²⁹ и других, и теперь от находящихся здесь американско-еврейских представителей³⁰. Международный эффект мероприятий против сионистов, как таковых, будет крайне нежелательный.

Народный [к]омиссар [п]о [и]ностранным [д]елам³¹

Предостережения НКВД от 28 июня 1920 г. на самого М. В. Бренера воздействия не возымели. Текст подготовленного им Обвинительного заключения от 29 июня 1920 г. заканчивался предложением «Сионистскую организацию признать конт[рр]еволюционной и ликвидировать».

В тот же день Президиум ВЧК (протокол заседания 6/№, п. 1), констатируя, что действия Центрального комитета РСО в период после Октябрьской революции должны быть признаны «конт[рр]еволюционными и враждебными Советской власти», приговорил 7 человек из числа руководящего состава РСО к принудительным работам на срок от полугода до 5 лет (без лишения свободы); один человек был освобожден от наказания по возрасту и состоянию здоровья. Одновременно было заявлено, что «в виду укрепления Советской власти и миновании непосредственной опасности е[ё] существованию» возможно применить к сионистам, проходившим по делу, «амнистию 1 мая 1920 года», взяв «со всех освобожденных <...> подписку о воздержании от антисоветских выступлений» (устных или печатных)³². Вместе с тем, о ликвидации РСО в постановлении Президиума ВЧК речи не шло.

В июле 1920 г. III-я [Всероссийская] конференция еврейских коммунистических секций РКП(б), в очередной раз указав, что РСО со всеми своими фракциями и группами, контролируемые ею культурными и экономическими учреждениями, скрывающимися под маской нейтральности, представляет собой единый полулегальный центр, собирающий вокруг себя все элементы еврейского общества, в силу своего социального положения недовольных экономической политикой советской власти, потребовала покончить с колебаниями в отношении сионистов правого толка³³.

Однако никакого официального решения по государственной линии относительно дальнейшей судьбы РСО в РСФСР так и не было выработано.

1 июля 1920 г. на места было разослано Циркулярное письмо ВЧК № 5, содержавшее практические рекомендации, направленные

на достижение цели минимизации активности сионистского движения. В нем, в частности, говорилось: **«Методы борьбы.** Заключаются: 1) В идейной борьбе, которая поручается еврейским коммунистам. Очень желательно, чтобы и русские товарищи принимали участие в этой работе, ибо сионизм — есть фактор, выходящий далеко за пределы внутреннего еврейского вопроса. 2) В разгромлении этой организации, что однако не должно выходить из следующих рамок: а) наблюдение и регистрация, б) воспрепятствование общих собраний, (не давать помещения), а поскольку обнаруживаются неглас[н]ые сборища — под разными предлогами срывать их, задержав на 24 часа участников, после чего освободить. Обо всех таких случаях срочно сообщать телеграммой в центр, в) переписку о сиони[ст]ском движении перехватывать и в зависимости от представляемого ими интереса, либо пересылать в центр, либо оставлять в ЧК не доставляя адресату, г) не выдавать пропусков для проезда по ж. д. по мандатам сиони[ст]ских организаций и ея развет[вл]ений, как например: «Герцлия», «Кадима», «Ля-Ахуза», «Маккаби» и др. Не чинить однако, препятствий сионистам[,] едущим по мандатам Советских учреждений, д) постепенно под разными предлогами занимать их помещения, мотивируя это необходимостью для военных и других учреждений. В общем[,] поставить дело разгрома так, чтобы официально не декретировав нелегальность этой организации, фактически препятствовать и парализовать всю ее деятельность»³⁴.

В директивной части Циркулярного письма ГПУ № 23 «Сионисты» от 30 мая 1922 г. речь шла о том, что: «Наша дальнейшая тактика в работе по сионистам, должна неуклонно и последовательно базироваться на следующих принципах: 1) решительная борьба с буржуазным сионизмом в целом; 2) не допускать легального существования или легализации какой бы то ни было группы или фракции сионистов, кроме легально существующих Е.К.П. и Е.С.Д.Р.П. «Поалей-Цион». П р и м е ч а н и е. Прекращение легального существования той или иной сионистской организации или отказ в легализации органами ГПУ должно производиться особенно тактично, а там, где имеются евсекции Р.К.П.[,] в тесном контакте с ними. Нам приходится учесть то обстоятельство, что в Западной Европе сионизм рассматривается не как буржуазно-классовое, а как национальное движение»³⁵.

После ареста участников Московского съезда (конференции) руководство РСО переместилось в Москву, где образовалось нелегальное Центральное бюро во главе с Е. М. Чериковером³⁶. В его работе участвовали и остававшиеся в стране члены Петроградского ЦК.

Трудность нелегальной работы для РСО состояла в том, что его руководители, представители среднего класса и интеллигентских кругов, были мало привычны к работе в подполье. Неудивительно, что большинство признанных лидеров сионистского движения эмигрировало из России. Их место постепенно занимала молодежь, готовая к тяготам нелегального существования при советском режиме³⁷.

Примечания

- ¹ Структура еврейских коммунистических секций, возглавлявшаяся Центральным бюро при подотделе национальных меньшинств Агитпропотдела ЦК РКП(б), оформилась летом–осенью 1918 г. (председатель ЦБЕ — С. М. Диманштейн) и просуществовала до января 1930 г. Ее главной функцией была организация работы по коммунистическому воспитанию еврейских трудящихся на родном для них языке с целью вовлечения масс в социалистическое строительство. ЦБЕ руководило деятельностью евбюро на местах, а также соответствующими отделениями при Наркомнаце, Наркомпросе, Главполитпросвете.
- ² Подразумевалась обнародованная 2 ноября 1917 г. британским правительством Декларация Бальфура, в которой выражалось сочувствие идее создания «в Палестине национального очага для еврейского народа» и озвучивалось обещание «приложить все усилия для содействия достижению этой цели».
- ³ РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС), 1898, 1903–1991). Оп. 112 (Организационное бюро и Секретариат ЦК РКП(б), VII–XII созывы, янв. 1919 — дек. 1925 гг.). Д. 6. Л. 85.
- ⁴ *Schechtman J. B. Zionism and Zionists in Soviet Russia: Greatness and Drama*. N. Y. : Zionist Organization of America, 1966. P. 20.
- ⁵ АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-41265 (Архивно-уголовное дело «Сионистская организация», 1918–1921); в 2 т. Т. 1. Л. 76; Т. 2. Л. 300об., 301 и др.
- ⁶ Члены ЦК РСО Ю. Д. Бруккус, С. К. Гепштейн, А. О. Зайденоман и др. примерно месяц находились под арестом («Список арестованных за принадлежность к Сионистской [о]рганизации» (приложение к тексту Докладной записки Московского городского комитета Сионистской организации) [ранее 19 сентября 1919 г.] // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86 (Бюро секретариата ЦК РКП(б), 1918–1934). Д. 246. Л. 237).
- ⁷ Там же. Оп. 112. Д. 8. Л. 11.
- ⁸ РГАСПИ. Ф. 445 (Центральное бюро еврейских коммунистических секций при ЦК ВКП(б), 1918–1930). Оп. 1. Д. 1. Л. 50.
- ⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 112. Д. 13. Л. 25.
- ¹⁰ Дело сионистов. От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии сообщение (б/д) // Там же. Ф. 445. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 20–20об. (Типографский и машинописный тексты).
- ¹¹ Телеграмма ВЧК в ПетрогубЧК № 10925 от 29 апреля 1920 г. // АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-41265; в 2 т. Т. 1. Л. 125; Телеграмма СО ВЧК в ПетрогубЧК от 10 мая 1920 г. // Там же. Т. 2. Л. 522 и др.
- ¹² Дело сионистов. От Всероссийской Чрезвычайной Комиссии сообщение (б/д) // РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 20–20об.; Известия ВЦИК. 1920. 16 мая; и др.
- ¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163 (Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ЦК ВКП(б) (подлинники постановлений и материалы, стенограммы некоторых заседаний Политбюро), 1919–1952). Д. 62. Л. 1об.
- ¹⁴ *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М. : Международные отношения, 2003. С. 70.
- ¹⁵ Заявления «ЦК Сионистской организации в России» (май–июнь 1920 г.): а) «Заявление по делу сионистов» от 21 мая 1920 г. б) «Краткая записка по делу сионистов» от 17 июня

- 1920 г.; в) «Приложение к “Ответу на официальное сообщение об аресте сионистов”» [статья члена Исполкома ВСО И. Гринбаума, 1920 г.] (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 233. Л. 1–11; ГАРФ. Ф. А-353 (Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР), 1917–1963, 1970–1991). Оп. 4 (Наркомат юстиции РСФСР, 1920–1922). Д. 3 (Заключения Наркомата юстиции по проектам декретов, постановлений и положений о реорганизации судебных органов, народном суде и др., переписка с ВЦИК, СНК, ВЧК о Московской сионистской партии, о подследственных и арестованных, исполнении приговоров, применении амнистии и изменении меры наказания, заявления отдельных лиц, об освобождении из-под ареста и смягчении меры наказания. Январь 1920 – 30 октября 1920). Л. 115; Ф. Р-130 (Совет народных комиссаров РСФСР (СНК РСФСР) – Совет министров РСФСР, 1917–1991). Оп. 4 (1920 г.). Д. 253 (Заявление по делу сионистов, приложение к ответу на официальное сообщение об аресте сионистов и переписка об ускорении следствия над отдельными членами организации, 9 июня – 30 сентября 1920). Л. 6–60б., 16–250б.).
- ¹⁶ ПетрогубЧК. «Заключение по делу № 1851 — 1920 года» от 10 октября 1921 г. // АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-41265: в 2 т. Т. 1. Л. 271.
- ¹⁷ Чистового текста Докладной записки пока обнаружить не удалось, в архивах отложились только рабочие, черновые материалы, в большей или меньшей степени отличающиеся (по структуре и содержанию) от итогового текста Обвинительного заключения по делу сионистов от 29 июня 1920 г. (РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–110б.; Д. 22. Л. 50–510б. и др.).
- ¹⁸ Бренер (Бреннер) Моисей Вульфович (1887–1971). Из бедной еврейской семьи Ковенской губернии. В шестилетнем возрасте остался круглым сиротой. Окончил два класса начального еврейского училища в городе Двинске Витебской губернии (ныне Даугавпилс, Латвийская республика). С 14 лет трудился на складе, потом на кожевенном заводе; с 16 лет — на табачных фабриках и в доках Лондона, Христиании (ныне Осло) и Стокгольма, где овладел разговорным английским, немецким и норвежским языками. После Февральской революции вернулся в Россию. Служил переводчиком в Русско-Американской торговой палате (1917–1918), сотрудником газеты «Дер-Эмес» («Правда») — первого печатного органа ЦК РКП(б) на еврейском языке (1918–1919). Член РКП(б) с 1919 г. В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ с 1920 г. Уполномоченный СО ВЧК с 5 марта 1920 г. С 6 ноября 1920 г. (с момента создания в СО ВЧК т. н. спецотделений) — уполномоченный I отделения (сионисты) СО ВЧК. С 14 января 1921 г. — нач. I-го отделения (анархисты) СО СОУ ВЧК. с 23.05.1921 г. — уполномоченный XI отделением СО ВЧК (оставался в этой же должности по сведениям на 28 июля 1921 г.). С 12 июня 1922 г. начальник VIII-го отделения СО ГПУ М. В. Бренер был переведен в резерв назначения Адмтдела ГПУ. С августа / сентября 1922 г. по 1 февраля 1923 г. — начальник информационно-агентурного отдела Экономического управления ГПУ. В феврале 1923 г. по личной просьбе был переведен во Владивосток, в Полномочное представительство ГПУ по Сибири. В апреле-мае 1923 г. — снова в резерве Административного отдела ГПУ. 5 мая 1923 г. был откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б). Временно возвращался на работу в центральный аппарат ОГПУ в 1933–1934 гг.
- ¹⁹ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 36–410б. Заверенная машинописная копия с обильной рукописной правкой. Подпись М. В. Бренера — автограф. Рукописная помета (Л. 36): «Копия в Ц.Б. Евсекций Р.К.П.». Опубликовано с неверным архивным шифром (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1. Л. 2–15) и пропусками в тексте (*Локиши А. Е.* «Сионизм приобретает очень опасный характер в момент роковой схватки пролетариата с буржуазией в мировом масштабе». У истоков борьбы с сионистским движением в Советской России // Евреи Европы и Ближнего Востока: традиция и современность. История, языки, литература. Материалы международной научной конференции 17 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин; Петербургский ин-т иудаики. СПб. : б. и., 2016. 414 с. (Труды по иудаике. Сер. «История и этнография». Вып. 11). С. 204–220).

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65 (Общий отдел ЦК РКП(б), 1918–1921). Д. 92. Л. 96.

²¹ «Если придерживаться точного смысла сионистских о[ф]фициальных докладных записок, к чему они так убедительно призывают, то нужно полагать, что одним из таких о[ф]фициальных документов является также и самый устав Российской сионистской организации. В п. I “Устава” говорится: “Сионистская организация в России входит в состав Всемирной Сионистской Организации” и[,] разумеется само собой, что первая как составная часть, подчиняется директивам целого. <...> В противовес классовой идеологии пролетариата и его интернационалистических методов борьбы, сионизм выставил лозунг национального единения, основанного на общности вековых страданий для всех групп и классов еврейского народа, как целого и неделимого». (Заключение по делу сионистов[.] арестованных 23 апреля 1920 г. // Там же. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 37об.).

²² Жаботинский Владимир (Зеев; Vladimir [Ze'ev] Jabotinsky; 1880, Одесса – 1940, Нью-Йорк) — писатель и публицист, один из лидеров сионистского движения. Получил русское образование и первоначально был далек от еврейских национальных проблем. Погромы, прокатившиеся по России в 1903–1905 гг., пробудили в нем еврейское национальное самосознание и привели к сионизму. В начале Первой мировой войны отправился в Западную Европу как корреспондент московской газеты «Русские ведомости». После вступления Турции в войну на стороне Германии (октябрь 1914 г.) начинает кампанию за создание еврейской национальной воинской части в составе сил союзников. Считал, что участие еврейского народа в войне даст ему право голоса в послевоенном устройстве мира, а кровь еврейских солдат, пролитая за освобождение Палестины, закрепит право еврейского народа на его историческую родину. После длительных переговоров с английскими военными властями было создано вспомогательное транспортное подразделение, что, однако, не удовлетворило Жаботинского. Он выехал в Европу, добываясь согласия союзников на формирование Еврейского легиона. Вопреки противодействию и даже бойкоту со стороны исполнительного комитета ВСО, считавшего подобного рода проекты опасными для движения и предпочитавшего соблюдать нейтралитет, Жаботинскому постепенно удалось сломить недоверие правительственных кругов Англии и увлечь многих молодых сионистов своей идеей. В 1917 г. правительство Англии дало согласие на формирование еврейской боевой части в рамках британских вооруженных сил. Жаботинский выступает рядовым в Еврейский легион, проходит курс сержантов, а позднее производится в офицеры. Однако война закончилась до того, как еврейские батальоны, за исключением первого, в котором служил Жаботинский, успели принять участие в боевых действиях. С первых дней своего существования британская военная администрация Палестины начинает уклоняться от выполнения обязательств, взятых на себя английским правительством перед сионистским движением. Выступления Жаботинского с протестами против линии поведения британских властей привели к его принудительной демобилизации. В 1920 г. Жаботинский поселился в Иерусалиме. Предвидя опасность арабских антиеврейских выступлений, он безуспешно пытался воспрепятствовать демобилизации Еврейского легиона.

²³ «Став всецело на сторону империалистов, восхваляя, возвышая до небес благотельские порывы [А]нтанты, сионисты зовут еврейский народ на дружбу и помощь ей. Сионизм приобретает очень опасный характер в момент роковой схватки пролетариата с буржуазией в мировом масштабе. <...> Ориентируясь исключительно на успех[и] [Л]иги наций, [с]ионисты вполне должны быть заинтересованы[,] как сама [Л]ига наций, в крушении Советской власти и идеи коммунизма. <...> мы наблюдаем с их стороны самые лучшие отзывы об [А]нтанте, дружеское сожительство и общие планы» (Заключение по делу сионистов[.] арестованных 23 апреля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 38об.–39).

²⁴ «На общем фоне конт[р]революционной политики [В]семирной сионистской организации — российские сионисты не выделяются ничем, что хотя бы в отдаленной степени указывало на их лояльность к Советск[ой] власти. Их докладные записки и заявления,

представленные в Президиум ВЧК в связи с арестом их конференции[.] в этом смысле не заслуживают ни малейшего внимания. Если со многими оговорками можно было признать за ними в эпоху буржуазных общественных взаимоотношений в России некоторую видимость нейтралитета и бе[с]партийности, то это является абсолютной ложью в эпоху революционн[о]го осуществления марксизма, которая нем[и]нуемо несет им полную гибель, как буржуазной социальной единице. В период коммунистическ[о]го переустройства общества сионизм в его буржуазном течении не может п[оэ]тому остаться аполитичным[.] бе[с]партийным, нейтральным. Противоположное есть ложь» (Заключение по делу сионистов[.] арестованных 23 апреля 1920 г. // Там же. Л. 40об.).

²⁵ Брандес Георг (Georg Morris Cohen Brandes; настоящее имя Моррис Кохен; 1842, Копенгаген – 1927, там же) — датский писатель и литературный критик. Родился в ассимилированной еврейской семье, однако после опубликования Декларации Бальфура признал реальность сионизма.

²⁶ Моргентгау Генри старший (Sr. Henry Morgenthau; 1856, Манхейм, Германия – 1946, Нью-Йорк) — американский финансист, дипломат и общественный деятель. В 1913–16 гг. был послом США в Турции, где представлял также интересы стран Антанты, находившихся в состоянии войны с Турцией. Уделял особое внимание защите христианских миссий, армян и евреев на территории Османской империи. Организовал доставку продовольствия и медикаментов страдавшему от голода и эпидемий еврейскому населению Палестины. В 1919 г. возглавил назначенную президентом США комиссию для ознакомления с положением польского еврейства после волны погромов, прокатившихся по стране в конце Первой мировой войны и вызвавших бурные протесты в еврейских общинах Запады. Был одним из организаторов Международного Красного Креста и возглавлял американский Красный Крест. Будучи противником политического сионизма, Моргентгау на всех занимаемых им постах действовал из чисто гуманистических побуждений.

²⁷ «Яков ШИФ известный сионист-миллионер в Америке снабжает за свой счет [п]ольских белогвардейцев снаряжением, оружием и средствами» (Заключение по делу сионистов[.] арестованных 23 апреля 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 39об.).

Шифф Джейкоб Генри (Jacob Henry Schiff; 1847, Франкфурт-на-Майне – 1920, Нью-Йорк) — американский банкир, филантроп и общественный деятель. Имея доступ к руководству США, использовал свое влияние для защиты евреев в различных частях мира. Во время Первой мировой войны жертвовал крупные суммы Американскому еврейскому комитету помощи для облегчения участи евреев в воюющей Европе. Отрицательно относился к сионистской идее, считая ее утопичной. Однако после Первой мировой войны, в условиях изменившейся международной обстановки, Шифф признал необходимость создания в Палестине религиозного и культурного центра еврейского народа. Он приветствовал Декларацию Бальфура, хотя и не одобрял линию сионистов на создание независимого еврейского государства.

²⁸ Ломоносов Юрий Владимирович (1876–1952). Профессор, специалист в области железнодорожного транспорта; с конца 1919 г. — член президиума ВСНХ, по сведениям на февраль 1920 г. — член коллегии НКПС РСФСР; в июне 1920–1922 гг. — уполномоченный Совета Народных Комиссаров РСФСР по железнодорожным заказам за границей; в 1925 г. командирован НКПС в Великобританию, откуда не возвратился; в 1945 г. был лишен гражданства.

²⁹ Кон Оскар (1869–1934) — немецкий государственный деятель, социал-демократ, депутат Прусского ландтага (1919–1924), сионист.

³⁰ Скорее всего, речь идет о Гарри Фишере и Максе Пайне, которых в одних источниках называют представителями «еврейских профессиональных союзов Америки» в Советской России (*Епитетин С. Русские сионисты в борьбе за Палестину* // Книга о русском еврействе (1917–1967) / под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и А. А. Гольденвейзера. Нью-Йорк : Союз русских евреев, 1968. С. 392), в других — представителями «Джойнта»

- (American Jewish Distribution Joint Committee) в Советской России (*Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина... С. 71).
- ³¹ Архив внешней политики РФ. Ф. 04 (Секретариат Г. В. Чичерина, 1918–1930). Оп. 1. Папка 489. Д. 67 (1920 г. ВЧК. Переписка о сионистах. 10 л.). Л. 4. Незаверенная машинописная копия с рукописной правкой (отпуск). Дата и делопроизводственный номер вписаны карандашом от руки.
- ³² Президиум ВЧК (протокол заседания б/№, п. 1) от 29 июня 1920 г. // ЦА ФСБ России. Ф. 10с (Фонд секретного делопроизводства ВЧК–ГПУ, «особые папки»). Оп. 4 (1920 г.). Д. 1 (Протоколы Президиума ВЧК, 2 января – 29 декабря 1920 г. (рукописные подлинники)). Л. 206 (упоминание доклада Бреннера на заседании Президиума ВЧК); Д. 3 (Протоколы (судебные и организационные) Президиума ВЧК за 1920 г.). Л. 79 (оригинал протокольного решения); РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 6. Л. 33–33об. (машинописная копия, датированная 30 июня 1920 г., заверенная подписью Секретаря Президиума ВЧК Н. Н. Мещерякова, с приложением гербовой печати ВЧК); Д. 22. Л. 12–12об. (машинописная копия, адресованная ЦБЕ, датированная 30 июня 1920 г. и заверенная подписью уполномоченного СО ВЧК М. Бренера; штамп входящей документации, заполненный от руки: № 429 от 5/VI 1920 г.).
- ³³ РГАСПИ. Ф. 445. Оп. 1. Д. 7. Л. 259; Резолюция об отношении к сионистским группировкам от 10 июля 1920 г. // Жизнь национальностей. 1920. № 29. 24 сент. С. 4.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 167. Л. 13об.–14об.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1 (Фонд секретного делопроизводства ВЧК–ГПУ). Оп. 6 (1922 г.). Д. 310а (Циркулярные письма ГПУ № 16, 18–25 (1 марта 1922 – 23 ноября 1922 г.)). Л. 35–39.
- ³⁶ *Шехтман И. Б.* Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе (1917–1967). С. 320.
- ³⁷ *Бейзер М.* Евреи Ленинграда. 1917–1939 гг. Национальная жизнь и советизация. Иерусалим : Gesharim; М. : Мосты культуры, 1999 (5760). С. 143–144.

УДК 94(=411.16)(477.75):35.074.1“192”

Г. Н. Кондратюк

(г. Симферополь, Российская Федерация)

Основные направления деятельности еврейской секции Крымского обкома ВКП(б) (1920-е гг.)

Для реализации политики коренизации, провозглашенной XII съездом РКП(б), была создана специальная система органов. После того как в апреле 1923 г. состоялся XII съезд РКП(б), определивший основные направления политики коренизации, ее реализация в Крыму стала осуществляться по нескольким направлениям. Одним из важнейших направлений стало переселение евреев в Крым. С мо-

мента формирования Крымского обкома РКП(б) в ноябре 1920 г. в его составе была создана Еврейская секция (Евсекция). Евсекция стала центральной структурой, проводившей на практике коренизацию на полуострове в отношении евреев. Первой ее задачей стало своеобразное привлечение внимания не только к крымскотатарской проблематике, но и к решению насущных проблем еврейского народа.

Первый съезд Советов Крымской ССР, проходивший в ноябре 1921 г., определил функционирование двух государственных языков в органах власти полуострова — русского и крымскотатарского. 10 февраля 1922 г. был принят декрет ЦИК и СНК Крымской ССР о проведении коренизации органов власти и управления. Изначально он получил название татаризации и в обиходе назывался «декретом о татаризации». После преодоления последствий голода на полуострове коренизация органов власти началась более интенсивно и нашла оформление в декрете ЦИК и СНК Крымской ССР от 28 августа 1923 г. В своем отчете ЦИК и СНК автономии констатировали, что «органы власти в районах с преобладающим татарским населением становятся под руководство татарских работников, татарский язык вводится обязательным деловым языком соворганов этих районов... применение двух языков... это единственно правильный путь для осуществления принципов татаризации»¹. В создавшихся условиях работники Евсекции попытались расширить сферу применения идиша. Его знало сельское еврейское население, прибывавшее на полуостров. Евреи-горожане говорили исключительно на русском языке.

Однако в процессе коренизации планировалась не только татаризация высших органов власти и управления, но и системы региональных и местных органов власти, в частности, системы советов. Представители Евсекции активно включились в процесс «отвоевывания» квот и для евреев. Коренизация региональных органов власти и управления обсуждалась на совещании ответственных татарских работников. Совещание проходило в Симферополе 28 и 29 июня 1923 г. с повесткой дня: «Национальная политика в Крыму». Одним из докладчиков был председатель СНК Крымской ССР Сахиб-Гирей Саид-Галиев. В резолюции по итогам работы совещания была поставлена задача «довести до конца начавшуюся татаризацию первичных советских аппаратов: сельсоветов, райисполкомов, в районах с преобладающим татарским населением; во всех крупных учреждениях, сталкивающихся с татарским населением, необходимо иметь татарского работника, или по крайней мере, по одному переводчику; считать необходимым знание местного татарского языка русскими работниками, ведущими работу

в районах с преобладающим татарским населением»². Руководство республики стремилось осуществить коренизацию местных органов власти как создание вертикали, которая бы являлась проводником партийных решений в различные сферы жизни общества. В отчете ЦИК Крымской ССР отмечал, что «последние перевыборы советов проводились уже под углом зрения расширения и углубления татаризации. В результате в новом составе сельсоветов число членов татар возросло более чем на одну треть прежнего состава (в 1922 было 610, в 1923 — 831 человек)»³. Процессы аграризации еврейского населения поставили на повестку дня создание на севере Крыма еврейских сельских советов и формирования кадров советских служащих из числа переселенцев. К 1930 г. в Крыму насчитывается уже полтора десятка еврейских сельсоветов в Джанкойском и Евпаторийском районах.

Нормативная база фиксировала направления коренизации органов власти и управления. В изданных декретах и постановлениях значительное внимание уделялось расширению сферы применения национальных языков в государственном строительстве. Так, в декабре 1921 г. было издано постановление СНК и ЦИК Крымской ССР «О татаризации Советских государственных аппаратов и о применении татарского языка в учреждениях Республики». Этот документ, в частности, фиксировал необходимость создания ряда органов по реализации национальной политики в связи с созданием в ноябре 1921 г. Крымской ССР. В том числе, необходимо было «образовать при КрымЦИКе постоянную комиссию по татаризации советских аппаратов и применению татарского языка в государственном быту... при Крымсовнаркоме учреждается Центральная Коллегия переводчиков в составе председателя и пяти членов. На местах при ОкрИсполкомах учреждаются должности переводчиков... всякого рода документальных бумаг»⁴. Огромными организационными усилиями КОМЗЕТа СССР и Евсекции Крымского обкома ВКП(б) ситуация была изменена и в политике коренизации сформировался «еврейский сегмент». При разверстке числа служащих для евреев обязательно выделялось 15 %.

Доктринальное положение большевизма утверждало, что государственный аппарат — это аппарат диктатуры пролетариата. Он формируется из представителей пролетариата. Крестьянство должно привлекаться в партию и соответственно в систему управления в стране, где большинство жителей — крестьяне. В своем отчете к XI областной конференции РКП(б) обком крымской организации отмечал, что «основное внимание парторганизации было направлено на работу по коренизации аппаратов и по вовлечению лучших активистов татар, в

ряды РКП(б)... в составе сельсоветов из 2080 человек — 806 татар или 39,9 %, из 143 предсельсоветов — 54 человека — 40 % татар. Работники татарской национальности втянуты и в состав районных и центральных советских органов: КрымЦИК избран из 75 членов, из них 30 человек или 40 % татар, а в составе членов РИКов — татар 20 %»⁵. Формирование органов партии, в отличие от советской системы, не было актуально для евреев Крыма. Крымская организация ВКП(б) по этническому составу являлась русско-еврейской.

Стратегическим направлением работы органов управления явилось расширение количества советских функционеров определенной национальности. В середине 1920-х гг. основное внимание уделялось привлечению в процессы советского государственного строительства крымских татар. Резолюция XII областной партийной конференции отмечала, что «конкретные задачи в национальном разрезе нашего строительства в Крыму: максимальное вовлечение трудящихся татар и нацмен в дело строительства пролетарского государства и усиление влияния партии на национальные трудящиеся массы»⁶. На конференции был отмечен тот факт, что практические мероприятия по коренизации сложно осуществимы из-за недостатка подготовленных практических работников. Они должны были являться лояльными партии людьми и владеть национальными языками. В своих решениях, несмотря на констатацию трудности коренизации органов управления, XII областная конференция поставила задачу «продолжать работу по переводу на родной язык внутреннего делопроизводства сельских советов с преобладающим большинством татарского и нацменовского населения, обеспечив применение языка меньшинства населения на территории данного сельсовета»⁷. Представители Евсекции Крымского обкома ВКП(б) видели свою важнейшую задачу в увеличении доли евреев среди советских служащих и борьбе против понимания коренизации в Крыму только как татаризации. Это обстоятельство обусловило острое межфракционное противостояние внутри обкома, частую смену секретарей этого органа (Носов, Израйлович, Петропавловский и др.).

Сельские советы рассматривались в качестве основного поля диалога власти и различных национальных групп. Внимание в коренизации уделялось прежде всего высшим органам управления (ЦИК и СНК автономии) и системе сельских советов. Коренизация системы сельских советов означала их структурирование по этническому критерию и подбор соответствующего персонала. С 1927 г. началась программа «разукрупнения» сельских советов. До ее начала насчитыва-

лось 143 сельских совета. За два года их численность была увеличена до 418. Главный критерий — объединение одним сельсоветом одной этнической группы. Полностью реализовать этот принцип оказалось сложно, и поэтому ряд советов был так называемыми «смешанными». Из 418 сельских советов 215 стали национальными. Из них крымскотатарских — 141, немецких — 32, болгарских — 9, греческих — 8, эстонских — 2, армянских — 2, еврейских — 5, чешских — 1. Украинских сельских советов насчитывалось всего 3, при численности украинцев в Крыму более 77 тысяч человек, согласно данным переписи 1926 г. В ряде сельских советов ведение делопроизводства было переведено на национальные языки. Так, в 94 сельских советах делопроизводство велось на крымскотатарском языке⁸.

Процессы увеличения количества национальных сельских советов были продолжены и в последующие два года. К 1929/30 г. в Крымской АССР насчитывалось 427 сельских советов. Из них русских — 109, но часть этих советов являлась «смешанными». Крымскотатарских сельских советов — 145, а 273 совета представляли интересы различных этнических групп Крыма⁹. ВКП(б) всемерно стимулировала данный процесс, стремясь таким образом расширить свое влияние на национальное крестьянство. В резолюции областного партийного совещания по вопросам национального строительства, проходившего в декабре 1929 г., ставилась задача подготовить работников для данных национальных советов¹⁰.

В процессе коренизации высших органов власти и управления и системы советов осуществлялся процесс квотирования для служащих. В этом виделась некая справедливость, когда количество служащих определенной национальности будет соответствовать численности этноса в Крымской АССР. Так, по состоянию на октябрь 1929 г., из общего количества 16 141 работников, русских 9635 или 59,7 %, крымских татар 2091 или 13 % и представителей различных народов 4415 или 27,3 %. По категории так называемых «ответработников» общей численностью 1284 человек, русских 46,2 %, крымских татар 25,5 %, немцев 4,6 %, евреев 7 %, греков 4,5 %, болгар 1,1 %, армян 1,5 %¹¹.

Подбор советских служащих по этническому критерию подкреплялся дальнейшим расширением использования родного языка в национальных сельских советах. 3 июля 1929 г. ЦИК и СНК Крымской АССР был издан декрет о переводе ведения документации на крымскотатарский язык не только в районах, но и в селениях с большой численностью крымских татар. В соответствии с этим докумен-

том, все учреждения и организации, находившиеся на территории Бахчисарайского и Судакского районов, должны были вести всю документацию на крымскотатарском языке. Этот фактор должен был стимулировать переход на использование латинской графики для крымскотатарского языка.

Процесс квотирования количества служащих по национальному критерию был продолжен на рубеже 1920–1930-х гг. Так, по состоянию на 1 июля 1930 г. количество работников крымских татар в системе областного аппарата увеличилось с 7 % до 9,3 %, а в районных аппаратах с 7,4 % до 28,6 %¹². Квотирование обеспечивало социальную базу для большевистской власти. Оно решалось методом так называемой «выдвиженческой кампании». Выдвиженцы, происходившие из социальных низов, повышением своего статуса были обязаны власти и беспрекословно реализовывали практические установки ВКП(б). Выдвиженцы, в большинстве случаев, были людьми малограмотными, обладавшими только начальным образованием. С целью повышения их квалификации, были организованы соответствующие курсы председателей сельских советов, секретарей и ряда других категорий. Только за 1928 г. было организовано 34 типа различных курсов, с общей численностью обучающихся 1714 человек. По национальному составу слушатели курсов состояли из 537 крымских татар — 31,3 %, 62 немцев — 3,6 %, 315 евреев или 18,3 %¹³. На подбор «выдержанных» кадров для советских служащих обратило внимание Бюро Крымского обкома ВКП(б). Обком партии являлся важнейшим органом, определявшим характер, ход и специфику коренизации советских органов власти. В своей резолюции по вопросам коренизации советского, кооперативного и профсоюзного аппарата, утвержденной 22 августа 1929 г., Бюро Крымского обкома ВКП(б) отмечало, что необходимо: «решительное выдвижение во все звенья советского, кооперативного и профсоюзного аппарата как на руководящую, так и на техническую работу рабочих, батраков и крестьян бедняков и середняков татар и нацмен, вплоть до замены лиц, не владеющих местным языком, в организациях непосредственно связанных с национальной массой»¹⁴. Коренизация органов управления стала приобретать формально-механический характер, партийность и национальность, а не профессиональные качества стали важнейшими критериями. Коренизация явилась своеобразным «социальным лифтом» для молодежи в изменении своего социального статуса.

Коренизация выступила инструментом для подчинения большевистской партии национального крестьянства, расправы с тради-

ционной интеллигенцией и замены ее на советских выдвиженцев-функционеров. Это однозначно отмечалось на партийных пленумах и конференциях. Так, в частности, указывалось, что «вопрос национального строительства нельзя рассматривать изолированно, оторвано от общей политики нашей партии. А политика нашей партии — это политика на дальнейшую индустриализацию Крыма и социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, на развертывание культурной революции в Крыму»¹⁵. Плановость в проведении коренизации органов власти нашла реализацию в создании осенью 1929 г. при ЦИК Крымской АССР Комиссии по коренизации (татаризации) государственного и кооперативного аппарата и общественных организаций. В состав Комиссии входили представители всех народных комиссариатов, крымских отделов общесоюзных структур, задача которых была в реализации плановых заданий и отслеживании ситуации в области коренизации управленческих структур.

Важно отметить, что власть четко определила приоритеты в выделении квот для различных национальных групп. В резолюции VI Объединенного пленума ОК и ОКК ВКП(б) о национальном строительстве отмечалось: «в национальном строительстве Крыма основное внимание должно быть сосредоточено на работе с коренной национальностью — с татарами. Центральной задачей парторганизации в этом отношении является — широчайшее развитие татарской культуры, решительный поворот внимания парторганизации к татарским районам, культурно-хозяйственный подъем и развитие южных национальных районов»¹⁶.

Таким образом, можно утверждать, что коренизация управленческого аппарата стала одним из важнейших направлений регулирования национальных отношений в Крымской АССР. Политическое руководство стремилось к тому, чтобы советский аппарат был проводником кампаний и осуществлял контроль за основными социальными слоями общества. Еврейская секция выступила организатором и практическим проводником мероприятий национальной политики.

Примечания

¹ Отчеты КрымЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений III всекрымскому Съезду Советов. Симферополь : б. и., 1923. С. 44.

² ГАРК. Ф. П.-1 (Крымский республиканский комитет Компартии Украины, г. Симферополь). Оп. 1. Д. 287. Л. 25.

³ Отчеты КрымЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений... С. 44.

⁴ ГАРК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 62. Л. 18.

⁵ Отчет Крымского областного комитета РКП(б). К XI областной партконференции. Симферополь : Крымполиграфтрест, 1925. С. 37.

- ⁶ Резолюции XII крымской областной конференции. Симферополь : б. и., 1927. С. 9.
- ⁷ Там же. С. 10.
- ⁸ Отчет правительства Крымской АССР VI съезду Советов. Симферополь : Крымское государственное издательство, 1929. С. 93.
- ⁹ Десять лет советского Крыма / Под ред. И. Козлова. Симферополь : Крымское государственное издательство, 1930. С. 33.
- ¹⁰ Решения IV пленума ОК ВКП(б), декабрь 1929 года. Симферополь : Крымское государственное издательство, 1929. С. 66.
- ¹¹ Десять лет советского Крыма. С. 370–371.
- ¹² Вегер Е. Отчет крымского областного комитета ВКП(б) XV партконференции. Симферополь : Крымское государственное издательство, 1932. С. 50.
- ¹³ Десять лет советского Крыма. С. 371.
- ¹⁴ Коренизация аппарата Крымской АССР (к вопросу о вовлечении трудящихся татар в производство, государственные, кооперативные учреждения и общественные организации). Симферополь : Издание орготдела КрымЦИКа, 1929. С. 7.
- ¹⁵ Козлов И. О национальном строительстве в Крыму. Переработанная стенограмма доклада на VI Объединенном Пленуме ОК и ОКК. Симферополь : Крымское государственное издательство, 1931. С. 22.
- ¹⁶ Там же. С. 58.

УДК 94(470.23-25)(061)(=411.16)“1925-1930”

Т. М. Смирнова

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ЛенОЗЕТ конца 1920-х гг. в зеркале статистики

Из разоренных местечек вчерашних
Вышли евреи на нивы, на пашни.
Темных раздоров разрушена ночь.
Наша обязанность — братьям помочь¹.

Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) было создано 17 января 1925 г. в Москве в помощь образованному годом ранее государственному Комитету по земельному устройству еврейских трудящихся при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР (КомЗЕТ). Впоследствии название организации несколько видоизменялось: Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР, затем Всесоюзное общество содействия колхозному и совхозному строительству еврейских трудящихся масс на земле, но аббревиатура оставалась прежней.

Основное идейно-организационное направление работы ОЗЕТ председатель его Центрального правления С. М. Диманштейн охарактеризовал следующим образом: отказ от национализма, партийное руководство, неприемлемость методов работы старой еврейской общественности². В противоположность существовавшим еврейским обществам (ОПЕ, ЕИЭО, ЕКОПО, ОРТ и др.), ОЗЕТ создавался не в качестве национального, а как общество для решения общегосударственной задачи — привлечения широких еврейских масс к производительному труду, сначала только в сельском хозяйстве, а позже и в промышленности. В рекламном проспекте (1929 г.) ОЗЕТовского журнала «Трибуна» было выделено: «Всесоюзный Озет — не национальное еврейское общество, а интернациональная организация трудящихся для содействия еврейскому землеустроению»³.

В 1928 г. во всесоюзном ОЗЕТе насчитывалось 123 тыс. членов. Состоявшийся в декабре 1928 г. объединенный пленум Центрального совета и правления ОЗЕТ дал директиву в течение года удвоить численность организации, и к 1 января 1930 г. она была выполнена: в обществе состояло ок. 250 тыс. чел.⁴ Однако целью был не просто количественный рост, а социально приемлемый состав и качественное содержание деятельности. Согласно первому уставу ОЗЕТ, членом общества мог стать любой гражданин старше 18 лет, не находившийся под судом и следствием⁵. Этот лишенный социального вектора подход к членству в массовой организации вскоре был отвергнут руководством ОЗЕТа. Выступивший на декабрьском пленуме ответственный секретарь Центрального правления ОЗЕТ М. Каменштейн заявил: «Нетрудовой элемент должен быть удален из Озета. Его участие отталкивает от нас широкую рабочую массу»⁶. По новой редакции устава 1928 г. членами ОЗЕТ могли быть «все граждане без различия национальности, пользующиеся избирательными правами», а также юридические лица (государственные, кооперативные и другие общественные организации)⁷. Таким образом, отсекались «нетрудовые элементы», лишенные избирательного права.

Здесь, однако, возникала коллизия, связанная с тем, что не все трудящиеся пользовались избирательным правом. Речь идет о молодежи 16–18 лет, которая уже работала или училась, но голосовать по закону еще не могла, а также о еврейской бедноте из бывших мелких торговцев и мелких ремесленников, также лишенной избирательного права. Для обеих этих социальных групп устав предусматривал исключение, допускавшее их в члены ОЗЕТа. Но для второй группы существовало еще одно условие: лиц, принадлежавших к ней, можно было принять,

если они «от прежних непродуктивных занятий отказались и находятся в процессе перехода к производительному труду. Этим элементам не может быть отрезан путь к Озету, так как *именно они являются самым подходящим материалом для приобщения к земледелию*»⁸ (курсив мой — Т. С.). В то же время озетовские деятели отдавали себе отчет в том, что «самое трудное — проведение четкой классовой линии в специфической национальной среде»⁹.

Приоритетными организационными задачами ОЗЕТа были «орачивание» и интернационализация его состава. В соответствии с господствовавшим классовым подходом, рабочие промышленных предприятий, как передовой отряд советского общества, должны были составлять большинство членов организации. А поскольку ОЗЕТ участвовал в решении общесоюзной социально-экономической проблемы, евреи в его составе не должны были превалировать численно. По официальным данным, процент рабочих среди членов ОЗЕТ за 1929 г. вырос с 20 до 35, а неевреев — с 12 до 45 %¹⁰.

Разъясняя задачи агитационно-пропагандистской работы озетчеек, печатный орган ОЗЕТ — журнал «Трибуна» — так постулировал необходимость интернационализации общества: «Без усвоения основной истины, что все проблемы, вытекающие из ненормальных условий, созданных в прошлом для трудящихся того или иного нацменьшинства, могут и должны быть разрешены силами трудящихся окружающего национального большинства, — совершенно непонятно, почему Озет должен быть не еврейским, а интернациональным обществом»¹¹ (разбивка оригинала — Т. С.).

По всей стране создавались республиканские и региональные отделения общества. В феврале 1926 г. было организовано Северо-Западное отделение ОЗЕТ (СевзапоблОЗЕТ), после 1 августа 1927 г., в связи с образованием Ленинградской области — Ленинградское областное правление ОЗЕТ (ЛенОЗЕТ)¹². Первым председателем областного правления стал И. З. Розовский. На 1 июля 1926 г. членами регионального отделения числились 925 чел., в том числе 52 коммуниста и 38 комсомольцев, а почти две трети (61,4 %) озетовцев составляли служащие¹³.

Ленинградская областная организация ОЗЕТ была одной из самых заметных в РСФСР, ее деятельность регулярно освещалась на страницах «Трибуны». Статистические данные 1920-х гг. показывают динамику количественного, социального, партийного, гендерного состава ЛенОЗЕТа.

Рост численности организации в 1927–1929 г. прослеживается даже по месяцам. Так, в марте 1927 г. в ЛенОЗЕТе состояло 2664 чел., в мае — 2850 чел. (включая 900 членов Еврейского рабочего клуба), в июле — 3609 чел. На 1 января 1928 г. ЛенОЗЕТ насчитывал уже около 4,5 тыс. членов, в марте — 4961 чел., а осенью — около 8 тыс. Численность организации к 1 января 1929 г. выросла до 8973 членов, в течение года давались сведения о 12 тыс., а на 1 января 1930 г. достигла 17 196 чел.¹⁴ Менялся также социальный, партийный, национальный и гендерный состав ЛенОЗЕТа. Наиболее подробно социальный состав отражен в данных за 1928 г., а затем учетные графы «торговцы» и «лица свободных профессий» исчезают, видимо, чтобы не вызывать нежелательных ассоциаций с «нетрудовыми элементами». Красноармейцы как отдельная группа появляются только в данных за 1929 г., хотя небольшое количество озетовцев-военнослужащих отмечалось уже в 1928 г.

Извлеченные из архивных и опубликованных материалов статистические данные собраны в таблицу. При этом следует обратить внимание, что абсолютные цифры приведены адекватно оригиналам, хотя в некоторых позициях они расходятся с общим итогом, давая в сумме несколько иные результаты. В этом случае итог дается в двух вариантах: оригинальном (с арифметической ошибкой) и реальном (выделено курсивом). Относительные показатели (проценты) в оригинале подсчитаны не для всех позиций, а там, где приводятся, также имеют погрешности, причем в обе стороны. В случае расхождения на один и более процентов в таблице приведены оба варианта (с указанием оригинальной цифры в скобках), а во всех остальных случаях даются вычисления автора от общей численности организации, приведенной в оригинале, в связи с чем также могут иметь место неточности.

Таким образом, несмотря на некоторые погрешности, из приведенных данных видно, что численность ЛенОЗЕТа за два года выросла в 3,8 раза. В абсолютных цифрах увеличились также группы рабочих (почти в 3 раза), служащих (в 2 раза), кустарей (в 5,4 раза), а учащихся — почти в 11 раз! В то же время, в связи со значительным количественным ростом организации, удельный вес этих групп изменялся по-разному: в процентном отношении рабочих и служащих стало меньше, а кустарей и учащихся — больше. Привлечение студенческой молодежи в ОЗЕТ всячески приветствовалось, но уровень «орабочивания» ленинградской организации все еще не мог считаться удовлетворительным. Наряду с этим, заметно снизились абсолютные и относительные цифры «прочих» озетовцев, а количе-

Таблица 1

Статистические показатели ЛенОЗЕта 1927–1929 гг.¹⁵

	На 1 января 1928 г.		На 1 января 1929 г.		На 1 января 1930 г.	
Социальный состав	числ-ть	в %	числ-ть	в %	числ-ть	в %
Рабочих	966	21,4	1702	19,0	2783	16,2
Служащих	1838	40,7	3115	34,7	3864	22,5
Красноармейцев					304	1,8 (0,5)
Учащихся	725	16,0 (17)	2541	28,3	7824	45,5
Кустарей	404	9,0	843	9,4	2165	12,6 (18,1)
Домохозяйек	31	0,7	204	2,3	112	0,65
Свободных профессий			135	1,5		
Торговцев			164	1,8		
Прочих	451	10,0	273	3,0	144	0,83
ИТОГО	4514 / 4415	97,8 (100)	8973 / 8977	100	17 196	100 (105)
Национальный состав						
Евреев	4377	97,0	7722	86,0	8215	47,8
Других нац-тей	137	3,0	1251	14,0	8991	52,3
ИТОГО	4514	100	8973	100	17 206	101
Партийный состав						
ВКП(б)	383	8,5	1085	12,1	3038	17,7
ВЛКСМ	547	12,1	1165	13,0	3797	22,0
Беспартийных	3584	79,4			10 361	60,3
По полу						
Мужчин	3683	81,6	7041	78,4	12 183	70,5
Женщин	781	17,3	1937	21,6	5013	29,5
ИТОГО	4464	98,9	8978	100	17 196	100

ство домашних хозяек, давшее некоторый подъем в 1928 г., осталось незначительным.

Большое значение руководство ЛенОЗЕТа придавало вовлечению в ряды организации красноармейцев и созданию в воинских частях ОЗЕТ-ячеек — на конец 1929 г. таких ячеек было 20, в них состояло 383 чел.¹⁶ (При этом в общей сводке состава ЛенОЗЕТа в том же документе, составленном для сведения активистов, указана другая численность красноармейцев — 304 чел.). В отчете о работе Третьей областной конференции ОЗЕТ, проходившей в феврале 1930 г., говорится уже о «крепкой группе озетовцев-красноармейцев» в 800 человек¹⁷.

Весьма впечатляющими оказались изменения в национальном составе ЛенОЗЕТа: практически полностью однородная (97 % евреев) в начале 1928 г. организация через два года стала многонациональной, причем евреев было уже меньше половины. Более того, эти перемены произошли скачкообразно, ведь еще к началу 1929 г. озетовцы-не-евреи составляли всего 14 % от общего числа членов. Но совсем уж разителен абсолютный рост нееврейской части ЛенОЗЕТа — со 137 до 8991 чел., то есть в 65,6 раза!

Неуклонно укреплялась партийно-комсомольская прослойка ЛенОЗЕТа: членов ВКП(б) за два года стало в 8 раз, а комсомольцев — в 7 раз больше, а в процентном отношении этот идеологический костяк организации вырос с 20 до почти 40 %. ЛенОЗЕТ считался также весьма успешным в деле вовлечения в свои ряды женщин, численность которых в организации за два года увеличилась почти в 6,5 раза.

Но результативность работы ЛенОЗЕТа была не столь впечатляющей, как количественный рост состава. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, данные об уплате членских взносов, так как это, по существу, и была основная обязанность рядового члена ленинградской организации по землеустройству трудящихся евреев (до конца 1920-х гг. в ЛенОЗЕТе было «завербовано» для переселения в Крым 10 семей, в Биробиджан — это название писалось еще Биро-Биджан — 3 семьи и трое одиночек, и еще 3 семьи были направлены в сельхозартель «Прудки» в Ленинградской области)¹⁸.

Большинство членов ЛенОЗЕТа в 1929 г. были объединены в ячейки по месту работы, учебы и службы: 75 производственных, 48 учебных, 59 кустарных, 77 «служащих» и 20 военных, всего 279 ячеек, в них состояли 14 866 чел., или 86,5 % всего состава организации. Наличие ячеек позволяло более организованно проводить агитационно-пропагандистскую работу, созывать собрания и т. п. Но, к сожалению, никак не улучшало ситуацию со сбором членских взносов. В 1929 г. в

ЛенОЗЕТе было собрано 12 619 рублей членских взносов, а задолженность по их уплате составила 7699 рублей — более 60 % от собранных, или почти 40 % от положенной суммы взносов. В этом «отличились» ячейки всех групп, кроме военных: недоплата взносов по предприятиям равнялась 1618 руб., по учреждениям — 2600, по артелям — 1053 и по учебным заведениям — 2428 руб. Между тем бюджет ЛенОЗЕТа наполнялся всего из трех источников: взносов — самой весомой части дохода; вечеров, концертов и других мероприятий; отдельных нерегулярных поступлений (напр., на питание детей). В 1929 г. собранные взносы составили 52 % доходной части бюджета, вечера дали 8 тыс. рублей (33 %), а прочие поступления — 3,5 тыс. руб., или 15 %¹⁹. Таким образом, недоплата членских взносов лишила ЛенОЗЕТ в 1929 г. в общей сложности почти четверти дохода. Недобор взносов носил перманентный характер и лишал ЛенОЗЕТ многих возможностей для успешной работы.

Анализ статистических данных ЛенОЗЕТа позволяет составить объективную картину состава и деятельности этой массовой организации, сыгравшей немалую роль в жизни советского еврейства.

Примечания

¹ Трибуна: Орган Центрального Правления ОЗЕТ, УкрОЗЕТа и БелОЗЕТа. 1929. № 12. С. 27.

² Диманштейн С. К итогам Всесоюзного съезда ОЗЕТ // Трибуна. 1927. № 1. С. 5.

³ Трибуна. Орган Центрального Правления ОЗЕТ, УкрОЗЕТа и БелОЗЕТа : брошюра. М. : Ц. П. ОЗЕТ, 1929. С. 4.

⁴ Эйдельман Е. Вслед за количеством изменить качество // Трибуна. 1930. № 6. С. 11.

⁵ См.: Бейзер М. Евреи Ленинграда. 1917–1939. Национальная жизнь и советизация. М. : Мосты культуры; Иерусалим : Гешарим, 1999. С. 261.

⁶ Доклад тов. Каменштейна об организационных проблемах Озета // Трибуна. 1929. № 3. С. 18.

⁷ Цит. по: Извлечение из устава Всесоюзного общества по земельному устройству трудящихся евреев в Союзе ССР «ОЗЕТ». [Электронный ресурс]. URL: <https://babs71.livejournal.com/611068.html> (дата обращения: 06.02.2019).

⁸ Каменштейн М. Озет и нетрудовые элементы // Трибуна. 1929. № 10. С. 6.

⁹ Эйдельман Е. Вслед за количеством изменить качество. С. 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Его же. О работе Озетячек // Трибуна. 1930. № 1. С. 11.

¹² Но еще и в справочнике «Весь Ленинград и Ленинградская область на 1928 г.» Ленозета нет, а указан Севзапоблозет (С. 223).

¹³ См.: Бейзер М. Указ. соч. 261–262.

¹⁴ По матер.: ЦГАИПД СПб. Ф. 16 (Ленинградский Губернский комитет ВКП(б)). Оп. 1-11. Д. 11 146 (Список еврейских обществ города Ленинграда с указанием их адресов, руководителей и количества членов. 01.01.–31.12. 1927 г.). Л. 2; Ф. 24 (Ленинградский Областной комитет ВКП(б)). Оп. 8. Д. 80-6 (Тезисы о работе ЛенОзета. 1929). Л. 1; Трибуна. 1928. № 4. С. 22; № 19. С. 4; 1929. № 6. С. 27; 1930. № 5. С. 8; Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов / Сост. П. М. Янсон. Л. : Орготд. Ленингр. Облсполкома, 1929. С. 18.

¹⁵ Составлено автором по материалам: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 80-б. Л. 1; Трибуна. 1929. № 6. С. 27; 1930. № 5. С. 8.

¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 80-б. Л. 1.

¹⁷ Ленозет перестраивает свои ряды // Трибуна. 1930. № 10. С. 11.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 80-б. Л. 2.

¹⁹ По матер.: Там же. Л. 1–2.

УДК 94(479.22):325.2(=411.16)“1963/1973”

И. В. Масюкова

(г. Москва, Российская Федерация)

Евреи и национальная политика в СССР: теория и практика (в 1950-х – 1960-х гг.)

Национальная политика советского руководства по отношению к еврейскому меньшинству имеет глубокие исторические корни; тесно связана со всеми этапами развития страны; с гибелью и страданиями многих людей и последующей их реабилитацией; с запретом и уничтожением еврейской культуры и системы образования; гонениями на иудаизм; дискриминацией евреев и проявлением антисемитизма в вопросах кадровой политики, образования и т. д.

В рамках данной статьи автор не ставит задачу всестороннего анализа этой многоплановой темы, а пытается выделить ряд основных проблем политики властей в послесталинский период. По мнению многих исследователей, приход к власти Н. С. Хрущева (1954 г.) и так называемый период «оттепели»; XX съезд КПСС (1956 г.) и разоблачение культа личности Сталина; освобождение арестованных по «делу врачей» и реабилитация осужденных по делу ЕАК «...постепенно вернули евреям ощущение безопасности; страх и паника улеглись; появилась надежда на лучшие времена, когда беззакония конца сталинской эпохи будут исправлены и забыты»¹.

Десталинизация советского общества имела для евреев ряд позитивных моментов, так как, по выражению Н. С. Хрущева, в последующие десять лет состоялось частичное «возвращение к ленинским нормам»; исчезла угроза физического уничтожения или преследований евреев, как в период гонений на «космополитов»; были реабилитированы и возвращены из ссылки или заключения пострадавшие деятели

еврейской культуры с предоставлением им работы, пенсий, пособий, снятия судимости².

Вместе с тем, разоблачая антинародную политику Сталина на XX съезде КПСС, Н. С. Хрущев не упоминал о его антисемитской политике, еврейской составляющей в «деле врачей» и последствиях для советских евреев³.

Преобразования в послесталинский период имели противоречивый характер: с одной стороны, восстановление прав евреев дало им возможность чувствовать себя наравне с представителями других национальностей (вступать в партию и профсоюз; обращаться с просьбами, жалобами в госучреждения; улучшать в порядке очереди свои жилищные условия; получать социальные пособия, льготы и т. д.). С другой стороны, наметилась тенденция дискриминации евреев в кадровой политике, в первую очередь, при назначении на высшие руководящие посты; на ответственные номенклатурные должности; при избрании в члены ЦК КПСС и депутаты Верховных Советов; а также при назначении на должности руководителей крупных промышленных предприятий и т. д. Хотя многие квалифицированные специалисты-евреи были восстановлены в прежних должностях либо получили равноценную замену, в определенные профессиональные области им практически был закрыт доступ (министерство иностранных дел и внешней торговли, военные академии, органы госбезопасности и др.). Недостаточно были представлены евреи в выборных местных советских и партийных органах (городских советах депутатов трудящихся, горкомах и райкомах партии); их практически не было среди судей (но они принимали участие в составе народных заседателей в судах); крайне мало назначались на должности директоров ведущих предприятий Москвы, Ленинграда, Киева, но иногда возглавляли предприятия в менее крупных городах⁴.

В послесталинский период евреи имели возможность профессионально реализовать себя в большей степени в области науки, на инженерных и технических должностях, в медицине, юриспруденции, искусстве, сфере торговли и сервиса и т. д.

Если в 1920-х гг. в административных учреждениях Москвы работало 10,3 % евреев, в госучреждениях Украины — 22,6 %, в Белоруссии — 30,6 %, при этом в процентном отношении евреи составляли 5,4 % от всего населения на Украине и 8,2 % — в Белоруссии, то в 1930-х — 1940-х и в последующий период происходит неуклонное снижение количества евреев на руководящих постах как в центре, так и в республиках⁵.

В сталинский период сократилось число евреев как среди рядовых членов партии (с 10 % в 1939 г. до 2 % — в 1952 г.), так и в центральном и республиканском руководстве ЦК КПСС; аналогичная тенденция прослеживается в составе Верховного Совета СССР: в 1937 г. было представлено 47 евреев, в 1946 г. — 13, а в 1950 г. — 8⁶.

По мнению исследователей, как в сталинский, так и в последующий период происходит неуклонное снижение количества евреев в высшем партийном руководстве и депутатском корпусе Верховного Совета. В 1939 г. евреи в ЦК КПСС составляли 10,8 %, в 1952 г. — 3%, в 1956 г. — 2 %, в 1961 г. — 0,3 %⁷.

О дискриминации евреев в политической жизни красноречиво свидетельствует состав депутатов в Верховных Советах 15 союзных республик в 1959 г., когда среди общего числа депутатов 5312 человек евреи составили только 14 — 0,26 % и только один депутат-еврей оказался избранным среди 835 депутатов в РСФСР; один — среди 457 депутатов на Украине (т. е. 0,22 % при 2 % евреев в республике); 2 еврея среди 407 депутатов в Белоруссии (т. е. 0,45 % при 1,9 % евреев в республике); из 281 депутата от Молдавии, где евреи составляли 3,3 % всего населения, не было ни одного еврея; из 200 депутатов от Латвии, где евреев 1,7 % всего населения, также не был избран ни один еврей; Литва явилась исключением: процент евреев, избранных в Верховный совет, соответствовал процентному отношению евреев ко всему населению республики, т. е. 3 еврея из 209 депутатов, или 1,44 %⁸.

Несмотря на то, что данные о составе следующих Верховных Советов республик не публиковались, общая тенденция была очевидна: между 1952 и 1961 гг. число евреев в Верховном Совете снизилось, а в законодательных органах республик упало значительно ниже процента евреев по отношению к общему числу населения; евреи были недостаточно представлены в местных советах; в 1958–1961 гг. впервые не было ни одного еврея среди министров⁹.

Дискриминация евреев и проявление антисемитизма наглядно прослеживались в послесталинский период в негласной процентной норме при приеме студентов в высшие учебные заведения. (Эта тема заслуживает отдельного исследования.)¹⁰

По мнению ряда исследователей, во время мощной кампании против экономических преступлений в начале 1960-х гг. (хищения, взыскничество, спекуляция и т. д.) власти подчеркивали отчетливо еврейский характер этих преступлений, когда в более чем 400 процессах евреи были в качестве обвиняемых¹¹.

Советская власть с момента своего возникновения, стремясь обеспечить законодательную базу для преодоления антисемитизма и дискриминации евреев, предпринимала попытки создания правовых норм и законодательных актов, против антисемитизма, национальной розни и вражды, направленных на защиту евреев. Вместе с тем, если в 1920-х гг. в советской прессе часто появлялись сообщения о проявлении антисемитизма и судебных процессах против виновных, то в 1930-х гг. число этих сообщений резко сократилось, но в официальных заявлениях постоянно подчеркивалось, что партия не потерпит проявления антисемитизма, как явления «глубоко враждебного советскому строю»¹².

В послесталинский период советскому руководству и лично Н. С. Хрущеву приходилось неоднократно отражать многочисленные обвинения и критику со стороны зарубежных СМИ в связи с дискриминацией евреев и проявлениями антисемитизма в СССР. Отвергая все обвинения Запада в существовании антисемитизма в Советском Союзе, Н. С. Хрущев считал эти выпады «грубой стряпней, злобной клеветой на советский народ, на нашу страну...»; «...никогда не было и нет политики антисемитизма в Советском Союзе, — писал Н. С. Хрущев в письме Б. Расселу в связи с «делом врачей» (пытаясь его убедить, что оно не было проявлением антисемитизма), — так как сам характер нашего многонационального социалистического государства противоречит возможности такой политики»¹³.

В мае 1956 г. на встрече представителей советского руководства во главе с Н. С. Хрущевым с членами парламентской делегации французской социалистической партии советской стороной было сделано заявление о том, что существующие антисемитские настроения — «пережитки реакционного прошлого»; в августе того же года на встрече советских руководящих работников с одним из лидеров канадской компартии, разъясняя вопрос об увольнениях в республиках или переводе на другую работу служащих-евреев, представители советской делегации заявили, что эта ситуация не имеет ничего общего с антисемитизмом, так как в республиках сейчас есть «собственная» интеллигенция и специалисты, способные занимать посты, где ранее работали евреи и русские¹⁴.

Более развернутая и аргументированная критика антисемитизма и дискриминации советских евреев прозвучала 19 июля 1965 г. в г. Риге на торжествах по случаю 25-й годовщины вхождения Латвии в состав СССР и была продолжена на страницах редакционной статьи «Ленинская дружба народов» («Правда», 5 сентября 1965 г.)¹⁵.

Анализ положения советских евреев в первое послесталинское десятилетие (1954–1964 гг.), отношение к ним официальных властей демонстрируют развитие нескольких противоречивых тенденций, опровергавших заявления о том, что «еврейский вопрос» решен в СССР раз и навсегда¹⁶.

Как подчеркивалось на XXII съезде КПСС (1961 г.), происходит «бурное всестороннее национальное развитие», которое в случае с евреями практически было невозможно из-за полного отсутствия национальных образовательных, культурных и других учреждений, жизненно важных для развития всех национальных меньшинств, и отсутствие которых, в свою очередь, являлось нарушением конституционных и гражданских прав. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде, тезис о «полной свободе для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допуская никаких... ограничений... в употреблении того или иного языка», шел вразрез с дискриминационной политикой властей по отношению к евреям¹⁷. Несмотря на директивы и постановления советского руководства о школьном обучении на родном языке, еврейские образовательные учреждения не были восстановлены; отсутствовали учебники и буквари; доступные для широкого круга читателей библиотеки с литературой на идише; издание новых книг было незначительным. Отвергая резкую критику со стороны Запада в отсутствие еврейской культуры и образования в СССР, официальные круги предпринимали определенные уступки: в начале 1960-х гг. стал выходить журнал на идише «Советиш геймланд»; появлялись и восстанавливались профессиональные и самодеятельные театральные и музыкальные коллективы в Москве и других городах.

Для национальной политики КПСС в этот период характерно, при господстве на словах теории всестороннего развития многонационального государства, проведение на практике в отношении евреев курса на полную ассимиляцию. В этих условиях часть евреев, будучи оторвана от своего языка, культуры, традиций и истории, выбрала трудный, порой драматичный путь еврейского национального возрождения: создавая подпольные группы по изучению иврита, выпуская самиздатовскую литературу по еврейской тематике, в обход властей налаживая связи и контакты с западными СМИ и израильянами для получения необходимой литературы и информации, что, в свою очередь, вызывало крайне негативную реакцию властей.

С одной стороны, в советском обществе в этот период часть евреев, сумевших найти свою профессиональную «нишу», активно участвова-

ла во всех направлениях «социалистического строительства», достигая подчас выдающихся результатов в различных областях; с другой стороны, антиеврейская дискриминационная политика и проявления антисемитизма вызывали у многих разочарование, дискомфорт и чувство безысходности. Если определенная часть евреев пыталась приспособиться к существующим реалиям жизни, то появились и те, кто остро ощутил свое еврейское происхождение. Постепенное пробуждение национального самосознания, отказ от компромиссов, стремление наладить «еврейскую жизнь в СССР» одним дали импульс для восстановления еврейской культуры; других заставили задуматься о возможном отъезде из СССР.

Примечания

- ¹ Подробнее: *Рои Я.* Евреи Советского Союза, 1944–1964 гг. // История еврейского народа в России. От революций 1917 года до распада Советского Союза / Под ред. М. Бейзера. Т. 3. М. : Мосты культуры; Иерусалим : Гешарим, 2017. С. 281.
- ² *Гительман Ц.* Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 г. до наших дней. М. : НЛО, 2008. С. 217.
- ³ Там же. С. 218–219.
- ⁴ *Оксман А.* История евреев в Российской империи и Советском Союзе. Иерусалим : М+, 2000. С. 134.
- ⁵ *Корей У.* Правовое положение советского еврейства. Историческая справка // Евреи в Советской России (1971–1967): Сб. ст. Иерусалим : Библиотека Алия, 1975. С. 54. Цит. по: XV съезд ВКП(б). 1928. С. 400–401.
- ⁶ *Гительман Ц.* Указ. соч. С. 238.
- ⁷ *Корей У.* Указ. соч. С. 58. Цит. по: *Bialer S.* How Russians Rule Russia // Problems of Communism, September/October, 1964. P. 46, 48.
- ⁸ Там же. С. 57–58. Цит. по: Состав депутатов Верховного Совета союзных и автономных республик и местных советов трудящихся в 1959 году: (Стат. сборник). М. : Известия, 1959. 99 с.
- ⁹ *Гительман Ц.* Указ. соч. С. 221; см. также: *Pinkus B.* The Soviet Government and the Jews. New York : Cambridge University Press, 1984; *Gilboa Y.* The Black Years of Soviet Jewry. Boston : Little, Brown, 1971.
- ¹⁰ Подробнее: *Рои Я.* Указ. соч. С. 275, 282; *Черняк А. М.* Этнополитические проблемы евреев в СССР // Национальные процессы в СССР. М. : Наука, 1991. С. 217–222.
- ¹¹ *Гительман Ц.* Указ. соч. С. 231–232; подробнее: *Economic Crimes in the Soviet Union* // Journal of the International Commission of Jurists. Summer, 1964. P. 3–47.
- ¹² *Корей У.* Указ. соч. С. 60; подробнее: *Shawarz S. M.* The Jews in the Soviet Union. New York : Syracuse University Press, 1951. P. 241–299.
- ¹³ Из письма Н. С. Хрущева Б. Расселу 21 февраля 1963 // Правда. 1963. 28 февраля.
- ¹⁴ *Корей У.* Указ. соч. С. 55–56.
- ¹⁵ *Масюкова И. В.* Евреи и власть в СССР: проблема эмиграции (на рубеже 1960-х и 1970-х гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература / Отв. ред. М. О. Мельцин; Петербургский ин-т иудаики. СПб. : Издательский дом «Алеф-Пресс», 2018. (Труды по иудаике. Сер.: «История и этнография». Вып. 14). С. 80.
- ¹⁶ *Рои Я.* Указ. соч. С. 287.
- ¹⁷ Правда. 1961. 2 ноября.

УДК 93/94

К. В. Ермишина*(г. Москва, Российская Федерация)*

К вопросу о культурном взаимодействии СССР и Израиля накануне Шестидневной войны

После возобновления в 1953 г. дипломатических отношений между СССР и Израилем, совпавшего со смертью Сталина и наступлением «оттепели», советская политика в отношении этого молодого государства находилась в нестабильном состоянии вплоть до 1967 г., когда победа Израиля в Шестидневной войне на долгие годы положила конец отношениям с СССР, поддерживавшим блок арабских стран. Эта нестабильность исходила из нескольких факторов. Наиболее очевидный из них — ресталинизация и смена политического курса в 1964 г. в связи с приходом к власти Брежнева. Однако, как показали исследования Геннадия Костырченко¹ и Николая Митрохина², списывать колебания в советской политике по отношению к Израилю лишь на перемену генеральных секретарей, особенно для периода до 1966–1967 гг., не представляется продуктивным направлением для исследования. Как отмечает Костырченко, «до [Шестидневной войны] и особенно в первый год лидерства Брежнев, рядясь в тогу либерала... пытался даже разрядить негативное напряжение в обществе, возникшее после завуалированно антисемитских выступлений Хрущева на встречах с творческой интеллигенцией в конце 1962 – начале 1963 годов»³, и, ко всему прочему, историк делает вывод, что личный антисемитизм не был присущ Брежневу⁴. О мягком отношении Брежнева к евреям пишет и Митрохин, в частности, связывая это с противодействием генерального секретаря «русской партии», обосновавшейся в то время в высших кругах власти и в рамках своей идеологии придерживавшейся антисемитских идей⁵.

Политика Хрущева как в отношении Израиля, так и в отношении советского еврейства, в основном проводилась с оглядкой на западные страны — «разыгрывая... либеральную «карту» в отношении иудаизма, к тому времени уже полностью «абсорбированного» советским государством, Хрущев стремился обрести политическую поддержку, причем не столько внутри страны, сколько в мире, особенно от влиятельных леволиберальных кругов Запада, которые особенно болезненно реагировали на антииудаистские гонения в СССР»⁶. Как пока-

жет дальнейший анализ, подобная тактика продолжит применяться и после перехода власти к Брежневу — для того, чтобы обнаружить это, необходимо взглянуть на вопрос отношений СССР и Израиля не сквозь призму политики конкретного генерального секретаря, а на уровне корреляции внутрисоветской культурной политики в отношении «еврейского вопроса» и международных отношений Советского союза с Израилем. В связи с этим наиболее продуктивным в вопросе отношений между Израилем и СССР видится анализ не сквозь призму политики конкретного генерального секретаря, а на уровне корреляции внутрисоветской культурной политики в отношении «еврейского вопроса» и международных отношений Советского союза с Израилем. Исследование проводилось на основе архивных документов, хранящихся в московских архивах ГАРФ и РГАЛИ.

Отношения между Израилем и СССР в 1960-е гг. шли по двум основным линиям: торговой и культурной. Торговые связи были установлены еще в 1953–1956 гг. — в Израиль импортировались советские продукты машиностроения и нефть, а экспортировались из него, в основном, фрукты — цитрусовые и бананы. Тот факт, что советское правительство не особо гордилось товарным обменом с молодым государством, в числе прочего, поддерживаемым капиталистическими странами (что станет магистральной линией «антисионистской» пропаганды после Шестидневной войны), отразился в известном мифе «Чебурашки из Яффо»⁷. Напротив, культурные связи между двумя странами широко освещались в советской прессе. Так, в 1966–1967 гг. в газетах «Известия», «Вечерние новости» и «Советская культура» выходят заметки о гастролях израильских певицы Геулы Гилл и мима Якоба Аркина — «Уже третий день зал Государственной филармонии вечерами переполнен. В Вильнюсе с большим успехом выступают артисты Израиля...»⁸. Рецензия на московское выступление артистов была также положительной, более того, в ней была затронута табуированная в советском дискурсе тема Холокоста — «Она поет о любви, о дружбе, о счастье, о мире, поет испанские, французские, еврейские песни... Но певице подвластен и трагический жанр. Как драматично, страшно поет она песню гетто “Эли-Эли”. Страдания, скорбь становятся почти невыносимыми, и певица как бы сама обрывает себя, и вслед за песней боли и смерти звучит зажигательная, искрометная “Хава Нагила”»⁹. Это один из немногих, хоть и косвенных, случаев признания в советской прессе евреев как основных жертв геноцида Второй мировой войны — политика «уравнивания» всех национальностей, пострадавших в войне, начатая еще Хрущевым, в 1963 г. при-

вела к скандалу — журнал на идише «Советиш Геймланд» никак не откликнулся на годовщину восстания в Варшавском гетто, «став, наверное, единственным в мире еврейским изданием, полностью замолчавшим это выдающееся событие»¹⁰.

Чтобы подобная интеграция еврейской культуры и проблематики (еврейской культуры в том изводе, в котором она производилась непосредственно Израилем, а не ее советизированный вариант-симулякр, призванный оградить советское правительство от обвинений в аппаратном антисемитизме) в советскую действительность стала возможной, потребовалось большое количество времени и стараний с израильской стороны. Одной из первых организаций, способствовавших налаживанию межкультурных связей, еще в конце 1950-ых гг. стало Движение дружбы Израиль–СССР. В 1962 г. посол СССР подготовил отчет о движении: «Клуб движения дружбы в Тель-Авиве состоит из двух комнат. Одна из них приспособлена для лекционной работы и показа кинофильмов... во второй комнате помещается библиотека с читальным залом. Библиотека располагает 7 тысячами книг в основном на русском и иврите»¹¹. Движение дружбы активно взаимодействовало с ССОДом — Союзом советских обществ дружбы. ССОД передавал через советское посольство в Тель-Авиве книги и кинофильмы для праздников (наиболее активно — в 1965 г. для празднования Дня Победы), а также материалы для обучения израильских студентов. Щедрость советского посольства, судя по документам, активно продвигавшего укрепление культурных связей, в конце концов, вышла ему боком — вскоре после Шестидневной войны, когда советское посольство в Израиле прекратило свое существование, выяснилось, что в пользование израильских организаций на протяжении нескольких лет безвозмездно передавалось кинооборудование: «В целях лучшей организации просмотра советских художественных фильмов местными гражданами Израиля Посольством СССР в Израиле было безвозмездно передано Союзу движения дружбы Израиль–СССР в 1958, 1961, 1962, 1963 гг. имущество на сумму 5295,70 рублей, согласно прилагаемой ведомости. Это имущество было направлено ранее бывшему Посольству СССР в Израиле Комитетом по культурным связям с зарубежными странами. В связи с ликвидацией Посольства СССР в Израиле это имущество предлагается списать с баланса посольства»¹². Незамедлительно последовал ответ от П. Крюкова, заместителя председателя Комитета по культурным связям: «...бывшее посольство СССР в Израиле поступило самовольно... вынужден дать согласие на списание с баланса бывшего Посольства СССР»¹³.

Помимо Союза движения дружбы Израиль–СССР существовали организации, направленные больше «вовне». Их целью был тот же «межкультурный обмен», однако представленный уже не отдельными объектами культуры, а делегациями и коллективами израильских и советских ученых, артистов, писателей и общественных деятелей, которые способствовали бы установлению коммуникации между советским еврейством, самым значительным по количеству среди мирового еврейства, не живущего на территории Израйля, и, собственно, Израилем. Как вспоминает писатель и журналист Эйтан Финкельштейн, мигрировавший в 1970-ых в Израиль, такие обмены и приезды делегаций стали отдушиной для многих евреев СССР, в частности, он упоминает участие Израйля в международных выставках: «Хрущев любил устраивать международные выставки, и Израиль принимал в них участие. Я стал приезжать на эти выставки и там уже познакомился с посольскими работниками»¹⁴. О необходимости установления подобной коммуникации часто заявляют израильские чиновники, посещающие посольство СССР — судя по документам, одним из частых гостей был заведующий Восточноевропейским отделом МИД Израйля Авида, обсуждавший с сотрудниками посольства возможности расширения культурного взаимодействия двух стран. С теми же предложениями выступала Маргот Клаузнер, писательница и режиссер, которая в 1965 г. состояла в комитете Ассоциации по взаимным культурным связям между Израилем и СССР. Она инициировала проведение в Москве выставки израильской графики, а также вела переписку с министром культуры Екатериной Фурцевой о создании советско-израильского кинофильма¹⁵.

Помимо государственных чиновников и членов израильских организаций, существовали отдельные лица, заинтересованные в привлечении советских артистов на территорию Израйля — импресарио. Наиболее известными из них были Я. Агамон, А. Богатырь и Д. Ори, регулярно общавшиеся с советским посольством и «достававшие» для благодарной израильской публики исполнителей, актеров и т. д. Так, весной 1965 г. Агамон делал попытки через советское посольство пригласить Юрия Левитана для ведения концертной программы к 20-летию победы над фашизмом¹⁶. Деятельность импресарио в некоторых аспектах не устраивала ни советское, ни израильское правительство. Секретари советского посольства в феврале 1965 г. подготовили доклад о развитии культурных связей между СССР и Израилем, отметив, что долгое время «...советская сторона, не отказываясь от культурных связей с Израилем, не форсировала их расширение... Однако,

начиная со второй половины 1964 года, в культурных связях между двумя странами наметилось заметное оживление... Только в январе 1965 года в СССР побывало несколько деятелей культуры Израиля, гастролировал израильский пианист Боренбаум, в музее им. Пушкина открылась выставка произведений израильских графиков, в Израиле проведен фестиваль советских кинофильмов с выездом делегации советских киноработников, поставлен вопрос об участии Советского Союза в Международном конкурсе арфистов...»¹⁷. Причину этого чиновники видели в финансовой мотивации организаторов мероприятий: «...идут на расширение связей с Израилем и часто мотивируют это коммерческими соображениями...»¹⁸, в связи с чем было решено «посоветовать посольству СССР в Израиле более тщательно рассматривать поступающие к нему предложения по культурным связям...»¹⁹. С другой стороны, упомянутый выше министр Авида в разговоре с послом отметил, что израильская сторона также недовольна развитием культурных связей в коммерческом ключе — для того, чтобы формировать сетку мероприятий в интересах государства, Авида в 1965 г. поехал в СССР и встречался с Фурцевой²⁰. Возможно, после их встречи Фурцева начинает форсировать популяризацию конкурса Чайковского в Израиле, что нашло отражение в нескольких директивах посольству в том же году²¹.

Если до 1965 г. стараниями разных общественных и государственных сил Израиля культурное взаимодействие между двумя странами нарастало, то события 1965 и 1966 гг. снизили эту динамику. Советское правительство осуждало любое вторжение во внутренние дела СССР, поэтому всплеск недовольства у израильтян в связи с делом Синявского и Даниэля (как отмечает Костырченко, «несмотря на то, что, в отличие от последнего, Андрей Синявский не был евреем... не без стараний властей распространились слухи об обратном, благо тот подписывал свои нелегальные произведения псевдонимом “Абрам Терц”, позаимствованным из еврейской блатной песни»²²) был воспринят СССР как прямое вторжение во внутренние дела страны. Последней каплей стали недели солидарности с советскими евреями, несколько раз проводимые в 1966 г. в Тель-Авиве. Начинают отменяться мероприятия, уже утвержденные планами культурного сотрудничества, причем отказы обосновываются советскими чиновниками настолько неправдоподобно, что израильтяне в разговорах с послом напрямую выражают свое недоверие — директор Израильского филармонического оркестра Хефтель заявил послу Чувахину, что «...по мнению руководства филармонии, госконцерт выдвинул весьма странные

причины, по которым не может состояться обмен гастролями в мае месяце с. г. Эти причины (отсутствие гостиницы, концертного зала) весьма несостоятельны... обмен концертами был запланирован еще год назад...»²³.

В том же году происходит инцидент, с одной стороны, маркирующий ухудшение отношений между Израилем и СССР, а, с другой стороны, демонстрирующий «сбитую оптику» советского правительства. Летом 1966 г. в Израиле прошли гастролы советского цирка. В тот же период по стране гастролитовал болгарский цирк, который по договоренности с СССР должен был уехать до приезда советского, но, вместо этого, задержался на пару месяцев, «отбив» часть публики у социалистического товарища. В израильской периодике это событие получило название «Война цирков»²⁴. В докладе же советского посла история противостояния цирков лишь упоминается, вместо этого ярко описывается происшествие перед одним из выступлений: «Некоторые круги были заинтересованы в том, чтобы подорвать успех советского цирка... уже в день премьеры на улицах, ведущих к цирку, вокруг здания, в помещении цирка, были разбросаны антисовестские листовки...»²⁵. В прессе выходят уже открытые обвинения в сторону советского правительства: «СССР посылает арабам первосортное военное вооружение, а Израилю третьесортный цирк...»²⁶.

Таким образом, еще до полного прекращения дипломатических отношений между Израилем и СССР обстановка, представленная, по большей части, культурными связями, начинала ухудшаться. Связано это было, с одной стороны, с выказываемым равнодушием Израиля по отношению к внутренней советской политике, которая могла затрагивать лиц еврейской национальности, а, с другой стороны, порой чрезмерным напором различных сил Израиля на форсирование культурных связей с СССР.

Примечания

¹ Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: «Международные отношения», 2012. 521, [1] с.; *Его же*. Брежнев и еврейский вопрос // Россия XXI. 2017. № 4 (июль–август). С. 102–123; № 5 (сентябрь–октябрь). С. 118–147.

² Митрохин Н. А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 гг. М.: НЛЮ, 2003. 617, [2] с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

³ Костырченко Г. В. Брежнев и еврейский вопрос. № 4. С. 103.

⁴ Там же. С. 105.

⁵ Митрохин Н. А. Указ. соч. С. 95.

⁶ Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева. С. 68.

⁷ С основным содержанием этого мифа можно ознакомиться на данных ресурсах: Чебурашка родом из Яффо. [Электронный ресурс]. URL: <http://jew-observer.com/nad-chem>

- smeemysa/cheburashka-rodом-iz-yaffo/ (Дата обращения: 29.01.2019); Чебурашка был евреем. [Электронный ресурс]. URL: <https://macos.livejournal.com/1244062.html> (Дата обращения: 29.01.2019).
- ⁸ Б/а. Выступление израильских артистов // Вечерний новости. Вильнюс. 1966. 14 июля (хранится в: РГАЛИ. Ф. 2329 (Министерство культуры СССР (Москва, 1953–1992)). Оп. 9. Д. 1253 (Отзывы советской прессы о гастрольях артистов Дагомеи, Израиля и Турции в СССР. 15 января 1966 – 12 марта 1967). Л. 5).
- ⁹ Кафканова Л. Артисты из Израиля // Советская культура. Москва. 1966. 17 сентября. (хранится в: РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 1253. Л. 7).
- ¹⁰ Костырченко Г. В. Тайная политика Хрущева. С. 292.
- ¹¹ Запись из дневника второго секретаря посольства СССР в Израиле Азарова // ГАРФ. Ф. 9518 (Комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР). Оп. 1. Д. 497 (Переписка с посольством СССР в Израиле, министерствами и другими учреждениями о культурных связях СССР и Израиля. 20 марта 1959 – 24 декабря 1964). Л. 62–63.
- ¹² Письмо Военно-финансового управления МИД П. Крюкову, заместителю председателя Комитета по культурным связям от 28 июля 1967 года // ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 1076 (Записи бесед с общественными и политическими деятелями по Израилу и переписка с посольством СССР в Израиле и центральными учреждениями о культурном сотрудничестве. 24 января 1966 – 2 сентября 1967). Л. 46.
- ¹³ Там же. Л. 47.
- ¹⁴ Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в Советском союзе. Т. 1. Иерусалим : Маханаим, 2007. С. 115.
- ¹⁵ Из дневника Чувакина. Запись беседы с М. Клаузнер (20 января 1965 года) // ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 497 (Переписка с посольством СССР в Израиле, министерствами и другими учреждениями. 6 января – 20 ноября 1965 года). Л. 4.
- ¹⁶ Запись беседы с импресарио Я. Агмоном. Из дневника советского посла Н. Слепова (8 марта 1965) // РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 873 (Материалы о культурном сотрудничестве СССР и Израиля. Записи бесед, списки, переписки. 21 января – 21 декабря 1965). Л. 31.
- ¹⁷ Доклад «О развитии культурных связей между СССР и Израилем» тов. И. Самыловского и тов. И. Тишина от 4 февраля 1965 // ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 497. Л. 7–9.
- ¹⁸ Там же. Л. 9.
- ¹⁹ Ответ Посольству СССР в Израиле от тов. А. А. Петрова, Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами // Там же. Л. 10.
- ²⁰ Запись беседы посла Чувакина с министром Авида (16 октября 1965) // РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 873. Л. 113–114.
- ²¹ Письмо Е. Фурцевой советскому посольству в Израиле // Там же. Л. 33; Доклад советского посольства о мерах по популяризации конкурса им. Чайковского в Израиле // ГАРФ. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 497. Л. 35–36.
- ²² Костырченко Г. В. Брежнев и еврейский вопрос. № 4. С. 104.
- ²³ Запись беседы с директором Израильского филармонического оркестра Н. Хафтелем и секретарем А. Козном 30 апреля 1966 // РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 1267 (Материалы о культурном сотрудничестве СССР и Израиля. 4 февраля 1966 – 6 мая 1967). Л. 15–16.
- ²⁴ Доклад об итогах гастролей советского цирка в Израиле (Посол Чувакин. 29 октября 1966) // Там же. Л. 46.
- ²⁵ Там же. Л. 53.
- ²⁶ Там же.
-
-

В ВОСПРИЯТИИ ОКРУЖАЮЩИХ



УДК 930.85

М. М. Юнусов*(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)***Монтень об одном иудейском обряде
(из «Дневника путешествия в Италию»)**

Выдающийся французский мыслитель XVI в. Мишель Монтень известен, прежде всего, как автор «Опытов» — сборника философских размышлений и наблюдений над каждодневной жизнью людей, и, разумеется, над своей собственной, рассуждений об истории, литературе, морали, политике, образовании, традициях, достижениях и заблуждениях современников. Работу над сборником автор не прекращал практически до последних дней своей жизни. Посмертное издание «Опытов» вышло в свет в 1595 г., через три года после ухода Монтеня из жизни. Идеи философа оказали большое влияние на европейскую культуру и философскую мысль. Шекспир, Паскаль, Декарт, Фр. Бэкон, Вольтер, Пушкин, Толстой и др. были в числе строгих и благодарных читателей «Опытов».

Менее известна другая работа Монтеня — «Дневник путешествия в Италию через Швейцарию и Германию в 1580–1581 гг.» (*“Journal du voyage en Italie par la Suisse & l’Allemagne en 1580 & 1581”*). Рукопись «Дневника», состоявшая примерно из двухсот страниц, без титульного листа, была обнаружена аббатом Прюни, перигорским каноником, в замке Монтень, когда он уже принадлежал потомкам дочери философа Элеоноры, в 1770 г. и впервые опубликована в 1774 г. сотрудником королевской библиотеки А. Мёнье де Керлоном, через 180 лет после смерти философа. Этот дневник, записанный отчасти самим философом и отчасти его секретарем, примерно поровну на французском и итальянском языках, очевидно, не предназначался для публики, потому что в нем, помимо заметок и всякого рода наблюдений, регулярно отмечалось состояние здоровья Монтеня, страдавшего мочекаменной болезнью. Собственно, лечение этой болезни и было одной из целей поездки философа по целебным источникам соседних с Францией стран — Германии и Италии¹.

Мишель Монтень родился в 1533 г. на юго-западе Франции в фамильном замке Монтень, между Бордо и Перигё. По отцовской линии он происходил из богатой купеческой семьи Эйкемов, получившей дворянство в конце XV в. Тогда же его прадед приобрел сеньерию

Монтень с замком, ставшую одновременно родовым именем философа. По материнской линии Мишель Монтень принадлежал еврейской купеческой семье Антуанетты де Лупп де Вилленов (Antoinette de Louppes de Villeneuve), принявшей христианство, бежавшей от преследований инквизиции с Пиренейского полуострова и поселившейся в конце XV в. на юге Франции, в Бордо. Это последнее обстоятельство — наполовину еврейское происхождение Мишеля Монтеня — уже долгое время обсуждается биографами и исследователями научного наследия философа². Сам он нигде об этом не упоминает, как ничего не пишет и о своей матери, хотя отцу, напротив, посвящает в «Опытах» немало места. Наполовину еврейское происхождение, как кажется, дает основание ожидать в работах Монтеня развитие отдельно еврейской темы, какой-либо выраженной позиции относительно иудаизма, но в «Опытах» Монтеня она не носит сколько-нибудь выделенного характера, а упоминания о евреях или иудаизме занимают не больше места, чем отдельные факты о других народах или их вероисповеданиях. Например, в главе «О молитвах» Монтень упоминает евреев наряду с мусульманами, как равно почитающих языки своих священных писаний (т. I, гл. LVI, с. 400)³, а в главе «Апология Раймунда Сабундского» пишет о бытующем у них же обряде обрезания (т. II, гл. XII, с. 286). Приводя пример из Иосифа Флавия в главе «Трусость — мать жестокости» о распятии трех евреев, осужденных за какие-то преступления, Монтень не выходит за рамки своих общих рассуждений о чрезмерной жестокости наказания преступников вообще (т. II, гл. XXVII, с. 440).

В этой связи представляют большой интерес заметки философа, а возможно, судя по контексту, его секретаря, о встрече Монтеня с евреями во время путешествия по Италии и особенно его развернутый рассказ о церемонии обрезания, на которой он присутствовал лично. Место проведения этой церемонии точно не указано, но можно предположить, что она имела место в римском гетто для евреев, которое нечасто посещали путешествующие по Святому городу иностранцы.

За полвека до приезда в Италию Монтеня, в первой половине XVI в., население еврейской части Вечного города значительно увеличилось как за счет евреев, изгнанных из Испании Фердинандом и Изабеллой, так и беженцев со всех сторон Италии. Основным местом их расселения стал римский район Трастевере, представлявший собой бесконечный лабиринт мощенных кирпичом и камнем узких улочек, где роскошные дома представителей высших классов соседствовали с маленькими обветшалыми домами бедняков. Несмотря на тесноту,

еврейская община в Риме до середины XVI в. находилась в более благоприятном положении по сравнению с большинством евреев в других областях Италии и Европы. Начало Контрреформации заметно ухудшило это положение вследствие папской политики наложения ограничений на евреев, что продолжалось на протяжении более трех веков.

14 июля 1555 г. римский папа Павел IV издал буллу *Cum nimis absurdum*⁴. Первые строки этого документа уже определяли изменившуюся политику папства по отношению к евреям и указывали христианскому миру на то место, которое предстояло занять еврейским общинам в социальной иерархии католических стран Европы⁵: «Поскольку это нелепо и неприемлемо, что евреи, которые за свою вину были осуждены на вечное рабство, под предлогом того, что христианское благочестие принимает и терпит их присутствие рядом, могут быть настолько неблагодарными христианам и им вместо благодарности отвечать неуважением, а вместо рабства, которого заслуживают, претендуют на превосходство над ними...»⁶.

В соответствии с положениями буллы евреям было запрещено владеть недвижимостью на территории Папского государства, иметь в одном городе и за его пределами более одной синагоги. Среди ограничений на род занятий были запрет лечить христиан и продавать им зерно, а также учиться в христианских университетах. В Риме евреям было предписано компактно поселиться в одном месте, в районе так называемого с древности Фламиниева цирка — заболоченной излучине р. Тибр, которое было огорожено высокой стеной с тремя воротами. Жители этого печально знаменитого Римского гетто⁷, мужчины, были обязаны носить желтые шапки, а женщины — платки желтого цвета⁸. Подобного рода гетто были созданы и в других городах Италии⁹.

К моменту приезда Монтеня в Рим, при папе Григории XIII (1572–1585), еврейская община по факту получила некоторые послабления со стороны папской власти в повседневной жизни, однако политика сегрегации и религиозного давления на исповедующих иудаизм евреев оставалась неизменной. Со своей стороны, евреи, несмотря на все лишения и религиозный пресс католической власти, продолжали строго следовать канонам иудейской религии, о чем и свидетельствуют строки из дневника Монтеня¹⁰:

– «28 января у него (Монтеня) были колики, которые, однако, не помешали ему заниматься обычными делами. Он избавился от одного достаточно большого и нескольких маленьких камней. Тридцатого [января] он наблюдал за старейшей религиозной церемонией, кото-

рая еще устраивается людьми. Он следил за ней очень внимательно и с большим удовольствием. Это — обрезание у евреев. Еще раньше он уже был в одной их синагоге, субботним утром, во время службы, когда они читали вразнобой¹¹, как и в протестантской церкви, отдельные отрывки из библии, подобающие случаю, на еврейском языке. При одинаковом темпе чтения слышалась крайняя дисгармония из-за смешения множества голосов прихожан совершенно разного возраста, включая малолетних детей, также участвовавших в службе. Все они весьма посредственно понимают еврейский язык. К чтению своих молитв они относятся не с большим вниманием, чем мы к нашим, занимаясь при этом своими делами и не выказывая большого благоговения перед таинством службы. При входе они умывают руки и, войдя внутрь, считают грехом снять шапочку [кипу], склоняют голову и преклоняют колени там, где этого требуют их обряды. На головах или на плечах у них специальное покрывало [талит] с кисточками [цицит]. Но описывать все эти детали подробнее заняло бы слишком много времени. После обеда их настоятели по очереди дают разъяснения по определенному отрывку из библии, говоря на итальянском языке. После этого один из их помощников выбирает кого-нибудь из числа слушателей, или иногда двух-трех человек последовательно, для оспаривания того, что было представлено настоятелем. Тот, которого мы слышали, показался ему [Монтеню] очень красноречивым и достаточно разумным в своей аргументации. Что касается обрезания, то его делают дома, где живет ребенок, в самой удобной и самой светлой комнате. Но так как там, где находились мы, комнаты не подходили для этого, церемонию проводили у входной двери. Они, как и мы, определяют крестного отца [сандака] и крестную мать [сандакит] для ребенка, имя которому дает родной отец. Обрезание ребенку делают на восьмой день после рождения. Крестный садится на стол и кладет на колени подушку, а крестная передает ему младенца и удаляется. Ребенок обмотан пеленками таким же образом, каким это делаем и мы. Крестный отец снимает пеленки, а в это время помощники, и тот, кому предстоит сделать операцию [мохель], сразу начинают петь, продолжая пение в течение всего процесса обрезания, который длится около четверти часа. Операцию может делать не только раввин, но и любой из тех, кого попросят это сделать, потому что частое занятие этим считается у них очень благочестивым делом. Порой они, по сути, платят за приглашение сделать обрезание, дая ребенку подарки одеждой или какими-нибудь другими нужными ему вещами. Они верят в то, что тому, кто делает обрезание определенному количеству детей, по-

сле его смерти черви никогда не выедят рот. На стол, на котором сидит крестный, тут же ставят множество необходимых для операции инструментов. Кроме того, один из помощников держит тут же в руках бутылку с вином и чашу. Здесь же стоит глиняная жаровня, над которой мастер [мохель] сначала греет руки, затем подходит к крестному, держащему на коленях полностью распелёнанного младенца, берет крайнюю плоть ребенка и оттягивает ее одной рукой, а другой отрезает кожицу, тут же накладывая на место раны серебряное приспособление. Это приспособление, закрепленное сразу за головкой члена, удерживает место пореза в определенном месте, не позволяя ему расширяться в обе стороны. После этого он разрезает ножом удаленную часть крайней плоти и сразу же закапывает ее в землю, насыпанную в тазик, стоящий рядом, заранее подготовленный наряду с другими приспособлениями для этого таинства. Далее мастер ногтями силой вырывает маленький обрывок кожицы у головки члена и ровняет место среза у головки¹². Видно, что для этого нужно иметь большое мастерство, а сама операция болезненная. В любом случае, она совершенно не опасная и рана заживает за четыре-пять дней. Младенец плачет так же, как и наши дети во время обряда крещения. Как только операция завершается, мастеру быстро протягивают немного вина, которым он наполняет рот и отсасывает кровь, обхватывая губами кровоточащую головку члена младенца, затем сплевывая ее. Это продлевается трижды с вином во рту. После этого ему протягивают маленький бумажный пакетик с розовым порошком, называемым «кровь дракона»¹³, которым он, обсыпая, покрывает всю рану и заворачивает весь член младенца в специально приготовленный для этих целей отрез льняной ткани. Затем ему [мохелю] предлагают полную чашу вина, над которым он произносит молитву, как они говорят, благословляя его, делает небольшой глоток из чаши, окунает палец в вино, давая младенцу обсосать с него капли напитка, продлевая это трижды. Затем остатки вина в чаше передают матери и другим женщинам, ожидающим в других комнатах дома, чтобы они допили его. После этого третий участник церемонии берет серебряный предмет в форме шара с отверстиями как у наших курительных плошек, имеющий длинную ручку, и подносит ее сначала к мастеру, затем к ребенку и, наконец, к крестному отцу. По их представлениям, в нем содержатся запахи, которые укрепляют и очищают силу набожности. У него [мохеля] при этом на губах остаются следы крови. 8 и затем 12 числа у него [Монтеня] проявились симптомы коликов и ему удалось избавиться без сильной боли от части камней»¹⁴.

Эти и другие заметки Монтеня имеют не только большой исторический интерес. Сам по себе «Журнал путешествия» как бы слегка приоткрывает дверь в творческую мастерскую мыслителя, предоставляя исследователям и широкому кругу читателей уникальную возможность видеть, из каких наблюдений за разнообразными и часто не связанными между собой каждодневными событиями в жизни людей складывался особый скептический критицизм «Опытов» Монтеня, по выражению Вольтера — «самого несистематичного из философов, но самого мудрого и занимательного».

Примечания

- ¹ Об обстоятельствах находки дневника, поездке философа в Германию и Италию, кратком содержании путевых записок пишет во вступительной статье сам М. де Керлон: *Journal du voyage de Michel de Montaigne en Italie, Par la Suisse & l'Allemagne en 1580 & 1581. Avec des Notes par M. de Querlon. T. I. Rome, Paris : chez Le Jay, 1774. P. I–CVIII.* Второе издание «Дневника» со вступительной статьей, комментариями и примечаниями Луи Лотрея: *Montaigne. Journal de Voyage. Publié par Louis Lautrey. Paris : Hachette, 1906.* Современное текстологическое исследование «Дневника»: *Cavallini C. «Cette belle besogne». Etude sur le Journal de voyage de Montaigne. Fasano, Paris : Schena Editore, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005.* См. также: *Murray J. The Significance of Montaigne's "Journal de Voyage" in Relation to His "Essays" // The Modern Language Review. Vol. 29, No. 3. Jul., 1934. P. 291–296; Forkey L. O Montaigne's Trip to Italy, 1580–1581 // The French Review. Vol. 13, No. 2. Dec., 1939. P. 122–128; Françon M. Note on the First Editions of "Journal du Voyage de Michel de Montaigne en Italie" // Modern Philology. Vol. 65, No. 3. Feb., 1968. P. 231–232; Артамонов Д. С. Итальянский дневник Монтеня // Писатель и жизнь: сборник историко-литературных, теоретических и критических статей / Лит. ин-т им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Под ред. С. Д. Артамонова [и др.]. М. : Издательство Московского университета, 1961. С. 215–232. О трактовке Монтенем водной стихии в «Дневнике» см.: Чекалов К. А. «П а accoutumé craindre l'eau» («Дневник путешествия в Италию» Мишеля Монтеня) // Вестник МГПУ, сер. «Филологическое образование». 2009. № 1. С. 55–62; № 2 (3). С. 39–49.*
- ² Из литературы о жизни Монтеня и исторических корнях его предков укажем на некоторые работы, посвященные еврейским корням философа: *Courteault P. La mere de Montaigne // Mélanges de Littérature, d'Histoire et de Philologie offerts À Paul Laumonier. Paris : E. Droz, 1935. P. 305–327; Friedenwald H. Montaigne's Relation to Judaism and the Jews // The Jewish Quarterly Review, New Series. Vol. 31, No. 2. Oct., 1940. P. 141–148; Roth C. The Jewish Ancestry of Michel de Montaigne // Personalities and Events in Jewish History. Philadelphia : Jewish Publication Society, 1953. P. 212–225; Frame D. Montaigne, a biography. London : Hamilton, 1965. P. 16–28; Metzger R. A. Marranos of Southern France in the Early Sixteenth Century // The Jewish Quarterly Review, New Series. Vol. 72, No. 4. Apr., 1982. P. 303–311.*
- ³ Ссылки на «Опыты» по изданию: *Монтень М. Опыты. / Пер. А. А. Бобовича. Т. I–III. М. : Изд. АН СССР, 1954–1960.*
- ⁴ Одно из изданий этой буллы было сделано Л. Керубини в Лионе в 1655 г.: *Magnum Bullarium Romanum, a B. Leone Magno vsque ad S. D. N. Innocentium X. Tomus primus. Lugduni : Sumpt. Phil. Borde, L. Arnaud, & Cl. Rigaud, 1655. P. 810–811.* Современный перевод буллы на английский язык см.: *Stow K. R. Catholic Thought and Papal Jewish Policy, 1555–1593. New York : Jewish Theological Seminary of America, 1977. P. 291–298.* Отметим, что мнение К. Р. Стоу о том, что главной целью этого документа было стремление пап-

ства вынудить евреев массово отступить от иудаизма и принять католичество, разделяют не все исследователи. См, например, полемику вокруг перевода-интерпретации буллы К. Р. Стоу: *Berger D. Cum Nimis Absurdum and the Conversion of the Jews* // *The Jewish Quarterly Review*. Vol. 70, No. 1. Jul., 1979. P. 41–49; *Stow K. R. The Proper Meaning of “Cum nimis Absurdum”* // *The Jewish Quarterly Review*. Vol. 71, No. 4. Apr., 1981. P. 251–252.

⁵ Здесь и далее все переводы наши.

⁶ “Cum nimis absurdum et inconueniens existat ut iudaei, quos propria culpa perpetuae servitutis submisit, sub praetextu quod pietas christiana illos receptet et eorum cohabitationem sustineat, christianis adeo sint ingrati, ut, eis pro gratia, contumeliam reddant, et in eos, pro servitute, quam illis debent, dominatum vendicare procurent...” (Magnum Bullarium Romanum. T. 1. 1655. P. 810).

⁷ О происхождении термина «гетто»: *Debenedetti-Stow S. The Etymology of “Ghetto”: New Evidence from Rome* // *Jewish History*. Vol. 6, No. 1/2. The Frank Talmage Memorial Volume, 1992. P. 79–85. Очерк истории Римского гетто с редкими фотографиями конца XIX – начала XX вв.: *Lerner L. S. Narrating over the Ghetto of Rome* // *Jewish Social Studies*, New Series. Vol. 8, No. 2/3. Winter – Spring, 2002. P. 1–38.

⁸ Подробнее см.: *Gregorovius F. Der Ghetto und die Juden in Rom*. Leipzig : F. A. Brockhaus, 1856 (не утратившая до сих пор актуальности работа немецкого историка Фердинанда Грегоровиуса (1821–1891); *Pastor L. (von) History of the Popes, from the Close of the Middle Ages.* / Ed. By R. F. Kerr. Vol. XIV. London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1924. P. 271–276 (английский перевод хрестоматийного многомника Людвиг фон Пастора (1854–1928) по истории папства: *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*. Freiburg, 1886–1895); *Milano A. Il ghetto di Roma: illustrazioni storiche*. Roma: Staderini, 1964 (фундаментальная монография Атилио Милано (1907–1969), итальянского историка, мигрировавшего в подмандатную Британию Палестину в 1939 г.)

⁹ О положении евреев в других городах Италии: *Calabi D., Gaviano M.-P. Les quartiers juifs en Italie entre 15-e et 17-e siècle: Quelques hypothèses de travail* // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 52e Année, No. 4. Jul.–Aug., 1997. P. 777–797 (с иллюстрациями планов некоторых городов); *Ravid B. Cum Nimis Absurdum and the Ancona Auto-da-Fé revisited: their impact on Venice and some wider reflections* // *Jewish History*. Vol. 26. 2012. P. 85–100 (о положении евреев в Венеции).

¹⁰ Предлагаемый ниже отрывок переведен с первого издания, с учетом предложенных комментариев М. де Керлон (*Journal du voyage de Michel de Montaigne en Italie, Par la Suisse & l’Allemagne en 1580 & 1581. Avec des Notes par M. de Querlon*. T. I. P. 311–317) и корректур Л. Лотрей (*Montaigne. Journal de Voyage. Publié par Louis Lautrey*. P. 223–227). Пояснения в квадратных скобках наши.

¹¹ У М. де Керлон: в примечании «неистово, во всю мочь».

¹² Имеется в виду разрыв внутреннего стока крайней плоти.

¹³ У М. де Керлон: в примечании: «Смолистая жидкость, выделяемая деревом, имеющим четыре разновидности».

¹⁴ Как своего рода иллюстрацию этих наблюдений Монтеня можно рассматривать картину «Обрезание» итальянского художника эпохи Рококо Марко Марколы (*Marco Marcola*, 1740–1793), хранящуюся в Парижском музее искусства и истории иудаизма, и доступную для просмотра в Сети:

https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Marco_Marcola#/media/File:Marco_Marcola_Circumcision.jpg

УДК 93/94

Н. Ю. Николаев

(г. Волжский Волгоградской обл., Российская Федерация)

Р. Ш. Ибрагимов

(г. Волжский Волгоградской обл., Российская Федерация)

**«Еврейский вопрос» на страницах либеральных
периодических изданий в конце XIX в.: по материалам
«Вестника Европы» и «Русской мысли»**

«Еврейский вопрос» традиционно привлекал внимание отечественных публицистов. Ведущие либеральные журналы рубежа XIX–XX вв. («Вестник Европы», «Русская мысль») принимали активное участие в общественно-политическом дискурсе о судьбах еврейского народа, вписывая его в общий контекст развития российской государственности. На наш взгляд, особый интерес представляет анализ либеральной публицистикой «еврейского вопроса» в конце XIX в. С начала 1880-х гг. наблюдался резкий рост ограничений правового положения российских евреев, прервавший проводившуюся в прежнее царствование политику постепенной ликвидации антиеврейского законодательства¹. В частности, в 1882 г. были приняты «Временные правила» («майские»), которые запрещали евреям селиться в сельской местности, приобретать недвижимое имущество вне местечек и городов, арендовать земельные угодья; торговать в воскресные дни и христианские праздники². Этому указу предшествовали масштабные погромы, поводом для которых стала трагическая гибель императора Александра II.

Под влиянием правительственных решений, нападок правой печати и эскалации насилия в отношении евреев либеральные издания попытались сформулировать собственное видение межэтнических отношений в Российской империи. Значительную роль в формировании либерального подхода к «еврейскому вопросу» сыграли «толстые» журналы. В 1880 г. в Москве стал выходить журнал «Русская мысль», стоявший на позициях умеренного либерализма и вплоть до революции 1917 г. являвшийся одним из самых популярных литературно-политических изданий в стране.

Проблематика «еврейского вопроса» появилась на страницах журнала фактически с момента его создания. В основном текущая

информация по данной теме публиковалась в рубрике «Внутреннее обозрение», представлявшей собой краткий внутривнутриполитический обзор предшествующего месяца. Автором раздела «Внутреннее обозрение» в то время был известный публицист, ученый и общественный деятель В. А. Гольцев, публиковавшийся под псевдонимом «В. Г.» и оказавший значительное влияние на усиление либеральной составляющей в редакционной политике журнала.

Погромы 1881–1883 гг. были представлены на страницах издания достаточно лапидарно. Тем не менее, даже в скупых строчках, посвященных «беспорядкам на юге», можно заметить серьезное расхождение мнений публицистов «Русской мысли» с позицией «патриотических» изданий. Гольцев называл произошедшие события «беззаконным и бесчеловечным делом», одновременно отметив и озлобление местного населения против «евреев-шинкарей» и «евреев-кредиторов». Однако экономическая эксплуатация русских со стороны торговцев-евреев, по его мнению, ни в коей мере не заслуживала учиненной дикой расправы и свидетельствовала, прежде всего, о «глубоком невежестве народа, об отсутствии у него чувства законности»³. Недостаточная распространенность образования среди крестьян, вызванная, в том числе, правительственными мерами по сокращению земских и сельских школ, привела к тому, что малороссийское население, во-первых, не способно было «противостоять смышленому беззастенчивому в торговых приемах племени» и, во-вторых, поддавалось «всякому неясному слуху, всякой злонамеренной агитации»⁴.

Отметим, что акцентированное внимание на жесткую эксплуатацию местного населения еврейскими торговцами как первопричину погромов 1881–1883 гг. сближало позицию «Русской Мысли» с правыми изданиями. Однако при этом наблюдались и существенные отличия. Если национал-патриоты подчеркивали исключительно этническую (еврейскую) природу эксплуатации народных масс на юго-западе империи, то либеральные журналисты вписывали угнетение местного населения в более широкий контекст социально-экономического развития России последней трети XIX в. Следовательно, антисемитские выступления были вызваны не столько фактом проживания в регионе евреев (хотя в известной степени на них возлагалась ответственность за погромы), но в значительно большей степени незавершенностью модернизации страны, нерешенными крестьянским и рабочим вопросами.

В 1880-е гг. на страницах «Русской мысли» публиковались материалы (стоит указать на их редкость), которые следует однозначно

оценить как юдофобские. Так, известная журналистка Н. В. Каирова, анализируя положение национальных меньшинств в венгерской части дуалистической монархии, увязывала многие социальные проблемы Транслейтании с засильем евреев. И хотя автор подчеркивала, что не питает ненависти к евреям, это не мешало ей заявлять, что «нельзя быть слепым к их недостаткам, нельзя не признать того, что, при известных условиях, они являются язвой страны, в которой поселяются, источником бедствий и деморализации туземного населения»⁵.

Однако появление подобных материалов в «Русской мысли» в 1880-е гг., на наш взгляд, не противоречило общему идейному настрою издания, выступавшему за демонтаж правовой и культурной сегрегации евреев. Редакция поддержала работу т. н. «комиссии Палена» (1883–1888 гг.), которая занималась пересмотром действовавшего в отношении евреев законодательства. Однако требования отмены социально-правовых ограничений парадоксальным образом сочетались с использованием клишированного образа еврея как скупердя, прощелыги и «кровопийцы». К примеру, анализируя возможные осложнения при реализации права свободы передвижения и проживания евреев, Гольцев одновременно воспроизводил набор юдофобских стереотипов в русле вульгарной этнопсихологии. Публицист отмечал «несимпатичность евреев с их погоней за наживой, с их чисто-коммерческим складом ума, их изворотливостью и склонностью к крайнему «реализму» в средствах для достижения эгоистичных целей»⁶.

Тем не менее, журнал последовательно выступал против социально-правовых притеснений, направленных против еврейского населения. Так, «Русская мысль» негативно отнеслась к инициативе правительства ограничить деятельность евреев в юридической практике. Проект закона, предполагавший обязательное квотирование числа евреев в составе присяжных поверенных (адвокатов) в каждом округе десятью процентами, редакция сочла неразумным и противоречащим духу и букве закона⁷. Столь же противоправными редакции виделись и меры, направленные на ужесточение наказаний для евреев, уклонявшихся от воинской обязанности. Журнал признавал, что «евреи, действительно, изобретают многочисленные уловки, посредством которых уклоняются от военной службы». Однако система наказаний, предложенная правительством, должна или распространяться на все население без учета национальной и религиозной принадлежности, или совершенно не вводиться по причине полного произвола и незаконности⁸.

Резкое осуждение авторов «Русской мысли» вызывали случаи антисемитизма, которые происходили в других странах. Например, в

разделе «Иностранное обозрение» Гольцев с нескрываемым негодованием писал о росте шовинизма и юдофобии во Франции⁹. С особым интересом публицист отреагировал на шумевшее «дело Дрейфуса». Симпатии Гольцева целиком и полностью были на стороне А. Дрейфуса, которого он считал невинной жертвой антисемитских, клерикальных, реакционных и шовинистических настроений. С особым восторгом журналист отзывался о гражданском мужестве Э. Золя, не побоявшегося бросить вызов запятнанной позорным процессом политической системе Третьей Республики¹⁰. «Будем надеяться, — писал Гольцев, — что к началу будущего столетия, ко всеобщему празднику труда и мира, на который созывает народы Франция, она очистится от антисемитизма и преклонения перед саблями, и явится той великодушной и справедливой Францией, которую так любили и уважали повсюду»¹¹.

В конце 1890-х гг. можно наблюдать и неподдельный и благожелательный интерес публицистов «Русской Мысли» к нарождавшемуся сионистскому движению. В 1899 г. на страницах журнала появилась объемная статья, в которой подробно описывался третий конгресс сионистов в Базеле. По мнению ее автора, желание переселить всех евреев на историческую родину не только реализуемо, но и способно «освободить также другие народы от разъедающего их еврейского вопроса, от деморализующего антисемитизма»¹².

Немало внимания «еврейскому вопросу» уделялось и публицистами «Вестника Европы» — старейшего и авторитетнейшего либерального журнала дореволюционной России. Издание достаточно оперативно отреагировало на погромы 1881 г., определив их как «прискорбные события», которые были вызваны прежде всего... «анархистской агитацией». Помимо происков социалистов, причинами погромов назывались фундаментальные социально-экономические сложности в западных губерниях. Решить данную проблему могла лишь постепенная политико-правовая интеграция евреев в российское общество. Для профилактики насилия, по мнению издания, следовало также бороться с «невежеством и нравственным мраком», повышать благосостояние славянского населения и освобождать его от еврейской эксплуатации, развивать образование и просвещение, способствовать распространению законодательства «равного для всех, широкого и гуманного, чтобы внушить народу уважение к личности и праву»¹³.

Екатеринославский погром (1883 г.) «Вестник Европы» счел очередным доказательством неудачи правительственной политики («майских правил») по отношению к еврейскому населению. Погро-

мы происходили в основном в городах, поэтому запрет евреям селиться в сельской местности «может скорее обострить, чем смягчить проблему». «Вестник» призывал власти отказаться от полумер, не грезить фантастическими проектами выселения всех евреев из России, а расширить их права и прежде всего отказаться от черты оседлости¹⁴.

Как видим, программа мероприятий по предотвращению еврейских погромов «Вестника Европы» в общих чертах напоминала предложения «Русской мысли». В то же время, обращают на себя внимание более осторожные выражения, использованные публицистами «Вестника» и заметно меньшее внимание (не больше полутора страниц «Внутреннего обозрения»), уделенное столь значимым для политической жизни страны событиям.

Откликнулся «Вестник Европы» и на идею правительства ограничить численность евреев-адвокатов в каждом судебном округе до 10 %. Журнал не отрицал того факта, что евреев среди присяжных поверенных западных губерний «несоразмерно много», но причиной тому считал не приписываемую им страсть к наживе, а нежелание властей принимать получивших юридическое образование евреев на государственную службу¹⁵. Вместе с тем, ограничение числа евреев в адвокатуре издание признавало мерой законной и разумной, имеющей цель не допустить еврейский трайбализм и оградить законные интересы христиан¹⁶. Более спорным «Вестнику» представлялось решение ограничить численность евреев в казенных учебных заведениях, однако журнал был готов оправдать и его при том условии, что «максимальный процент учеников-евреев соответствует проценту еврейского населения в данной местности, и в учебных заведениях не оказывается места для всех желающих и могущих учиться»¹⁷.

В 1880-е – 1890-е гг. на страницах «Вестника Европы» встречались материалы, представлявшие еврейское население в откровенно негативном свете. Как правило, подобного рода тексты носили характер туристическо-этнографических зарисовок. В заметках о Галиции украинского просветителя А. Я. Конисского евреи фигурировали сплошь лютыми эксплуататорами, подлецами и мошенниками¹⁸. Известный писатель-путешественник Э. Р. Циммерман отмечал распространение в конце XIX в. антисемитизма среди французских колонистов в Алжире. Автор усматривал причину подобных настроений в возросшей конкуренции приезжих европейцев с местными евреями, которые декретом 1871 г. «получили права французского гражданства»¹⁹.

Тем не менее, отдельные юдофобские выпады не мешали редакции возмущаться антисемитскими решениями, принимаемыми как

на уровне местных властей, так и на правительственном уровне. Так, «Вестник» осудил появление циркуляра могилевского губернатора (позднее аналогичный указ был издан одесским градоначальником), предписавшего полиции «принять меры против невежливого и неприличного поведения евреев на улицах и в других публичных местах»²⁰. Отдельные попытки правых перевести «еврейский вопрос» в плоскость еще больших, чем определено действовавшим законодательством, запретительных мер, издание просто высмеивало. В частности, желание одного из депутатов курского дворянского собрания профессора харьковского университета Даневского ходатайствовать перед правительством об усилении «репрессивных мер против вторжения евреев во внутренние губернии» журнал метко назвал «стрельбой ультранационалистов по первой линии мишеней»²¹.

Издание поддерживало не только профессиональную, но и сословную эмансипацию евреев, считая, что лица иудейского вероисповедания в случае получения ими дворянского звания должны становятся полноправными членами дворянских корпораций. Право аноблирования, по мнению «Вестника Европы», было прерогативой власти, но не как не представителей самого благородного сословия, которое продолжало рассматривать евреев как элемент, дворянству чуждый и даже враждебный²².

Особое внимание журнал уделил рассмотрению сложных перипетий «дела Дрейфуса». Редакция «Вестника», безусловно, поддерживала лагерь «дрейфусаров», однако его авторы отличались большей сдержанностью и меньшей эмоциональностью в оценках на шумевшего процесса, чем их коллеги из «Русской мысли». К примеру, постоянный автор «Иностранного обозрения» Л. З. Слонимский достаточно критически высказывался о знаменитом письме-памфлете «Я обвиняю» Э. Золя. По словам журналиста, «Вместо того чтобы обвинять целую массу должностных лиц в сознательном осуждении заведомо невинного, он (Золя — *Н. Н., Р. И.*) мог бы с пользой обратить свой талант и свое красноречие на борьбу с той лживой газетной прессой, которая систематически отравляет умы ради временного успеха и наживы»²³.

Таким образом, в освещении «еврейского вопроса» двумя авторитетными либеральными изданиями мы можем наблюдать не только заметные отличия, но и внутреннюю идейную эволюцию. Например, на протяжении 1880-х – 1890-х гг. редакция журнала «Русская мысль» в целом не изменяла курсу на поддержку эмансипации евреев, последовательно отстаивая принципы их равноправия (ликвидацию черты

оседлости, запретов на профессии, ограничений в получении образования). В то же время тональность и содержание публицистики, посвященной «еврейскому вопросу», претерпели определенную эволюцию. Если в 1880-х гг. на страницах журнала еще присутствовали отдельные антисемитские выпады и подчеркивалась немалая доля вины евреев в погромах начала 1880-х гг. (как правило, речь шла об экономическом гнете со стороны еврейских торговцев и ростовщиков), то в 1890-е гг. поддержка еврейского населения стала более явственной, а юдофобские эскапады практически исчезли. В этот период не только усилилась критика правовой дискриминации российских евреев, но и возрос доброжелательный интерес к делам их соплеменников за границей («дело Дрейфуса», сионистские конгрессы).

Более последовательной позиции по «еврейскому вопросу» придерживался «Вестник Европы». На протяжении всего исследуемого периода издание осторожнее, чем «Русская мысль», говорило о еврейских погромах, отмечая веские причины для возникновения данных явлений. Соответственно, антиеврейское законодательство не встречало у публицистов «Вестника» такого отторжения, как у их более радикально настроенных коллег из «Русской мысли». Особенно это заметно в публикациях 1880-х гг., когда редакция «Вестника», пусть и с оговорками, была готова поддержать отдельные сегрегационные запреты. В «деле Дрейфуса», на наш взгляд, «Вестник Европы» занимал более сдержанную позицию, в то время как «Русская мысль» целиком и полностью поддерживала «дрейфусаров». Заметно отличалось и содержание материалов, посвященных суду над Дрейфусом. Если «Русская мысль» подчеркивала националистический, юдофобский характер данного процесса, то Слонимский в «Вестнике Европы» больше апеллировал к допущенным в деле юридическим нарушениям.

Примечания

¹ Егоров В. В. Правовое регулирование еврейского вопроса в период правления Александра III (1881–1894) // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 4 (21). С. 178–180; Егоров В. В. Реформы Александра II в отношении еврейского населения Российской империи // Там же. 2011. № 2 (19). С. 149–150.

² О приведении в действие временных правил о евреях // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при правительствующем Сенате. 1882. Первое полугодие. № 43 (2720). С. 450. № 272.

³ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1881. № 6. С. 97.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Н. С. [Каирова Н. В.] Евреи и румыны в Венгрии (Письмо в редакцию) // Русская мысль. 1884. № 6. С. 78.

⁶ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1886. № 1. С. 74.

⁷ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1886. № 7. С. 163–164.

- ⁸ Там же. С. 165–166.
- ⁹ Иностранное обозрение // Русская мысль. 1892. № 7. С. 141–142.
- ¹⁰ Иностранное обозрение // Русская мысль. 1898. № 2. С. 199.
- ¹¹ Иностранное обозрение // Русская мысль. 1898. № 7. С. 192–193.
- ¹² Л. Я-е [Яффе Л. Б.]. Третий конгресс сионистов (Письмо из Швейцарии) // Русская мысль. 1899. № 10. С. 181–182.
- ¹³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1881. № 6. С. 806.
- ¹⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1883. № 9. С. 354–355.
- ¹⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 7. С. 383–384.
- ¹⁶ Там же. С. 384–385.
- ¹⁷ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 869–870.
- ¹⁸ Кн. [Конисский А. Я.] Галичина и русины (Из дорожных заметок и наблюдений) // Вестник Европы. 1886. № 9. С. 113.
- ¹⁹ Циммерман Э. Р. По северным окраинам Африки // Вестник Европы. 1899. № 9. С. 318–320.
- ²⁰ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1890. № 8. С. 887–888.
- ²¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. № 5. С. 393–394.
- ²² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1899. № 11. С. 431–432.
- ²³ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1898. № 2. С. 828.

УДК 26-67(571.1)(09)

В. А. Герасимова

(г. Омск, Российская Федерация)

Антисемитизм в сибирских епархиальных ведомостях в период Первой мировой войны*

Общим тезисом работ о межнациональных отношениях в Сибири стал более высокий уровень толерантности во взаимоотношениях представителей различных этнических и конфессиональных групп. Отношение к евреям в сибирском социуме в этом контексте может служить определенным индикатором наличия / отсутствия межэтнического и межконфессионального напряжения¹. Как показывают исследования на основе делопроизводственных источников, гражданской периодической печати, материалов личного происхождения, Сибирь действительно была более терпима к представителям одного из самых дискриминируемых национальных меньшинств в Российской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект «Воображаемые территории русской идентичности: случай Палестины XIX–XXI вв.» (№ 18-78-10062).

империи, чем европейские регионы страны, особенно западные губернии. Разумеется, это не значит, что все сибиряки были свободны от предубеждений в отношении евреев: встречались здесь и антисемитские публикации, и бытовые конфликты. В один из наиболее острых периодов разгула антиеврейского насилия в империи — в октябре 1905 г. — в Томске произошел первый в Сибири еврейский погром. Начавшись как конфликт, не носящий этнического характера, он очень скоро оброс известными лозунгами «Бей жидов и студентов!»². Можно было бы назвать произошедшее случайностью и досадным недоразумением, вызванным стихийной агрессией толпы, для которой евреи стали одной из самых уязвимых групп для нападения³. Но «недоразумение» оказалось не разовым событием и уже в мае 1916 г., в следующий период, отмеченный высоким уровнем социального напряжения, еврейский погром разразился в Красноярске. Автор статьи о росте антисемитских настроений в Енисейской губернии в период Первой мировой войны Д. Хоменко назвал основной причиной эскалации конфликта ухудшение социально-экономического положения в регионе⁴. Не отрицая значения социально-экономического фактора как одного из определяющих, попробуем ответить на вопрос, какие еще факторы влияли на формирование негативного отношения к еврейскому меньшинству в Сибири. Обратимся для этого к довольно неожиданной для региона группе источников — комплексу публикаций официальной печати православной церкви в Сибири — епархиальным ведомостям.

Епархиальные ведомости на территории Сибири до 1919 г. выходили с периодичностью два раза в месяц в следующих губерниях: Енисейские (1884–1919), Иркутские (1863–1919), Омские (1898–1918), Томские (1880–1917) и Тобольские (1882–1919), Забайкальские (1900–1919). Их структура в основе своей была единой: выпуск состоял из официальной части (циркуляры и распоряжения, отчеты, публикации о вакантных местах для духовенства) и неофициальной (путевые заметки, публицистика, сообщения из разных населенных пунктов, исторические очерки и т. д.)⁵. Зачастую содержание номера формировалось преимущественно за счет перепечаток из центральных синодальных изданий, а события сибирской жизни ведомости «подсматривали» у соседей и перепечатывали целиком⁶, формируя, таким образом, общесибирское информационное пространство в рамках своей сферы влияния.

Поскольку в Сибири духовенство доминировало среди лидеров черносотенного движения⁷, неудивительно, что и на страницах

официальных епархиальных ведомостей периодически печатались антиеврейские материалы. Отметим попутно, что многие сибирские монархические организации имели собственные печатные издания, где градус антисемитских страстей был не в пример выше, чем в любом другом издании в регионе. Однако сплошной просмотр номеров сибирских епархиальных ведомостей позволил зафиксировать интенсификацию антисемитской риторики в этом типе изданий к 1916–1917 гг. Рассмотрим несколько сюжетов, получивших широкое освещение.

В неофициальной части № 7 от 1 апреля «Иркутских епархиальных ведомостей» была опубликована заметка под заголовком «Pro domo sua» («В защиту своего дома»), начинавшаяся с бытовой зарисовки о том, как некий иркутский коммерсант еврей Ц. явился в редакцию одной из местных газет и демонстративно потребовал не печатать более его объявлений в издании, поскольку эта газета публикует информацию, порочащую евреев. Причиной конфликта послужило сообщение о задержании еврея в регионе военных действий, шпионившего в пользу немцев. Для автора заметки в «Иркутских епархиальных ведомостях», коим был Иван Климюк, преподаватель местной духовной семинарии⁸, сюжет с евреем Ц. стал поводом для возмущения о другом: в № 70 одной из наиболее популярных газет «Сибирь», известной своей беспартийностью и неподконтрольностью властям, был опубликован фельетон некоего Ветлужского о православном попе, взявшем в качестве платы за требу котенка китайской породы. Фельетон, высмеивающий представителя православного духовенства, написанный евреем (впрочем, читателю совершенно не понятно, евреем ли был Ветлужский, ничего кроме фамилии в публикации не указано, а по другим источникам обнаружить еврея с такой фамилией не удалось), возмутил автора заметки. Далее Климюк заявляет: «Ведь не печатает же газета “Сибирь” подобные гнусности ни про католических ксендзов, ни про лютеранских пасторов, ни про бурятских лам, а тем более про еврейских раввинов» и добавляет: «при желании даже среди любезных газете еврейских цадиков и раввинов можно найти “уродов”». Ответ на вопрос, почему травле подвергается только православное духовенство, по мнению Климюка, прост: «И мы вспомнили, кто является руководителями “Сибири”. Мы мысленно назвали себе их: Бингер, Кац, Левентон, Ицхак Гольдберг, Лейзер Цыбин...». Резюме автора просто: «Неужели вы думаете, что мы позволим платить наши русские деньги той газете, которая печатает про нас всякие гнусности?».

Заметка не содержала никакого «сенсационного» материала, однако была перепечатана в «Тобольских епархиальных ведомостях» (№ 21 от 1 июня 1916 г.) под заголовком «Нечто о свободе и терпимости» и с большим опозданием в «Омских епархиальных ведомостях» под заголовком «К характеристике повременной печати» (№ 51 от 18 декабря 1916 г.). Несмотря на замену заголовка, далее текст полностью перепечатывался из исходной заметки в «Иркутских епархиальных ведомостях», в Тобольске без подписи, а в Омске — со ссылкой на Тобольск. Таким образом, заметка образовала пространственное кольцо.

Уже 8 января 1917 г. в «Омских епархиальных ведомостях» № 2 под псевдонимом «Сибирский священник» выходит статья «Что же нам делать?», которая на четырех страницах издания обсуждает вопрос «иудейского» засилья в российской и сибирской прессе и «отношение газетного иудейства к служителям православной русской церкви». Львиную долю текста занимает перечисление фамилий евреев, пишущих критику, публицистику, беллетристику, поэзию (в лучших традициях антисемитских изданий!). Статья заканчивается восклицаниями: «И хорошее слово сказали “Ирк. Еп. Ведомости” про иудейские издания: *“ни в свои дома, ни в дома наших меньших православных братьев мы вас не допустим”* (курсив в тексте — В. Г.). Пора, о пора это сделать русскому православному национально-мыслящему и чувствующему духовенству!».

15 февраля 1917 г. аналогичная заметка с тем же названием выходит в «Тобольских епархиальных ведомостях». Любопытно при этом, что ссылка на предыдущий материал «К характеристике повременной печати» дается для читателей на «Омские епархиальные ведомости», а не на абсолютно идентичный текст в тех же «Тобольских епархиальных ведомостях». Возможно, таким образом редактор стремился создать ощущение масштабности проблемы (пишет об этом не только Тобольск, но и Омск).

Через неделю, 26 февраля 1917 г., в «Омских епархиальных ведомостях», без упоминания евреев, встречаем следующее замечание: «Разверните хотя бы “Биржевку” и вы из первого номера увидите всю жизнь интересующей эту газету России вплоть до перехода в загробный мир какого-либо Соломона Соломоновича или Исаяи Даниэлевича, а наш Епархиальный орган, где мы должны делиться силой, знанием и опытностью... не дает такой картины интересующей нас жизни, и только потому, что все мы боимся или стесняемся взяться за перо».

Приведенными в рамках этого микроисследования материалами антисемитские публикации в сибирских епархиальных ведомостях вовсе не исчерпываются, однако встречались и нейтральные сюжеты: в отчете о сборе средств в пользу беженцев среди прочего сообщается о внесении пожертвования неким евреем, который объяснил свой поступок тем, что «талмуд повелевает помогать всем без различия веры»⁹, а среди путевых заметок сибирских архипастырей иркутские же епархиальные ведомости опубликовали реакцию ректора Иркутской духовной семинарии архимандрита Софрония на скандал, раздутый черносотенным «Русским знаменем» в 1916 г. Заметка под названием «Свобода совести» кратко излагала суть конфликта (цитируя «Русское знамя»): иркутский коммерсант В. И. Кукс разместил в газетах «Сибирь» и «Иркутские ведомости» благодарность архимандриту Софронию за утешение Кукса в связи с утратой последним любимого сына в результате убийства в частном письме. Публичная благодарность иудея (именовавшегося естественно «жидом») высокопоставленному православному иерарху трактовалась как подхалимство и желание приобрести покровителя со стороны Кукса, само частное письмо архимандрита в адрес убитого горем Кукса — как желание получить выгоды от капитала состоятельного еврея, а возможность дружбы между иудеем и представителем православного духовенства — постыдным недоразумением. «Иркутские епархиальные ведомости», не комментируя происходящее, разместили реакцию архимандрита Софрония на позорящую его честь заметку: «Я бы желал, чтобы всякий, прочитавший эту заметку, судил о духовенстве не по наружности, а судом праведным. Нам совесть связывали не только сверху, но и снизу»¹⁰.

Безусловно, антиеврейские настроения существенно перевешивали в епархиальных ведомостях, но анализ этих публикаций позволяет сделать вывод о том, что антиеврейская риторика использовалась авторами издания как «питательная среда» (выражение М. В. Шилового) для борьбы за аудиторию. Редакции сибирских епархиальных ведомостей и их авторы, будучи в массе своей сторонниками монархических политических партий и общественных организаций, использовали актуальные и доступные им инструменты идеологической борьбы. Еврейская тема была одним из мощнейших инструментов, особенно эффективно работавших в период социально-экономической напряженности, революций, войн.

Наши выводы о масштабах влияния транслируемых сибирскими епархиальными ведомостями антиеврейских настроений могут носить характер предположения на основании имеющихся сведений.

Существенной проблемой для епархиальных ведомостей в Российской империи вообще и в Сибири в частности было привлечение читательской аудитории. Систематических данных о тиражах ведомостей не существует, но известно, что обязательными подписчиками являлись приходы, монастыри, церковно-приходские школы, ряд губернских и земских учреждений¹¹, т. е. круг непосредственных читателей у ведомостей был не широк. В то же время влияние православного духовенства, являющегося основной читательской аудиторией ведомостей, на свою паству предсказать довольно сложно. Едва ли местные священники утаивали от своего прихода прочитанные новости, основным источником которых были именно ведомости.

Отметим при этом, что говоря о наличии антисемитских настроений среди отдельных представителей православного духовенства Сибири, мы вовсе не стремимся приписать это качество всей православной церкви. Отнюдь. Официальная позиция главы Енисейской епархии Никона, резко осудившего красноярский погром 7 мая 1916 г.¹², и еще более пример архиепископа Софрония, посчитавшего важным направить частное письмо с утешением иноверцу-иудею, перенесшему горе утраты сына, явно свидетельствуют о существовании и другой позиции в отношении евреев: позиции веротерпимости и человеколюбия, независимого от конфессиональной принадлежности. Православное духовенство в массе своей вовсе не было черносотенным, это проявлялось в том числе в общественной активности православных сибиряков. Так, в противовес экстремистски настроенным монархистам, умеренная часть духовенства и мирян создали «Союз православных сибиряков», дистанцировавшийся от ксенофобских настроений черносотенцев¹³.

Примечания

¹ Литература на тему взаимоотношений евреев и сибирского социума весьма обширна. См., например: *Клюева В. П.* Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...»: Из истории еврейской общины в Тюмени: сборник статей и документов / [коммент. И. В. Боброва и В. П. Клюевой]. Тюмень : Изд-во «Тюменский курьер», 2004. С. 5–27; *Пинигина Ю. Н.* Меньшинства и власть: стремление к сосуществованию? (опыт еврейской общины дореволюционного Иркутска) // Вестник Евразии. 2000. № 4. С. 5–19.

² *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск : изд-во Томского ун-та, 2010. 150 с.

³ Попытка, как показал М. В. Шиловский, была не единственной: иркутские погромщики попытались напасть на еврейский магазин, но встретили отпор со стороны еврейской дружины самообороны. Подробнее см.: *Шиловский М. В.* Черносотенно-монархическое движение в Сибири начала XX в. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1999. [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/shilovsky-black-hundreds/> (дата обра-

- щения: 19.01.2019). Сам сюжет взят автором из книги: *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. С. 272.
- ⁴ *Хоменко Д. Ю.* Рост антиеврейских настроений в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX вв.: тезисы всероссийской (с международным участием) научной конференции (г. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г.) / Под ред. М. Шиловского. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. С. 50–55.
- ⁵ Подробнее о содержании епархиальных ведомостей в Сибири см., например: *Валитов А.* Тобольские епархиальные ведомости как источник по истории Западной Сибири // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2015. № 2 (4). С. 407–416; *Жулякова Н. В.* Журналистика города Томска (XIX – начало XX вв.): становление и развитие. Томск : Издательство ТГУ, 2011. С. 99–120.
- ⁶ Скорее всего, редакции ведомостей получали бесплатные экземпляры из соседних губерний для ознакомления и взаимной рекламы. *Жулякова Н. В.* Указ. соч. С. 104.
- ⁷ В отличие от европейской России. Подробнее об особенностях черносотенного движения в Сибири см. обширную литературу: *Толочко А. П.* Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск : ОмГУ, 1999. 123 с.; *Шиловский М. В.* Черносотенно-монархическое движение...
- ⁸ Климюк Иван Севастьянович (1885 – ?). Сын псаломщика Холмской епархии, окончил курс Киевской духовной академии в 1910 г. со степенью кандидата богословия. Епархиальный миссионер, преподаватель Иркутской духовной семинарии. В мае 1920 г. арестован за принадлежность к организации «Союз православных христиан» и препровожден в губернскую тюрьму. Приговором Иркутского губтрибунала от 30 ноября 1920 г. был оправдан и освобожден из-под стражи. *Ильина Е. В., Базалийская О. Т.* Церковный раскол в воспоминаниях священника Иркутской епархии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 1 (6). С. 239.
- ⁹ Отчет о деятельности Иркутского епархиального комитета по оказанию помощи беженцам за время с 9 октября 1915 года по 29 февраля 1916 года // Иркутские епархиальные ведомости. 1916. № 7. С. 86. Любопытно, что эта информация размещена в том же номере, в котором И. Климюк опубликовал свою заметку «Pro domo sua», с которой началась серия публикаций об «иудейском засильи» в печати.
- ¹⁰ Свобода совести // Иркутские епархиальные ведомости. 1917. № 9–10. С. 319.
- ¹¹ *Нетужилов К. Е.* Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. № 21-1. С. 174–182.
- ¹² Епископ Никон (Бессонов), происходивший из Могилевских дворян отсутствовал в городе в день погрома. По возвращению в Красноярск он обратился к пастве: «Сердце мое облилось кровью неописуемой о вас, когда я вечером 8 мая услышал о том вопиющем к небу безобразии, о том разбитном грабеже и неразумном бунте, которые произошли 7 мая в моем кафедральном городе. Я жалею, что не был здесь... Я употребил бы все свои силы, чтобы предотвратить несчастье». Цит. по: *Потапов И. Ф.* Красноярск. История в документах и фотографиях. Красноярск : ПИК «Офсет», 2011. С. 275. Нужно сказать при этом, что биография епископа Никона заставляет усомниться в искренности его высказываний: его черносотенное прошлое и активная борьба с енисейским губернатором Гололобовым свидетельствует о высокой вероятности использования сюжета о погроме в целях дискредитации гражданской власти в губернии. Подробнее о позиции властей и духовенства по погрому см.: *Орехова Н. А.* Еврейский погром в Красноярске в 1916 году (позиция власти и православной церкви) // Церковь и государство: прошлое и настоящее. Тез. докл. и сообщ. научн. конф., г. Красноярск, 31 октября 2001 г. Красноярск : Кларетинум, 2001. (Архивные чтения). С. 24–27.
- ¹³ *Шиловский М. В.* Черносотенно-монархическое движение...; *Кучер В. В.* Православие и политика: из опыта 1905–1907 гг. // Сибирь на рубеже XIX–XX веков. Новосибирск : Параллель, 1997. С. 70.

УДК 821.174:316.356.4(=411.16)“19120/1929”

Т. И. Кузнецова

(г. Даугавпилс, Республика Латвия)

**Евреи в восприятии латышей:
цитата в антисемитской латышской литературе
(20-е гг. XX в.)**

1920-е гг. стали временем формирования национальной государственности на территории Латвии, политическая принадлежность которой неоднократно менялась. С конца XVIII в. Латвия, разделенная на три губернии, входила в состав России. Начало образованию государства было положено созданием 17 ноября 1918 г. Народного Совета и принятия им 18 ноября Декларации. В ней Народный Совет провозгласил себя единственным носителем конституционной власти в Латвийской Республике и прокламировал «Латвию, объединенную в этнографических границах (Курземе, Видземе, Латгале), как самостоятельное, независимое, демократически-республиканское государство»¹. Глава Временного правительства К. Улманис в речи, произнесенной на заседании Народного Совета 18 ноября, наметил перспективы реальной консолидации этнически неоднородного населения страны. Он подчеркнул, что «все граждане, без различия национальностей, приглашаются помогать [в строительстве государства], т. к. права всех национальностей в Латвии будут обеспечены. Это будет демократическое государство справедливости, в котором не может быть ни угнетения, ни несправедливости»². Одной из этих национальностей были евреи, появившиеся на территории Латвии в XVI в. Постепенно они расселялись в новом для себя пространстве. К 1897 г. евреи составили 7,4 % жителей страны. К 1920 г. их численность сократилась до 5,1 %. Затем их число сохранялось почти неизменным. Евреи были на втором месте после русских среди национальных меньшинств Латвии³. 46,7 % евреев проживало в Риге, 29,9 % в Латгале, 12,9 % в Курземе, в Земгале 7,9 % и только 2,6 % в Видземе⁴. 97 % евреев жили в городах и местечках, занимаясь преимущественно торговлей, промышленностью и ремеслом⁵. Причем, евреям, как и немцам, принадлежали по большей части крупные, с числом работников более 100, предприятия. Именно они были собственниками 33,3 % подобных предприятий во многих отраслях экономики. Евреи доминировали в бумажной промышленности (43,1 % предприятий),

химической (30 % предприятий), в полиграфии, производстве обуви, одежды, машиностроении и металлообработке⁶.

Способность состояться в организации крупного производства и его руководстве была связана с высоким уровнем образованности евреев. В 1897 г. 60 % евреев на территории Латвии умели читать, к 1935 г. — уже 90 %. Среди студентов Латвийского университета, созданного в 1919 г., они занимали второе место, следуя за латышами. К 1936/37 г. из евреев, окончивших университет, 33 % учились на медицинском факультете, 25 % на факультете народного хозяйства и права, 16 % на химическом, 12 % на факультете механики⁷. Столь незаурядное положение евреев в социальной структуре Латвии, усугубленное, как отмечает М. Вайнтроб, тем, что «евреи всюду являются чуждым, самостоятельным организмом»⁸, «выпячивало» их инаковость на фоне других этнических групп, особенно в ситуации послевоенной разрухи и одновременного формирования государства, и делало острой проблему отношения к ним. Отношение к Иным может быть выявлено на уровне действий людей в разных сферах жизнедеятельности и на уровне восприятия, включающего в себя как наличные, так и формируемые разнообразными текстами представления о них. При этом выраженное в том или ином тексте восприятие других подобно бумерангу, ибо создаваемый образ того, кого воспринимают, возвращается к тем, кто воспринимает, обнажая свойственный им способ мышления. Именно эти две стороны восприятия латышами евреев, воплощенного в публикациях антисемитского характера 1920-х гг., и станут предметом анализа в статье, причем особое внимание будет уделено такому средству создания образа еврея, как цитирование ветхозаветных текстов.

Антисемитского толка сочинения на латышском языке отличались рядом внешних и внутренних характеристик, свидетельствующих о маргинальности этих писаний. Во-первых, они малочисленны и невелики по объему. В 1922 г. увидели свет три оригинальных произведения (и одно переводное), в 1923 г. — два, не считая перевода; объем их колебался от 64 до 16 страниц. Во-вторых, социальная незначительность, официальная непризнанность их авторов, о чем говорит отсутствие их имен в официальном биографическом словаре “*Es viņu pazīstu*”, издание которого в 1939 г. было инициировано и курировалось главой государства К. Улманисом, а также анонимность. Некоторые сочинения, появившиеся в 1922/23 гг., были публикациями анонимно-коллективными. В частности, Христианский национальный союз опубликовал в 1922 г. брошюру “*Žīdu sirdssaites ar sociāldemokrātiem*”⁹

(«Кровные связи жидов с социал-демократами»), перепечатав статью из собственной газеты "Tautas Balss" («Голос народа»). В 1923 г. секция борьбы с жидовским влиянием, созданная при Латышском национальном клубе, издала "Kāpēc žīdi ir Latvijas ienaidnieki?"¹⁰ («Почему жида являются врагами Латвии?»). Быть может, появление таких анонимно-коллективных публикаций, с одной стороны, говорит о достаточно широких антиеврейских настроениях в латышской среде, но с другой, косвенно указывает на отсутствие у них государственной поддержки.

«Внутренние» особенности латышской антисемитской литературы заключаются, во-первых, в акцентировании самими названиями ее произведений энергии еврейского напора, угрожающего существованию и требующего «адекватного», решительного ответа. Названия эти таковы: "Vai žīdi dabūs virsroku?" («Одержат ли жида верх?»), "Ko žīdi grib?"¹¹ («Что хотят жида?»), "Kāpēc žīdi ir Latvijas ienaidnieki?" («Почему жида являются врагами Латвии?»). Во-вторых, в повышенной заботе о развитии самосознания латышей, их нравственности, а также сотрудничества и консолидации ради противодействия евреям, еврейскому духу. Так, один из авторов заканчивает свой разбор следующим пассажем: «Единственно своим нравственным превосходством и совместной деятельностью в хозяйственной борьбе заставим всех, кто использует Латвию, взяться за производительный труд, и если они не захотят, то, наконец, будут вынуждены нас оставить»¹². Другой отмечает, что «возможно, до сих пор единственное наше счастье в том, что мы не впустили жидов в состав нашей администрации»¹³, «нам надо осознать все то зло, которое мы приносим своему государству, что-либо покупая у жидов»¹⁴.

Еще одной характерной чертой антисемитских текстов является их насыщенность цитатами, создающими ореол убедительности, достоверности, научности, что, пожалуй, указывает на стремление «теоретически осмыслить» еврейский вопрос. Цитата, являющаяся предметом филологических, интертекстуальных исследований¹⁵, сегодня осмысливается и как особый феномен¹⁶, неоднозначный по своей природе. Она есть «прорыв» Иного, в частности прошлого, в ткань настоящего. Она разделяет и соединяет времена, данные в конкретно-предметном, текстовом воплощении. Поэтому цитирование является способом связи времен, аккумуляции прошлого в настоящем, способом, который таит возможность как диалога, так и утраты ощущения / понимания качественной определенности исторического времени. Перефразируя О. Мандельштама, можно сказать,

что цитата «своею кровью склеивает // Двух столетий позвонки»¹⁷. Цитата — по сути, есть повторенное чужое слово, которое в силу этого повторения обладает особо значительным социальным созидательно / разрушительным потенциалом, ибо повторение чужого слова переводит его из плана личностной эпифании, призыва в план действия, ответа. Потенция созидания, равно как и разрушения, заключенная в слове, реализуется в его цитировании. При этом, характер воздействия и, соответственно, тип вербальной коммуникации может быть как диалогически-динамическим, т. е. встречей мысли с мыслью, дающей импульс к ее дальнейшему развитию, так и монологически-императивным, т. е. фиксацией некой неизменной данности, диктующей определенные формы отношения между людьми и их группами. Первый тип вербальной коммуникации более свойственен научно-логическому мышлению, второй — мифологическому. На характер потенциала, которым обладает слово, указывает способ цитирования, в частности, такие его параметры, как полнота — фрагментарность, точность — искажение. Он же, в свою очередь, как свидетельствует о способе восприятия прошлого (об ощущаемой степени его дистанцированности от настоящего, качественной определенности, целостности), о характере мышления цитирующего, так и задает определенную модель мироотношения.

Цитаты в рассматриваемых антисемитского толка сочинениях предстают в двух формах. Во-первых, как весьма объемные, зачастую, без вводных, и тем более, заключающих, обобщающих слов, фрагменты чужих сочинений, подменяющих собственное изложение автора антисемитского текста¹⁸. Разновидностью такого способа цитирования являются обособленные, выделенные в особые главки подборки высказываний констатирующего или оценочного свойства философов, историков, религиозных и общественных деятелей, политиков. Так, сочинение Гривы “*Vai žīdi dabūs virsroku?*” содержит 20 подобных максим. Например, К. Маркс (Мордухай): «Что есть основа еврейства? — практическая необходимость и самолюбие. Что есть подлинная религия евреев? — торговля. Что есть бог евреев? — деньги. Что есть священное присяжание евреев? — собрание законов иезуитского мошенничества»¹⁹. Или Вольтер: «Евреи признают священными только две обязанности — плодиться и грести деньги»²⁰. Высказывания, данные не в хронологической последовательности, не сопровождаются указанием времени, места, названия произведения, из которого извлечена цитата. Такие подборки задавали модель человеческого мира, т. е. исторического времени, как качественно однородного, что являет-

ся показателем аисторичности мышления. Подобный образ цитирования формировал представление об абсолютной, и потому неизменной истине, лишь передаваемой различными людьми. Еврей же оказывался в положении явления надвременного, в известной степени надмирного, и в силу этого способного и стремящегося мир подчинить себе. В качестве такого явления он предстал извечным врагом, угрожающим существованию любого народа и государства, допускающего его в свою среду и наделяющего его равными гражданскими правами.

Этой идее служат достаточно обильные, особенно, в сочинении К. Гривы, и тонко искаженные цитаты из, как отмечают авторы антисемитских произведений, еврейских культурно-исторических источников, — в частности, Ветхого Завета, вплетенные в авторское повествование. Данная форма цитирования характеризуется, во-первых, незаконченностью предложения, извлекаемого из источника, опусканием упомянутых в нем мотивов поступков персонажей, выпячиванием вырванных из контекста актов поведения и этической их оценкой. К. Грива, чаще других авторов цитирующий книги Моисея, приводит 6 и начало 7 стиха 26 главы книги Бытия, в которой речь идет об Исааке, поселившемся в Гераре, и его жене Ревекке: «Жители места того спросили о (Ревекке) жене его, и он сказал: “это сестра моя”»²¹. При этом выпущено продолжение цитируемой фразы: «...потому что боялся сказать: “жена моя”, чтобы не убили меня, *думал он*, жители места сего за Ревекку, потому что она прекрасна видом» (Быт 26:7). Урезав ветхозаветный фрагмент, автор заключает: «такой нравственный упадок редко встречался у тогдашних культурных народов»²². Этическая оценка фактов поведения, запечатленных в древних текстах, снимает дистанцию между прошлым и настоящим (у автора антисемитского сочинения), отрицает определенность и целостность исторической эпохи как минувшей, «проглядывающей» за текстом, сохранившимся от нее, так и настоящей. Это, проявляя аисторичность мысли автора, демонстрирует восходящие к мифу стереотипы восприятия.

Во-вторых, цитаты приводятся в качестве доказательств выводов — точнее, суждений аксиоматического характера. «Вывод» автора вытекает не из анализа источника, а следует из констатации непосредственно воспринятой, вырванной из контекста и потому не осмысленной ситуации. Так, говоря об Аврааме, К. Грива замечает: «Уже у этого первого патриарха жидов нет понятия о родине, он скитается среди других народов, используя их»²³. Само построение фразы и ее лексический состав свидетельствуют о модернизации исторического текста, навязывании ему представлений, актуальных для человека,

в частности, латыша в первое десятилетие XX в., когда шел процесс формирования государства и общества на территории Латвии. О том же красноречиво говорит еще одно весьма тонкое искажение источника. В сочинении К. Гривы читаем: «Попав в Египет, жидовское племя с помощью выгодной торговли захватило в *свои руки* (подчеркнуто мною — Т. К.) богатство страны, и египтяне были вынуждены идти к ним и просить: «...серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего: ничего не осталось у нас... кроме тел наших и земель наших... Купи нас и земли наши»²⁴. И вновь выпущено продолжение ветхозаветной фразы: «...за хлеб, и мы с землями нашими *будем рабами фараону* (подчеркнуто мною — Т. К.), а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля. И купил Иосиф всю землю Египетскую *для фараона* (подчеркнуто мною — Т. К.), потому что продали Египтяне каждый свое поле, ибо голод одолевал их» (Быт 47:19–20)). Таким образом, убраны мотивы, последствия действий Иосифа, акцентируемые источником, ради настойчиво повторяемого тезиса: евреи высасывают богатства тех народов, среди которых живут. Как утверждает автор опуса, используя бедность народа и голод, жида своими спекуляциями много раз захватывали в свои руки богатства других народов. Египтяне, которые больше не могли вынести это бремя, наконец, изгнали жидов из своей земли²⁵, видимо, так следует поступать и сегодня.

Еще один способ цитирования ветхозаветных текстов проявляется в их пересказе ради подтверждения суждений автора антисемитского текста. Так М. Робертс, говоря о стремлении евреев к мировому господству и созданию ими «всемирного жидовского государства», где они будут собственниками земли, ссылается на 6 главу 5 книги Моисея: «Жида не хотят ничего больше, чем то, что им обещано: города и дома, которые они не строили, колодцы, которые они не выкопали, сады и поля, которые не они взрастили»²⁶. Подвергнутый «обрезанию» ветхозаветный текст приобретает новые, отличные от оригинала смысловые оттенки, ибо в данной книге Второзакония сказанное акцентирует не обещанные материальные блага, а обязательства евреев по отношению к Господу: «*Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю* (подчеркнуто мной — Т. К.), которую он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться: *тогда берегись, чтобы*

(не обольстилось сердце твоё) и не забыл ты Господа, который вывел тебя из земли Египетской и из дома рабства» (Втор 6:10–12).

Подобный способ цитирования, наблюдаемый в латышских антисемитских текстах, указывает, во-первых, на некую абсолютную истину, которая «открывается» в случающихся в разное время и в разных местах фактах поведения евреев, кои всегда губят народы и государства, дающие им пристанище; во-вторых, на потребность в доказательствах, т. е. желание теоретически осмыслить еврейскую проблему. Доказательством же является буквальное и анахроническое прочтение текста, в основе которого лежит отождествление слова и действительности, иначе ментально-вербального и физического, или знака и обозначаемого, что вновь указывает на восходящие к мифу мыслительные структуры. В конечном итоге вырисовывается рационализм средневекового типа, апеллирующего к абсолютной истине, эпифанией которой является эмпирически множественное. При этом, абсолют представлен не Богом, а евреем-врагом.

В-третьих, такой способ использования цитат формирует представления о мире как неизменно данном, плоско-линейном, одномерном. Содержание же цитат манифестирует и утверждает бинарность как основание этого мира: мы — высококультурные, нравственные (жертвы) — и некультурный враг. Такая картина мира требует жестко определенного, заданного поведения индивида и человеческих групп (в рассматриваемом случае по отношению к евреям) — ограничить, противопоставить собственную предприимчивость, изгнать — для спасения своего государства. Социальный потенциал подобного способа цитирования является монологически-императивным и потому провоцирующим агрессивность аудитории такого рода текстов. Наконец, такого характера мышление / сознание известной части латышей способно было весьма затруднить консолидацию общества в целом и ослабить жизнеспособность молодого государственного образования.

Примечания

¹ *Silzemnieks E.* Latvijas atdzimšana: Valsts 10 gadu atceres (1918–1928). Rīgā : A. Raņķis, 1928. 129. lpp. (Здесь и в дальнейшем переведено мной — Т. К.).

² *Ulmanis K.* Latvijā nebūs ne apspiešanas, ne netaisnības // *Sabiedriski raksti un runas* / K. Ulmanis. 2 sēj. Rīgā : Zemnieka Domas, 1935. 16. lpp.

³ *Židi* // *Latviešu Konversācijas Vārdnīca*. 22 sēj. Rīgā : Autēra, 2004. 47968. lpp.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* 47969. lpp.

⁶ *Ibid.* 47970. lpp.

⁷ *Ibid.* 47972. lpp.

⁸ *Вайнтроб М.* Душа голусного еврея (опыт социально-психологического исследования). Рига : Изд. Э. И. Эттингер, 1932. С. 9. Как подчеркивает автор, «структура националь-

ного бытия евреев, а вовсе не самое его содержание, делает евреев народом-уникумом, народом чуждым и непонятным. У всех народов есть свое неповторимое содержание жизни, свои душевные особенности, но все они объективируют, выражают присущую им индивидуальность и в языке, и в политике, и в быту, и в художественном, научном творчестве, а не только в одной религии, являющейся лишь у евреев суррогатом всех утерянных форм жизни" // Там же. С. 14.

⁹ Žīdu sirdssaites ar sociāldemokrātiem. Rīgā : "Kritīgās Nacionālās Savienības izdevums", 1922. 15 lpp. Слово «жид» в латышском языке является нейтральным.

¹⁰ "Kāpēc žīdi ir Latvijas ienaidnieki?" Rīgā : Latvijas Nacionālā Kluba žīdu iespaida apkarošanas sekcija. 1923. 16 lpp.

¹¹ Roberts M. "Ko žīdi grib". Rīgā : Ariešu izd., 1922. 47 lpp.

¹² Grīva K. Vai žīdi dabūs virsroku? Rīgā : Tauta, 1922. 64. lpp.

¹³ "Kāpēc žīdi ir Latvijas ienaidnieki?" 5. lpp.

¹⁴ Ibid. 11. lpp.

¹⁵ См., например, Тименчик Р. Чужое слово: атрибуция и интерпретация // Лотмановский сборник. [Вып.] 2. М. : О.Г.И. Издательство РГГУ. 1997. С. 86–89.

¹⁶ Проскурина В. Переписка из двух углов: символика цитаты и структура текста // Там же. [Вып.] 2. С. 671–694.

¹⁷ Мандельштам О. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Москва : АРТ–Бизнес-Центр, 1993. С. 41.

¹⁸ См. например, Roberts M. "Ko žīdi grib". 6–9. lpp. (Это объем одной цитаты) и др.; Židisma pārspēšana. Rīgā : Izd. Bazaru Janis, 1923. 10., 11. lpp. и т. д.

¹⁹ Grīva K. Vai žīdi dabūs virsroku? Rīgā : Tauta, 1922. 11. lpp. В данной цитате в переводе используется слово «еврей».

²⁰ Ibid. 12. lpp. и др.

²¹ Ibid. 6. lpp.

²² Ibid.

²³ Ibid. 5. lpp.

²⁴ Ibid. 6. lpp.

²⁵ Ibid.

²⁶ Roberts M. "Ko žīdi grib". 39. lpp.

УДК 94(47).084

Т. К. Никольская

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Евреи в мемуарах русских протестантов

В течение последних 20–25 лет издано значительное число мемуаров протестантских служителей России. Некоторые книги были написаны еще в советское время и распространялись в самиздате или печатались за границей, но большинство появилось после 1991 г. К мемуарному жанру можно также отнести документально-худо-

жественные произведения, написанные на основе воспоминаний: например, автобиографическую трилогию Н. П. Храпова «Счастье потерянной жизни», документальную повесть Е. Н. Пушкина «Непобежденные» — о работниках подпольного издательства «Христианин» Людмиле и Ларисе Зайцевых, которых автор знал лично.

Воспоминания русских протестантов (евангельских христиан, баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня) представляют интерес не только для изучения внутренней истории христианства. В этих источниках содержатся ценные наблюдения и свидетельства о советской эпохе: повседневная жизнь и ментальность советских людей, устройство быта, общественные, трудовые, семейные, гендерные, межнациональные отношения...

В своих мемуарах русские протестанты нередко уделяют евреям особое внимание, что отражает характерные для этой среды традиции. В общинах русских протестантов антисемитизм не приветствовался, скорее, воспитывалось уважительное отношение к евреям как «народу Писания», что видно на примере взглядов и практической деятельности протестантских богословов Ивана Каргеля и особенно Владимира Марцинковского, автора работы «Христос и евреи»¹. В уважении к «народу Книги» прослеживается также эсхатологический подтекст. В новозаветные пророчества входит весть о грядущем спасении Израиля², и это событие почитается среди русских протестантов как одно из важных знамений последнего времени³. Следовательно, Сам Бог хранит и поддерживает еврейский народ, причем, не только «ради отцев» (Рим 11:28), но и ради великого будущего.

Из 20 известных мемуаров русских протестантов в девяти так или иначе фигурируют евреи. Эти источники и будут рассматриваться в данной статье. Среди авторов — пять евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), три пятидесятника, один евангельский христианин в духе апостолов. В одних случаях авторы являются участниками, в других — скорее свидетелями событий (например, расстрел евреев в Ростовской области в мемуарах Г. К. Крючкова⁴).

По типу отношений с авторами евреи, упомянутые в мемуарах, могут быть условно отнесены к трем категориям:

- 1) евреи-единоверцы;
- 2) евреи, вольно или невольно вовлеченные в борьбу с религией (представители властей, начальники на работе и т. д.);
- 3) нейтральное окружение (соседи, окрестные жители и др.).

Рассмотрим поочередно эти категории. Многие протестанты тепло вспоминают своих братьев еврейского происхождения, отмечают

их искреннюю веру, честность, надежность, а порою незаурядные способности.

Например, верующий А. И. Лукинов особо запомнил богослужение евангельских христиан в г. Выборг в 1912 г. благодаря выступлению Льва Авербуха: «Один проповедник приехал из общины баптистов — Авербух (еврей), он же и регент и виртуоз скрипач»⁵. В мемуарах пятидесятнического епископа Ивана Федотова упоминается Владимир Плотских, «еврей, от которого отказались родители. <...> Кроме духовных даров, Володя отличался прекрасным знанием Ветхого Завета и его толкований»⁶. В. Плотских был неоднократно осужден за свою религиозную деятельность, а на свободе вел страннический образ жизни, объезжая протестантские общины и группы. Как одаренный проповедник, он пользовался уважением среди пятидесятников, но формально не принадлежал ни к одной общине. Позднее В. Плотских эмигрировал в Израиль, где стал радиопроповедником⁷.

Николай Храпов, автор трилогии «Счастье потерянной жизни», называет в числе баптистов, арестованных в 1930-е гг. в г. Ташкенте, проповедника Цигельзаума, еврея, «который ревностно служил Иисусу и в доме молитвы, и на базаре, и среди своих соотечественников»⁸.

Евреем является молодой проповедник Юрий Юдкевич из повести Е. Н. Пушкина «Непобежденные». Исключенный из Свердловского политехнического института за веру в Христа, он присоединился к незарегистрированной общине ЕХБ г. Челябинска. Когда же Юрий сделал предложение верующей девушке Лиде, та согласилась не сразу: «Ты, вероятно, не знаешь, что по национальности я — немка. Ты же, Юра, еврей, принадлежишь к избранному Богом народу. Тебе трудно будет получить согласие на брак у своих родителей, трудно будет сохранить ко мне свое чувство...». Однако молодой человек убедил девушку, что «В Боге исчезает национальная рознь»⁹, и добился от родителей согласия на свой брак¹⁰.

Пятидесятнический епископ Николай Егоров с благодарностью вспоминает своих московских единоверцев, в том числе Ирину Коган. В 1967 г., когда Н. В. Егоров находился в ссылке в г. Назарово Красноярского края, Ирина навестила его вместе с подругой Любей Саловой. В Москве Ирина Коган входила в кружок пятидесятников, помогавших бывшим узникам-единоверцам, возвращавшимся из Сибири: «они их всех встречали, одевали и обували во все новое, снабжали всем необходимым в дорогу, покупали билеты». Сам Н. В. Егоров получил от своих друзей карманную Библию, «которую они приобрели за большие деньги»¹¹.

Евгений Куявский, служитель ленинградской общины реформированных баптистов (инициативников), в книге «Остаться верным» с особой теплотой пишет о единоверцах-евреях или, не называя национальности человека, в положительном тоне отмечает его «еврейскую» внешность, — как, например, у пресвитера общины Владимира Филиппова. Однажды В. А. Филиппов повел приезжего гостя-баптиста в музей истории религии и атеизма. Среди экспонатов была картина, написанная на евангельский сюжет об изгнании бесов, с изображением бегущих в море свиней. Как доказательство фантастичности Евангелия, экскурсовод сказала, что свиней в Иудее не разводили. Однако приезжий баптист, «не меньше Филиппова похожий на еврея», возразил, что, во-первых, это была не Иудея, во-вторых, свиньи предназначались для стоявшего в той местности римского военного гарнизона. «Экскурсовод, глядя на него, как на еврея, и видя его твердость и спокойствие, не нашла, что ему ответить. Она покраснела и быстрым шагом ушла»¹².

В группе инициативников г. Мурманска, которую Е. Н. Куявский периодически навещал, был «лет 38-ми уверовавший еврей, — очень хороший человек, но в проповеди он не участвовал. Жена его была неверующая»¹³. Когда в один из приездов в Мурманск Е. Н. Куявский попал под наблюдение чекистов, этот человек предупредил его об опасности и помог скрыться из города на такси (поскольку вокзал был перекрыт)¹⁴.

Наконец, пресвитер ленинградской общины ЕХБ С. П. Фадюхин отмечал приток в общину евреев в начале 1990-х гг.: «почти каждый раз среди крещаемых находятся два–три человека из евреев». В этом явлении Фадюхин увидел «начало прощения и возвращение любви Божией к Израилю...»¹⁵.

Кроме того, в мемуарах русских протестантов присутствуют евреи, вольно или невольно вовлеченные в борьбу с религией (представители властей, начальники на работе, чекисты, пропагандисты атеизма и т. д.). Авторы отзываются о них либо нейтрально (как, например, о евреях — представителе Василеостровского райисполкома, что пришел к Куявскому для беседы о его верующих детях¹⁶), либо даже положительно. Ряд мемуаристов отмечают, что некоторые евреи относились к ним, как к гонимым «сектантам», более справедливо или более сочувственно, чем большинство окружающих. Например, пятидесятник Вениамин Перепечаев, работавший в 1960-е гг. на Аман-Карагайском хлебоприемном пункте (Казахстан), вспоминает, что в конторе предприятия были раздражены высокими заработками «сектанта» и пожаловались на это руководству. Однако директор Лазарь Борисович

Аптер ответил: «Здесь нет никакой ошибки...»¹⁷. Пятидесятнический епископ Иван Федотов с симпатией вспоминает профессора института им. В. П. Сербского Давида Лундца¹⁸ и адвоката Семена Ария, втянутых в подготовку судебного процесса над московскими пятидесятниками (1960–1961 гг.), но пытавшихся каждый по-своему облегчить участь арестанта. Правда, в отзыве И. П. Федотова присутствует доля сожаления: «Везет же мне на евреев! Они вставали на моем жизненном пути, как потерявшиеся ангелы, сильно желающие мне помочь. Еврей, кто он такой? Человек Божий, потерявший своего Бога. Чем он поможет тому, кого судят за еврейского Бога?»¹⁹.

В некоторых мемуарах присутствуют евреи из нейтрального окружения, не выражавшие к протестантам ни злобы, ни сочувствия (соседи, местные жители и др.). Так, Н. П. Храпов в трилогии «Счастье потерянной жизни» перечисляет народы, населявшие г. Ташкент: «К 35-му году тут скопились сотни семей русских и украинцев, евреев и белоруссов, немцев и татар»²⁰. Среди многочисленных персонажей, встреченных героем книги Павлом Владыкиным, присутствуют и евреи. Например, на одном из тюремных этапов осужденный за растрату еврей в кожаной куртке вместе с товарищем дает решительный отпор уголовникам, когда те попытались установить в вагоне свои порядки²¹.

Особый интерес представляет книга руководителя движения инициативников председателя Совета Церквей ЕХБ Г. К. Крючкова. В 1942–1943 гг. Геннадий, будучи подростком, жил с родителями на оккупированной территории в с. Ремонтное Ростовской области. К лету 1942 г. здесь скопилось множество беженцев, по преимуществу евреев²². Одна пожилая еврейка часто заходила в гости к матери Геннадия. Автор приводит ее слова о немцах: «Как ругают, что немцы уничтожают евреев, издеваются над ними. Неправда! Они такие все галантные, вежливые, предупредительные. Такие хорошие люди, что я просто не понимаю, зачем такую напраслину на них возводят...»²³.

Действительно, по словам автора, первое время немцы не трогали евреев, но потом «в село прибыли крытые грузовики какого-то специального подразделения. Таких странных машин на гусеничном ходу мы еще не видели»²⁴. Евреям было объявлено, что они могут вернуться в родные места, для чего их отвезут к ближайшей железнодорожной станции — Зимовники. Обрадованные люди стали собираться в дорогу. Им приказали погрузить вещи в один грузовик, а самим сесть в другой²⁵. Вечером Валя, сестра Геннадия, возвращаясь домой с водокачки, услышала душераздирающий крик. Грузовики уезжали из села, а возле заднего борта машины сидел старик с искаженным лицом, ко-

торый «молился или просто плакал навзрыд»²⁶. Согласно рассказу автора, евреи почувствовали недоброе, когда им запретили воспользоваться едой, взятой в дорогу. Затем одна из пассажирок, учительница немецкого языка, услышала разговор немецких солдат. Среди жертв началась паника, но их быстро вывезли к песчаной балке за восточной окраиной Ремонтного. «Их расстреляли над песчаными ямами, облили бензином, бросили гранату, так что никто не остался в живых»²⁷.

По словам местных жителей, погибло 300 евреев²⁸.

Вещи, уложенные в отдельную машину, были привезены к комендатуре и выгружены в сарае. Там были одежда, одеяла, подушки, отрезки материи... «Много было на еврейском языке религиозных книг, потому что они тщательно берегли для поколений духовное наследство»²⁹.

Затем «начался грабеж». Сначала немецкие солдаты взяли то, что им приглянулось. После них в сарай допустили работавших в комендатуре переводчиц и других коллаборантов. Остальное разрешили брать всем желающим³⁰. Вещи в сарае разделили на две кучи: для коллаборантов («ее так и называли: барахло еврейское»³¹) и для всех остальных. За порядком присматривал немецкий солдат.

В сарай выстроилась очередь: внутрь запускали по несколько человек; после их ухода разрешалось войти новой группе. Некоторые жители, набрав вещей и отнеся их домой, бежали назад³². «С отчаянным упорством все лезли стащить что-нибудь именно из отложенного для избранных. Отвернется немец, и сразу дрожащими от спешки, путающимися, неслушающимися руками кто-нибудь норовил выхватить что-то оттуда. Солдат увидит, полоснет плетью, человек с визгом отлетит и все равно: только солдат отойдет, они опять к этой куче лезут»³³.

Всеобщий азарт охватил и детей. Кто-то из юных Крючковых тоже предложил: «Пойдем и мы что-нибудь себе возьмем...». «Лицо отца потемнело: “Ни под каким видом! Ни в коем случае нельзя брать!”». А они подростки, дети... интересно же копаться... Но отец строго-настрого запретил: “Нельзя! Это народ Божий. Его Господь Сам ведет...”»³⁴.

Сам Константин Крючков (отец Геннадия) после расстрела «стоял во дворе и плакал»³⁵. Далее автор объясняет страдания еврейского народа тем, что «Роковую ошибку совершили они, отвергая самую великую Личность на земле — Сына Божьего Иисуса Христа!». По мнению Г. К. Крюčkова, обращение еврейского народа к Христу произойдет в будущем, «когда Господь изольет на дом Давида и на жителей Иерусалима дух благодати и умиления»³⁶.

Таким образом, воспоминания русских протестантов представляют интерес для изучения истории, повседневной жизни, духовных

поисков советских евреев, а также межнациональных отношений в СССР. При этом даже изданные мемуары не всегда известны научному сообществу, а по мере появления новых публикаций этот круг источников будет расширяться.

Примечания

- ¹ Марцинковский В. Ф. Христос и евреи. СПб. : б. и., 1992.
 - ² «...ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников, И так, весь Израиль спасется» (Рим 11:25–26).
 - ³ Подробнее об этом см.: Никольская Т. К. Тема спасения Израиля в эсхатологии и служении русских протестантов // Вопросы эсхатологии. Труды Санкт-Петербургского христианского университета. 2012. Вып. № 4. С. 129–145.
 - ⁴ Крючков Г. К. От смерти в жизнь. Воспоминания, рассказы родных, документы. б. м. : б. и., 2016. С. 164–169.
 - ⁵ Лукинов А. И. Вехи. СПб. : б. и., 2001. С. 9.
 - ⁶ Федотов И. П. Встать! Суд идет! М. : «Титул», 2006. С. 43–44.
 - ⁷ Из истории московской церкви // Евангелист. 2002. № 6. С. 22.
 - ⁸ Храпов Н. П. Счастье потерянной жизни. Кн. 2. М. : «Протестант», 1991. С. 27.
 - ⁹ Пушков Е. Н. Непобежденные // Вестник истины. 2011. № 5. С. 75–76.
 - ¹⁰ Его же. Непобежденные // Там же. 2011. № 6. С. 75.
 - ¹¹ Егоров Н. В. Пройденный путь. Малоярославец : Издательство «ЕВАНГЕЛИСТ», 2006. С. 86–87.
 - ¹² Куявский Е. Н. Остаться верным. СПб. : б. и., 2014. С. 293–294.
 - ¹³ Там же. С. 376.
 - ¹⁴ Там же. С. 402–404.
 - ¹⁵ Фадюхин С. П. Воспоминания о пережитом. Ч. II. Откровение грядущего // Альманах по истории русского баптизма. Вып. 3. СПб. : «Библия для всех», 2004. С. 309–310.
 - ¹⁶ Куявский Е. Н. Указ. соч. С. 469–470.
 - ¹⁷ Перепечев В. Сквозь дым и туман. Малоярославец : ООО «Издательство ЕВАНГЕЛИСТ», 2005. С. 175.
 - ¹⁸ Так в тексте воспоминаний.
 - ¹⁹ Федотов И. П. Указ. соч. С. 84.
 - ²⁰ Храпов Н. П. Указ. соч. Кн. 2. С. 21.
 - ²¹ Там же. С. 215–216, 220.
 - ²² Крючков Г. К. Указ. соч. С. 164.
 - ²³ Там же. С. 165.
 - ²⁴ Там же.
 - ²⁵ Там же.
 - ²⁶ Там же. С. 166.
 - ²⁷ Там же. С. 164, 169.
 - ²⁸ Там же. С. 169.
 - ²⁹ Там же. С. 167.
 - ³⁰ Там же.
 - ³¹ Там же.
 - ³² Там же.
 - ³³ Там же. С. 168.
 - ³⁴ Там же.
 - ³⁵ Там же.
 - ³⁶ Там же. С. 169.
-

АННОТАЦИИ

НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СТРЕМЛЕНИИ К НЕМУ

С. Н. Давидоглу

Небесный храм в иудейской апокалиптической литературе III в. до н. э. – II в. н. э.

В статье обзорно показаны способы выражения идеи небесного храма в иудейских апокалиптических текстах и то, какие богословские и общекультурные идеи доносили тексты через образ небесного храма. Анализируются Первая книга Еноха, Завещание Левия, Вторая книга Еноха, Апокалипсис Авраама, Третья книга Ездры, Вторая книга Варуха, Третья книга Варуха, Песни субботнего всесождения.

Ключевые слова: Небесный храм; апокалипсис; иудейская апокалиптика; разрушение храма; небесная литургия; небесный первосвященник.

С. А. Французов

Новейшее эпиграфическое свидетельство об иудеях в доисламском Йемене

В данной статье рассмотрена найденная в 2017 г. нидерландской журналисткой и исследовательницей Сарой Рейзигер и опубликованная в 2018 г. фрагментарная позднесабейская надпись из селения На'д, расположенного на Йеменском нагорье к юго-востоку от Саны. Судя по именам ее авторов и по упоминанию Бога Израиля, она была составлена представителями местной иудейской общины. Издатели надписи не уделили должного внимания впервые обнаруженному в ней антропону *'bd'l-n*, являющемуся полным эквивалентом арабского 'Абдаллāх, а также упустили из виду то обстоятельство, что наиболее вероятной из предложенных ими датировок надписи следует признать конец 60-х гг. V в. н. э. Не выдерживает критики попытка отрицать полную тождественность засвидетельствованных в позднесабейских надписях выражений «Бог Израиля» и «Господь иудеев», усмотрев в их употреблении некий «битеизм».

Ключевые слова: древний Йемен; иудаизм в Южной Аравии; поздняя сабейская эпиграфика; Химйаритское царство; Йеменское нагорье.

М. С. Шаповалов

Сибирский иудей конца XIX – начала XX вв. на пути в Святую землю

В статье, основанной на материалах сибирских архивов, рассматривается история организации путешествия томского еврея на Святую землю. На сегодняшний момент полная информация о количественном и качественном составе потока сибиряков в Палестину отсутствует. Большая часть материалов остается скрытой в фондах региональных сибирских архивов, прежде всего в фондах по выдаче загранпаспортов. При этом, предварительные данные не позволяют говорить об ограниченности контактов сибиряков со Святой землей. Можно с уверенностью говорить, что к концу XIX в. Сибирь и Палестина были связаны коммуникационным мостом, важнейшей частью которого были не только православные паломники, но и сибирские евреи.

Ключевые слова: Палестина; паломничество; сибирские евреи; Сибирь; иудаизм; иудео-христианские отношения.

Е. М. Белкина

Формирование коллекций еврейско-персидских рукописей в собраниях РНБ и ИВР РАН

В Санкт-Петербурге за последние 150 лет появилось две коллекции еврейско-персидских рукописей. Сегодня они хранятся в Отделе рукописей РНБ (18 памятников) и в Институте восточных рукописей РАН (56 памятников). В РНБ они поступили вместе с большими собраниями Фирковича, и только несколько книг были добавлены позднее отдельно. В ИВР РАН же собрание формировалось в «несколько потоков», по несколько рукописей или даже в несколько десятков. До сегодняшнего дня только несколько рукописей привлекали внимание исследователей, остальные же остаются неизученными и ждут своего часа. Перечень формировался по языковому критерию: тексты, содержащиеся в рукописях должны быть хотя бы частично написаны на еврейско-персидском языке. Географически ареал создания рукописей ограничивался территориями Большого Ирана

Ключевые слова: евреи; Иран; персидский; еврейско-персидский; РНБ; ИВР РАН.

В. Месамед

Реально ли межконфессиональное согласие в Иране: крупнейшая еврейская община Ближнего Востока в условиях исламского режима

Статья посвящена нынешнему положению еврейской общины в Иране, угрозам с которыми она сталкивается. Анализируется общественно-политический фон ее существования как одной из трех немусульманских конфессий, разрешенных ныне действующей иранской Конституцией.

Ключевые слова: Иран; еврейская община; конформизм; исламский режим; межконфессиональное согласие.

ИСТОРИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАСПАДА ОБЩИН

Е. В. Гусарова

Эфиопские Бета Эсраель: мифы о происхождении и история

Эфиопия и Африканский Рог в целом являются одним из наиболее богатых регионов на Африканском континенте с точки зрения этносов и языков. Тем не менее, большинство народов, населяющих эти территории, не имеют собственной письменной традиции. В этой связи этнические группы амхара и тиграй, традиционно составляющие правящую верхушку христианской Эфиопии, а также Бета Эсраель (так называемые «Эфиопские иудеи») представляют особый интерес для исследователей. Эти народы в той или иной степени представлены в официальной эфиопской историографии. Кроме того, они сохранили до наших дней память поколений о собственном происхождении. Положение Бета Эсраель в Эфиопии было неоднозначным и сложным, и их умение извлекать из этого определенную пользу заслуживает особого рассмотрения.

Ключевые слова: Эфиопия; северо-восточная Африка; эфиопские иудеи; фалаша; дискриминация; Дом Израилев; история Эфиопии.

Р. Марчинковский

Евреи в Восточной Галиции в воспоминаниях Дова Бера из Болехова

Дов Бер из Болехова (1723–1805), еврейский торговец вином и полиглот, известный по дебатам со сторонниками Якуба Франка во Львове в 1759 г., автор двух работ, написанных на иврите и сохранившихся в виде рукописей: «Воспоминания реб Дова из Болехова» [זכרונות ר' דוב מבוֹלֶחוב] и «Слова разума» [דברי בינה], в которых он описывает свою историю и историю своей семьи, а также историю евреев в Восточной Галиции. Его описание как стороннего наблюдателя кажется достоверным.

Читая его воспоминания, написанные в конце жизни, мы видим человека, который не принадлежал к элите, но пытался ей соответствовать, поэтому часто преувеличивал достоинства своей семьи. Тем не менее, не стоит преуменьшать историческую ценность его повествования. Судьба его семьи убедительно свидетельствует о социальном и материальном продвижении лиц, не принадлежащих к традиционной элите местной еврейской общины.

Статья посвящена жизни евреев в Восточной Галиции в XVIII в., описанной в воспоминаниях Дова Бера из Болехова.

Ключевые слова: Дов Бер из Болехова; Евреи в Восточной Галиции; воспоминания.

А. А. Кружалина

Еврейская эмиграция из России 80–90-х гг. XIX в. по материалам «Отчета о заграничной поездке по вопросу об урегулировании еврейской эмиграции» В. Л. Бермана

В статье рассматриваются особенности организации русско-еврейской эмиграции, активизировавшейся вследствие погромов 80–90-х гг. XIX в. На основе изученных архивных материалов автор характеризует направления, объемы, специфику русско-еврейской эмиграции обозначенного периода; описывает деятельность европейских еврейских обществ по содействию еврейским эмигрантам из России.

Ключевые слова: евреи; эмиграция; Российская империя; XIX век; еврейский вопрос; эмигрантские общества.

И. Н. Литвинова

Евреи-предприниматели г. Царицына на рубеже XIX–XX вв.

В статье рассмотрены направления и сферы деятельности деловой национальной элиты, представлявшей еврейское общество Царицына (ныне Волгоград). Проанализирован количественный состав евреев в местном гильдейском купечестве и среди лиц, имевших частные лечебницы, аптекарские магазины. Представлены сведения о владельцах торговых домов, агентурно-комиссионных контор. Вывод: потенциал быстрого торгово-промышленного роста города после включения его в общероссийскую железнодорожную систему многим обязан экономически инициативным персонам, прибывавшим на жительство из местечек еврейской черты оседлости.

Ключевые слова: деловые люди; коммерсанты; евреи; торговля; лесозаводы; купцы; докторы; аптеки; еврейское общество.

Б. Н. Казаченко

Къаал — молитвенный дом крымчаков

Статья посвящена описанию храмовой архитектуры крымчаков. Объектом исследования стали декор и архитектурный стиль культового здания крымчаков г. Симферополя. Был проведен анализ символов традиционного иудаизма, который показал способы выражения Божественной идеи в структуре и декоре молитвенного дома крымчаков — къаала. Установлено, что элементы архитектурного декора къаала (абстрактные геометрические рисунки) являются надежным этническим определителем.

Ключевые слова: Крым; крымчаки; архитектура; символы иудаизма; молитвенный дом; элементы декора.

К. Г. Карпекин

Документы Государственного архива Витебской области по истории еврейских религиозных общин Бешенковичского района в 1918 – 1930-е гг.

История еврейских религиозных общин, расположенных на территории современного Бешенковичского района в 1918 – 1930-е гг., отразилась в ряде документов, хранящихся в Государственном архиве Витебской области: в протоколах, планах, отчетах, переписке, разнообразных списках, описях имущества и регистрационных книгах. Самыми содержательными являются списки общин, молитвенных зданий, религиозных служителей и описи имущества молитвенных зданий — в этих источниках упоминается по семь населенных пунктов из девяти. В остальных же видах документов содержится информация только об одном или двух местечках. В ходе исследования наибольшее количество сведений удалось обнаружить о Бешенковичах и Островно, которые упоминаются в пяти видах документов. В свою очередь информация о Прудинах, Слободе, Цураках и Черкасах очень малочисленна.

Ключевые слова: Бешенковичский район; документ; Государственный архив Витебской области; еврейская религиозная община; местечко.

Е. А. Якимова

Еврейская община современной Литвы: проблемы возрождения и интеграции в европейскую среду

Статья посвящена рассмотрению процесса становления и развития современной еврейской общины Литвы. Автор анализирует соотношение понятий литовский еврей и литвак, описывает основные этапы институционализации общинной жизни, их взаимосвязь с политической историей страны и опытом ее ближайших соседей, а также влияние литваков на процессы внутри литовской еврейской общины республики и отношения с зарубежными государствами. Исследование основано на статистических данных, публикациях местных историков и информации, собранной автором во время визита в Вильнюс в 2018 г.

Ключевые слова: еврейская община; Литва; Общество еврейской культуры; литваки; Холокост.

ЕВРЕИ И СЛОВЕСНОСТЬ

А. Полонская

Микитка: Интерпретация песни (или нигуна)

В песне еврей обращается к Микитке и сообщает ему, что тот умрет и попадет в ад, потому что он не был праведным евреем и не сможет сказать свое еврейское имя ангелу смерти. Каков смысл песни: насмешка над гоями или призыв принять иудаизм? А может быть, Микитка, это ассимилированный еврей? Возможно, напротив, чем более праведен еврей, тем большим «Микиткой» он должен считать себя? В этом случае «Микитка» — не народная песня, а нигун.

Ключевые слова: Микитка; хасидизм; еврейские песни на идише; нигун; макаронические песни; И. Л. Перец; евреи и неевреи; рай и ад.

Е. В. Хаздан

«Хад гадья»: песня-загадка и ее изучение

Хад гадья — песня, завершающая пасхальную трапезу. Исследователи не могут прийти к согласию ни в отношении времени ее появления, ни в отношении того, еврейская она или же была заимствована. Ее называют то колыбельной, то потешкой, то застольной.

Анализ структуры, языка, и контекста исполнения песни указывает на ее роль в праздничном ритуале и позволяет иначе взглянуть на ее содержание.

Ключевые слова: еврейская традиционная музыкальная культура; еврейская песня; Пейсах; седер; жанр песни; кантилляция.

Б. Вальдман

И. С. Тургенев и русско-еврейская периодика второй половины XIX – начала XX вв.

В статье рассматриваются публикации в русско-еврейской периодике об отношении Тургенева к антиеврейским погромам на юге России в 1881–82 гг. Они включают переписку Тургенева с журналистом И. Соркиным, скульптором М. Антокольским, писателем Г. Богровым, которые обращались к Тургеневу с просьбой выступить в защиту евреев. Рассмотрены публикации о помощи Тургенева народолюбцу А. Павловскому, писателю Б. Ауэрбаху. Письма Тургенева и воспоминания о нем М. Антокольского, Н. Островской, И. Павловского, А. Луканиной подтверждают его благожелательное отношение к евреям, сочувствие их проблемам. Однако писатель не выступил открыто в защиту евреев. Тургенев был образцом для русско-еврейских писателей и пользовался популярностью у еврейского юношества.

Ключевые слова: русско-еврейская периодика; еврейский вопрос в России 80-х гг. XIX в.; погромы в России 1881–82 гг.; переписка; воспоминания о Тургеневе; протест 1858 г.; помощь Тургенева.

Г. Н. Боева

Еврейский вопрос в России начала XX в.: семь эпизодов из жизни Леонида Андреева

В статье прослеживается динамика отношения Леонида Андреева к еврейскому вопросу. Включенность писателя в этот вопрос анализируется в свете его личностных изменений, происходивших под влиянием перемен общественного климата в России в период двух первых десятилетий XX в. — от «чириковского инцидента» (1909) до ряда акций, направленных против антисемитизма в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: еврейский вопрос; творчество Леонида Андреева; антисемитизм; начало XX в.

Ю. А. Волохова

«Старый учитель» — забытая пьеса В. Гроссмана

В исследовании впервые реконструируется история создания и забвения пьесы В. Гроссмана «Старый учитель», созданной автором в 1946 г. на основе одноименного рассказа 1943 г. по заказу Московского государственного еврейского театра. Основные задачи исследования: 1) восстановить историю создания и утверждения пьесы; 2) выявить причины, по которым пьеса так и не была ни опубликована, ни поставлена на сцене; 3) определить место и роль данного произведения в творчестве автора. Основными источниками исследования являются материалы Российского государственного архива литературы и искусства, ранее находившиеся вне сферы внимания биографов и исследователей творчества Гроссмана.

Ключевые слова: В. С. Гроссман; пьеса; «Старый учитель»; Московский государственный еврейский театр; Холокост; С. М. Михоэлс; цензура; Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром; фашизм; евреи; антисемитизм.

В. В. Кириченко

Еврейская тема в романе Жоржа Перека «W, или Воспоминание детства»

Настоящая работа посвящена анализу еврейской темы в романе «W, или Воспоминание детства» французского писателя Жоржа Перека. Целью работы является определение того, каким образом реализуется еврейская тема в романе «W, или Воспоминание детства». Одной из центральных тем творчества Перека является поиск самого себя и воспоминание через письмо, в котором возникает тема еврейства. Перека постоянно обращается к языку для установления собственной идентичности, он ищет значения, указывающие на его судьбу. Так, в «W, или Воспоминание детства» он замечает, что его фамилия может быть переведена как «дыра». Эта символическая «дыра» выражает художественный подход автора. В этом контексте зарождается представление об «эстетике отсутствия». Особенно актуальными для этой «эстетики» оказываются мотивы утраты и непознанного, что коррелирует с несовершившимся знакомством автора с еврейской культурой, являющейся частью его самого. Автор статьи приходит к заключению, что для Перека еврейство оказывается важной темой автовымышленного романа «W, или Воспоминание детства», причем эта тема

связывается не только с биографическим прошлым и настоящим автора, но и с особенностями его поэтики, в частности, с языковой игрой.

Ключевые слова: Жорж Перек; идентификация; память; эстетика отсутствия; автобиография; еврейская идентичность, формальное ограничение.

ЕВРЕИ И ОБРАЗОВАНИЕ

А. А. Журавлёв

К вопросу об учебе в Петровском коммерческом училище детей купцов-иудеев на рубеже XIX–XX вв.

Статья посвящена приему в Петербургское Петровское коммерческое училище детей купцов-иудеев на рубеже XIX–XX вв. Рост численности гильдейских купцов-иудеев в столице заставил Купеческую управу решить вопрос о количестве учащихся иудеев в училище. Преподавание для представителей всех конфессий было одинаковым, за исключением Закона Божьего. В вопросе воспитания религиозных чувств Купеческая управа стремилась переложить затраты на родителей учащихся.

Ключевые слова: гильдейское купечество; купцы-иудеи; преподавание Закона Божьего; Петербургское Петровское коммерческое училище.

Е. Г. Певзнер

Профессиональное обучение в собственных училищах ОПЕ в С.-Петербурге и Риге

ОПЕ занималось не только поддержкой высшего и начального образования, но и были попытки обучения подростков ремеслам в собственных учебных заведениях ОПЕ.

При Петербургских начальных училищах ОПЕ были открыты женское и мужское ремесленное отделения, предназначенные, главным образом, для выпускников этих училищ. Женское было открыто в 1895 г., мужское — в 1897 г. Было закуплено хорошее оборудование, приглашены опытные руководители. Ремесленные отделения давали хорошую подготовку. Все выпускники получали удостоверения подмастерьев и подмастериц и, в дальнейшем, устраивались на работу по специальности. Однако, желающих поступить на обучение ремеслу из выпускников начальных училищ было очень мало. Попечительская комиссия решила закрыть эти отделения.

В отличие от Петербургского Комитета ОПЕ, Рижское Отделение ОПЕ открыло собственное мужское ремесленное училище. Практически все выпускники еврейского Рижского ремесленного училища работали по специальности, но их было очень мало.

Таким образом, ремесленные отделения в С.-Петербурге и ремесленное училище в Риге давали хорошую подготовку, однако желающих обучиться ремеслу было мало.

Ключевые слова: ремесла; мастерские; программные работы; заказы; специальные предметы; профессия.

Б. Б. Дубенцов

З. Г. Гринберг и петроградское учительство: дела и слова (1918–1919 гг.)

В статье изучена одна из сторон деятельности Захара Григорьевича Гринберга, а именно его работа в сметно-финансовой сфере в 1918–1919 гг. З. Г. Гринберг являлся тогда заместителем народного комиссара просвещения и фактически возглавлял петроградские органы по просвещению. На основании неопубликованных источников установлено, что З. Г. Гринберг вел активную переписку с петроградскими финансовыми органами, представлял полугодовые сметы образовательных учреждений и просил о выделении средств. Он стремился обеспечить регулярные выплаты жалования учителям с учетом его неоднократно повышения. Но беспорядок в советской сметно-финансовой системе сводил на нет усилия З. Г. Гринберга. Он был вынужден выпрашивать деньги у других учреждений. Автор полагает, что продемонстрированная делом готовность заместителя комиссара по просвещению не допускать ухудшения и без того тяжелого материального положения учителей лежала в русле политики, сформулированной и проводившейся Луначарским, который предлагал удалять из среды учительства открытых врагов Советской власти, готовить новых учителей, поддерживать и привлекать на ее сторону основную учительскую массу. Но эта политика в Петрограде была подвергнута шельмованию с левацких позиций. В угоду ее представителям, задававшим тон в районных партийных организациях, З. Г. Гринберг на словах и вопреки собственным делам выражал готовность не кормить и не обеспечивать большинство учителей. Уступчивость перед крайне левыми не помогла сторонникам А. В. Луначарского сохранить за собой руководство делом народного просвещения в Петрограде.

Ключевые слова: Народное просвещение; Комиссариат просвещения; Союза коммун Северной области; политика в сфере просвещения; учителя средних школ; жалование для учителей; финансирование; сметы учреждений; денежные средства; Петроградский отдел народного образования.

Г. Н. Яковлева

Советские еврейские детские сады 1920-х гг. на Витебщине и их роль в политической социализации детей и родителей

В статье показан процесс возникновения советских еврейских детских садов на Витебщине и их роль в приобщении детей и их родителей к новым политико-идеологическим реалиям.

Ключевые слова: Наркомпрос; Евбюро; советские еврейские детские сады; идиш.

УЧЕНЫЕ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В. В. Левченко

«Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова...»: еврейская ветвь родословной П. М. Бицилли

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов предпринята попытка реконструкции ранее неизвестной и неисследованной

еврейской ветви родословной П. М. Бицилли — ученого-гуманитария, автора большого числа трудов по истории разных времен и народов, теории истории, культурологии, лингвистике и литературоведению, преподавателя многих европейских университетов.

Ключевые слова: П. М. Бицилли; родословная; генеалогия; еврейская ветвь; актовые источники.

В. В. Онощенко, Л. Б. Эрштейн

Этнограф Л. Я. Штернберг и еврейский вопрос в России

В статье описываются взгляды известного этнографа Л. Я. Штернберга на жизнь и быт евреев России начала XX в., показаны фрагменты не известных работ этнографа, в частности «Евреи на Сахалине», данная работа не была напечатана и фактически представляет собой отчет о ссылке Л. Я. Штернберга на Сахалин. Обсуждаются записки этнографа, на основе которых им была написана работа «Проблема еврейской национальной психологии», в статье показано, что Штернберг принимал активное участие в деятельности еврейских обществ в России. Выявлено, что он пользовался большим авторитетом, в еврейском мире в России, впервые приводится несколько писем от еврейских организаций России, избравших Штернберга своим членом. Обсуждается, написанная этнографом, малоизвестная статья «Проблема еврейской этнографии», приводятся выдержки из него. Показано, что задолго до всяких процессов глобализации Л. Я. Штернберг предупреждал о возможности исчезновения бытовых особенностей жизни еврейских местечек и настаивал на скорейшем изучении этих особенностей.

Ключевые слова: этнография; евреи; Штернберг; евреи в России.

О. Б. Вахромеева

Научная, педагогическая и практическая деятельность А. Л. Гершуна (1868–1915): к 150-летию со дня рождения организатора российской оптической промышленности

Статья приурочена к 150-летию со дня рождения организатора отечественной оптической промышленности в дореволюционный период А. Л. Гершуна (1868–1915), который будучи учеником профессора И. И. Боргмана по Санкт-Петербургскому университету, был его достойной сменой на кафедре, однако, ряд обстоятельств не позволили ему получить место преподавателя. А. Л. Гершун преподавал в различных средних и высших учебных заведениях столицы и в Артиллерийском офицерском классе в Кронштадте, где стал профессором. Педагогическая и научная деятельность А. Л. Гершуна тесно переплетались с работой инженера и экспериментатора. Ученый возглавлял Оптико-механический отдел Обуховского завода, участвовал в строительстве и оборудовании Оптического завода (ЛОМО).

Ключевые слова: А. Л. Гершун; физика; преподавание; оптотехника; инженерия; оптическое стекло.

Н. О. Чехович

Судьба ассириолога Михаила Астура (Michael S. Astour) и его семьи. Вильна, СССР (ГУЛАГ и Казахстан), Польша, Франция, США

Статья посвящена биографии ассириолога Михаила Ч. Астура (Харьков, Россия, 17 декабря 1916 – Сент-Луис, Миссури, США, 7 октября 2004) и его семьи. Атрибутирован один из адресатов его писем.

Ключевые слова: ассириология; территориализм; древний Ближний Восток; Угарит; Вильна; ГУЛАГ; гетто; идиш; литература.

В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ РЕВОЛЮЦИЙ И ВОЙН

А. И. Богомолов

О расследовании еврейского погрома в Челябинске (октябрь 1905 г.)

Целью статьи является интерпретация событий 19–20 октября 1905 г. в уездном городе Оренбургской губернии очевидцами и современниками этих событий. Источниковой базой для этого послужат материалы, отложившиеся в фонде Объединенного государственного архива Челябинской области в деле «О еврейском погроме в Челябинске 19–20 октября 1905 г.», газетные публикации 1905–1910 гг., а также воспоминания очевидцев.

Ключевые слова: революция 1905 г.; Урал; антисемитизм; массовые беспорядки; погромы; конспирология.

А. И. Хаеш

Навет 1915 года на евреев местечка Кужи

Навет о предательстве евреев местечка Кужи имел очень тяжелые последствия для еврейского населения прифронтовых районов царской России. Убедительно опровергнутый в июле 1915 г. на заседании IV Государственной Думы, он вновь воспроизведен в издании 2013 г. На основе ставших недавно доступными архивных документов и дополнительных публикаций описаны события, происшедшие в местечке, дальнейшая судьба его евреев и приведены материалы, опровергающие навет.

Ключевые слова: германцы; навет на евреев; местечко Кужи; Первая мировая война; IV Государственная Дума.

М. А. Златина

К вопросу об организации помощи еврейским беженцам в городах — транзитных пунктах на примере г. Риги (май–июнь 1915 г.)

В статье на примере г. Риги анализируется специфика организации помощи еврейским выселенцам, прибывающим в транзитные города, на которые не распространяется право жительства для евреев. Исследуется работа местного Рижского еврейского комитета по оказанию помощи пострадавшим от войны, основные проблемы, с которыми он сталкивался, и степень успешности их решения.

Ключевые слова: евреи; беженцы; выселенцы; Первая мировая война; Рига; Рижский еврейский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны.

И. Э. Сивопляс

Симбирский общественный раввин Гирш Клейн

Статья посвящена личности и деятельности в качестве Симбирского общественного раввина Гирша Клейна (1879–1937). Он занимал эту должность в 1914–1918 гг., в знаковое время Первой мировой войны и Русской революции. Он сыграл исключительно важную роль в жизни Симбирской еврейской общины этого периода, численность которой многократно возросла за счет евреев-военнослужащих, беженцев, интернированных и военнопленных. В советское время Г. Клейн неоднократно преследовался, как бывший раввин, и был незаконно расстрелян.

Ключевые слова: Клейн Г. М.; раввин; еврейское общество; Первая мировая война; Революция 1917 г.; беженцы; военнопленные; благотворительность; образование; культ; религиозные праздники; политические репрессии.

П. Г. Рогозный

Евреи, народная религиозность и революция

Статья посвящена еврейскому вопросу после Октябрьской революции и реакции на этот вопрос церковной общественности. В церковном сознании того времени, начал складываться миф о захвате власти в стране евреями.

Ключевые слова: Церковь; народная религиозность; революция; евреи.

И. В. Чубыкин

Марк Вениаминович Вишняк — юрист и политик

В статье раскрываются особенности политической биографии видного политического, государственного и общественного деятеля России начала XX в. М. В. Вишняка, показывается его роль в формировании российской политической системы и разработке основных законодательных актов, сопровождавших изменение государственного строя России в 1917–1918 гг. Освещается отношение Вишняка к русскому революционному движению.

Ключевые слова: М. В. Вишняк; политическая биография; Россия; политические партии; государственный строй; политические реформы; начало XX в.

ЕВРЕИ И ПОЛИТИКА

Л. И. Ивонина

Станислав Лещинский и евреи: векторы политики

В статье представлен анализ политического курса дважды польского короля и герцога Лотарингии Станислава Лещинского к евреям. Автор выделяет факторы, влиявшие на этот курс, и в целом оценивает отношение Лещинского к еврейскому населению как лояльное. Вместе с тем, в отличие от Лотарингии, композитарное Польско-Литовское государство порождало противоположные векторы политики к евреям в разных его регионах.

Ключевые слова: Речь Посполитая; Лотарингия; евреи; конфессия; война.

Е. А. Смирнова

Политическая деятельность профессора Владимира Матвеевича Гессена

В статье рассматривается политическая деятельность отечественного правоведа Владимира Матвеевича Гессена. Затронуты основные вехи его биографии, представлены политические идеи и взгляды на развитие государства. Исследована научная деятельность Гессена как крупнейшего специалиста по государственному праву и проводника идей парламентской системы правления.

Ключевые слова: Владимир Матвеевич Гессен; высшая школа Санкт-Петербурга; профессора; кадеты; военно-полевые суды; Государственная дума.

М. С. Тарасова

Транснациональное, этническое, локальное измерения институционализации еврейского анархизма в Филадельфии, США в начале XX в.

Еврейское анархическое движение начала XX в. в Филадельфии, штат Пенсильвания, США, представляет собой самобытное контркультурное сообщество, где на фоне влияния локальных факторов, составлявших социально-политический климат Средней Атлантики рубежа XIX–XX вв., сосуществовали две противоположные тенденции: с одной стороны, сохранения еврейской этнической идентичности внутри сообщества русских и европейских евреев в эмиграции, с другой — космополитизма, лежащего в основе идеологической парадигмы анархизма. Данная статья прослеживает эти тенденции в контексте институционализации движения, в частности, в форме Радикальной библиотеки Филадельфии в 1905 г. и местного отделения Анархического Красного Креста в 1911 г.

Ключевые слова: США; Филадельфия; еврейская эмиграция; Радикальная библиотека; Анархический Красный Крест.

М. Ю. Крапивин

«Ознакомившись с докладной запиской тов. Бреннера по делу сионистов, позволяю себе сделать несколько замечаний»: нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин о негативных последствиях репрессий против сионистов для международного престижа советского государства, 28 июня 1920 г.

Статья посвящена некоторым аспектам так называемого Дела сионистов, начало которому положил арест в Москве 23 апреля 1920 г. делегатов и гостей всероссийского сионистского съезда. Вслед за этим, в ходе обысков, проведенных по распоряжению Секретного отдела Всероссийской Чрезвычайной комиссии в помещениях ЦК Российской сионистской организации (РСО), на квартирах членов ЦК и делегатов съезда, были обнаружены документы, свидетельствовавшие, согласно официальной версии, о неоязвном отношении сионистов к Советской власти. В результате против сионистских лидеров было возбуждено уголовное дело. 6 мая 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) заявило о необходимости привести политику в еврейском вопросе в соответствие с общегосударственной национальной политикой. Фактически это означало, что тактика особого, более или менее терпимого отношения к сионизму как специфической форме еврейского национального движения себя исчерпала и должна уступить место

более жестким методам подавления, обычно практиковавшимся в отношении контрреволюционных организаций. Вместе с тем, по ходу расследования уголовного дела выяснилось серьезное расхождение позиций Центрального бюро еврейских коммунистических секций при ЦК РКП(б), ВЧК и Народного комиссариата по иностранным делам относительно дальнейшей судьбы сионизма правого толка в Советской России. Приводится полный текст письма Г. В. Чичерина в Президиум ВЧК от 28 июня 1920 г. с изложением аргументации внешнеполитического ведомства по вопросу о негативных последствиях репрессий против сионистов для международного престижа советского государства. Публикация архивного документа сопровождается развернутым комментарием.

Ключевые слова: сионизм; Российская сионистская организация; уполномоченный Секретного отдела Всероссийской Чрезвычайной комиссии; Центральное бюро еврейских коммунистических секций при Центральном комитете Российской коммунистической партии (большевиков); Народный комиссариат по иностранным делам РСФСР.

Г. Н. Кондратьев

Основные направления деятельности еврейской секции Крымского обкома ВКП(б) (1920-е гг.)

В статье характеризуется деятельность еврейской секции крымского обкома. Раскрыта работа секции по переселению в Крым евреев. Анализируется работа секции по созданию еврейских районов и сельских советов, формирования кадров советских служащих.

Ключевые слова: Крымская АССР; еврейская секция.

Т. М. Смирнова

ЛенОЗЕТ конца 1920-х гг. в зеркале статистики

В статье рассматривается динамика количественного, социального, партийного и гендерного состава Ленинградского отделения Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (ЛенОЗЕТ) конца 1920-х гг.

Ключевые слова: Общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР (ОЗЕТ); ЛенОЗЕТ; Ленинград; статистика.

И. В. Масюкова

Евреи и национальная политика в СССР: теория и практика (в 1950-х – 1960-х гг.)

В статье анализируется положение советских евреев в первое послесталинское десятилетие. Советское руководство декларировало официальную политику «равноправия и развития всех наций». Одновременно евреи испытывали дискриминацию и антисемитизм в вопросах трудоустройства, участия в политической жизни, получении высшего образования и т. д. Разочарование и дискомфорт вызвали у части евреев стремление бороться за восстановление «еврейской жизни» в СССР.

Ключевые слова: послесталинское десятилетие; евреи; антисемитизм; дискриминация; трудоустройство; советское руководство и западные СМИ.

К. В. Ермишина

К вопросу о культурном взаимодействии СССР и Израиля накануне Шестидневной войны

В статье анализируются международные отношения между СССР и Израилем в 1964–1967 гг., предшествующие разрыву дипломатических связей между двумя странами после Шестидневной войны. По большей части эти отношения реализовывались за счет культурного обмена — мы покажем, кто форсировал и формировал этот обмен и как он коррелировал с внутренней советской политикой.

Ключевые слова: Шестидневная война; СССР; культурная политика; Израиль; Брежнев.

В ВОСПРИЯТИИ ОКРУЖАЮЩИХ

М. М. Юнусов

Монтень об одном иудейском обряде (из «Дневника путешествия в Италию»)

В 1580–1581 гг. Монтень совершил длительную поездку по Швейцарии, Германии и Италии. В ходе поездки был написан дневник путешествия, частично самим Монтенем и частично его секретарем. Этот дневник, очевидно, не предназначался для печати, но он представляет читателю практические наблюдения Монтеня над некоторыми фактами, которые были осмыслены им в «Опытах». К числу этих наблюдений относятся заметки о наблюдении автором за обрядом обрезания у евреев в Риме.

Ключевые слова: Монтень; Рим; евреи; обрезание.

Н. Ю. Николаев, Р. Ш. Ибрагимов

«Еврейский вопрос» на страницах либеральных периодических изданий в конце XIX в.: по материалам «Вестника Европы» и «Русской мысли»

В статье проанализирована публицистика либеральных журналов «Русская мысль» и «Вестник Европы», посвященная «еврейскому вопросу». Выявлена эволюция мнений авторов в период 1880-х – 1890-х гг., показано различие подходов двух журналов на отдельные аспекты «еврейского вопроса» (отношение к погромам, антиеврейскому законодательству, «делу Дрейфуса»).

Ключевые слова: публицистика; журнал; «еврейский вопрос»; погромы; «дело Дрейфуса».

В. А. Герасимова

Антисемитизм в сибирских епархиальных ведомостях в период Первой мировой войны

В статье на основе содержания епархиальных ведомостей сибирских губерний (Тобольской, Омской, Томской и Иркутской) анализируется репрезентация еврейской тематики в период Первой мировой войны, характеризующийся

общим ростом антисемитских настроений в сибирском социуме, вылившимся в том числе в еврейский погром в Красноярске в 1916 г. Автор рассматривает официальную православную прессу как один из источников формирования общественного мнения о евреях в Сибири. В статье рассматривается интенсификация антиеврейской риторики в сибирских епархиальных ведомостях в 1916–1917 гг., которая, по мнению автора, стала следствием вовлечения части православного духовенства региона в черносотенное движение и использования еврейской темы в качестве инструмента борьбы за влияние на рынке российской прессы.

Ключевые слова: антисемитизм; Сибирь; епархиальные ведомости; евреи в Сибири; пресса; межэтнические отношения; межконфессиональные отношения.

Т. И. Кузнецова

Евреи в восприятии латышей: цитата в антисемитской латышской литературе (20-е гг. XX в.)

В статье на основе анализа латышских антисемитских сочинений, опубликованных в начале 20-х гг. XX в., определяется восприятие латышами евреев. При этом особое внимание обращается на такое средство создания образа еврея, как цитирование ветхозаветных текстов. Проведенный анализ свидетельствует как о восприятии еврея в качестве врага, угрожающего культуре народа и государства, так и о способе мировосприятия самих латышей.

Ключевые слова: латыши; евреи; восприятие; цитата; антисемитские тексты.

Т. К. Никольская

Евреи в мемуарах русских протестантов

В мемуарах русских протестантов евреям нередко уделяется особое внимание. Среди авторов рассмотренных мемуаров — пять евангельских христиан-баптистов, три пятидесятники, один евангельский христианин в духе апостолов. По типу отношений с авторами евреи, упомянутые в мемуарах, условно отнесены к трем категориям: 1) евреи-единоверцы; 2) евреи-участники борьбы с религией (представители властей, начальники на работе); 3) нейтральное окружение (соседи, окрестные жители). Эти мемуары представляют интерес для изучения истории, повседневной жизни, духовных поисков советских евреев, межнациональных отношений в СССР.

Ключевые слова: евреи; русские протестанты; евангельские христиане-баптисты; реформированные баптисты (инициативники); пятидесятники; мемуары; Г. К. Крючков; И. П. Федотов; Е. Н. Куявский; Л. Авербух; В. Плотских; С. Л. Ария.

SUMMARIES

IN QUEST OF THE NEAR EAST

S. N. Davidoglu

Heavenly Temple in Jewish Apocalyptic Literature in 3^d cent. BC – 2nd cent. AD

The article reviews the ways of expressing the idea of the heavenly temple in Jewish apocalypses, and how these texts express theological and cultural ideas through the image of heavenly temple. The First Enoch, the Testament of Levi, the Second Enoch, the Apocalypse of Abraham, the Fourth Ezra, the Second Baruch, the Third Baruch, and the Songs of the Sabbath Sacrifice have been analyzed.

Keywords: Heavenly temple; apocalypse; Jewish apocalyptic; destruction of the Temple; heavenly liturgy; heavenly high priest.

S. A. Frantsouzoff

The Newest Epigraphic Evidence of the Jews in pre-Islamic Yemen

The article presents the results of an examination of a late Sabaic fragmentary inscription found by the Dutch journalist and researcher Sarah Rijziger in 2017 in Na‘ḍ — a village in the Highlands of Yemen to the south-east of Sanaa. This inscription was published in 2018. The names of its authors and the mention of God of Israel indicate that it must have been compiled by members of a local Jewish community. The editors of the inscription did not pay due attention to the first occurrence of the anthroponym *‘bd’l-n*, which represents the full equivalent of the most common Islamic name ‘Abdallāh, and also overlooked the fact that the inscription is most likely to be dated from the late sixties of the 5th century AD. The attempt to deny the complete identity of two expressions attested in late Sabaic inscriptions, viz. “God of Israel” and “Lord of the Jews”, and to consider them as a sort of bitheism does not stand up to scrutiny.

Keywords: ancient Yemen; Judaism in South Arabia; late Sabaic epigraphy; Ḥimyarite kingdom; Highlands of Yemen.

M. S. Shapovalov

The Siberian Jews on their way to the Holy Land, end of the 19th – beginning of the 20th century

The paper based on the materials from the Siberian archives relates a story about the organization of a journey to the Holy Land for a Tomsk Jew. At present, our knowledge about numbers and specifics of the Siberian emigration to Palestine is far from being complete. Most of the materials stored in the collections of the regional Siberian archives, e.g. concerning passport issue, remain classified and hence unavailable. At the same time, the preliminary data do not allow to draw the conclusion that the contacts of the Siberians with the Holy Land were in some way limited. We can definitely say that by the end of the 19th century Siberia and Palestine were connected by a kind of communication bridge, an important part of which were not only Orthodox pilgrims, but the Siberian Jews as well.

Keywords: Palestine; pilgrimage; Siberia; Siberian Jews; Judaism; Jewish-Christian relations.

E. Belkina

The collection of Judeo-Persian manuscripts in the National Library of Russia and the Institute of Oriental Manuscripts, St. Petersburg

Over the past 150 years, two collections of Judeo-Persian manuscripts have appeared in St. Petersburg. Today, they are located in the Manuscript Department of the National Library of Russia (18 manuscripts) and in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (56 manuscripts). They came to the NLR together with Firkovich's large collections, and only a few books were added later and separately. In the IOM RAS (Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences), the parallel collection was formed in "streams", by several manuscripts or even by a few dozen books. Until today, some manuscripts have attracted the researchers' attention while the rest remain unexplored and are still waiting in the wings. Our list was made according to the language criterion: texts contained in the manuscripts must have - at least partially - been written in Judeo-Persian. Geographically the area for creating manuscripts was limited to the territories of Greater Iran.

Keywords: Jews; Iran; Persian; Judeo-Persian; NLR; Institute of Oriental Manuscripts.

V. Mesamed

Does the interfaith harmony really exist in Iran: the largest Jewish community of the Near East in the conditions of an Islamic regime

This article explains the current situation of the Jewish community in Iran, in the light of the threats it is now facing. This is an attempt to analyze the socio-political background of its existence as one of the three non-Muslim confessions allowed by the current Iranian Constitution.

Keywords: Iran; Jewish community; conformism; Islamic regime; interfaith harmony.

JEWISH COMMUNITIES, EXISTING AND NON-EXISTANT

E. V. Gusarova

Positive and Negative Discrimination among the Ethiopian Betä Esra'el: Between Origin Myths and History

Ethiopia is one of the most ethnically diverse countries of the African continent. The overwhelming majority of its peoples have no literary tradition of their own. As a result, their traditions, manners and customs can be subject of field research with only few exceptions. In this connection the Amhara and the Təgräy ethnic groups, who constitute the ruling class of the Christian state of Ethiopia, and two other peoples, *viz.* the Oromo and the Betä Esra'el (the so-called 'Ethiopian Jews'), are of particular interest, since all of them are more or less well represented in traditional Ethiopian historiography and have conserved their proper memory of generations. Their self-consciousness revealed through the lens of written and oral tradition exerts its influence on patterns of their behavior in the changing world. In spite of their incorporation in modern society, archaic backgrounds of their existence, especially their origin myths, are often left on the surface in different ways. One of the most complex positions in the Ethiopian state has been occupied by the Betä Esra'el, who claim to be of Israel origin, completely ignoring their local African roots.

Keywords: Ethiopia; north-eastern Africa; Ethiopian Jews; falasha; the House of Israel; the history of Ethiopia.

R. Marcinkowski

Jews in Eastern Galicia in the Light of the Memoirs of Dov Ber of Bolechov

Dov Ber of Bolechov (1723–1805), a Jewish wine merchant and polyglot, who was known for his disputes with the Frankists in Lvov in 1759, left behind two main works in the form of manuscripts: *זכרונות ר' דוב מבוֹלֶחוב* (*The Memoirs of Dov Ber of Bolechov*) and *דברי בינה* (*Understanding Words*), in which he describes his own history and the history of his family, but also the history of the Jews in Eastern Galicia. His description as an outside observer seems to be credible.

When we read his memoirs, which were written down at the end of his life, we can see a man who did not belong to the elite but who tried to keep up with it. That is why he often overemphasized the merits of his family. However, one cannot underestimate the historical value of his narrative. The history of his family clearly points to social advancement and wealth of the people coming from outside the traditional kahal elite.

The paper presents the life of the Jews in Eastern Galicia in the 18th century as described in the Memoirs of Dov Ber of Bolechov.

Keywords: Dov of Bolechov; Jews in Eastern Galicia; memoirs.

A. A. Kruzhalina

Jewish emigration from Russia in the 1880s – 1890s. Based on the “Report of a trip abroad taken in view of the Jewish emigration settlement” by V. L. Berman

The article discusses the features of the Russian-Jewish emigration, which was growing in the aftermath of the pogroms in the 1880s and 1890s. On the basis of archival materials, the author characterizes the directions, volumes and specifics of the Russian-Jewish emigration of the period, as well as describes the activities of European Jewish societies that assisted Jewish immigrants from Russia.

Keywords: Jews; emigration; Russian Empire; 19th century; Jewish question; emigrant societies.

I. N. Litvinova

Jewish Entrepreneurs of Tsaritsyn at the turn of 19–20 centuries

The article gives an idea of the directions and spheres of activity of the business national elite, representing the Jewish society of Tsaritsyn (now Volgograd). The quantitative composition of Jews in the local Guild merchants and among persons who had private hospitals, pharmacy stores is analyzed. The work also provides information about the owners of the trading houses and the Agent-Commission firms. Conclusion: the potential for rapid commercial and industrial growth of the city after its inclusion in the all-Russian railway system owes much to the economically enterprising persons who came to live from the towns of the Jewish pale of settlement.

Keywords: business people; entrepreneurs; Jews; trade; sawmills; merchants; doctors; pharmacies; Jewish society.

B. N. Kazachenko

Prayer House (Kaal) of the Krymchaks

This article describes the temple architecture of the Krymchaks. The study encompasses the décor and the architectural style of the Krymchaks' cult buildings in Simferopol. The author then analyses the traditional symbols of Judaism, which express divine ideas in the structure

and decoration of the prayer house. The study points out that the elements of architectural décor found in the kaal (abstract geometrical figures) are a reliable ethnic identifier.

Keywords: Crimea; Krymchaks; architecture; symbols of Judaism; prayer house; decor elements.

K. G. Karpekin

The history of the Jewish religious communities of Beshenkovichy district according to the documents from the State archive of Vitebsk region, 1918–1930

The history of the Jewish religious communities, which existed from 1918 to 1930 in what is today Beshenkovichy district, was reflected in a number of documents, which have been stored in the State archive of Vitebsk region: in protocols, plans, reports, correspondence, various lists, claims of lien, notices of assessment and registration books. The most substantial are the community records and lists of places of worship, which contain property registers and the information about persons who performed cultic actions there. These sources mention 7 out of 9 settlements. Other types of documents contain indications of one or two places only. The author managed to find information about Beshenkovichy and Ostrovno in five types of the aforementioned documents, while the information about Prudiny, Ostrovno, Tsuraky and Cherkasy is very scarce.

Keywords: Beshenkovichy district; document; State archive of Vitebsk region; Jewish religious community; settlements.

E. A. Yakimova

The Jewish community in today's Lithuania: a problem of revival and integration in European culture

The article reflects an analysis of the process of formation and development of Lithuania's modern Jewish community. The author studies the correlation between the concepts "Lithuanian Jew" and "litvak", describes the main stages of the institutionalization of the community life and their interconnection with country's political history and the experience of its neighbors, as well as the influence of litvaks on the processes within the Jewish community of the republic and its ties with foreign countries. The study is based on statistical data, publications of local historians and information, collected by the author during the visit to Vilnius in 2018.

Keywords: Jewish community; Lithuania; Jewish Cultural Society; litvaks; Holocaust.

JEWS AND PHILOLOGY

A. Polonskaya

Mikitka: Interpretation of a Song (or a Niggun)

In the song, a Jew addresses a Mikitka and tells him that he will die and go to hell, because he hasn't behaved like a pious Jew and won't be able to tell his Jewish name to the Angel of Death. What is the message of the song: make fun of gentiles, convert them to Judaism, or is Mikitka an assimilated Jew? Perhaps, the more pious a Jew is, the more humble he must be and the more "Mikitka-like" should he regard himself? In the last case Mikitka is a niggun and not just a folk song.

Keywords: Mikitka; Hasidism; Yiddish folksong; niggun; macaronic songs; Y. L. Peretz; Jews and gentiles; heaven and hell.

E. Khazdan

Khad Gadya: The Riddle-Song and its Exploration

Khad Gadya is the song that concludes the Passover *seder*. The researchers have no clear vision both of the time of its appearance and of its genesis. It is called a lullaby, a nursery-rhyme, a domestic table-song. Analyzing the structure of the song, its language and the context of its performance we can understand its role in the ritual and get a new perspective of its content.

Keywords: Jewish traditional music culture; Jewish song; Passover; seder; song genre; cantillation.

B. Valdman

I. S. Turgenev and the Russian-Jewish periodicals of the second half of the 19 – beginning of the 20 centuries

The article discusses the publications in the Russian-Jewish periodicals about Turgenev's attitude towards the anti-Jewish pogroms in Southern Russia in 1881–2. The publications relate to Turgenev's correspondence with journalist I. Sorkin, sculptor Antokolsky and writer G. Bogrov, who appealed to Turgenev asking him to speak in defense of the Jews. The article turns to the publications about Turgenev's assistance to a member of the organization Narodnaja Volja A. Pavlovsky, the writer B. Auerbach. The letters of Turgenev and the memories by M. Antokolsky, N. Ostrovskaya, I. Pavlovsky, A. Lukanina attest to Turgenev's benevolent attitude and sympathy with the Jews and their problems. However, Turgenev did not speak openly in defense of the Jews. Turgenev was a model for the Russian-Jewish writers and was popular with the Jewish youth.

Keywords: Russian-Jewish periodicals; Jewish question in Russia in the 1880s; pogroms in Russia in 1881–2; correspondence; the memories of Turgenev; protest of 1858; Turgenev's assistance.

G. Boeva

The Jewish Question in Russia at the Beginning of the 20th Century: Seven Episodes in Life of Leonid Andreev

The article follows the dynamics of Leonid Andreev's attitude toward the Jewish Question. The writer's involvement with this problem is analyzed in the light of the transformation of his personality, due to the changes in the social climate in Russia during the first two decades of the 20th century — from the «Chirikov Incident» (1909) to the number of actions directed against anti-Semitism during WWI.

Keywords: The Jewish Question; Leonid Andreev's work; anti-Semitism; the early 20th century.

Yu. A. Volokhova

“The Old Schoolmaster” — a forgotten piece by V. Grossman

This is the first time a researcher reconstructs the whole history of creation and oblivion of the piece «The Old Schoolmaster», written by V. Grossman in 1946, based on the story of the same name. This work was ordered by the Moscow State Jewish theatre. The major objectives of the research are: 1) to reconstruct the history of the creation and approval of

the play; 2) to find out the reasons why the play had not been neither published nor staged; 3) to determine the place and role of this piece in the literary heritage of the author. The main sources for the research are the documents in the Russian State Archive of Literature and Arts, which have never been the area of interest of Grossman's biographers and researchers.

Keywords: V. S. Grossman; play; «The Old Schoolmaster»; Moscow State Jewish Theater; Holocaust; S. M. Mikhoels; censorship; General Directorate for Spectacle and Repertoire Control; fascism; Jews; anti-Semitism.

V. V. Kirichenko

Jewish theme in Georges Perec's novel "W, ou le Souvenir d'enfance"

This paper presents an analysis of the Jewish theme in the novel "W, ou le Souvenir d'enfance" by the French writer Georges Perec. The aim of this work was to determine how the Jewish theme was realized in the novel. One of the central themes of Perec's works is the search of his own self and the recalling through the writing, which introduces the theme of Jewry. Perec constantly refers to the language to establish his own identity, he is looking for values indicating his fate. In "W, ou le Souvenir d'enfance" he notes that his last name can be translated as "hole". This symbolic «hole» expresses the author's literary approach. In this context, the notion of the "aesthetics of absence" is born. The motives of the loss and the unknown, which correlate with the imperfect acquaintance of the author with the Jewish culture, which is a part of himself, are especially relevant for this "aesthetics". The author of the article comes to the conclusion that for Perec Jewry turns out to be an important theme in the autofictional novel "W, ou le Souvenir d'enfance", and this theme is associated not only with the author's biographical past and present, but also with the peculiarities of his poetics, in particular, with language play.

Keywords: Georges Perec; identification; memory; aesthetics of absence; autobiography; Jewish theme, formal constraint.

JEWS AND EDUCATION

A. A. Zhuravlyov

Children of Jewish merchants at the Petrovsky School of Commerce at the turn of the 20th century

The author addresses the issues of admission of the children of Jewish merchants to the St. Petersburg Petrovsky School of Commerce at the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth century. The increase in numbers of the Jewish guild merchants in the capital forced the Merchant Board to decide on the number of Jewish students in the school. The schooling for adherents of all denominations was the same, with the exception of Divine law. The Merchant Board sought to make the students' parents pay for the religious education.

Keywords: guild merchants; Jewish merchants; teaching of religion; Petersburg Petrovsky School of Commerce.

E. G. Pevzner

Vocational education in the schools of the Society for the Spread of Enlightenment among the Jews of Russia (OPE) in St. Petersburg and Riga

The Society for the Spread of Enlightenment among the Jews of Russia (OPE) supported the higher and primary education and made a significant contribution to teaching trades to teenagers at its own schools. The elementary schools of the OPE had their own male and female Crafts Departments, which were designed, mainly, for the students who graduated from these schools. The female Department opened in 1895, the male Department in 1897. The schools acquired good equipment and experienced managers were hired. The Crafts Departments provided a good training. All graduating students obtained certificates of qualification, which enabled them to get jobs that required their skills. However, only a few of the students who graduated from the St. Petersburg elementary schools of the OPE wanted to enroll in the crafts courses. The Board of Trustees decided to close these Departments. Unlike St. Petersburg, in Riga the OPE had its own male vocational school. Almost all students who graduated from this school would become specialists, yet their total number was insignificant.

Thus, the trade Departments in St. Petersburg and the vocational school in Riga remained unpopular despite the high quality of education which they offered.

Keywords: Crafts; workshops; program works; orders; special subjects; profession.

B. B. Doubentsov

Z. G. Greenberg and Petrograd teachers: words and actions. 1918–1919

This article studies the activity of Zakhar Grigorievich Greenberg in the sphere of ways and means. Z. G. Greenberg who was Deputy Commissar for Public Education, had in fact the governance of the education institutes in Petrograd in 1918–1919. The article is based in most part on the unpublished sources, which have been found in Petersburg archives. It has been established that Z. G. Greenberg had a profuse correspondence with Petrograd financial institutes; he provided semi-annual estimates for his Commissariat and made requests for cash resources. He aimed to secure the regular payment of salary to the teachers and to increase its size. However, the disorder in the Soviet budget and financial system negated the efforts of Z. G. Greenberg. He was forced to beg for money from other institutions. The author argues that the actions taken by the Deputy Commissar for Education point out that he was determined to prevent the deterioration of the already difficult financial situation of teachers, which was in line with the policy formulated and pursued by A. V. Lunacharsky. The policy required the evident enemies of the Soviet State to be removed from their teaching posts and the new teachers to be prepared, at the same time making it possible for the majority of teachers to close ranks with the Soviet State. However, in Petrograd this policy was subject to defamation from the far left groups. In compliance with the far left rhetoric that set the tone in district party organizations, Z. G. Greenberg, verbally and in spite of his own actions, expressed his willingness not to provide for the majority of teachers. Still, the attempted compromise with the far left did not help the adherents of A. V. Lunacharsky to retain the governance of the public education in Petrograd.

Keywords: Public education; Commissariat for Education of the North Region Union of Communes; education policy; teachers of secondary schools; salary for teachers; financing; institutional estimates; financial resources; Petrograd City Department for Public Education.

G. N. Yakovleva

Soviet Jewish kindergartens in Vitebsk region in the 1920s and their role in the political socialization of children and parents

The article traces the process of emergence of the Soviet Jewish kindergartens in Vitebsk region and their role in introducing children and their parents to the new political and ideological reality.

Keywords: Narkompros; Evbyuro; Soviet Jewish kindergartens; Yiddish.

SCHOLARS IN PURSUIT OF KNOWLEDGE

V. V. Levchenko

“Abraham became the father of Isaac; Isaac became the father Jacob”: the Jewish line of Bitsilli’s pedigree

This article is an attempt to reconstruct P. M. Bicilli’s Jewish line of ancestors, which has been previously unknown and unexplored. Bicilli was a humanities scholar, who taught at many European universities; he was an author of a large number of works on the history of different times and peoples, theory of history, cultural studies, linguistics and literary criticism. The article is based on the archival materials, which have for the first time become available to the academic community.

Keywords: P. M. Bitsilli; bloodline; genealogy; Jewish pedigree line; assembly sources.

L. Ershteyn, V. Onochenko

Ethnographer L. Sternberg and the Jewish question in Russia

The article describes the views of the well-known ethnographer L. Ya. Sternberg on the culture and everyday life of the Jews in Russia in the early 20th century and presents some fragments of his unknown works, in particular, “Jews on Sakhalin”. This unpublished work was actually a report about Sternberg’s Sakhalin exile. The reader will find an analysis of his notes, which laid foundation for “The Problem of the Jewish National Psychology” – one of Steinberg’s major works. The article gives an account of the active role Sternberg played in the activities of Jewish societies in Russia. The authors point out his significance and the great prestige he enjoyed among the Russian Jews. For the first time, several letters have been cited that were sent by the Jewish organizations of Russia, who elected Sternberg their member. Besides, a little-known article “The Problem of the Jewish Ethnography” will be discussed with constant reference to excerpts from it. It has become clear that long before the onset of globalization processes, L. Ya. Sternberg warned that the everyday life of the Jewish townships was in danger of disappearing, which called for an immediate and thorough study of its features.

Keywords: ethnography; Jews; Sternberg; Jews in Russia.

O. B. Vakhromeeva

Scientific, pedagogical and practical activities of A. L. Gershun (1868–1915): on the occasion of the 150th anniversary of the pioneer in the Russian optical industry

This article commemorates the 150th anniversary of A. L. Gershun (1868–1915) who played a key part in the creation of optical industry in the pre-revolutionary Russia. He was a student of professor I. I. Borgman at St. Petersburg University, whose functions he later took up in the department. However, a number of circumstances did not allow him to

get a job as a teacher. A. L. Gershun taught in various secondary and higher educational institutions both in Saint Petersburg and at the Artillery Officer Class in Kronstadt, where he became a professor. Pedagogical and scientific activities of A. L. Gershun closely intertwined with the work as an engineer and experimenter. He headed the Optical-Mechanical Department of the Obukhov Plant, participated in the construction and equipment of the Optical Plant (LOMO).

Keywords: A. L. Gershun; physics; teaching; optotekhnika; engineering; optical glass.

N. O. Czechowicz

The life of the assyriologist Michael C. Astour and his family. Vilna, Soviet Union (GULAG and Kazakhstan), Poland, France, the USA

The paper is focused on the biography of the assyriologist Michael C. Astour (Kharkov, Russia, December 17, 1916 – St. Louis, Missouri, United States, October 7, 2004) and his family. The author has managed to identify one of the addressees of his letters.

Keywords: Assyriology; territorialism; Ancient Near East; Ugarit; Vilna; GULAG; ghetto; Yiddish; literature.

THROUGH WARS AND REVOLUTIONS

A. I. Bogomolov

On the investigation of the Jewish pogrom in Chelyabinsk (October 1905)

The purpose of this report is to look at how the eyewitnesses and contemporaries interpreted the events of October 19–20, 1905 in a centre of an *uyezd* (county) in Orenburg province. Here we draw upon materials from the case “Of the Jewish pogrom in Chelyabinsk 19–20 October 1905”, stored in the Fund of the United State Archive of the Chelyabinsk region, newspaper publications from 1905–1910, as well as the memories of eyewitnesses.

Keywords: Revolution of 1905; Urals; anti-Semitism; riots; pogroms; conspiracy theory.

A. I. Chaesh

Campaign of calumny against the Jews of Kuzhy village

The false accusations of treason made against the Jewish inhabitants of the village Kuzhy had a severe negative effect on the Jewish population of the Russian Empire, which lived in the immediate proximity of the area of operations. In July, 1915 those accusations had been disproved in a session of the 4th Duma, only to emerge again in a 2013 publication. What happened in the village has now become clear thanks to some newly discovered archival materials, which shed light on the events and recount the further development in the fates of Jews in the area. Eventually, the calumny has been refuted completely due to archival findings and new publications.

Keywords: German army; Anti-Jewish calumnies; village Kuzhy; First World War; Fourth Duma.

M. A. Zlatina

Assistance and relief for Jewish refugees in transit cities in May–June 1915. The example of Riga

In the article, the city of Riga is taken as an example of how the help was provided for the Jewish evicted persons, who arrived in the transit cities where they had no right of resi-

dence. The author looks at the work of the local Riga Jewish Committee for Assistance to War Victims, and then addresses the main challenges met by this Committee, and how the Committee responded to them.

Keywords: Jews; refugees; evicted persons; World War I; Riga; Riga Jewish Committee for Assistance to War Victims.

I. Sivoplyas

Hirsch Klein – the Public Rabbi of Simbirsk

The article gives an account of the personality and activity of Hirsch Klein (1879–1937) who was the public Rabbi in Simbirsk. He held this position in 1914–1918, during the time of the First World War and the Russian revolution. He played an extremely important role in the life of the Simbirsk Jewish community of this period, which grew rapidly at the expense of the Jewish soldiers, refugees, internees and prisoners of war. In the Soviet times, Klein was repeatedly persecuted as a former Rabbi, and was eventually shot without trial.

Keywords: Klein G. M.; Rabbi; Jewish society; World War I; revolution of 1917; refugees; prisoners of war; charity; education; cult; religious holidays; political repressions.

P. G. Rogozny

The Jews, the popular religion and the revolution

The article gives an account of the problem of the Jewish question after the October revolution and considers the reaction of the Church community to this question. At that time, in the Church circles a myth emerged, that the Jews were determined to take over the country.

Keywords: Church; national religiosity; revolution; Jews.

I. V. Chubykin

Mark Vishniak — Lawyer and Politician

The article discusses the main points of the political biography of M. V. Vishniak, the former Secretary of the All-Russian Constituent Assembly (1918). The collected data clearly shows that Vishniak played a very important role as an influential member of the Russian democratic administration at the time of its liberal, democratic and constitutional transformation.

Keywords: M. V. Vishniak; political biography; Russia; political and state institutions; political reforms; beginning of the 20th century.

JEWS IN POLITICS

L. I. Ivonina

Stanislas Leszczynski and Jews: vectors of policy

The article presents an analysis of the policy concerning Jews pursued by Stanislas Leszczynski who had been twice King of Poland as well as Duke of Lorraine. The author highlights the factors that influenced this policy, and in general regards Leszczynski's attitude towards the Jewish population as loyal. At the same time, unlike Lorraine, in different regions of the Polish-Lithuanian state the Jews were treated differently according to the specifics of regional politics.

Keywords: Rzeczpospolita; Lorraine; Jews; denomination; war.

E. A. Smirnova

The political activities of Professor Vladimir Matveyevich Hessen

The article discusses the political activities of a legal scholar Vladimir Matveyevich Hessen. The author touches upon the main milestones of his biography and looks at his political ideas and his views on the development of the state. The author gives an account of the academic activity of Hesse who was the most prominent specialist in state law and an advocate of the ideas of parliamentary democracy.

Keywords: Vladimir Matveyevich Hessen; St. Petersburg High School; professors; cadets; court-martials; The State Duma.

M. S. Tarasova

The Transnational, Ethnic and Local Scales of the Jewish Anarchism Institutionalization in Philadelphia, USA in The Early 20th Century

The early 20th century Jewish anarchist movement in Philadelphia, Pennsylvania, USA is an authentic counter-cultural community, where against the influential background defined by the local factors constituting the Mid-Atlantic socio-political climate of the turn of the century, coexisted two opposing trends: on the one hand, that of the conservation of the Russian-European Jewish ethnic identity in exile, on the other, that of transnationalism, the basis of the anarchist ideological paradigm. This article follows the two trends in the context of the institutionalization of the movement, in particular, in the form of the Radical Library in Philadelphia in 1905 and of the local Anarchist Red Cross branch in 1911.

Keywords: the USA; Philadelphia; Jewish emigration; Radical Library; Anarchist Red Cross.

M. Yu. Krapivin

“Having read the memorandum of Comrade Brenner on the Zionist case, I allow myself to make a few comments”: Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR G. V. Chicherin, on the negative consequences which the repressive measures against the Zionists had for the international prestige of the Soviet state, June 28, 1920

The article looks at some aspects of the so-called Zionist Case, which began when the delegates and guests of the All-Russian Zionist Congress were arrested in Moscow on April 23, 1920. Following this, during the searches conducted by the Secret Department of the All-Russian Emergency Commission on the premises of the Central Committee of the Russian Zionist Organization (RZO), in the apartments of the members of the Central Committee as well as the Congress delegates, documents testifying to the disloyal attitude of the Zionists towards the Soviet authorities had been found. This resulted in a criminal investigation into the Zionist leaders' activities. On May 6, 1920, the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) declared the need of bringing the policy concerning the Jewish question in line with the state policy. In fact, this meant that the tactics of a special, more or less tolerant attitude towards Zionism, as a specific form of the Jewish national movement, had exhausted itself and had to yield to the more stringent methods of repression, usually practiced in dealing with counter-revolutionary organizations. At the same time, in the course of the investigation into the criminal case, a serious discrepancy emerged between the positions of the Central Bureau of Jewish Communist Sections under the Central Committee of the RCP(b), the Cheka and the People's Commissariat for Foreign Affairs regarding the future fate of the right-wing Zionism in Soviet Russia. The article contains a full text of the letter by G. V. Chicherin to the Presidium of the Cheka filed on June 28, 1920, which outlined the

arguments of the Foreign Department concerning the repressive measures taken against the Zionists and the negative consequences, which these measures would be likely to have for the international prestige of the Soviet state. The publication of the archival document is accompanied by a detailed commentary.

Keywords: Zionism; Russian Zionist Organization; commissioner of the Secret Department of the All-Russian Emergency Commission; Central Bureau of the Jewish Communist Sections under the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks); RSFSR People's Commissariat for Foreign Affairs.

G. N. Kondratiuk

The Jewish section in the Crimean Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and its basic activities in the 1920s

In the article, the activity of the Jewish section of the Crimean regional committee is subjected to analysis. The author gives an account of the work carried out by the section for resettlement of the Jews to Crimea. The key aims of that work were the creation of Jewish districts and village councils and the recruitment of cadres for Soviet institutions.

Keywords: Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic; the Jewish section.

T. M. Smirnova

Statistics on the LenOZET in the 1920s

The article considers the dynamics of political, social, gender and numerical composition of the Jewish Agricultural Colonization Society (Leningrad branch) — the LenOZET in the 1920s.

Keywords: Jewish Agricultural Colonization Society; OZET; LenOZET; Leningrad; statistics.

I. V. Masyukova

The Jews and the ethnopolitics in the USSR: theory and practice (in the 1950s and 1960s)

The article analyses the status of the Soviet Jews during the first post-Stalin decade. The Soviet leadership declared an official policy of «equal rights and development for all nations». At the same time the Jews experienced discrimination and anti-Semitism with regard to the problems of employment, higher education, participation in political life. Disappointment and discomfort among some of the Jews gave rise to their striving for the restoration of the «Jewish way of life» in the USSR.

Keywords: post-Stalin decade; Jews; anti-Semitism; discrimination; employment; Soviet leadership and the Western media.

K. Ermishina

The question of the cultural interactions between the USSR and Israel on the eve of the Six Day War

The article analyzes the relations between the USSR and Israel in 1964–1967, preceding the rupture of diplomatic ties between the two countries after the Six Day War. For the most part, these relations were due to a cultural exchange — we will show who forced and shaped this exchange and how it correlated with the internal Soviet politics.

Keywords: the Six Day War; USSR; cultural policy; Israel, Brezhnev.

IN THE EYES OF THE WORLD

M. M. Yunusov

An account by Montaigne about one Jewish rite (from the “Journal du voyage en Italie”)

In 1580–81 Montaigne undertook an extensive trip through Switzerland, Germany and Italy. During this time, he kept a journal, written partly by Montaigne himself and partly by his secretary. This *Journal du voyage* was most likely not intended for publication, yet it provides the reader with a practical account of Montaigne’s perception of some questions considered in the *Essais*. One of these questions is Montaigne’s detailed description of a Jewish religious male circumcision ceremony in Rome.

Keywords: Montaigne; Rome; Juifs; circoncision.

N. Nikolayev, R. Ibragimov

“The Jewish Question” in the liberal periodicals at the end of the 19th century: based on the materials from *Vestnik Evropy* (“Herald of Europe”) and *Russkaya Mysl* (“Russian thought”)

The article analyzes the “Jewish question” journalism of the liberal magazines *Vestnik Evropy* (“Herald of Europe”) and *Russkaya Mysl* (“Russian thought”). The authors trace the evolution in the views of writers in the 1880s–1890s, show the difference in approaches of the two magazines in separate aspects of the “Jewish question” (in opinions about pogroms, anti-Jewish legislation, “the Dreyfus affair”).

Keywords: journalism; magazine; the “Jewish question”; the pogroms; the Dreyfus Affair.

V. A. Gerasimova

Anti-Semitism in Siberian Eparchial Bulletins during the World War I

The article deals with the representation of Jewish-related topics in the Orthodox eparchial periodicals of Siberian provinces (Tobolsk, Omsk, Tomsk and Irkutsk) during the First World War. This period was marked by the general growth the in anti-Semitic sentiments in Siberian society, which resulted in the 1916 Jewish pogrom in Krasnoyarsk. The author considers the official Orthodox press as one of the sources for the shaping of public opinion about Jews in Siberia. The article discusses the intensification of anti-Jewish rhetoric in the Siberian eparchial bulletins in 1916–1917, which, according to the author, was due to the fact that a part of the Orthodox clergy had become involved in the Black Hundred movement in the region and used the Jewish topic in their fight for the influence on the Russian press market.

Keywords: Anti-Semitism; Siberia; eparchial bulletin; Jews in Siberia; periodicals; interethnic relations; interreligious relations.

T. Kuznecova

The Jews in the Latvian Perception: Quotations in the Latvian Anti-Semitic Literature in the 1920s

The aim of this paper is to determine the way of quoting the Old Testament that prevailed among the Latvian authors of anti-Semitic texts and to reveal the mode of their perception

of the past, as well as to highlight some features that defined their thinking and the model of the world attitude that was instilled by them.

The means of quoting the Scripture testifies that the past was not comprehended as entire and qualitatively definite. In particular, the thought of those authors unfolds in a dichotomy: there is on the one hand, a highly cultured “we” and on the other hand, an anti-cultural enemy — the Jew. This idea demands from individuals and social groups a rigid stance towards the Jew: from restrictions in the economic sphere to the expulsion from the state.

Keywords: Latvians; Jews; perception; quotation; anti-Semitic texts.

T. K. Nikolskaya

Jews in the memoirs of Russian Protestants

In the memoirs of the Russian Protestants, a special attention has often been given to the Jews. Among the authors of the reviewed memoirs, there are five Evangelical Christian Baptists, three Pentecostals and one Evangelical Christian in the Spirit of the Apostles. According to the type of relations with the authors, the Jews mentioned in the memoirs are classified into three categories: 1) the co-religionist Jews; 2) the Jews-participants in the struggle against religion (government officials, bosses at work); 3) neutral environment (neighbors, local residents). These memoirs are of interest for the study of history, daily life and the spiritual quest of Soviet Jews, as well as of the inter-ethnic relations in the USSR.

Keywords: Jews; Russian Protestants; Evangelical Christian-Baptists; Reformed Baptists (Initiators); Pentecostals; Memoirs; G. K. Kryuchkov; I. P. Fedotov; E. N. Kujawski; L. Averbukh; V. Plotskiikh; S. L. Aria.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

- БЕЛКИНА Екатерина Максимовна — магистр востоковедения и африканистики; библиотекарь Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: belkinakat@gmail.com
- БОГОМОЛОВ Алексей Иванович — кандидат исторических наук; научный сотрудник отдела современной истории России Санкт-Петербургского института истории РАН; e-mail: iohannes@yandex.ru
- БОЕВА Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; e-mail: g_boeva@rambler.ru
- ВАЛЬДМАН Батия (Бетти) — PhD (г. Беер-Шева, Израиль); e-mail: valdman@post.bgu.ac.il
- ВАХРОМЕЕВА Оксана Борисовна — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории народов стран Содружества Независимых Государств Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: o.vahromeeva@spbu.ru
- ВОЛОХОВА Юлия Альбертовна — аспирант Учебно-научного Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); сотрудник Фонда Инновационных научно-образовательных программ «Современное Естествознание»; e-mail: carica77@yandex.ru
- ГЕРАСИМОВА Виктория Александровна — кандидат исторических наук; научный сотрудник Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского; e-mail: gerasimova@bk.ru
- ГУСАРОВА Екатерина Валентиновна — кандидат исторических наук; научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института Восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: ekater-ina@mail.ru
- ДАВИДОГЛУ Сергей Николаевич — аспирант Центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: mail@davidoglu.ru
- ДУБЕНЦОВ Борис Борисович — кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; e-mail: dbntsv@rambler.ru
- ЕРМИШИНА Ксения Вадимовна — студентка факультета гуманитарных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва); e-mail: ksusha_er@mail.ru
- ЖУРАВЛЁВ Александр Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент; доцент Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И. П. Павлова; e-mail: crane_62@mail.ru
- ЗЛАТИНА Мария Александровна — кандидат исторических наук; доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург); e-mail: zlatmari@yandex.ru

- ИБРАГИМОВ Руслан Шамханович — магистр истории (г. Волжский Волгоградской обл.); e-mail: enter-1@mail.ru
- ИВОНИНА Людмила Ивановна — доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета; e-mail: ivonins@ Rambler.ru
- КАЗАЧЕНКО Борис Николаевич — кандидат биологических наук; сотрудник НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета; e-mail: boris-k@list.ru
- КАРПЕКИН Константин Григорьевич — кандидат исторических наук; главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области (г. Витебск, Республика Беларусь); e-mail: karpekin07@mail.ru
- КИРИЧЕНКО Владислав Владимирович — магистр филологии; аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: kirlimfaul@gmail.com
- КОНДРАТЮК Григорий Николаевич — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь); e-mail: kondratjukkipu@gmail.com
- КРАПИВИН Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, профессор; профессор Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: m.krapivin@spbu.ru; mihaillkrapivin61@yandex.ru
- КРУЖАЛИНА Анастасия Алексеевна — кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета; e-mail: kliokrua@yandex.ru
- КУЗНЕЦОВА Татьяна Ивановна — доктор истории; доцент кафедры истории гуманитарного факультета Даугавпилсского университета (Республика Латвия); e-mail: tatjanakuznecova42@gmail.com
- ЛЕВЧЕНКО Валерий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры «Украиноведение, историко-правовые и языковые дисциплины» Одесского национального морского университета (Украина); e-mail: levchenkolav@yandex.ru; levchenko_lav@ukr.net
- ЛИТВИНОВА Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент; доцент Волгоградского государственного университета; e-mail: itvinova@volsu.ru
- МАРЧИНКОВСКИ Роман — доктор, профессор; кафедра гебраистики Варшавского университета; член правления Европейского Общества Профессоров Древнееврейского Языка; e-mail: r.marcinkowski@uw.edu.pl
- МАСЮКОВА Ирина Викторовна — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН (г. Москва); e-mail: i-masykova@yandex.ru
- МЕСАМЕД Владимир — PhD; старший преподаватель Института Азии и Африки Еврейского университета в Иерусалиме (Израиль); e-mail: vladimir.mesamed@mail.huji.ac.il

- НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры «Социально гуманитарные дисциплины» Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского технического университета; e-mail: niksam@mail.ru
- НИКОЛЬСКАЯ Татьяна Кирилловна — кандидат исторических наук; старший преподаватель Санкт-Петербургского Христианского университета; член Союза писателей России; e-mail: niktk@list.ru
- ОНОЩЕНКО Виктория Витальевна — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук; e-mail: marsel0805@yandex.ru
- ПЕВЗНЕР Евгения Георгиевна — историк; оператор ПК корпорации ЭЛАР (г. Санкт-Петербург); e-mail: pev2003@yandex.ru
- ПОЛОНСКАЯ Алина Валентиновна — аспирант кафедры хасидизма Университета Бар-Илан (Рамат Ган, Израиль); e-mail: polonalina@gmail.com
- РОГОЗНЫЙ Павел Геннадьевич — кандидат исторических наук; научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; e-mail: rogozny@yandex.ru
- СИВОПЛЯС Иван Эдуардович — научный сотрудник научно-исследовательского отдела Музея-заповедника «Родина В. И. Ленина» (г. Ульяновск); e-mail: ivan_an@mail.ru
- СМИРНОВА Екатерина Александровна — аспирант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена; библиотекарь Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург); e-mail: snake1211@mail.ru
- СМИРНОВА Тамара Михайловна — доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; e-mail: mokva@inbox.ru
- ТАРАСОВА Мария Сергеевна — студентка 1 курса магистратуры факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mariia_tarasova@yahoo.com
- ФРАНЦУЗОВ Сергей Алексеевич — доктор исторических наук; зав. отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН; профессор кафедры семитологии и гебраистики восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Департамента востоковедения и африканистики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург); e-mail: serge.frantsouzzoff@yahoo.fr
- ХАЕШ Анатолий Ильич — научный сотрудник Петербургского института иудаики; e-mail: chayesh@gmail.com
- ХАЗДАН Евгения Владимировна — кандидат искусствоведения; этномузыковед; член Союза композиторов РФ; стажер Сектора теории музыки Государственного института искусствознания (г. Москва); e-mail: kle-zemer@mail.ru

- ЧЕХОВИЧ Надежда Олеговна — советник Института восточных рукописей РАН; e-mail: esper.czech@gmail.com
- ЧУБЫКИН Игорь Валерьевич — кандидат исторических наук; доцент кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: pouri@mail.ru
- ШАПОВАЛОВ Михаил Сергеевич — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; e-mail: shapovalov_ms@mail.ru
- ЭРШТЕЙН Леонид Борисович — кандидат педагогических наук; доцент Высшей школы печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна; e-mail: leoleo1972@mail.ru
- ЮНУСОВ Марат Мингалиевич — кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела Древнего Востока Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); e-mail: ymm65@hotmail.com
- ЯКИМОВА Елизавета Александровна — кандидат исторических наук; научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН (г. Москва); e-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru
- ЯКОВЛЕВА Галина Николаевна — кандидат исторических наук; доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Республика Беларусь); e-mail: gnyakovleva@mail.ru
-

AUTHORS

- BELKINA, Ekaterina. Master degree in Oriental and African studies; Librarian in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); e-mail: belkinakat@gmail.com
- BOEVA, Galina. D. Litt. in Philology, Associate Professor; Full Professor in the Department of Advertising and Public Relations (St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design); e-mail: g_boeva@rambler.ru
- BOGOMOLOV, Alexey Ivanovich. Kandidat of History; Research Fellow in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; e-mail: iohannes@yandex.ru
- CHAYESH, Anatoly. Research Fellow, St. Petersburg Institute of Jewish Studies; e-mail: chayesh@gmail.com
- CHEKHOVICH, Nadja. Advisor to the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); e-mail: esper.czech@gmail.com
- CHUBYKIN, Igor Valerievich. Kandidat of History; Associate Professor in the Department of State and Municipal History (Moscow State University named after Lovonosov); e-mail: nouri@mail.ru
- DAVIDOGLU, Sergey Nikolaevich. Kandidat student at the Centre for Religious Studies (Moscow State University for the Humanities); e-mail: mail@davidoglu.ru
- DOUBENTSOV, Boris Borisovich. Kandidat of History; Associate Professor; Senior Research Fellow in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dbntsv@rambler.ru
- ERMISHINA, Ksenia. Student at the Faculty of Humanities (Moscow Higher School of Economics); e-mail: ksusha_er@mail.ru
- ERSHTEYN, Leonid. Kandidat of Pedagogy; Associate Professor in the Higher School of Publishing and Media (St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design); e-mail: leoleo1972@mail.ru
- FRANTSOUZOFF, Serge. D. Litt. in History; Chairman of the Department of Near and Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Professor in the Department of Semitic and Hebrew Studies in the Faculty of Oriental Studies (St. Petersburg State University), Professor in the Department of Oriental and African Studies (Higher School of Economics, St Petersburg); e-mail: serge.frantsouzoff@yahoo.fr
- GERASIMOVA, Victoria Alexandrovna. Kandidat of History; Research Fellow (Omsk State University named after Dostoevsky); e-mail: gerasimova@bk.ru
- GUSAROVA, Ekaterina. Kandidat of History; Research fellow in the Department of Near and Middle Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg); e-mail: ekater-ina@mail.ru
- IAKIMOVA, Elizaveta. Kandidat of History; Research Fellow in the Department of Israel Studies, Oriental Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow); e-mail: yaki-elizaveta@yandex.ru

- IBRAGIMOV, Ruslan. Master degree in History (Volzhsky – Volgograd region);
e-mail: enter-1@mail.ru
- IVONINA, Lyudmila Ivanovna. D. Litt. in History; Full Professor in the Department of World History (Smolensk State University);
e-mail: ivonins@rambler.ru
- KARPEKIN, Konstantin. Kandidat of History; Chief Archivist at the State Archive of Vitebsk Region (Vitebsk, Republic of Belarus);
e-mail: karpekin07@mail.ru
- KAZACHENKO, Boris Nikolaevich. Kandidat of Biology; currently active at the Research Institute and the Museum of Anthropology of the Moscow State University named after Lovonosov; e-mail: boris-k@list.ru
- KHAZDAN, Evgenia. Kandidat of History of Arts, Ethnomusicologist, Member of the Russian Union of Composers; currently in the apprenticeship at Music Theory Faculty of the State Institute for Art Studies;
e-mail: kle-zemer@mail.ru
- KIRICHENKO, Vladislav Vladimirovich. Master degree in Philology; Kandidat student at the Department of World Literatures (St. Petersburg State University); e-mail: kirlimfaul@gmail.com
- KONDRATIUK, Grigory. D. Litt., Associate Professor; Full Professor in the Department of History (Crimean University of Pedagogy and Engineering);
e-mail: kondratjukkipu@gmail.com
- KRAPIVIN, Mihail Yurievich. D. Litt., Professor of History; Full Professor, St. Petersburg State University;
e-mail: m.krapivin@spbu.ru; mihailekrapivin61@yandex.ru
- KRUZHALINA, Anastasia Alexeevna. Kandidat of History; Associate Professor of Russian History (Irkutsk State University); e-mail: kliokrua@yandex.ru
- KUZNECOVA, Tatiana. D. Litt. in History; Associate Professor of History in the Faculty of History (Daugavpils University, Latvia);
e-mail: tatjanakuznecova42@gmail.com
- LEVCHENKO, Valeriy. Kandidat of History, Associate Professor; Associate Professor in the Department of Ukrainian, Historical, Legal and Linguistic Studies, Odessa National Maritime University (Ukraine);
e-mail: levchenkolav@yandex.ru; levchenko_lav@ukr.net
- LITVINOVA, Irina Nikolayevna. Kandidat of History, Associate Professor; Associate Professor of Volgograd State University; e-mail: itvinova@volsu.ru
- MARCINKOWSKI, Roman. Doctor, professor; University of Warsaw, Department of Hebrew Studies; member of the management board of the European Association of Professors of Hebrew; e-mail: r.marcinkowski@uw.edu.pl
- MASYUKOVA, Irina. Kandidat of History; Senior Research Fellow in the Department of Israel and Jewish communities of the Institute of Oriental Studies (Russian Academy of Sciences - Moscow); e-mail: i-masykova@yandex.ru
- MESAMED, Vladimir. PhD, Senior Lecturer in the Institute of Asia and Africa (Hebrew University of Jerusalem, Israel);
e-mail: vladimir.mesamed@mail.huji.ac.il

- NIKOLAYEV, Nikolay Yurievich. Kandidat of History, Associate Professor; Associate Professor of Social Studies and Humanities (Volzhsy Polytechnic Institute of Volgograd Technical University); e-mail: nikcam@mail.ru
- NIKOLSKAYA, Tatiana Kirillovna. Kandidat of History; Senior Lecturer (St. Petersburg Christian University), Member of the Russian Writers' Union; e-mail: niktk@list.ru
- ONOCSHENKO, Victoria. Junior Research Fellow in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences; e-mail: marsel0805@yandex.ru
- PEVZNER, Evgenia Georgievna. Specialist degree in History (Petersburg Institute of Jewish Studies), computer operator, ELAR corp.; e-mail: pev2003@yandex.ru
- POLONSKAYA, Alina. PhD candidate in the Department of Hasidism, Bar-Ilan University (Jerusalem, Israel); e-mail: polonalina@gmail.com
- ROGOZNY, Pavel Gennadievich. Kandidat of History; Research Fellow in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; e-mail: rorozny@yandex.ru
- SHAPOVALOV, Mikhail Sergeevich. Kandidat of History; Senior Research Fellow (Omsk State University named after Dostoevsky); e-mail: shapovalov_ms@mail.ru
- SIVOPYAS, Ivan. Leading bibliographer at the Central Library System of Ulyanovsk; Research associate at the Scientific Research Department of Memorial Estate "V. I. Lenin's Motherland" (Ulyanovsk); e-mail: ivan_an@mail.ru
- SMIRNOVA, Ekaterina. Kandidat student in the Department of Russian History, Herzen State Pedagogical University of Russia; Librarian in the National Library of Russia (St. Petersburg) e-mail: snake1211@mail.ru
- SMIRNOVA, Tamara. D. Litt., Professor of History; Full Professor in the Department of History and Philosophy (Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation); e-mail: mokva@inbox.ru
- TARASOVA, Maria Sergeevna. Master student at the Faculty of International Relations (St. Petersburg State University); e-mail: mariia_tarasova@yahoo.com
- VAKHROMEeva, Oksana Borisovna. D. Litt. (History), Associate Professor; Full Professor in the Department of History of the Peoples of the Commonwealth of Independent States, St. Petersburg State University; e-mail: o.vahromeeva@spbu.ru
- VALDMAN, Batia (Betty). PhD (Beer-Sheva, Israel); e-mail: valdman@post.bgu.ac.il
- VOLOKHOVA, Yulia Albertovna. Kandidat student at the Centre for Religious Studies (Moscow State University for the Humanities); currently active at the Foundation for Innovative Academic Programmes "Modern Science" (Moscow); e-mail: carica77@yandex.ru

- YAKOVLEVA, Galina Nikolaevna. Kandidat of History; Associate Professor in the Department of World History and Culture (Vitebsk State University named after Masharov, Belarus); e-mail: gnyakovleva@mail.ru
- YUNUSOV, Marat. Kandidat of History; researcher at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Department of the Ancient Near East (St. Petersburg); e-mail: ymm65@hotmail.com
- ZHURAVLYOV, Alexander Alexeevich. Kandidat of History, Associate Professor; Associate Professor in the St. Petersburg State Medical University named after Pavlov; e-mail: crane_62@mail.ru
- ZLATINA, Maria. Kandidat of History; Associate Professor of Russian History, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); e-mail: zlatmari@yandex.ru
-

Список основных сокращений

АКК	— Анархический Красный Крест
АН	— Академия наук
АНО	— автономная некоммерческая организация
АНОО	— автономная некоммерческая образовательная организация
АРА	— см. АРА
АРАН	— Архив Российской академии наук
АССР	— Автономная социалистическая советская республика (в 1919–1936 гг.), Автономная советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
АУФСБ	— Архив Управления ФСБ
БГУ	— Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
БелОЗЕТ	— Белорусское отделение Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР
бл. п.	— блаженной памяти
Б/п	— Без подписи
БССР	— Белорусская Социалистическая советская республика (в 1920–1936 гг.), Белорусская Советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
ВИТГУБОНО	— Отдел народного образования исполкома Витебского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВПО	— Высшее профессиональное образование
ВСКД	— Всероссийский Совет крестьянских депутатов
ВСНХ	— Высший Совет народного хозяйства
ВСО	— Всемирная сионистская организация
вуз	— высшее учебное заведение
ВЦИК	— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЧК, В.Ч.К.	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАВт	— Государственный архив Витебской области
ГАОО	— Государственный архив Одесской области
ГАРК	— Государственный архив Республики Крым
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации

ГАСО	— Государственный архив Саратовской области
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАУО	— Государственный архив Ульяновской области
ГИАОО	— Государственный исторический архив Омской области
ГОСЕТ	— Государственный еврейский театр
ГПУ	— Главное политическое управление
г. р.	— год рождения
Губоно	— Губернский отдел народного образования
губЧК	— губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГУЛАГ, ГУЛаг	— Главное управление исправительно-трудовых лагерей (в 1930–1934 гг.), Главное управление лагерей и мест заключения (в 1934–1956 гг.)
ГУРК	— Главное управление по контролю за зрелищами и репертуаром
ЕАК	— Еврейский антифашистский комитет
е. и. в.	— его императорское величество
ЕИЭО	— Еврейское историко-этнографическое общество
ЕКО	— Еврейское колонизационное общество
ЕКОПО	— Еврейский комитет помощи жертвам войны
ЕКП, Е.К.П.	— Еврейская коммунистическая партия
ЕОЛ	— Еврейская община Литвы
ЕС	— Европейский союз
ЕСДРП, Е.С.Д.Р.П.	— Еврейская социал-демократическая рабочая партия
ЕХБ	— евангельские христиане-баптисты
ж. д.	— железная дорога
ЗАГС	— отдел записи актов гражданского состояния
ИВР	— Институт восточных рукописей
ИГУ	— Иркутский государственный университет
И. д.	— Исправляющий должность
ИМЛИ	— Институт мировой литературы имени А. М. Горького
ИППО	— Императорское православное палестинское общество
ИРИ	— Исламская республика Иран
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИТМО	— Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
КомЗЕТ, КОМ-ЗЕТ	— Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся
КП(б)	— Коммунистическая партия (большевиков)

КП(б)Б	— Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
КПСС	— Коммунистическая партия Советского Союза
КрымЦИК	— Центральный исполнительный комитет Крымской АССР
КСМБ	— Коммунистический союз молодежи Белоруссии
ЛенОЗЕТ	— Ленинградское отделение Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР
ЛКСМБ	— Ленинский коммунистический союз молодежи Белоруссии
ЛО	— Ленинградская область
ЛОМО	— Ленинградское Оптико-механическое объединение (с 1993 г. официально не раскрывается)
ЛФА	— Литовский фронт активистов
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
МВД	— Министерство внутренних дел
МГПУ	— Московский государственный педагогический университет
МИД	— Министерство иностранных дел
МИОН	— Иркутский Межрегиональный институт общественных наук
НАРБ	— Национальный архив Республики Беларусь
НАТО	— см. NATO
НВГУ	— Нижневартковский государственный университет
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
НКВД, Н.К.И.Д.	— Народный комиссариат по иностранным делам
НКП	— Народный комиссариат просвещения
НКПС	— Народный комиссариат путей сообщения
НЛО	— Новое литературное обозрение
н. у. и м.	— наш учитель и мастер
НХВ	— Недельная хроника «Восхода»
О-во	— Общество
ОГАЧО	— Объединенный государственный архив Челябинской области
О. Г. И	— Объединенное гуманитарное издательство
ОГКО	— Одесское городское кредитное общество
ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление

ОЗЕТ, Озет	— Общество землеустройства еврейских трудящихся (Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР)
ОК	— Областной комитет
ОКК	— Областная контрольная комиссия
ОмГУ	— Омский государственный университет
ОНУ	— Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова
ОПЕ	— Общество для распространения просвещения между евреями в России
ОР	— Отдел рукописей
ОРТ	— Общество ремесленного труда, с 1921 г. Общество распространения труда
ПетрогубЧК	— Петроградская губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ПИК	— Производственно-издательский комбинат
ПК	— персональный компьютер
ПМЖ	— постоянное место жительства
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСР	— Партия социалистов-революционеров
ПСС	— Полное собрание сочинений
ПСТГУ	— Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ПЭ	— Православная энциклопедия
РАН	— Российская академия наук
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГАНИ	— Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально политической истории
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет
РИК	— районный исполнительный комитет
РИО	— редакционно-издательский отдел
РКП, Р.К.П.	— Российская коммунистическая партия

РКП(б)	— Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ	— Российский коммунистический союз молодежи
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО	— Рукописный отдел
РОССПЭН, Росспэн	— Российская политическая энциклопедия
РПЦ	— Русская православная церковь
РСО	— Российская сионистская организация
РСФСР	— Российская Социалистическая федеративная советская республика (в 1918–1936 гг.), Российская Советская федеративная социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
РФ	— Российская Федерация
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СВР	— Союз возрождения России
с. г.	— сего года
СевзапоблОЗЕТ	— Северо-Западное областное отделение Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР
СКСО	— Союз коммун Северной области
СМИ	— средства массовой информации
СНГ	— Содружество независимых государств
СНК	— Совет народных комиссаров
СО	— Секретный отдел
СОУ	— Секретно-оперативное управление
СПбГАУ	— Санкт-Петербургский Государственный Аграрный Университет
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СПбФ ИВ	— Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения
ССОД	— Союз советских обществ дружбы
ССР	— Социалистическая советская республика (в 1919–1936 гг.), Советская социалистическая республика (в 1936–1991 гг.)
СССР	— Союз Социалистических Советских Республик (в 1922–1936 гг.), Союз Советских Социалистических Республик (в 1936–1991 гг.)
США	— Соединенные Штаты Америки
ТГУ	— Томский государственный университет

ТРИТЭ	— Творчество, товарищество, труд
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет
УК	— Уголовный кодекс
УкрОЗЕТ	— Украинское отделение Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР
УЛИПО	— см. OULIPO
УНКВД	— Управление Народного комиссариата внутренних дел
УОНО	— Уездный отдел народного образования
ФСБ	— Федеральная служба безопасности
ЦА	— Центральный архив
ЦАУ	— Центральное архивное управление
ЦБЕ	— Центральное бюро еврейских [коммунистических] секций при ЦК РКП(б)
Ц. Б.	— Центральное бюро
ЦГА СПб	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб	— Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦИР	— Центр изучения религий
ЦК, Ц. К.	— Центральный комитет
ЦНЦ	— Церковно-научный центр
ЦП, Ц. П.	— Центральное правление
ЧК, Ч. К.	— Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ЭЕЭ	— Электронная еврейская энциклопедия
ЭЛАР	— Электронный архив
ABC	— American Bibliographic Center (<i>англ.</i> Американский библиографический центр)
AD	— Anno Domini (<i>лат.</i> от Рождества Христова)
AG	— AktienGesellschaft (<i>нем.</i> акционерное общество)
ARA	— American Relief Administration) (<i>англ.</i> Американская администрация помощи)
BBC	— British Broadcasting Corporation (<i>англ.</i> Британская вещательная корпорация)
BC	— Before Christ (<i>англ.</i> до Рождества Христова)
B. V.	— Besloten vennootschap met beperkte aansprakelijkheid (<i>нидерл.</i> Частная компания с ограниченной ответственностью)

CD	— Compact-Disk (<i>англ.</i> компакт-диск)
CDL	— California Digital Library (<i>англ.</i> Калифорнийская цифровая библиотека)
CE	— Common Era (<i>англ.</i> наша эра)
Cheka	— см. ЧК
CYCO	— Central Yiddish Cultural Organization (<i>англ.</i> Центральная идишская культурная организация)
GULAG	— см. ГУЛАГ
HIAS	— Hebrew Immigrant Aid Society (<i>англ.</i> Общество помощи еврейским иммигрантам)
HUP	— Harvard University Press (<i>англ.</i> Издательство Гарвардского университета)
IOM	— Institute of Oriental Manuscripts (<i>англ.</i> Институт восточных рукописей)
JMR	— Jewish Music Resource (<i>англ.</i> Еврейский музыкальный ресурс)
JPS	— Jewish Publication Society (<i>англ.</i> Еврейское издательское общество)
LenOZET	— см. ЛенОЗЕТ
LLC	— Limited liability company (<i>англ.</i> Общество с ограниченной ответственностью)
LOMO	— см. ЛОМО
Ltd	— limited company (<i>англ.</i> общество с ограниченной ответственностью)
MD, Md	— Maryland (<i>англ.</i> Мэриленд)
MI, Mi	— Michigan (<i>англ.</i> Мичиган)
NATO	— North Atlantic Treaty Organization (<i>англ.</i> Организация Североатлантического договора, Североатлантический Альянс)
n. d.	— no date (<i>англ.</i> без даты)
N. J.	— New Jersey (<i>англ.</i> Нью-Джерси)
NLI	— National Library of Israel, Jerusalem (<i>англ.</i> Национальная библиотека Израиля, Иерусалим)
NLR	— National Library of Russia (<i>англ.</i> Российская национальная библиотека)
OPE	— см. ОПЕ
OULIPO	— Ouvroir de littérature potentielle (<i>фр.</i> Цех потенциальной литературы)
OZET	— см. ОЗЕТ
P. O. L.	— Paul Otchakovsky-Laurens

RAN	— см. РАН
RAS	— Russian Academy of Sciences (<i>англ.</i> Российская академия наук)
RCP(b)	— см. РКП(б)
REEH	— Revue Européenne des Etudes Hébraïques (<i>фр.</i> Европейский журнал изучения иврита)
RSFSR	— см. РСФСР
RZO	— Russian Zionist Organization (<i>англ.</i> Российская сионистская организация)
S. B.	— Santa Barbara (<i>англ.</i> Санта-Барбара)
S. D. N.	— Sanctissimus Dominus Noster (<i>лат.</i> его святейшество папа)
SIUE	— Southern Illinois University, Edwardsville (<i>англ.</i> Университет Южного Иллинойса, Эдвардсвилль)
UK	— United Kingdom (<i>англ.</i> Соединенное Королевство)
US	— United States
USA	— United States of America (<i>англ.</i> Соединенные Штаты Америки)
USSR	— Union of Soviet Socialist Republics (<i>англ.</i> Союз Советских Социалистических Республик)
W. C.	— Workmen's Circle (<i>англ.</i> Круг рабочих людей)
WWI	— World War I (<i>англ.</i> Первая мировая война)
YIVO	— Yidisher Visnshaftlekher Institut (<i>идиш</i> Исследовательский институт идиша)



**ЕВРЕИ РОССИИ, ЕВРОПЫ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА:
ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И СЛОВЕСНОСТЬ**

**Материалы международной научной конференции
14 апреля 2019 г.**

Редактор *А. Ю. Бабкина*

Редактор английского текста *И. А. Громов*

Верстка *Е. М. Антиповой*

Подписано в печать 11.03.19. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Петербург.

Печать офсетная. Печ. л. 24,75. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Алеф-пресс”»